

Н. Калбма

**ДЕТИ
ГОРЧИЧНОГО
РАЯ**

Н. Кабля

**ДЕТИ
ГОРЧИЧНОГО
РАЯ**

*Горьковское
книжное издательство
1954 г.*

Перепечатано с издания Государственного издательства детской литературы Министерства просвещения РСФСР. Москва—Ленинград, 1949 г.

Иллюстрации и рисунок на переплете
А. П. НИКИФОРОВА.
Переплет Н. В. ГОЛОВИНА.

Редактор **А. П. Зарубин.**

Технический редактор **Л. И. Немченко**, Корректор **В. М. Плотникова.**

1954 год Изд. № 2409. Бумага $81 \times 108 \frac{1}{32} = 6,0$ бумажных, 19,68 печатных, 20,07 уч.-изд. листов. Тираж 75000 экз. Подписано к печати 14/XI 1953 года.

МЦ 35001. Заказ № 4084

11-я тип. треста Росполиграфпрома, г. Горький, ул. Фигнер, 32.

1. ОТПЕЧАТКИ ПАЛЬЦЕВ

— Может быть, приступим?— спросил белокурый полицейский инспектор.

Сыщик Ньюмен, нагнув тяжелую голову, вглядывался в шеренгу школьников, в серьезные блестящие глаза, устремленные на него со всех сторон.

Было раннее утро. Только что вымытые полы блестели, и вся школа пахла скипидаром и дешевым мылом. В широкие окна холла было видно серое, дождливое небо, совсем не похожее на апрельское, и кусок цементированного, скучного двора. Каштаны еще не распустились, и сквозь их корявые сучья вдали торчала красная коробка двадцатипятиэтажного универсального магазина «Атенеум».

Дождь падал не переставая, но директор и учителя были в сборе. За преподавательским столом холодно блестели очки и золотые зубы Мак-Магона. Наклонясь, директор что-то рассказывал Хомеру — учителю математики, прозванному за уродливую внешность «Гориллой». По своему обыкновению, ни директор, ни Хомер не обращали никакого внимания на второго учителя—Ричардсона, или Ричи, как ласково звали его школьники.

И Ричи сидел с краю, отщепенцем, тонкий, молодой, с открытым, энергичным лицом.

— Итак, леди и джентльмены, прошу предъявить ваши фабричные марки,— провозгласил сыщик, стараясь шуткой рассеять гнетущее настроение.

Несколько мальчиков постарше угодливо засмеялись, но многие еще больше насупились.

— Ну, кто первый?

Ньюмен вытянул из шеренги прилизанного мальчика в полувоенной куртке. Белыми ресницами, бровями, волосами, всем своим обликом мальчик напоминал моль.

— Тебя как зовут?

— Фэниан Мак-Магон, сэр,— вытягиваясь, сказал мальчик.

— Это мой сын, Ньюмен.— Директор Мак-Магон поднял голову, и очки его блеснули прямо на сыщика.— Он — один из лучших учеников и, кроме того, «орел» у бойскаутов.

— Молодец! — похвалил Ньюмен.— Значит, к нам не попадешь... Но снимки я все-таки принужден сделать.

— Пожалуйста, сэр! — Фэйни с готовностью протянул руки. — Это очень интересно, сэр. Я и сам хотел бы помогать полиции.

— Ладно, Фэниан. Вырастешь — я возьму тебя в помощники, — опять пошутил Ньюмен.

Он отдал распоряжение лаборанту в белом халате, и тот проворно вынул из кожаного футляра несколько вращающихся валиков, тубики с типографской краской и небольшие стеклянные пластинки. Лаборант выдавил немного краски, быстро и ровно раскатал ее валиком по стеклу и заставил Фэйни поочередно прикоснуться к стеклу пальцами правой руки.

— А теперь перенесем твои отпечатки на бумагу, — сказал Ньюмен и подставил Фэйни белый лист бумаги с расчерченными квадратами. — Ставь сюда твой большой палец, а сюда — второй, а сюда — средний, — командовал он.

И сын директора поочередно оставлял в каждом квадрате черный след одного из пальцев правой руки. То же сыщик проделал с левой рукой мальчика, а потом заставил его обмазать краской обе ладони и отпечатать их на бумаге.

В шеренге школьников раздавался шопот. Ребята вы-

тягивали шеи, стараясь увидеть всю процедуру дактилоскопирования.

Фэйни раскраснелся и с любопытством разглядывал отпечатки.

— Значит, такого рисунка кожи нет больше ни у кого в мире? — спросил он.

— Рисунка кожных линий,— поправил его сыщик.— Да, мальчуган, они не повторяются. У каждого человека свое строение; по отпечаткам пальцев мы и обнаруживаем преступника. Поэтому, если ты задумал ограбить Национальный банк, тебе придется теперь бросить эту затею.— И сыщик захохотал, очень довольный своей остроумной.

За Фэйни следующим в шеренге был маленький японец, по имени Минору Сано, с неизменной, точно приклеенной, улыбкой.

За эту улыбку и чрезмерную вежливость в школе его не любили, частенько поколачивали и насмешливо звали «потомком самураев».

Минору Сано торопливо вышел вперед, шире раздвинул губы в улыбке и с готовностью дал отпечатки своих длинных пальцев.

Движение и шопот в шеренге школьников все усиливались. Повидимому, там шел какой-то горячий спор. Страсти умерялись только присутствием директора и преподавателей, но лица учащихся были достаточно выразительны, и даже случайно пришедший в школу человек понял бы, что вот-вот произойдет взрыв.

Мак-Магон время от времени поднимал голову и смотрел в упор на школьников. Под этим взглядом шопот на минуту стихал, чтобы тотчас же возобновиться с удвоенной силой.

После «потомка самураев» следовал коренастый кудрявый мальчик с красивым, своевольным лицом. Одет он был по-взрослому: блестящие желтые туфли и серый в клетку спортивный костюм.

Он очень развязно подошел к сыщику и протянул ему большие, не совсем чистые руки.

— Имя? — спросил сыщик, держа наготове перо.

— Ройяль Мэйсон, сэр,— сказал, вскидывая голову, мальчик.

— Из нашего города или приезжий? Я тебя что-то не припоминаю.

— Сын моего старого приятеля Мэйсона с Юга, Ньюмен,— снова раздался голос директора.— Мэйсон хотел, чтобы мальчик учился именно в нашей школе, под моим наблюдением. Я даже поселил его у себя.

Ньюмен молча кивнул, следя за пальцами Мэйсона.

— Следующий!

На этот раз подошла девочка. Нарядное платье цвета весенней листвы очень шло к ее узким светлым глазам и волосам цвета меди.

— Патриция Причард, сэр,— присела она перед сыщиком.

Ньюмен кивнул:

— Ага, знаю! Мать служит домоправительницей у мистера Милларда, не так ли?

— Да, сэр.— Девочка еще раз присела.

Все время, пока ей намазывали краской пальцы, она брезгливо морщилась и покусывала губы. Сделав отиски, она вернулась на свое место и проворчала громко:

— Интересно, чем я отмою эту гадость? У меня, наверное, на полгода совершенно изуродованы руки.

Ее сосед, высокий мальчик-негр, наклонился и, понизив голос, сказал:

— Не беспокойся, Пат. Я дам тебе скипидару, и от краски не останется ни малейшего следа. Это же обыкновенная типографская краска!

Рой Мэйсон насмешливо скривил рот.

— Этому хорошо говорить!— тихо проговорил он.— У него такая черная кожа, что если бы они вымазали ему даже всю физиономию, и то никто ничего бы не заметил.

Фэйни и его соседи захихикали, прикрываясь ладонью. Черный мальчик сверкнул глазами:

— Если вы не замолчите, я...

— Эй, что там за разговоры!— раздался окрик сыщика.— Что вы там не поделили?

Фэйни скромно потупился и одернул куртку.

— Мы, сэр, только говорим между собой, что вот на Робинсоне,— он кивнул на негра,— краска будет незаметна, хоть вымажешься он с головы до пят.

Ньюмен засмеялся.

— Уж эти мне ребята! Всегда придумают что-нибудь забавное! — одобрительно сказал он. — А ну-ка, Робинсон, поди сюда, испытаем на тебе нашу краску.

Мальчик вышел из шеренги. Он двигался легко и свободно. Белый вязаный свитер туго охватывал его тонкую сильную фигуру, оттенял черное лицо и живые, блестящие глаза, прямо устремленные на собеседника.

— Простите, сэр, но я не хотел бы давать оттиски,— сказал он негромко.

— Что-о?— Ньюмен сдвинул на затылок шляпу.— Что ты сказал?

Шеренга школьников застыла. Директор Мак-Магон оборвал разговор с Хомером. Холодные излучения его очков устремились, как два меча, на мальчика-негра.

— Зачем вам отпечатки моих пальцев, сэр? Разве я преступник?— спросил мальчик.

— Нет, но легко можешь им стать, парень, если будешь и впредь таким бойким... Нет, вы послушайте только, как он разговаривает!.. Откуда он у вас взялся?— обратился сыщик уже прямо к Мак-Магону.

Директор перегнулся через стол:

— Это сын механика с завода Милларда. Его отец служил во флоте и погиб, когда японцы напали на наши корабли в Пирл Харбор... Ну, в память его службы мистер Миллард и распорядился поместить сына в нашу школу.

Пока директор говорил, мальчик настороженно вслушивался. Видно было, что каждый мускул, каждый нерв в нем наготове и стоит только директору неуважительно отозваться о его отце, как он тотчас же даст обидчику отпор.

— Я знал Тэда Робинсона. Это был хороший, неглупый негр. И жена его, Салли, тоже очень приличная женщина и ходит в церковь,— сказал Ньюмен. Он внимательно оглядел вытянутую, напряженную фигуру мальчика:— Ну ладно, парень, брось глупить. Я должен тратить на каждого из вас не более пятидесяти секунд. А с тобой я вожусь уже пять минут без пользы для дела. Как твое имя?

— Чарльз, сэр,— ответил мальчик.

— Так вот, Чарли Робинсон: иди сюда ближе и давай твои лапки.— Сыщик снова пытался шутить.

Мальчик покачал курчавой головой:

— Прошу прощенья, сэр, ведь вы же сами объявили, что это добровольно. Так вот, некоторые из нас решили, что не будут дактилоскопироваться.

— Кто это «некоторые»?— раздраженно спросил сыщик.

Чарли махнул рукой в сторону школьников.

— Наши семиклассники: Джой Беннет, Джон Майнارد, Мери Смит, Гирич, Де-Минго и еще кое-кто,— сказал Чарли, оборачиваясь к школьникам и как бы приглашая их в свидетели того, что он скажет.— Видите ли, в чем дело: ни Джой Беннет, ни Гирич, ни я — никто из нас не собирается стать преступником, и нам странно, что полиция берет отпечатки наших пальцев, как будто в каждом из нас сидит будущий грабитель или убийца.

— Это правда! Робинсон правду сказал! Мы не хотим! — раздались голоса из шеренги.— Никто не может нас принуждать!

Шум и беспорядок разрастались. Тоненький бледный мальчик выбежал из рядов и, размахивая руками, с жаром доказывал что-то своим соседям. Другие громко шикали, но никто не умолкал.

— Послушайте, ребята, — начал было растерявшийся Ньюмен.— Весь наш штат — и взрослые и дети должны пройти дактилоскопирование. Так постановило полицейское бюро. Нужно подчиняться

— Не хотим! Не будем! — закричали возбужденные голоса.— Берите отпечатки с преступников!..

Мак-Магон поднялся из-за стола и вышел на середину холла. Теперь он находился против самого центра шеренги и мог видеть взволнованные, сердитые или насмешливые лица школьников. Горилла — Хомер — встал, готовый собственноручно расправиться с непокорными. Один только Ричи остался сидеть у стола, внимательно прислушиваясь и приглядываясь ко всему происходящему.

Директор поднял руку. Наступила сравнительная тишина.

— Друзья мои...— сказал Мак-Магон далеко не ласковым голосом.— Друзья мои, до сих пор наша школа считалась одной из самых образцовых в штате. До сегодняшнего дня вы были дисциплинированными мальчиками и девочками и исполняли все, что считали нужным ваши учителя и наставники. Сейчас от вас требуют немногого. Полиция нашего штата считает необходимым провести всеобщее дактилоскопирование, потому что это помогает опознать и установить личность любого человека и бороться с преступлениями...

Его прервали бурными криками:

— Мы не преступники! Не хотим! Пускай отправляются к преступникам!

— Прекратите шум! — потребовал Хомер. — С вами говорит директор!

Мак-Магон закусил тонкие губы, его очки зло сверкнули, когда он повернулся к Чарли Робинсону.

— Я знаю, — сказал он, повышая голос, — я знаю, откуда здесь этот дух противоречия и кто руководит вашей нелепой стачкой!.. Мне не раз указывали на Беннета и Робинсона как на зачинщиков многих дерзких выходов...

— Берут пример со своих взрослых, — буркнул Хомер. — После войны все они распустились...

Робинсон не спускал глаз с директора. Мак-Магон продолжал, обращаясь в пространство и как бы не замечая Чарли:

— Следует напомнить Робинсону, что он учится в школе только благодаря великодушию нашего уважаемого председателя. — Мак-Магон выдержал презрительную паузу. — Поведение Робинсона может произвести невыгодное впечатление. Очень возможно, что мистер Миллард и другие попечители не пожелают держать в школе такого недисциплинированного ученика...

Мальчик вздрогнул и опустил голову. Шеренга зашевелилась.

— Это запрещенный удар, сэр, — раздался за спиной директора приглушенный голос.

Мак-Магон резко повернулся и встретился со взглядом младшего учителя.

— Что такое, мистер Ричардсон? Вам не нравятся мои слова? Вы, может быть, хотите исправить мой стиль? — Мак-Магон язвительно усмехнулся. — Мой совет вам — заниматься более внимательно преподаванием литературы, чем критикой вашего директора... Понятно?

Пока шел этот тихий, но выразительный разговор, Ньюмен и его свита складывали с помощью Хомера все свое хозяйство: валики, стекла, тубики с краской. Когда все это было уложено в плоский чемодан, сыщик обратился к Мак-Магону:

— Мы уходим, сэр. Впервые встречаем такой прием. Все понятно, сэр, и я доложу обо всем начальнику. Пускай уж он сам разговаривает с попечителями. Видно, в

школе-то вашей не все так благополучно, как кажется... и как гласит вывеска,— ядовито прибавил он.

Мак-Магон встрепнулся. Куда девался злой блеск его очков, закушенные узкие губы! Теперь на сыщика и его товарищей смотрело самое радушное и доброжелательное лицо.

— Минутку, Ньюмен, не торопитесь. У меня в кабинете стоит холодильник новой конструкции, а в нем... Впрочем, вы лучше сами исследуете то, что в нем стоит... Этому коктейлю научил меня во время войны один английский баронет... Чудо, знаете ли!

— Гм... баронет? — промычал сыщик.

— Да, да, баронет. Он уверял, что этот коктейль спас ему жизнь после Дюнкерка,— торопился Мак-Магон.— Идемте же, Ньюмен!

Сыщик взглядом посоветовался с товарищами. Лабрант подмигнул и облизнулся. Мак-Магон перехватил этот взгляд и взял Ньюмена под руку:

— Прошу, джентльмены, вы не раскаетесь... Мистер Хомер, приглашайте же инспектора!

Хомер тотчас же, без дальних слов, начал подталкивать к двери белокурого полицейского.

Они покинули холл, оставив настороженную шеренгу школьников и иронически улыбающегося Ричи — младшего учителя.

2. РОЖОК ПОЧТАЛЬОНА

Собственно говоря, это была всего-навсего игрушечная труба, некогда выкрашенная в зеленый цвет, а теперь облезшая до того, что отовсюду выглядывала белая жечь. Но это не мешало обладателю трубы дяде Посту носить ее на желтом шнуре с такой гордостью, словно она была получена им по наследству прямо из рук Юбы Билля — героического бретгартковского возницы и почтальона.

Впрочем, и жители Стон-Пойнта гордились этой трубой, или рожком, ничуть не меньше его владельца. В Америке люди любят маленькие чудачества, от которых веет традициями сороковых годов¹. Дядя Пост со

¹ Сороковые годы прошлого столетия американцы считают началом расцвета своей промышленности и строительства железных дорог.

своим рожком был достопримечательностью Стон-Пойнта. Всех приезжих немедленно вели смотреть и слушать рожок дяди Поста. Люди сведущие поговаривали, будто сам мистер Миллард обмолвился однажды, что рожок дяди Поста стал как бы неким гербом Стон-Пойнта. А уж мистер Миллард знал, о чем говорил, недаром у него, в его замке, рядом с телевизором красовалась, всем на удивление, деревянная прялка семнадцатого столетия. Уж эти богачи всегда обзаводятся такими вот никому не нужными предметами, стоящими огромных денег, вроде прялок и арф или даже русских настоящих самоваров, которым обзавелся приятель Милларда — судья Сфикси.

Именно Сфикси, а за ним еще одиннадцать самых именитых семейств в городе тоже говорили, что дядя Пост и его рожок прелестны и поэтичны и совсем напоминают начало прошлого века. При встрече с дядей Постом они улыбались ему, а иногда даже давали полдоллара на-чай, хотя он обслуживал вовсе не их аристократический Парковый район, а Восточную окраину, так называемый Левый Берег, и Горчичный Рай, где жили негры.

Дядя Пост — подвижной, сухонький, увенчанный седым задорным хохолком — был похож на птицу. Он никогда не сидел спокойно на месте: то ерошил свой хохолок, то трогал себя за нос, то вдруг начинал свирепо шлепать себя по коленке.

Обязанности почтальона нисколько его не удовлетворяли. Он ухитрялся быть одновременно нянькой у нескольких осиротевших ребят, учить грамоте детей, которые не могли ходить в школу, помогать баптистскому пастору в церкви и быть советником всех вдовых женщин. Даже самое малое горе своих подопечных он принимал близко к сердцу.

Настоящего имени дяди Поста никто не знал, да это было и не важно. Зато даже последняя собачонка в городке знала его хрипящий, сипящий, стонущий и задыхающийся, как астматик, автомобиль того невообразимого цвета, который зовется «оливковым».

До того как у дяди Поста завелось это подобие машины, он объезжал свой район на высокой, страусообразной тележке-трясучке, в которую была впряжена лошадь, сохранившаяся, вероятно, тоже с прошлого

столетия. Звали этот музейный экспонат Фиалкой. Завидя издали толстую старую лошадь, все мальчишки Стон-Пойнта начинали кричать:

— Фиалка, рысью! Фиалка, в галоп!

И Фиалка начинала мелко и кокетливо перебирать ногами.

Когда техника во всем мире сделала такой стремительный бросок вперед и все заговорили о том, как бы это поскорей использовать атомную энергию у себя дома — в ванной и в кухне,— дядя Пост счел неприличным ездить долее на Фиалке. И вот в один знаменательный для Стон-Пойнта день обитатели города сначала услышали, а потом и увидели дядю Поста в новом экипаже механического типа, повидимому с двигателем внутреннего сгорания.

Много-много сил тратил бедный старик на свое оливковое чудовище. Прежде чем остановиться, он долго и мучительно обуздывал свой экипаж, а обуздав, с торжеством вытаскивал желтый в клетку носовой платок, вытирал взмокший седой хохол и только потом прикладывал ко рту свой знаменитый рожок.

Раздавались звуки певуче-пронзительные, лесные, как будто доисторический человек в девственном лесу сзывал на совет своих соплеменников.

Из домов, поспешно вытирая руки о фартуки, выскакивали женщины с молчаливым ожиданием в глазах, с заготовленными письмами. Теперь женщины смотрели не так жадно и скорбно, как в дни войны, когда все они ждали весточки из-за океана. Однако и сейчас дядя Пост не мог пройти равнодушно мимо вопрошающих глаз и неизменно говорил:

— Ваше письмо еще, наверное, в конторе, мэм. Но я непременно в следующий раз захвачу его вам.

Больше всего любили дядю Поста ребята Восточной окраины. Едва раздавался зов его рожка, как из всех домов, школ, аптек, бой- и герлскаутских клубов и лож высыпала детвора. Многих он знал не только по имени, но мог даже сказать, когда такой-то мальчик или такая-то девочка болела коклюшем или дифтеритом и собирают ли они марки или сигарные этикетки. Часто он подзывал к себе одного из таких ребят и говорил, пощипывая нос:

— Я везу для вдовы Мэнсли письмо из Новой Гвинеи.

На нем марка — чудо! Наведайся к ней завтра от моего имени и попроси повежливей: возможно, она отдаст тебе эту новогвинейскую красавицу.

В школу дядя Пост приезжал обыкновенно в полдень. Это был час перерыва между уроками, и встречать старого почтальона сбегались не только «малютки» из седьмого класса, но и «персики» из восьмого и даже девятиклассники, носящие прозвище «курильщики»¹. Даже те, которые ничего не ждали от дяди Поста и не собирались сдавать ему свои письма, окружали тесной толпой оливковую машину и перебрасывались со стариком шутками или разглядывали знаменитый рожок.

Не многим счастливым удавалось заполучить рожок в руки, а уж тех, кому дядя Пост разрешал потрубить разок, можно было пересчитать по пальцам. Но все школьники — и маленькие и те, которые считали себя уже взрослыми, — страстно мечтали о такой чести.

Однако в апрельский дождливый день, о котором здесь идет речь, подъезжая к школе, дядя Пост тщетно трубил в свой рожок.

Краснокирпичное здание словно вымерло. На огромном дворе тесно сгрудились под морозящим дождем только несколько мальчиков и девочек. Они о чем-то горячо совещались и почти не обратили внимания на торжественное появление дяди Поста. Одни только школьные патрули сообразовали заметить его и сигнализировали синими флажками, что путь на школьный двор открыт.

Дядя Пост, громохая, въехал в ворота и остановился на своем обычном месте. Прислушался. Снова протрубил. Тишина. Никто не спешит к нему, никто не выкрикивает обычных шуточек.

Дядя Пост встрепнулся на шоферском сиденьи и суетливо потер руки, напомнив этим движением муху, когда она чистит передними лапками голову.

Мимо поспешно прошел мальчик в плаще.

— Что такое у вас нынче стряслось? — спросил его дядя Пост.

— Не нынче, а вчера, — буркнул мальчик, не замедляя шаг.

¹ «Курильщики», «персики», «малютки» — прозвища старших, средних и младших классов.

— Эй, парень, постой! — закричал дядя Пост.— Хочешь потрубить разочек?

Мальчик повернул к нему голову, приостановился на секунду: он явно колебался,— но затем снова пошел своей дорогой.

— Дядя Пост! Дядя Пост! — окликнул старика робкий голос.— Можно передать вам письмо для мамы?

Длинноногая, некрасивая девочка влезла на подножку автомобиля и протянула почтальону распуший конверт.

— Ого, сколько написала, девочка! — засмеялся дядя Пост.— Видно, старательная, не ленишься писать.

— Ох, у нас тут такое делается! — вздохнула девочка.— Мама непременно должна об этом узнать. Кажется, я не перепутала адрес: Брикстон, Мэйн-стрит, одиннадцать, миссис Смит... А меня зовут Мери...

— Погоди,— ухватился за нее строгий почтальон.— Что у вас тут делается, Мери Смит?

Девочка хотела что-то сказать, но в это время хлопнула одна из дверей школы, и во двор выбежал уже знакомый нам мальчик в желтых туфлях и спортивном костюме.

— Эй! — закричал во все горло Рой Мэйсон.— Когда приезжает на своей лягушке старик, который собирает письма?

— Тс... Как тебе не стыдно, Мэйсон! — Мери Смит поспешно подошла к нему.— Разве ты не видишь: дядя Пост уже здесь!

Однако Рой не смущался такими пустяками.

— Ага, приехал? Отлично! — сказал он, подходя к старику.— Забери-ка мое письмо.

Дядя Пост взял письмо и взглянул на адрес.

— «Джорджия, Натчез», — прочел он вслух.— Южанин, значит? Впрочем, это и без адреса видно.

— Что вы там бормочете? — надменно вскинул голову Рой.

— Ничего.— И дядя Пост свирепо стал нажимать кнопку стартера.

Мотор заработал, но сейчас же снова заглох.

Долго мучился под равнодушным взглядом мальчика дядя Пост, пока ему наконец удалось выехать за ворота школы. Старик-почтальон ругал себя за то, что потерял столько времени из-за двух ребячьих писем.

А между тем письма эти заключали в себе объяснение всего, что казалось в школе таким загадочным дяде Посту. И если б удалось ему одним глазком заглянуть хотя бы в письмо Мери Смит, вот что он прочел бы:

«Ма дорогая, я тебе не писала очень давно, уже два дня, потому, что у нас происходили большие события. Директор объявил нам, чтобы мы все были готовы дать полиции отпечатки наших пальцев, потому что в Америке много преступников и неизвестно еще, что из нас получится в будущем.

Многие были готовы дать отпечатки, но Беннет и Робинсон, наш староста, ни за что не хотели, и тогда к ним присоединились некоторые наши «малютки», и получился большой скандал. Директор после вызывал к себе Джоя и Чарли. Беннета он отчитывал целый час, а Чарли Робинсону грозил, что исключит его. И теперь у нас в классе все перессорились: одни за Чарли, другие против. И все это потому, что Чарли — негр.

И раньше многие наши мальчики и девочки очень плохо относились к нему: не играли с ним ни в какие игры, не подавали ему руки и за глаза называли его «негритос». А теперь они еще больше его невзлюбили и говорят, что черные всегда идут против закона и что Робинсон просто струсил дать отпечатки. Разумеется, ма дорогая, это неправда и так говорят только враги Чарли. Я тебе уже писала, что он у нас в классе лучше всех учится, и лучше всех плавает кролем, и на «табачных гонках» всех обогнал, потому что у него была самая быстрая машина. Вообще он очень способный, и даже Пат Причард это признает и говорит, что он «рыцарь без страха и упрека». Я не знаю, что это значит, но мне кажется, что это очень высокая оценка. Пат Причард у нас самая красивая и гордая из девочек, и, наверное, она когда вырастет, будет кинозвездой в Голливуде и заработает кучу денег. Все наши мальчики хотели бы ходить с ней из школы домой, особенно Фэниан Мак-Магон и Рой Мэйсон, но она говорит, что они очень грубые и что только с Чарли Робинсоном можно разговаривать по-человечески. Из-за этого Фэйни еще больше ненавидит Чарли, а Рой сказал, что ему противно смотреть, когда этот мальчишка вертится среди белых

девочек. Рой с Юга и говорит, что там у них негров за людей почти не считают и никто из белых представить себе не может, как можно дружить с черным. Он ужасно-ужасно злой, этот Мэйсон, и, конечно, он говорил все это нам, когда Чарли не было поблизости, потому что Чарли задал бы ему хорошую трепку. Но теперь Мэйсон очень осмелел, потому что все враги Чарли собрались вместе и хотят его выжить из старост и вообще насолить ему. А мне его жалко, и я поклялась, дорогая ма, что останусь навеки его другом.

Твоя дочь Мери».

Второе письмо, увезенное дядей Постом в почтовую контору, было совсем в другом роде.

«Дорогой отец! — гласило это письмо. — Очень прошу вас прислать как можно скорей пять долларов сверх моего обычного жалованья. Мне нужно заплатить долг молодому Мак-Магону, которому я проиграл эти деньги на собачьих бегах. Вы всегда сами учили меня, что проигрыш — это долг чести каждого джентльмена. Кроме того, молодой Мак-Магон — сквалыга и ни за что не простит мне эти деньги. Как вы мне рекомендовали, я с ним всюду хожу вместе: в кино, на матчи, в ложу бойскаутов, куда он меня пригласил, и в школу. В школе и вообще в городе мне не очень нравится.

Вообразите, отец, что в нашем классе учатся вместе с нами несколько цветных и один из них даже выбран старостой и командует нами. Но я решил, что прекращу это дело, и уже подговорил ребят. Этот негритос узнает, как командовать белыми! У нас в Натчезе его бы живо обработали! Я здесь самый сильный в классе и на днях поборол Мак-Магона, хотя он немного старше меня. Пожалуйста, дорогой отец, вышлите мне поскорей деньги.

Ваш сын Р. Э. Мэйсон».

Дядя Пост аккуратно сдал свою дневную добычу в почтовую контору и уехал на оливковом механизме домой. А два письма полетели в разные концы «божьей страны» Америки, по-разному рассказывая о черном мальчике из городской школы Стон-Пойнта.

3. НА ПУТИ СЕРОЙ ЗМЕИ

Эта глава заставит вас, читатель, следовать по отполированному дождем и шинами шоссе прямо в город Стон-Пойнт. Толстая серая змея шоссе стремительно вползает в город, оставив свой хвост среди рекламных щитов, восхваляющих зубную пасту, яичный порошок, искусственный жемчуг и напиток под названием «кока-кола».

Но вскоре все рекламы исчезают и замолкают, для того чтобы уступить место бесчисленным кричащим надписям, прославляющим продукцию заводов Милларда. Пляшущими синими, желтыми, красными буквами путешественники, следующие в сторону Стон-Пойнта, оповещаются, что на заводах Милларда производится решительно все — от простой столовой вилки до генератора и от детской колясочки до газовой плиты.

Толстая серая змея извивается от удовольствия среди маленьких и больших букв рекламы и ведет путников все дальше и дальше — к первым лачугам Восточной окраины. Лачуги в Стон-Пойнте такие же, как во всяком другом американском городе: кое-как сколоченные из остатков фанеры, жести и автомобильных ящиков, с полуслепыми оконцами и такими низкими дверцами, что, кажется, в них может пролезть собака или кошка, но уж никак не человек. Возле лачуг роятся в пыли куры, собаки и дети, висит рвань, изображающая белье, и сидят женщины с усталыми, болезненными лицами. Мужчин не видно, потому что почти все они работают на заводах Милларда, на тех заводах, которые так беззастенчиво воспеты рекламой.

Мистер Миллард охотно берет к себе на заводы обитателей Восточной окраины, всех тех, кто не может претендовать на настоящую плату. Мексиканцы, поляки, негры, чехи, венгры работают в низких, сырых корпусах, за железными воротами. С этими можно особенно не церемониться, не то что с какими-нибудь там заносчивыми ирландцами или приезжими с Юга, которые считают себя истинно американскими аристократами. Людям с Восточной окраины можно давать не только меньше денег, но и меньше света и воздуха, можно не заботиться о чистоте в заводских помещениях и о том, чтобы работающие были ограждены от опасности. Можно не думать о вредных испарениях и о сырых стенах, о столах

для тех, кто хотел бы съесть в обеденный перерыв принесенную с собой пищу.

Даже толстая серая змея, подползая к железным заводским воротам, спешит свернуться кольцом, сделать широкий разворот и поскорей уползти дальше, туда, где виднеется ряд маленьких деревянных коттеджей под названием «Эдем». Бесхитростная фантазия небогатых владельцев украсила домики то башенкой с флагштоком, то мезонином с фальшивым балконом, то просто флюгером на крыше. Возле коттеджей вытертым зеленым ковриком лежит обязательный газон, а на нем — обязательная клумба, увенчанная блестящим шаром. Владельцы шаров и клумб тоже отсутствуют, потому что работают в конторах Милларда, на складах Милларда, в мастерских Милларда.

Эдемом кончается Восточная окраина и начинается «приличная» часть Стон-Пойнта. Здесь толстая серая змея проползает сквозь строй изящных маленьких особнячков — то в новом стиле (цемент и стекло), то в виде швейцарских вилл или шведских сельских домиков. В особнячках есть ванны, и холодильники, и электрические плиты, и электрические сушилки. И их владельцы, работающие в банках мистера Милларда, в конторах мистера Милларда, вносят довольно высокую арендную плату опять-таки мистеру Милларду.

Особнячки являются как бы предисловием к собственно городу. Имей толстая серая змея хоть каплю воображения, ей непременно стало бы смертельно скучно, потому что город Стон-Пойнт создан по такому же образцу, как сотни других средних городов в Америке. Улицы его строятся так же, как улицы соседнего города. В нем, как в соседнем городе, есть Торговая улица с выложенными мрамором зданиями банков, с универсальным магазином «Атенеум»; есть оживленная Мэйн-стрит с кинематографами, танцевальными клубами, магазинами и аптеками, где на окнах лежат такие же бутылки минеральных вод, молитвенники, газеты, резиновые души и аспирин, как в аптеках за тридцать, сто, триста и даже тысячу миль отсюда.

Только минуя все эти обязательные городские признаки, толстая серая змея вползает в особый, удаленный от шума и суеты район, известный под именем Паркового.

Впрочем, в самый Парковый район серая змея не

вползает, потому что главное шоссе с его бесконечными машинами и газолиновой вонью остается в стороне. Здесь идут по всем направлениям спокойные, усыпанные гравием дороги, по которым изредка, тихо шурша шинами, проезжают длинные, похожие на самолеты серебристые автомобили. Автомобили подвозят своих пассажиров к спрятанным в зелени массивным зданиям. Как не похожи эти здания на розовые и желтые особнячки банковских служащих и конторщиков! В Парковом районе фантазия владельцев покоится на прочной финансовой основе. Например, судья Сфикси вполне мог позволить себе возвести некую каменную смесь китайской пагоды с мавританской баней. Конечно, одиннадцать других именитых семейств в городе тоже не захотели ударить лицом в грязь, и Парковый район украсился дорическими портиками, коринфскими колоннами, турецкими минаретами, итальянскими палаццо и новейшими сооружениями из нержавеющей стали, мрамора, стекла, пластмассы и других материалов.

Но ни одна из этих резиденций стон-пойнтовских столпов не может сравниться с «замком Большого Босса», как называют в городе дом Милларда.

С виду дом этот действительно похож на замок. Выстроенный из серого, «дикого» камня не то в старшотландском стиле, не то просто в уныло-мрачном духе строившего его архитектора, он увенчан двумя зубчатыми башнями, что и дало повод назвать его замком.

Все, что окружает замок, носит печать той же мрачной холодности. Плющ, покрывающий замковые стены, блестит, будто вырезанный из железа. Олеандры в кадках, отполированные и тоже словно железные, прикованы цепями к железной ограде. Даже трава здесь темно-железного цвета и, кажется, вот-вот зазвенит под ногами, как железная стружка. Но попробовать — звенит трава или не звенит — не удастся: все газоны и деревья здесь крепко-накрепко заперты. Самую природу в этом привилегированном уголке земли держат за решеткой и замыкают патентованными замками. Даже траве и деревьям здесь надлежит вести себя в рамках холодной, прилизанной чинности. А если какому-нибудь плебейскому одуванчику вздумается вдруг поднять золотую голову и высунуться за решетку, ему немедленно эту самую голову снесут с плеч долой.

4. В ЗАМКЕ БОЛЬШОГО БОССА

— В Америке переменился воздух. Все эти забастовки, митинги протеста, ссылки на страны, где введена эта самая пресловутая «новая демократия», не доведут до добра. Мы уже потеряли Китай, теряем Германию, чуть не вся Европа идет за коммунистами. Нужно всеми силами уберечь Америку от этой страшной заразы. Это дело таких, как мы, Миллард, это наша священная обязанность. А мы все еще не понимаем этого, все еще церемонимся со всяким сбродом.

Судья Сфикси отдувался, словно морж, выброшенный на сушу. Он был очень раздражен.

— Напрасно, Миллард, вы ввели у себя на заводах новые порядки. Пока у вас работали ирландцы и настоящие, коренные янки, все шло гладко, как по конвейеру. А сейчас, когда вы набрали всяких там поляков, венгров и дали работу негритосам, у вас сразу завелись разные агитаторы, профсоюзные деятели, разговоры о заработной плате, о правах рабочих — словом, чорт знает что!

И Сфикси бухнулся в кресло так, что кожаная обивка жалобно скрипнула.

В кабинете мистера Милларда происходило не то чтобы совещание, а так, нечто вроде собеседования заинтересованных лиц.

Лица эти были: сам Большой Босс — мистер Миллард, сухой, стриженный на прусский манер джентльмен; его приятель — судья Сфикси; управляющий завода Коттон — молчаливый и серый, как рыба, и Джон Эйнис, чахлый, но пронырливый сотрудник «Стон-Пойнтовских новостей» — газеты, принадлежащей также Милларду.

Собеседование шло уже давно, и пепельница, изображающая золотого тельца, была полна сигарных и папиросных окурков.

Синий дым стеной стоял в кабинете.

Кибанет мистера Милларда заслуживает специального описания. Все предметы, начиная с кресел и кончая чернильницей на столе величиной с небольшой военный плац, были так добротны, массивны и тяжелы на вид, что здесь и речи не могло быть о так называемом «художественном беспорядке».

Каждый просто ужаснулся бы от мысли передвинуть или переставить кресло, или вазу, или пресс-папье в этой

комнате — таким тяжелым для слабых человеческих сил представлялось подобное предприятие.

Кабинет Большого Босса был как бы неким обиталищем верховного жреца, где вершились судьбы не только граждан такого ничтожного городка, как Стон-Пойнт, но, быть может, в какой-то степени судьбы многих людей во всем мире.

Из этого кабинета невидимые глазу нити тянулись к тяжелым кариатидам, поддерживающим фронтоны зданий на Уолл-стрит, к узким, темным улочкам лондонского Сити, к залам заседаний Генеральной Ассамблеи и Организации Объединенных Наций.

И каждый подчиненный Милларда, входя в это святилище, чувствовал себя слабее и ниже ростом и если начинал что-либо говорить, то слова получались робкие.

В этот день Большой Босс — мистер Миллард — был настроен придиричливо и брюзгливо. Все, что говорил Сфикси, он отлично знал и сам и не раз мысленно повторял самому себе. И потому это его раздражало еще больше.

«Причитает, как старая баба! — крепко потирая подбородок, думал он о Сфикси. — Я сам знаю, что на заводах — пороховой погреб. Но зато эти чужаки-рабочие обходятся втрое дешевле, чем наши янки. И среди них есть отличные специалисты своего дела. Правда, по сведениям Симеона, там тоже завелись коммунисты...»

Он поднялся, сухой, подтянутый, с жилистыми красными кулаками, закинутыми за спину, и остановился против управляющего, глядя не на него, а куда-то вдаль.

— Придется быть пооперативнее, Коттон, — сказал он. — Внимательней приглядывайтесь к людям. Я слышал, люди очень интересуются радио, в особенности передачами из Москвы. К сожалению, это очень мешает нормальной работе: люди начинают сходиться с ума, толковать о демократии, о мире, об отъезде на родину и... ну, словом, будьте оперативным и бдительным, Коттон.

Управляющий молча наклонил бледное рыбое лицо:

— А как быть с Бронксом, сэр?

Милларда словно ткнули горячей головней. Он давно ждал случая взорваться, и вот такой случай представился.

— Почему я должен расхлебывать всякие ничтожные делишки, Коттон! — свирепо сказал он. — Почему ко мне суются со всякими грязными неграми! Нет уж, Коттон, этим делом вы будете заниматься сами!

— Слушаю, сэр, — пробормотал управляющий, нервно теребя галстук.

Но Босса его покорный голос не успокоил.

— Вы, кажется, правы, Боб, — тем же свирепым тоном продолжал он, обращаясь теперь к судье: — весь этот сброд до того обнаглел после войны, что дальше идти некуда. Вы знаете этого негра — ветерана Цезаря Бронкса?

Сфикси кивнул:

— Это тот, который всегда ораторствует на собраниях? Знаю его, любовался! — Он сердито фыркнул.

— Так вот, этот тип явился с войны без руки и без ноги и требует, чтобы мы снова взяли его монтажником, выплатили ему пособие и заказали за наш счет протезы... Как будто завод виноват, что у него отняли руку и ногу! Разумеется, мы могли бы заплатить за его протезы, но тогда другие рабочие тоже предъявят свои требования. Мы распорядились, чтоб ему дали место сторожа с небольшим жалованьем. — Босс обвел взглядом присутствующих. — Вы думаете, он поблагодарил администрацию? Как бы не так! Он задрал вверх свой черный нос и начал говорить о неблагодарности, о том, что он-де проливал кровь, а другие на этой крови наживались... Словом, развел такую агитацию, что там вынуждены были обратиться к полиции.

— Через день его выпустили. За него вступился кто-то из руководителей профессионального союза, — снова покорно пробормотал Коттон.

— Знаю. Доложили. — Босс с удовлетворением положил на стол красные кулаки. Он заметно гордился тем, что у него такая хорошая информация. — Теперь ваше дело, Коттон, следить, чтобы он и близко не подходил к заводу и не общался с рабочими. У этого негра — незаурядные ораторские способности. Я однажды слышал его на собрании ветеранов войны. Он рассказывал там о Европе, о разных там свободах в Польше и Чехословакии. И, знаете, очень убедительно... На следующий день, как мне сообщили, полторааста рабочих-поляков взяли

у нас расчет: захотели, понимаете, вернуться на родину — там у них, видите ли, началась новая эра, социализм... — Он обернулся к управляющему: — Вот что, Коттон: если вы его на этом поймаете, сразу звоните мне, а я уж приму свои меры.

— Слушаю, полковник, — сказал Коттон.

В ответ на это обращение Миллард милостиво улыбнулся: он особенно благоволил к тем служащим, которые, по старой памяти, величали его «полковником».

Дело в том, что во время войны заводы Милларда изготавливали боеприпасы и оружие, и владельцу было присвоено звание полковника. Миллард, питомец Принстона и Гарварда¹, всегда и раньше участвовавший в маневрах Национальной гвардии, почувствовал настоящее пристрастие к военной форме. Нужно было видеть, как он останавливал на улице свою машину, подзывал зазевавшегося солдата и распекал его за то, что тот не отдал честь! И манеры он приобрел самые военные, и каблуками начал щелкать с особым щегольством. И как жаль ему было, когда окончилась война и пришлось снять военную форму, а главное, когда пришлось законсервировать на складах десятки тысяч снарядов и перейти хотя бы частично на детские коляски, кастрюльки и водопроводные краны.

Доллары, доллары, доллары — сумасшедший поток денег, притекавший на заводы Милларда в дни войны! А теперь — эти проклятые детские коляски, вилки, кастрюльки! Нет, мистер Миллард был решительно недоволен мирной обстановкой!

А тут еще эти истории с рабочими, эти забастовки и волнения, которые начинаются то на одном, то на другом заводе!

Мистер Миллард — обладатель крепчайшей цитадели в городе, вдохновитель железных дорог, замков и запоров, хозяин и повелитель людей, домов и машин — насутился и желтыми крепкими зубами закусил толстую гаванну.

Остальные, подчиняясь настроению хозяина, тоже молча курили. Эйнис был счастлив: на него никто не

¹ Принстон и Гарвард — высшие учебные заведения Америки, доступные только «избранным».

обращал внимания, и он тайком докуривал уже вторую хозяйскую сигару.

В дверь постучали.

— Войдите! — сказал Большой Босс.

— Сэр, к вам мистер Мак-Магон и еще этот молодой учитель. Они говорят, что вы сами желали их видеть, — сказал густой, басистый голос, и в дверях встало нечто массивное, отполированное до блеска и таких прочных форм, что все оно в совокупности больше всего напоминало некий образцовый механизм.

— Впустите их, миссис Причард, — сказал хозяин.

Миссис Причард, бесшумно развернувшись, выдвинулась из дверей. Взглянув на домоправительницу Большого Босса, всякий понял бы, что она вмонтирована в замок, как бывает вмонтирован в дом лифт, или котельная установка, или усовершенствованный мусоропровод.

Природа, наделив красотой и грацией Патрицию Причард — ее дочь, казалось, совсем не пожелала тратить на мать. Впрочем, сама миссис Причард ничуть об этом не сокрушалась, даже хвалилась тем, что сотворена исключительно для пользы. В ней не было ничего женственного, ничего округлого: только крепкий, прочный костяк, сильные, плотные мускулы, энергичные скулы и челюсти.

Утро миссис Причард начиналось с того, что она крепко-накрепко жгутом закручивала на затылке серо-стальные волосы, облачала свои рычаги и колесики в серо-стальной чехол-платье, быстро разводила пары и неслась по дому — точный, бесшумный, работающий без брака Образцовый Механизм.

К людям она не была ни жестока, ни придирчива, но, как пущенная в ход машина, она немедленно давила и уничтожала все, что мешало ее работе.

Кроме того, она считала себя непогрешимой, посещала евангелистскую церковь и искренне думала, что призвана в жизни делать только добро.

Трудно было представить себе миссис Причард нежно улыбающейся. И все-таки этот добротный Образцовый Механизм умел и улыбаться и говорить ласковым голосом, и руки этого механизма могли даже горячо обнимать. Но только одно существо в мире вызывало нежность и улыбку миссис Причард. Этим существом была ее собственная дочь — Патриция.

Все, что касалось прямо или косвенно Патриции, страстно интересовало миссис Причард. Поэтому, узнав, что хозяин вызвал к себе для чего-то директора и учителя той школы, где училась дочь, домоправительница впустила обоих посетителей и тотчас же приняла к двери.

— Как поживаете, полковник? Как ваше здоровье?— услышала она подобострастный голос Мак-Магона. — Вы желали нас видеть?

— Да. Садитесь, джентльмены, — сказал Миллард. — Нет, Боб, Эйнис и вы, Коттон, погодите уходить, вы еще можете мне понадобиться.

Послышалось невнятное бормотанье журналиста. Миллард продолжал:

— Что это у вас за история вышла в школе, Мак-Магон? В *нашей* школе! — подчеркнул он. — Мне звонил майор Симеон — просит, чтобы я сам занялся этим делом или чтоб собрал попечительский совет. Говорит, что ребята в школе забастовали, отказались дактилоскопироваться и что всем руководит какой-то негритянский парень. Откуда у вас этот негр? Почему я о нем ничего не знаю?

— Нет, полковник, вы его знаете, вы сами поместили его к нам в школу, — отвечал Мак-Магон. — Это сын вашего бывшего механика Робинсона.

При имени Робинсона лицо миссис Причард дрогнуло. «Опять этот негритянский мальчишка!» пробормотала она, продолжая слушать с удвоенным вниманием.

— Сын негра Тэда Робинсона, который погиб на корабле в Пирл Харбор, полковник, — сказал сотрудник «Новостей». — Все газеты в городе писали о вашем благородном поступке, когда вы поместили в школу его сына.

— Ага... помню, помню! — протянул Миллард. — Я думал сделать из мальчика тоже полезного человека и взять его потом на завод... Отчего же, Мак-Магон, вы не заставили его подчиниться? Неужели вы не в состоянии сладить с мальчишкой, тем более с цветным! — В голосе Милларда послышалось раздражение.

Мак-Магон смущенно кашлянул:

— Дело в том, полковник, что этот Робинсон — не один. К нему примкнули некоторые ученики из седьмого

класса. Он всех их уговорил отказаться от дактилоскопирования: по его мнению, это унижительно. А потом и в других классах дети стали волноваться. В конце концов школа раскололась на два лагеря... И вот уже три дня, как никто не думает об уроках,— закончил он растерянно.

— Что такое? — Слышно было, как заскрипело кресло: Миллард грузно поднялся с места.— Вы кто — директор школы или дырявое ведро? Выбросьте мальчишку вон из школы — и кончим этот разговор.

— А как же газеты, сэр? — нерешительно напомнил Мак-Магон.— Я сам хотел его исключить, но во-время вспомнил о газетах. Ведь они писали о вашем благородном отношении к сироте, сэр...

— Гм...— Кресло снова скрипнуло.— Эйнис, а вы что об этом думаете?

— Пожалуй, полковник, не стоит исключать мальчишку,— отозвался журналист.— Разумеется, «Новости» ничего не напишут, но газеты ваших конкурентов в Гренджере и в других городах штата могут пронюхать и раздуть все это дело... Вы можете потерять голоса цветных избирателей...

— Эйнис говорит правду, Роберт,— веско поддержал Сфикси.

В кабинете замолчали.

— Две неприятности за один день, и всё из-за негритосов!

Чувствовалось, что Босс из всех сил старается сдержаться.

— Уж очень много они себе позволяют, эти цветные,— подхватил Эйнис.— Устраивают какие-то организации прогресса цветных народов, заседают, речи говорят, подражают во всем белым. Давно всех их надо было прогнать обратно в Джорджию, пусть работают там на плантациях...

Миллард сухо рассмеялся:

— Прекрасная тема для статьи, Эйнис. Найдете много сторонников. Однако, джентльмены, мы отвлеклись в сторону. Послушайте, Мак-Магон, — обратился он к директору: — неужели все белые мальчики и девочки в школе идут за негритенком? Неужели вы до сих пор не объяснили им, что это не подобает и что испокон века белые ведут за собой цветных, а не наоборот!..

— Этот мальчик, Робинсон,— лучший ученик в классе, сэр, и вообще очень способный,— раздался вдруг новый голос — спокойный баритон. Это говорил Ричардсон — младший учитель.— Чарльз Робинсон пользуется авторитетом среди ребят, он хороший спортсмен, у него большие технические способности, и на соревнованиях самодельных автомобилей в прошлом году он занял первое место. Ему поручают защищать спортивную честь школы. Кроме того, класс считает, что он — кандидат на первую награду за учебные успехи.

Послышался сердитый смех Милларда:

— Первую награду — цветному! Что за идея, молодой человек!.. Мак-Магон, вы слышите, что он говорит? Первую награду черномазому мальчишке, который вдобавок поднял в школе бунт!

— Мистер Ричардсон высказал, мне кажется, свое личное пожелание, сэр,— успокоительно отвечал Мак-Магон. — Награду получит белый ученик, это само собой разумеется. К тому же Ричардсон преувеличивает влияние этого школьника. У нас в школе цветные не в почете. У Робинсона и в классе и в школе много противников, среди них — я должен это отметить, сэр — мой сын. Мой сын Фэниан и его товарищи никогда не допустят, чтобы в школе первенствовали цветные.. А мистер Ричардсон...

— Хорошо, Мак-Магон,— прервал его Миллард,— постарайтесь, чтобы мне и другим попечителям больше не жаловались на учеников, и скажите вашему Фэниану, чтобы он утихомирил этого черного вожака. Я его на это благословляю,— добавил он в виде шутки. — А вы, молодой человек,— тут Миллард, повидимому, повернулся к Ричи,— вы не увлекайтесь так негритянским народом и всеми этими идеями равенства. Такие увлечения в наше время сильно мешают человеку на его жизненном пути.— Босс сказал это так значительно, словно провел под своими словами жирную черту.— Можете идти, джентльмены, я вас больше не задерживаю... Боб, вы конечно, останетесь к обеду?

В кабинете зашаркали ногами.

Миссис Причард поспешно отступила от двери. Она устала стоять так долго и так напряженно прислушиваться, но была внутренне удовлетворена: все, что она хотела услышать, она услышала.

5. РАЗГОВОР ПОД КАШТАНАМИ

Взлетели вверх красные флажки: стоп! Внимание! Проезд закрыт!

Но вот появились синие кружки и замелькали перед школьниками, как бабочки: вперед! Можете двигаться!

Направляясь к школе, ребята пересекали шоссе, а школьные регулировщики, выпятив грудь и замерев в позе настоящих полицейских, удерживали поток автомобилей.

Во дворе и в коридорах школы распоряжались школьные патрули из восьмиклассников:

— Курильщики — третий этаж, кабинет истории! Персики — на пятый, в кабинет математики! Не бегать по лестницам! Не орать! Эй ты, конопатый, сейчас же отдай свой мяч! Вымой руки, чумазый, а то потеряешь свои ленточки отличника!¹

Так, подгоняя, покрикивая, а кое-кому просто раздавая тумачи, школьные патрули водворяли наконец порядок, и до уроков в коридорах и на лестницах наступала сравнительная тишина.

Только у «малюток» в седьмом классе вот уже который день патрули не могли добиться порядка. И что только не делали патрули! Упрашивали, уговаривали, штрафовали крикунов, отбирая у них ленточки, угрожали пожаловаться сначала в совет старост, потом вице-президенту Принсу, наконец самому Бобу Коллинзу — президенту школы, — ничто не помогало: «малютки» продолжали волноваться.

В ноябре, когда вся Америка выбирала президента, в школе тоже происходили выборы школьного президента, его помощников и классных старост. Все было как на всамделишных выборах: предвыборная агитация, вербовка сторонников любыми способами, вплоть до подкупа сладостями и билетами на матчи, деление на демократов и республиканцев, предвыборные речи кандидатов. В последний раз президентом школы был избран ставленник демократов Боб Коллинз. Это был довольно вялый рослый старшеклассник, озабоченный больше своими успехами на ринге в качестве боксера, чем делами школы. Впрочем, именно эта боксерская сла-

¹ В некоторых американских школах ученики носят на поясе ленточки за отличные успехи и поведение.

ва принесла Коллинзу место школьного президента. Ведь каждому школьнику было лестно иметь президентом человека, выступающего на настоящих состязаниях. Зато ко всему, что волновало школу, Коллинз относился довольно равнодушно. Только благодаря его безразличию к школьным делам «малютки» смогли провалить на выборах старост кандидата бойскаутов, «орла» Мак-Магона, и выбрать старостой негра Робинсона — случай редкий, в особенности после войны.

Фэйни в классе не любили: он был заносчив со слабыми и младшими, лебезил перед учителями, и «малютки» подозревали, что он наущничает обо всем, что происходит в школе, отцу. Зато к Чарли Робинсону большинство относилось хорошо: на гонках «табачных ящиков» машина Чарли обогнала даже Мэрфи, бывшего трижды победителем; у Чарли был открытый, веселый характер, он всегда, при всех обстоятельствах был готов помочь товарищам, и даже те, которые не желали иметь дело с темнокожими, говорили, что Робинсон «такой свой парень, что даже нисколько не похож на негра».

Когда тайным голосованием старостой класса был избран Чарли, Мак-Магон младший чуть не заболел от злости. Досталось от него тогда скаутским «неженкам»! Он их замучил придирками, сверхочередными нарядами, и они так и ходили с развязанными скаутскими галстуками, потому что «орел» не находил в их поступках ничего такого, за что стоило бы завязать галстук¹.

Но дело было сделано: Чарли Робинсон отныне был старостой класса, он входил полноправным членом в совет старост, он совещался с президентом школы. И Фэйни мог сколько угодно злиться и вымещать свою досаду на скаутах, ему все равно не удалось бы сместить Чарли до следующих выборов.

Другое дело теперь, когда произошла эта история с отпечатками. Фэйни тотчас же смекнул, что, сыграв на этом, можно настроить совет старост и «малюток» против Чарли. Да и дружок Мэйсон обещал ему подговорить ребят.

Во вторник, до уроков, произошел знаменательный разговор Фэйни и Роя.

¹ По правилам скаутов, завязать галстук может только тот, кто совершил в этот день какой-нибудь достойный поступок.

— А ты, может, тоже метишь в старосты? — подозрительно спросил Роя сын директора. — Что-то ты уж очень хлопочешь...

— Не беспокойся, глупая голова! — отвечал ему Рой. — Я только не могу вынести, чтобы мне что-то указывал черномазый. Вообще, хорошо было бы всех цветных убрать из школы... Удивляюсь я старому Милларду: зачем ему понадобилось набивать школу всякой дрянью!

— А газеты? Ты про газеты забыл? — с важностью сказал Фэйни. — Большой Босс метит в сенаторы, и ему во что бы то ни стало нужно хоть чем-нибудь привлечь к себе рабочих и негров. Вот он и сунул к нам в школу всю эту рвань и постарался, чтобы газеты раструбили погромче о его «добром сердце». Он моему па всю эту механику выложил, как на блюдечке. Я об этом знаю не со вчерашнего дня.

— Вот оно что!.. — протянул Рой. — Теперь понятно, почему твой старик так нянчился с нашим негритосом. После разговора с сыщиком Робинсону следовало бы просто дать в зубы и вышвырнуть его из школы, а твой отец еще усовещивал его.

— Угу! — Фэйни кивнул. — После, уже дома, мой старик бесился целый час и кричал, что он с удовольствием избил бы этого черного наглеца, но что у него связаны руки...

— Гм... Боюсь, что нам нелегко будет вышибить негра из старост и провести тебя, — сказал Рой, критически оглядывая Фэйни. — Уж очень ты... того... липнешь к своему па, перед Гориллой выслуживаешься. Ребята этого не любят... А Робинсон на прошлых гонках заработал хорошую славу. Я не видел, но ребята говорят — у него был замечательный автомобиль. И все сам делал, своими руками...

— Н-да... Он на эти дела мастак, — неохотно промямлил Фэйни. — Он и сейчас новую машину делает, какую-то особенную, всю из алюминия, и название ей уже придумал — «Серебряная свирель»... Хвалится, что на майских гонках непременно опять победит Мэрфи. Мэрфи прямо рвет и мечет — так он ненавидит Робинсона, — добавил Фэйни.

— Вот как!.. Надо нам повидать этого Мэрфи, — оживился Рой. — Может быть, вместе что-нибудь обмозгуем.

Он задумался. Фэйни грыз ногти и нетерпеливо ждал.

— Придется узнать, как будут вести себя президент и совет старост, если мы подыдем ребят против Робинсона,— сказал наконец Рой.

...Вечером того же дня на школьном дворе, под каштанами, стояли две фигуры: щеголеватый южанин и худощавый, бледный ученик в поношенной куртке защитного цвета, на которой блестела серебряная звезда — знак его звания.

Это и был вице-президент школы — восьмиклассник Принс, очень осторожный, миролюбивый и сдержанный юноша.

— Значит, вы, Принс, считаете вполне нормальным, чтобы какой-то негритянский мальчишка командовал нами — белыми? — раздраженно спрашивал Рой, стоя перед восьмиклассником.

— О, вы опять о своем!.. — скучливо протянул Принс. — Что вы так горячитесь, Мэйсон? Разве вам не известно, что у нас в армии во время войны негры были даже офицерами?

— Да, но они командовали только своими черномазыми. — Рой закусил губу. — А как они сражались! Они оказались трусливее зайцев — при первых звуках выстрелов бежали прятаться... Мне мой отец рассказывал...

— Не знаю, не слышал ничего такого, — сдержанно возразил Принс. — Мой отец говорил мне, наоборот, об одном негритянском танковом соединении, которое прославилось на весь восточный фронт.

— Ваш отец говорил вам это? — недоверчиво протянул Рой. — А где был ваш отец во время войны?

— Он был механиком в летных частях, а сейчас работает на компрессорной станции Милларда.

Рой пренебрежительно фыркнул:

— Механиком?.. Что может знать простой механик! Мой отец служил при штабе, так ему все и обо всех известно...

Принс покраснел.

— У моего отца две медали за храбрость, и, думаю, он знает о войне побольше вашего, — перебил он Роя. — Впрочем, я говорил президенту о вашей затее. Коллинз считает, что до ноября перевыборы устраивать нельзя. Кроме того, он сказал, что сам старик Миллард

поместил Робинсона в школу и покровительствует ему... Как бы нам всем не нажить неприятностей...

Рой засмеялся.

— О, ваши новости здорово устарели! — сказал он. — Старик, наоборот, просил передать нам, чтоб мы постарались утихомирить этого черномазого... Негр сильно досадил попечителям этой стычкой с полицией.

— Вот как!.. — протянул Принс. — Сам мистер Миллард сказал?.. — Он покачал головой. — Не знаю, как быть. У нас еще ни разу не было такого случая, чтобы посреди года мы кого-либо переизбирали. И потом, Робинсон очень толковый парень и на совете старост всегда выступает с дельными предложениями.

Рой начинал терять терпение:

— Послушайте, Принс: вы сами сейчас сказали, что ваш отец работает на заводе Милларда. — Он многозначительно взглянул на вице-президента. — Представьте только себе: вдруг мистер Миллард узнает, что сын механика Принса горой стоит за того негра, которого он, Миллард, хотел бы вышибить из школы... Я думаю, неудобно это получится и для вас и для вашего отца... А?.. — Он пристально посмотрел на покрасневшего юношу. — Сейчас, сдастся мне, не так-то легко найти работу, э?

— Но я же ничего не говорю, — поспешно перебил его Принс, — я передал вам только мнение президента Коллинза. Конечно, если весь класс возмущен нынешним старостой, то вы можете экстренным порядком заменить его другим, не вмешивая ни президента, ни меня, ни совет в это дело.

— Мы так и сделаем! — обрадовался Рой. — Мы уже разговаривали, и все согласны, что нам нужен другой староста, белый.

— Кем же вы хотите заменить Робинсона? — спросил Принс.

— Да вот... класс выдвигает Мак-Магона, — отвел глаза Рой.

Принс поморщился:

— Директорского сынка? Этого подлизу? Ведь его же провалили на прошлых выборах. Кажется, раньше «малютки» его недолюбливали. Значит, теперь класс переменяет о нем мнение?

— Переменяет, переменяет! — поспешно сказал Рой. —

В будущий четверг назначается собрание класса, и его единогласно выберут, я уверен.

Принс вздохнул. Его как будто что-то мучило, но он не решался это высказать.

— Делайте, как знаете, только помните, что ни я, ни президент в это не вмешиваемся,— напомнил он еще раз и направился к школе.

Дойдя почти до самых дверей, Принс вдруг обернулся. Его бледное лицо теперь горело.

— А все-таки, если говорить честно, нехорошее вы дело затеяли,— сказал он.— Робинсон — славный товарищ. И мой отец, если бы узнал об этом, очень рассердился бы.

Он стоял и ждал ответа, но Рой сделал вид, что не слышал. Принс постоял минутку, вздохнул и вошел в здание школы.

6. ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Она лежала в кармане плисовых штанов вместе с плоскогубцами, куском алюминиевой проволоки, ножом, слитком олова, жевательной резинкой, обрывком скрипичной струны и другими чрезвычайно нужными мелочами, даже не имеющими названия.

Ах, эти мальчишечьи карманы! Как-то раз один из ученых-психологов, хорошо понимавший юношество, предложил некоей редакции написать об этих карманах и даже определить характер того или иного мальчика, руководствуясь только содержимым его карманов. Но даже он, знаток молодежи, не представлял себе, какой трудной будет его задача. Как запутался он в этом нагромождении свистулек, штепселей, ножей, напильников, рогаток, козьих ножек, марок, рыболовных крючков, пистонов, спичечных коробок, конфетных «фантиков», черепков, старинных монет, бечевы, гвоздей, клещей, засушенных жуков, кремней, кнопок, бертолетовой соли, красок, гаек, переводных картинок, мелков, угля, оловянных солдатиков, ляписа и прочих химических, технических, географических, столярных, слесарных, археологических и военно-тактических напластований, только в малой степени отражающих многочисленные интересы и увлечения обладателей карманов!

Ученый сперва подошел к делу весьма уверенно и принялся за психологический разбор на основании кучки вещей, извлеченной из такого кармана. Однако вскоре на лице ученого появилось недоумение и даже некоторая растерянность. С одной стороны, как будто явствовало, что обладатель акварельных красок, угля и карандашей — человек, поглощенный искусством, увлеченный живописью, вероятно любитель природы, спокойный созерцатель лирических пейзажей. С другой стороны, тут же вместе с красками лежали дробь, мексиканский нож «мачете», рогатка и бертолетова соль, что резко противоречило такой мирной характеристике.

Моток провода, штепсель и плоскогубцы были предметами, указывавшими на склонность к электротехнике. Однако с ними соседствовали наивные «фантики», переводные картинки и даже розовая ленточка явно из косы девочки. Получалось что-то до того противоречивое и психологически запутанное, что ученый был вынужден заговорить о «чрезвычайно сложном внутреннем мире» современной американской молодежи.

Но как раз в этот решающий момент один из служащих редакции сознался, что накануне он торопился на футбольный матч, а потому, в спешке, свалил в одну кучу содержимое нескольких карманов, и что именно в этом следует искать корни противоречий.

Служащего долго и с наслаждением отчитывали за то, что он «сорвал научный опыт психологического анализа», а ученый был так смущен и рассержен неудачей, что от возобновления опыта отказался.

Мы с вами, читатель, в лучшем положении: между нами и карманом в плисовых штанах нет никаких промежуточных инстанций, мы можем вполне свободно распоряжаться его содержимым и строить свои предположения.

По найденным предметам мы свободно можем определить, что обладатель плисовых штанов интересуется техникой и в то же время музыкой. Вероятно, играет сам на одном из странных инструментов: иначе к чему бы ему держать в кармане кусок струны!

Но зачем нам строить такие шаткие предположения, когда мы можем просто-напросто заглянуть в записную книжку, лежащую в кармане, переплетенную довольно потрепанной коричневой кожей и исписанную мелким,

ровным, аккуратным почерком владельца, инициалы которого красуются в виде изящно нарисованного вензеля на первой странице:

«В» и «Г»

Вслед за вензелем идет короткая надпись:

«Книжка подарена на Новый год моим другом Ч. Робинсоном».

Следующие страницы заполнены записями настолько разнообразного характера, что мы с трудом можем уловить в них те основные линии, о которых говорилось выше. Вот они, эти записи:

«Клеммы надо проверять на массу. Свечи рекоменд. прожигать на неб. огне. С 15/III отец в гараже Сноукина — на дополнит. работе — 8 дол. в нед. Я — бесплатно помощи.

Проба пера. Проба пера.

Канифоль в большом колич. вредна.

Вчера Мак-Магон уверял своих ребят, что русский самовар — это чайник, который вешается над огнем, и что русские разводят у себя в домах костры и вешают над ними самовары, а дым выходит из отверстия в крыше. Тогда я сказал, что слушать противно такую чепуху, и рассказал, что такое самовар, и даже нарисовал на доске, и тогда мак-магоновские парни начали звать меня «самоварным специалистом». Тут подскочил Лори Миллс и начал орать:

— Он специалист не только по русским самоварам, но и по русским большевикам! Он, наверное, сам большевик! Я видел у него книгу с красной звездой на переплете, а все вы знаете, что такое эта красная звезда.

Тогда все эти ребята замолчали и стали смотреть на меня. Но мне наплевать на них и на всю их компанию. А книжку со звездой мне принес отец, а ему дал, кажется, мистер Ричардсон, и мы читали ее две ночи подряд. Это история одного русского летчика, которого подбили фашисты зимой; он обморозил ноги, и ему их отрезали. Но он так хотел летать, что научился ходить и танцевать на деревянных ногах и опять стал летчиком. Почитали бы скауты про этого летчика, так поняли бы, что такое русские и какая у них сильная воля! Да разве эти мак-магоновцы что-нибудь читают! Им бы только драться, да выпивать, да ходить на матчи!

Мой вес — 38 кг. Это очень мало для моего возраста, и я даю здесь слово с сегодняшнего дня больше есть и закаляться холодной водой и не отлынивать от гимнастики.

«Стрела Чиппева». «Лунная соната». «Небесный полет». «Алмазная праща». «Лассо ковбоя». «Серебряная свирель» (предложено Ч. Робинсоном; оставлено как название новой модели).

Сегодня Э. Г. читала в коридоре девочкам свои стихи. Я потихоньку подслушал, а потом попросил у головастой Бетси Крук списать.

Я б хотела иметь миллион пирожков,
Миллионы бутылок крем-соды,
Орехов поджаренных сотни мешков
И сколько угодно свободы,
Ходить не в школу, а только в кино,
А после на лодке кататься...
Девчонке цветной все равно суждено
Навек неученой остаться.

По-моему, Э. Г. будет знаменитой поэтессой. Наши дуры-девчонки стали сразу смеяться и дразнить ее «жадиной», а потом я слышал, как они между собой называли ее «негритоской» и «цветной выскочкой». Если бы они были мальчишками, я бы их с удовольствием вздул!

Ходили с Чарли в Слоун, на автокладбище, приволокли оттуда вполне пригодную камеру и моток проволоки.
Длина — 2 м 30 см.

Для памяти: трапеция Жанто. В коробке скоростей — фиксаторы.

Разговаривал с Робинсоном. Его хобби¹ — автомобиль и вообще техника и негритянский вопрос. Когда вырастет, хочет быть вождем всех негров и добиться, чтобы белые их признали во всем равноправными. Я обещал ему помогать, и вообще мы с ним заключили договор о дружбе на всю жизнь.

Степень сжатия. Клиренс у автомобилей.

У Чарли и Беннета неприятности. Вызваны директором по поводу отказа от дактилоскопирования. Все, кто не хотел давать отпечатки, переписаны и директор доби-

¹ Х о б б и — любимое занятие.

вался, чтобы Чарли и Беннет подтвердили их имена по списку, но ребята ни за что не хотели. Наверное, Мольная бедничал отцу про то, что они агитировали в классе против полиции. Ух, ненавижу я всю эту мак-магоновскую компанию! Прямо руки чешутся с ними подраться!

Директор очень сладко объяснил Робинсону, что вышибет его из школы при первой же провинности. А вчера я слышал, как Горилла говорил мисс Вендикс, что пора освободить школу от негров и вообще от всех смутьянов, которых он, Горилла, может всегда пересчитать по пальцам. Мисс Вендикс, по обыкновению, только пищала да поднимала руки к потолку.

Выучил нашу карпатскую песню. Отец говорил, что покойная мама пела мне ее, когда я был совсем еще маленьким. Сыграл ее сегодня отцу.

В чужиньке пребываю, марно час иде.
За родину погибаю... де ж она, о де?
О боже мой, милостивый, верни мя домой,
Да увижу, да увижу дом родимый мой!

Кажется, отец плакал. Потом спросил меня:

— А ты еще помнишь родину?

Я сказал, что, кажется, помню горы и буковый лес возле нашей хаты, и Тиссу — такую голубую и чистую. Тогда отец сказал:

— Хоть бы еще разок повидать все это... Будь она проклята, эта Америка, и час, когда я вздумал сюда поехать! Если бы пан не отнял у меня землю, никогда бы я не покинул свой край!

И мне хотелось бы поехать в Россию, посмотреть на горы, а после поступить в Красную Армию и быть таким человеком, как этот летчик, о котором я читал. Я тоже не люблю Штаты и надутых янки, которые думают, что они — самые лучшие в мире и что только одно американское чего-нибудь да стоит. Если бы можно было взять с собой Чарли, и Джоя, и мистера Ричардсона, и Цезаря, и, разумеется, Э. Г., я бы сейчас же согласился уехать.

Вчера Долговязый сказал мне:

— Охота тебе якшаться со всеми этими черномазыми! Ведь ты хоть и не настоящий янки, а все-таки белый! И болван же этот Лори!»

Затем в книжке нарисовано пронзенное стрелой сердце и раз десять тщательно вычерченный вензель «Э» и «Г».

Кого скрывает этот вензель, мы не смогли установить, тем более что дальше идут чистые, не заполненные еще страницы.

7. ГОРИЛЛА — ХОМЕР

На пятом этаже, в кабинете Хомера, стояла мертвая тишина. Под насупленным взглядом учителя седьмой класс решал письменные примеры по математике.

Кабинет Хомера был едва ли не самой холодной и мрачной комнатой во всей школе. Высоченные потолки, голые стены, выкрашенные, по выражению школьников, в «нежнокрысиный» цвет, и унылый вид из окон на трубы миллиардовских заводов были очень подходящим фоном для учителя математики.

Хомер был мрачен и зол, так сказать, по убеждению. Он искренне считал, что только суровый, замкнутый характер помогает человеку добиться в жизни чего-нибудь выдающегося. Однако самому Хомеру это плохо помогало. Он чувствовал себя неудачником и от этого становился все более злобным и раздражительным.

В молодости Хомер был подающим надежды боксером, и его выступления приносили ему немалый доход, но как-то раз всплыло одно некрасивое дельце с подкупом, Хомера ославили в газетах, и с тех пор ему пришлось бросить ринг и заняться математикой.

Во время войны Хомер побывал в Эль-Аламейне, но в армии его тоже невзлюбили. Он твердил каждому, что войну затеяли негры и коммунисты, в пьяном и трезвом виде лез в драку с офицерами-неграми и так надоел товарищам, что все очень обрадовались, когда его перевели в интендантскую часть.

Из армии Хомер вернулся еще более озлобленным. По рекомендации одного из приятелей Мак-Магона, ему удалось получить место учителя в школе, и теперь он считал себя конченным человеком и вымещал на учениках все свои неудачи.

В этот день серое, дождливое небо еще усиливало

обычную раздражительность учителя, а в учениках вызывало тоскливую скуку.

Со своей третьей парты Чарли Робинсон видит, как сидящая впереди Пат Причард кусает губы и чуть не плачет. Сам Чарли уже давно решил первые три задачи и теперь кончает четвертую, наиболее легкую. Он подымает курчавую голову от тетради и оглядывает класс. Ага, Джой Беннет, его сосед, тоже кончил примеры и теперь делает вид, что проверяет решение. Однако Чарли виден из-под его тетради кончик пестрой обложки: Джой преспокойно читает приключения сыщика Тома Баркера.

А дальше, за Джоем, виднеется торжествующая физиономия Фэйни Мак-Магона. Этот, верно, думает, что обскакал всех, и за билет в кино или за порцию земляничного мороженого уже решил задачки и своему другу — Мэйсону: неспроста Мэйсон так спокойно ковыряет перочинным ножиком в зубах.

Позади двух приятелей — Минору Сано; «потомок самураев» что-то высчитывает на пальцах и быстро-быстро пишет, не глядя по сторонам. А вон Мери Смит, самая старательная из девочек, что-то стирает в тетради — должно быть, кляксу, — но и у нее, повидимому, все в порядке.

На самой задней парте у мулата Джона Майнарда вид испуганного кролика, и каждому ясно, что он еще не решил ни одного примера. Этот Майнард — сын владельца танцевального клуба, и, говорят, у них очень богатый дом. Майнард непременно хочет выдать себя за белого и смачивает волосы специальной жидкостью, чтобы они не курчавились. Чарли однажды слышал, как Джон говорил девочкам из восьмого, будто он — испанец, как Де-Минго. А тут вдруг прибежали «малютки» и стали его звать:

— Эй, Ложка Дегтя, идем играть в бейзбол!

И тогда сразу открылось, что Джон — просто-напросто цветной, и девочки начали смеяться, а Майнард заплакал и убежал.

Чарли вспоминает, как ему тогда противно было смотреть на Майнарда — противно потому, что парень подделывался под белого и гнушался своей цветной кожей, а потом ему стало жалко этого дуралея, и он увел Джона с собой.

Чарли и теперь жаль Майнарда: не везет бедняге с этой математикой! Опять Хомер будет бранить его «ту-пицей», а белые ребята издеваться над тем, что Ложка Дегтя способен только бить в барабан.

Но чьи это там два блестящих темных глаза, устремленных на Чарли? Нэнси Гоу, соседка Майнарда, видно тоже «плавает»!.. Ох, надо выручать ребят, честное слово!

Чарли ёрзает на парте, следит за Хомером. Учитель шагает вдоль кабинета, изредка бросая угрюмый взгляд на склоненные головы учеников. Вот он повернулся спиной.

— Не зевай, Чарльз,— беззвучно шепчет Джой: он уже угадал намерение друга.

Теперь надо оторвать два крохотных клочка бумаги — оторвать так ловко и неслышно, чтобы острый слух Гориллы не уловил ничего подозрительного. «Валяй, валяй, Чарли!» говорят нетерпеливые глаза Джоя. Он уже забыл о приключениях знаменитого сыщика и весь поглощен предприятием друга.

Чарли с непостижимой ловкостью отделяет от тетради два лоскута. Теперь скорей, скорей, пока Горилла стоит спиной, написать на каждом клочке решение всех четырех примеров!

Чарли пишет молниеносно, как стенограф. Готово!

Джой Беннет выхватывает у него под партой обе бумажки, осторожно перегибается вперед и кончиком пера подцепляет одну из медных прядей, лежащих на плечах Пат. Она оборачивается, негодующая: кто смеет! Джой показывает ей кончик зажатой в кулаке бумажки, и Пат мгновенно понимает. Лицо ее розовеет; как благоденнейшая ученица, она закладывает руки за спину, и в ладонь ей немедленно попадает исписанная мельчайшими цифрами бумажка. «Ура! Ура!» мысленно восклицает Чарли. Он в восторге — он видит кончик светлого глаза и розовую от волнения щеку Пат: спасена!

Теперь надо выручить тех двух, на последней парте.

Пока Чарли осматривает «посадочную площадку», Джой ухитряется перебросить Фейни вторую бумажку. Он кивает на Майнарда и требует, чтобы Фэйни переслал шпаргалку мулату. Однако Фэйни, этот дрянной мальчишка, делает вид, что до смерти боится Хомера. На са-

мом деле он будет очень рад, если Майнард провалится с примерами и получит от Гориллы нагоняй.

Джой выразительно показывает ему из-под парты кулак, но Моль отворачивается, будто не заметил, и шепчет что-то своему соседу Рою; тот ухмыляется во весь рот.

— Конец, леди и джентльмены,— говорит Хомер, взглянув на часы.— Мак-Магон, соберите мне тетради.

Собирать тетради — обязанность Чарли, однако Хомер постоянно делает вид, что это ему неизвестно. Каждый раз, как Чарли подходит к нему, подает ему ручку или мелок, Хомер всей своей физиономией выражает брезгливость. Зато перед Фэйни он явно заискивает, стараясь через сына заслужить расположение отца. Это понимают все в классе; поэтому никто не удивляется, когда Хомер объявляет, что раньше и лучше всех решил примеры Фэниан Мак-Магон и он, Хомер, ставит ему «эй» — высший балл, то-есть «отлично».

— Правильно решил примеры и Робинсон,— неохотно мямлит он затем,— но у него на тетради какое-то пятно, поэтому я ставлю ему не «эй», а «би» («хорошо»).

— Это, наверное, мать капнула ему соусом на тетрадку, сэр! — радостно подхватывает Фэйни.— Его мать — стряпуха, сэр... Ха-ха-ха!

Чарли сереет.

— Не надо так говорить, мой мальчик,— отечески журит директорского сына Хомер.— Профессия стряпухи столь же почтенна, как и всякая другая.

Пат получает «отлично». Чарли, забыв обо всем, кивает ей, улыбается радостно; она отвечает смущенной гримаской.

— Минору Сано я ставлю «си» («удовлетворительно»), — говорит Хомер, насмешливо поглядывая поверх тетрадки на японца.— Мистер Сано больше любит писать свои иероглифы, чем решать примеры по алгебре.

Минору Сано улыбается и кланяется, хотя глаза у него совсем не веселые. Он получает от Хомера свою тетрадь, прижимает ее к груди, снова улыбается, снова кланяется и садится на свое место у окна.

— Мэйсон, подойдите ко мне,— говорит Хомер.

Рой Мэйсон, красивый и щеголеватый, как всегда,

неторопливо поднимается и идет к учителю. Одна щека у него подозрительно припухла, и Чарли готов поклясться, что во рту у Мэйсона резинка, хотя в школе строжайше запрещается жевать резинку на уроках.

Однако Хомер как будто ничего не замечает, вернее — не хочет замечать. К Мэйсону учитель относится с видимым подбострастием и никогда не забывает спросить, как здоровье его уважаемых родителей.

— Вы заслужили отличную отметку, дитя мое, — говорит Хомер, посылая Рою нежнейшую улыбку. — Если вы и впредь будете так же старательно заниматься, вы сможете когда-нибудь стать губернатором штата. Я надеюсь на вас дитя мое.

«Дитя» стоит с раздувшейся щекой и упорно молчит, потому что первое сказанное им слово обнаружит приклеенную к нёбу резинку.

Хомер умилен:

— Садитесь Мэйсон. Можете прибавить себе еще одну ленточку за отличное знание математики.

Рой идет к своей парте, и почти тотчас же оттуда раздается разгоряченный шопот: Фэйни хочет заработать на отличной отметке Роя и требует прибавки, а Мэйсон сердито торгуется.

Между тем Хомер долго рассматривает две оставшиеся тетрадки, две обычные тетради для математики, но Чарли видит, как на задней парте два орехово-смуглых лица сереют и становятся испуганными. Джон и Нэнси — два жалких зверька — не сводят замороженных глаз с Хомера. Молчание учителя нависает, как туча. Но вот наконец он откидывается на спинку стула.

— Передо мной лежат еще две тетради, — говорит он напыщенно, — две грязные, неряшливые, затасканные, небрежные, забрызганные чернилами, захватанные грязными руками тетрадки. Хуже этих тетрадок я никогда ничего не видел. Отвратительней этих тетрадей я никогда ничего не держал в руках. Чьи это тетрадки? Кто мне это скажет?

Это только вступление к издевательствам. И класс это понимает. Кое-кто уже хихикает, но некоторые мрачнеют, опускают головы.

— Это тетради Джона Майнарда и Энн Гоу, сэр, — вскакивает Фэйни. На лице директорского сына написано величайшее удовольствие.

Мальчик и девочка на последней парте съеживаются. Пробил их час!

— Правильно, Мак-Магон,— кивает Хомер,— это, действительно, тетради названных тобою учеников... Подойдите сюда, Майнард и Гоу.

Нэнси первая поднимается с места и медленно идет к учителю. Губы ее обиженно вздрагивают. Тетрадка Майнарда ничуть не грязнее, чем у любого из мальчиков, а уж у нее, Нэнси, тетрадка всегда совсем чистая, самая чистая в классе, пожалуй...

Тоненькая, с лицом цвета полированного ореха и пышной шапкой волос, Нэнси похожа на гвоздику в высокой рюмочке. Мать Нэнси — актриса в местном театре, и Нэнси унаследовала от нее грациозность и пластичность движений.

Покачивая кудрявой головкой на длинной шейке, девочка подходит к учителю. За ней, волоча ноги, следует Джон Майнард — насупленный и неловкий с виду подросток. У Джона — кожа цвета загара, никто не заподозрил бы в нем темнокожего.

Скосив глаза, Ложка Дегтя смотрит на Чарли, и у того начинается щемить от жалости сердце.

— Так...— говорит Хомер, критически разглядывая мальчика и девочку.— Скажите, о чем вы думали, когда пытались решить данные вам примеры? О жареной курице с тыквой? О кукурузных зернах? О прошлогоднем снеге? Об игре на барабане?

В каждом его вопросе — издевка, и у Чарли холодеют руки. Он чувствует сухой жар, поднимающийся к щекам, слышит, как кровь шумит в ушах.

— Вам нечего мне ответить, потому что вы ни о чем таком не думали,— продолжает Хомер.— А не думали вы попросту оттого, что вам вообще несвойственно думать. Я вам скажу, Майнард и Гоу... я скажу вам искренне, потому что я желаю вам обоим добра.— Тут голос Хомера становится почти ласковым.— Видите ли, дети мои, для цветных изучать алгебру — просто потеря времени. Гораздо целесообразнее вам учиться, как готовить соус для жаркого.

Глаза смуглой девочки наполняются слезами — огромные темные глаза, похожие на глаза лани. Приготовить соус ей, Нэнси, мечтающей о великой славе поэта, ей,

сочиняющей стихи, известные всей школе, одобренные самим мистером Ричардсоном!

— А как же, сэр... я про себя не говорю, сэр, я сама знаю, что я решила только две задачи из четырех, — говорит она дрожащим голосом, — но Чарли Робинсон, сэр? Он ведь такой же негр, как мы, сэр, а ведь лучше всех у нас в классе знает алгебру!..

Шопот пронесется по кабинету. Фэйни, Рой и несколько ребят из их компании презрительно фыркают. Хомер отмахивается от девочки:

— Забирай свою тетрадь и ступай на место. И не задавай глупых вопросов. Если я говорю что-нибудь, значит у меня для этого есть основания. Я поставил тебе и Майнardu «эф» («плохо»).

Нэнси начинает громко, на всю комнату, рыдать. Джон Майнارد стоит перед учителем, согнувшись, опустив руки вдоль тела; он похож сейчас на деревянного паяца, которого Чарли видел однажды на ярмарке.

Сердце Чарли так колотится, что трудно дышать. Некоторые из ребят решили всего по два примера, и все же Хомер поставил им «удовлетворительно». Как ненавидит сейчас мальчик Хомера, как ненавидит он всех, кто издевается над его народом!

Шумит, шумит кровь в ушах! Чарли знает: Горилла ждет только случая, для того чтобы донести на него директору. После истории с дактилоскопированием достаточно малейшего повода, чтобы его вышвырнули навсегда из школы. Еще три дня назад мать, его милая мать, долго плакала и умоляла Чарли, своего золотого, драгоценного мальчика, сдерживаться и не навлекать на себя гнев начальства, хотя бы в память отца, который так хотел, чтобы он стал ученым.

И Чарли обещал. А теперь вот чувствует, как трудно сдержать это обещание. Сейчас, сию минуту он встанет и скажет этому белому страшилищу все, что думает о нем черный парень!

Чарли опирается руками о парту и облизывает пересохшие губы. О счастье! В это последнее мгновение раздается резкий, как удар, звонок, спасительный для мальчика и, быть может, для Хомера.

Чарли тяжело переводит дух.

— Выходите из кабинета, не задерживайтесь, — машинально, по привычке, говорит он школьникам.

8. В ПЕРЕМЕНУ

В распоряжении школьников — целые четверть часа. Моментально составляются партии в бейзбол, в салки, в «львов и тигров». Девочки прыгают через веревочку, чинно гуляют парами или стрекочут, как сороки.

На взгляд, на очень беглый взгляд непосвященного человека, все дети во дворе играют и бегают вместе, все смешались в общий веселый хоровод. Но уже через несколько минут каждый мало-мальски внимательный наблюдатель начал бы различать отдельные группы, которые никак не смешиваются между собой. Он увидел бы занятых какой-то сугубо военной игрой бой- и герлскаутов, которыми командует белесый мальчик, похожий на моль. Он заметил бы отдельную команду играющих в бейзбол мальчиков и девочек в дорогих спортивных костюмах, и среди них юного денди в желтых туфлях, самого великолепного и высокомерного.

Ему бросилось бы в глаза, что поодаль от бейзбольной площадки, стараясь не подбегать к ней слишком близко, носятся «тигры» в заштопанных бумажных свитерах и заплатанных вельветовых штанишках и «львы» в ситцевых платишках, вылинявших от бесконечных стирок.

Он заметил бы во дворе несколько темнокожих мальчиков и девочек, которые тоже держатся особняком и если затевают иногда общие игры с белыми детьми, то их партнерами почему-то всегда оказываются ребята в бедной одежде.

Случайному зрителю вовсе не нужно быть проницательным и мудрым, чтобы понять, что в этой школе все управляется теми же незыблемыми законами, которые установлены для любого американского общества в городе Стон-Пойнте, или в городе Гренджер, или в штате Нью-Йорк, или в других штатах Америки.

Но вот нарушена внезапно эта гармония, и два мальчика — черный и белый из компании «тигров» — врываются в группу бойскаутов и извлекают из нее белесого Фэйни. Джой Беннет, красный, негодующий, в расстегнутом стареньком джемпере, и его друг Чарли Робинсон допрашивают директорского сына:

— Это из-за тебя провалились по математике Майнард и Нэнси!.. Почему ты не переправил им записку? Отвечай!

Фэйни, прежде чем ответить, озирается: есть ли поблизости кто-либо из скаутов или вообще из «своих». Убедившись, что Рой стоит неподалеку, он дерзко говорит:

— Не передал потому, что не желаю из-за них влипнуть.

— Врешь! — горячится Джой. — Врешь, дохлая моль! Просто тебе было приятно подвести Майнарда и Нэнси. Я тебя знаю, голубчика! Тебе хочется, чтобы Нэнси не дали выступить на майском празднике.

— Отвяжись от меня, — шипит Фэйни, — а то я вот возьму и покажу Хомеру или президенту шпаргалку Робинсона... Пусть узнают, чем занимается наш уважаемый староста! — Он насмешливо морщит нос и показывает зажатую в кулаке бумажку: — Вот она, шпаргалка-то!

— Ах ты крысиный помет! — сжимает кулаки Джой. — Посмей только наябедничать на Чарли!

— Посмей только! — эхом откликается чей-то голос. Это Василь Гирич. Он только что с увлечением играл в «тигров», пока не заметил, что у друзей в углу двора происходит что-то серьезное.

Фэйни, увидев подоспевшее к противнику подкрепление, потихоньку отступает к бейзбольной площадке. Вот он уже рядом с Мэйсоном и что-то азартно шепчет ему на ухо. Рой пожимает плечами.

— Удивляюсь, Мак-Магон, охота тебе опять связываться с черномазым и его дружками! — бормочет он сквозь зубы. — Бери пример с меня: настоящий джентльмен никогда не повышает голоса и не пачкает рук о всякую дрянь... Вот погоди, когда мы выгоним его вон...

— Я только пригрозил ему, что покажу учителю шпаргалку, — говорит Фэйни. — Я думал — они испугаются и купят у меня эту шпаргалку за билет в цирк или еще за что-нибудь...

У Роя загораются глаза.

— Как, эта записка у тебя? Ты ее сохранил? — спрашивает он с живостью. — Дай-ка ее мне, она может пригодиться... Дай! — Он протягивает руку.

Фэйни смеется:

— Дать тебе? Дать вот так, задаром?.. Нашел тоже дурака! Нет, парень, даром я ничего никому не даю. Хочешь иметь шпаргалку — давай монету.

Рой не то с удивлением, не то с презрением смотрит на Фэйни, потом отворачивается и яростно плюет.

— Пожалуйста, поосторожней, а то ты чуть не попал мне на платье! — раздается негодующий голос. — Какие, право, у нас грубые, невоспитанные мальчишки!

Это Пат Причард, своей собственной надменной особой. Она не принимает участия в играх, а прохаживается взад и вперед с книжкой в руках.

Рой багровеет. Ни за что на свете он не хотел бы показаться этой девочке грубияном!

— Это я не нарочно, Патриция! Честное слово, не нарочно, — бормочет он извиняющимся тоном.

— Еще бы ты нарочно плюнул в меня! — насмехается Пат. — Этого еще не доставало!.. Впрочем, может быть это принято на вашем Юге? — прибавляет она язвительно.

— Ну, знаешь, это уж слишком! — вскипает Рой.

Однако Пат со своей презрительной усмешкой так великолепно, что Рой мгновенно переносит свое раздражение на стоящего рядом Фэйни. От его тумака Фэйни отлетает метра на три.

— Ты это что?

Секунду Моль ошалело смотрит на приятеля, потом издает вопль и кидается в драку.

Пат здесь... Пат смотрит... Пускай Пат увидит, какой он, Фэйни, неустрашимый боец!

Под насмешливым взглядом зеленых глаз два вполне приличных мальчика молча и ожесточенно дерутся на бейзбольной площадке. Пат брезгливо отходит подальше.

— Мэйсон! Эй, Мэйсон! Вы что, с ума сошли? Что это вам вздумалось драться! — Высокий юноша со звездой на отвороте куртки направляется через двор к дерущимся. — Сейчас же прекратите! Чорт возьми, перестанете вы или нет?!

Рой с трудом освобождается от висящего на нем Фэйни. Он растрепан, красен и зол, зол, как тысяча чертей! Появиться в таком виде перед Пат, а главное — перед вице-президентом школы Принсом! Теперь Принс, наверное, разболтает по всей школе, как безобразно дрался во дворе молодой джентльмен с Юга...

Он говорит хриплым голосом, изо всех сил стараясь вернуть себе обычную уверенность и достоинство:

— Это так, Принс. Мы разрешали маленькое недоразумение... Это несерьезно...

А в это время у каштанов Нэнси Гоу, уже позабывшая о плохой отметке, смеющаяся, легкая, как цветок, тормозит Василия:

— Послушай, отчего ты молчишь? О чем ты думаешь?

— Так, ни о чем,— говорит Василь, уставив на девочку чистые синие глаза и краснея.— Просто так.

— А вот я никогда не молчу,— говорит Нэнси.— Если мне случается замолчать, значит я придумываю стихи... Хочешь, я прочту тебе мои новые стихи? Они очень красивые.

Василь не успевает ответить — девочка уже стоит перед ним, вытянувшись в струнку, скрестив на груди руки.

— «Тучка», стихотворение Энн Гоу, — отчеканивает она.

На небе тучка грозовая
У солнца нянькою была
И, утром солнце умывая,
Обильным дождиком текла.

Сегодня раньше, милый, встань-ка.
Взгляни в окно: прошла гроза,
Заботливая тучка-нянька
Промыла солнышку глаза.

Нэнси опускает руки и, не глядя на Василия, молча ждет одобрения. Она так уверена в этом одобрении, что даже не очень удивляется, когда Василь говорит восторженно:

— Это... это просто замечательные стихи, Нэнси! Знаешь что? Знаешь, Нэнси, ты мне их запиши, а я... я сочиню на них музыку. Хочешь?

— Хорошо,— кивает Нэнси.— Только постарайся поскорей сочинить, чтобы я могла спеть эту песню на майском празднике. Мистер Ричардсон сказал, что я непременно буду выступать на празднике с моими стихами.

— Что ты такое говоришь о празднике?— спрашивает у нее за спиной Мери Смит. Она щурит близорукие глаза и придвигается ближе.— Ты узнала что-нибудь новое?

— Я говорю, что, наверное, буду читать на праздни-

ке стихи.— Нэнси дружелюбно улыбается некрасивой белой девочке.— Ты слышала мои стихи?

Мери вздыхает:

— Да, слышала несколько раз, когда ты их читала... Какая ты счастливая, что у тебя такой талант! А у меня вот нет никаких талантов. Я не пою, не играю, не пишу стихов, даже не танцую...— Глаза у Мери подозрительно краснеют.

Нэнси не выдерживает:

— Мери, не надо, не плачь... Я научу тебя танцевать, это совсем-совсем просто. Вот, смотри...

Нэнси взмахивает руками над головой и несется по ровной цементной дорожке, раскачиваясь, кружась, взлетая, повинаясь какой-то неведомой, одной ей слышной мелодии.

О Мери Смит, иди танцуй со мной,

О Мери Смит, ты песню красивую мне спой...—

поет она, проносясь мимо, и вдруг, вся еще разгоряченная танцем, подбегает к Мери:

— Что с тобой? Отчего ты плачешь, Мери, дорогая?

— Ты такая талантливая, а я такая несчастная, бездарная... о-о-о!..— рыдает Мери.

— Что тут такое? Отчего она плачет?.. Нэнси, это ты ее обидела? — сердито говорит Чарли Робинсон, появившись словно из-под земли.

Девочек тотчас же окружают набежавшие со всех сторон «малютки».

— Никто меня не обижал... Это я сама, сама...— сквозь слезы бормочет Мери.

Нэнси скороговоркой рассказывает Чарли, что произошло.

— Полно, не огорчайся, Мери,—успокаивает Чарли.— Я скажу мистеру Ричардсону, и тебе непременно дадут роль в спектакле или в живых картинах. И не плачь из-за чепухи: вовсе ты не бездарная, ты ведь отлично вышиваешь. Я уверен, ты будешь очень хорошо выступать в живых картинах.

Слезы постепенно высыхают на лице Мери Смит. Она благодарно смотрит на мальчика:

— О, Чарли, ты такой добрый! Пат Причард тоже всегда говорит...

— Что говорит Пат Причард? — Розовое лицо Пат склоняется над плечом Мери.— Что ты упоминаешь мое имя?

— Я... я только хотела сказать, что... что ты всегда хорошо отзываешься о Робинсоне. Разве это не правда?

Чарли оборачивается к Пат и радостно улыбается. Светлеет все его лицо. Пат щурит зеленоватые глаза:

— Хорошо отзывалась о Робинсоне? Я? Что-то не помню... Вероятно, тебе просто показалось, Мери Смит.

И, даже не взглянув на мгновенно понурившегося Чарли, медноволосая девочка уходит.

Под каштанами тесной кучкой стоят скауты со своим «орлом», Принс и Рой, который успел уже помириться с Фэйни. Они вполголоса о чем-то горячо говорят, поглядывая исподтишка в сторону Чарли и его друзей.

— Не позже будущего четверга, Принс, мы известим вас о результате,— говорит наконец Мэйсон.— А ты, Фэйни, подготовь со своими ребятами все, о чем мы говорили.

Фэйни моргает белесыми ресницами. Он очень взволнован.

Резкой трелью рассыпается звонок, и сразу обрываются все игры, все разговоры. «Малютки» бегут к дверям школы. Сейчас — следующий урок.

9. СОЧИНЕНИЕ НА ВОЛЬНУЮ ТЕМУ

Ричи уже в кабинете и молча следит за тем, как рассаживаются ученики.

Если кабинет Хомера вполне отображает характер Гориллы, то в комнате, отведенной младшему учителю Ричардсону, чувствуется порядок, чистота и уют, свойственные самому Ричи.

По стенам кабинета висят специально подобранные учителем портреты великих людей Америки: Авраама Линкольна, Марка Твена, Вениамина Франклина, генерала Вашингтона в пудренном парике. А рядом с ними портрет старика с вдохновенным лицом и огненным взором зовет за собой всех сторонников равенства и справедливости.

На выступах у окон — цветы.

Вплотную к одной из стен стоят шкафы с книгами.

Многие из этих книг Ричи давал читать своим ученикам, и никогда не бывало, чтобы школьники оставались равнодушными к прочитанному.

После войны Ричи с радостью вернулся к своей профессии учителя. Ему казалось, что именно теперь, после такой жестокой бойни, особенно важно воспитать новое поколение в духе благородства, чести, истинного демократизма. Он считал это высокой целью своей жизни и не стеснялся говорить об этом.

Войну Ричи провел младшим офицером на транспортном судне. Осколок гитлеровской бомбы повредил ему левую руку, так что она плохо сгибалась в плече, но Ричи считал это пустяком, не стоящим внимания, и когда его называли «инвалидом войны» или «пострадавшим на войне», он всерьез обижался.

Судно его не раз пересекало океан и доходило до самого Мурманска — русского северного порта.

В свободные минуты он охотно рассказывал ученикам о плавании в минированных водах под непрерывной бомбежкой фашистских самолетов, о Мурманске, о русских морях. Он говорил, что это храбрые, великодушные и прямые люди — настоящие джентльмены и верные товарищи. Ричи подружился там с одним командиром подводной лодки, по имени Майкл Михайлов. Этот Майкл Михайлов взял на воспитание маленького мальчика, у которого погибла вся семья, и мальчик так к нему привязался, что не мог ни одного дня пробыть без своего нового отца. Однажды он даже спрятался в подводной лодке и вместе с моряками ушел в рейс. За это ему сильно влетело от Майкла, и на совете моряков решено было отослать мальчика учиться в морскую школу. Так что теперь этот маленький храбрец, наверное, стал настоящим моряком.

«Малютки», затаив дыхание, слушали рассказы учителя о далекой, незнакомой стране, о русских. Они забрасывали Ричи вопросами: какая форма у русских моряков; как звали мальчика; кто были его родители; на каком языке разговаривал Ричи с Майклом Михайловым.

Учитель охотно удовлетворял их любопытство. А когда дело доходило до языка, то Ричи произносил несколько русских слов: «здравствуйте», «товарищ», «очень срочно», «самолет», «хорошо». Оказывается, его приятель Майкл, как и многие советские моряки, отлично

объяснялся по-английски, и Ричи говорил, что ему было стыдно не знать русский язык.

— Вы переписываетесь с Майклом, сэр?

— Где теперь ваш русский друг?

— Знаете вы адрес этого русского мальчика, сэр? — приставали к учителю школьники.

Но на такие вопросы Ричи или не отвечал вовсе, или отделялся шутками. Однако Чарли, Джою, Василию и некоторым другим ребятам казалось, что учитель знает о своих русских друзьях много больше, чем говорит.

С глубоким интересом слушал учителя Чарли. Отец его тоже был моряком, и ему казалось, что русские моряки, в особенности этот Майкл Михайлов, чем-то напоминают отца.

Своими рассказами, мягкостью, в которой чувствовалась большая внутренняя сила, заботливостью Ричи заслужил такую любовь учеников, какой не мог похвалиться ни один преподаватель в школе.

Уже по тому, как «малютки» входили в класс, как дружно и ласково приветствовали учителя, было заметно, что Ричи — их любимец.

Тонкий, смуглый, с густыми светлыми волосами, открывающими высокий, чистый лоб, учитель внимательно смотрел на них, пока они рассаживались. Наконец наступила тишина. Все глаза устремились на Ричи, перед которым лежала стопка тетрадей.

— В прошлый раз мы с вами писали сочинение на вольную тему, — начал учитель. — Некоторые темы, как, например, «Жизнь Георга Вашингтона», «Христофор Колумб», «Цель моей жизни», я сам предложил вам, остальные же темы я предоставил выбрать каждому из вас самостоятельно. Я хотел, чтобы каждый из вас выбрал и придумал то, что ему нравится и кажется близким.

Ричардсон легким жестом дотронулся до тетрадей.

— Многие из вас выбрали темой «Цель моей жизни», — тут Ричи улыбнулся, — и если бы я не знал вас раньше, то теперь, по этим сочинениям, мог бы отлично познакомиться со всеми вами. Я узнал бы, что большинство мальчиков хотят стать чемпионами бокса и футбола, знаменитыми сыщиками и даже знаменитыми пирамидами...

В кабинете раздался смех. В особенности смеялись девочки. А у некоторых мальчиков был явно смущенный вид.

— Что касается девочек, — продолжал Ричи, — то многие из них намереваются стать кинозвездами, артистками и просто знаменитыми неизвестно в какой области...

Теперь очередь краснеть была за девочками, и мальчики начали строить им насмешливые гримасы и фыркать. Но учитель строго посмотрел на них, и шум моментально прекратился.

— Если же говорить серьезно, — сказал Ричи, — то я должен признаться, что недоволен вами... В вашем классе, если не ошибаюсь, два отличника.

— Да, сэр, — поспешно отозвался со своего места Фэйни: — я и ... — тут он сделал крохотную паузу, — Робинсон...

— Так... — Легкая усмешка пробежала по лицу учителя. — Очевидно, Мак-Магон, вам никогда не приходилось слышать истории о Джеке и Джоне.

— Нет, сэр, — сказал Фэйни менее поспешно. — А что это за история?

— Видите ли, Джек и Джон были два товарища, совершенно не похожие друг на друга. Об их характерах судили по тому, как они говорили о себе самих. Джек постоянно говорил: «Я и Джон», а Джон всегда ставил себя на второе место. «Джек и я», говорил он...

Фэйни закусил губу.

Ричи, словно не было этого отступления, продолжал:

— Наши лучшие ученики и на этот раз написали сочинения без единой грамматической ошибки. Впрочем, несмотря на это, одно из этих сочинений мне решительно не нравится.

— Чье? Чье это сочинение? — раздался голос.

Чарли и Фэйни продолжали сидеть спокойно, как будто слова учителя их не касались, но на самом деле оба сильно волновались.

— Написано это сочинение на тему «Цель моей жизни», — продолжал Ричи. — Я не скажу вам, чье оно, но прочту вам из него несколько строк.

Он посмотрел на класс. Кое-кто нетерпеливо задвигался. Чарли, видимо, сразу успокоился, а Фэйни хотя и не смутился, но старался не встречаться глазами с учителем.

Ричи открыл одну из тетрадей и начал чуть глуховатым, но выразительным голосом:

— «Цель моей жизни — стать во что бы то ни стало

богатым, как Джон Рокфеллер, или Пирпойнт Морган, или Джулиус Розенвальд. Некоторые люди говорят, что богатство — это еще не все в жизни, но они говорят это потому, что сами никогда не имели больших денег. Это неправда. За деньги можно сделать все, что захочешь. Деньги дают славу, могущество, власть. Можно купить все, что тебе угодно: яхту или даже целый корабль, сколько угодно ружей и пушек, дома, автомобили, лошадей. За деньги можно даже стать графом или маркизом. Миллиардер вправе управлять целым миром, все его уважают, все его слушаются. Только богатый человек может рассчитывать на счастливое существование. Каждый умный человек должен добиваться в жизни богатства...»

Ричи остановился и поднял глаза от тетради.

— Это Мак-Магон! Это его сочинение! — раздалось сразу несколько голосов. — Фэйни только и думает о деньгах!

Фэйни сидел, опустив белесые ресницы.

— Вы правы, — сказал учитель, обращаясь к классу, — мне не надо читать это сочинение дальше, потому что все оно написано в том же духе. И написано вполне грамотно, с соблюдением всех грамматических правил и знаков препинания, так что с этой стороны у меня возражений нет и я должен поставить Мак-Магону высший балл. Но меня очень интересует: какой балл поставили бы вы ему сами?

Несколько рук вскинулось вверх. Учитель поискал глазами, кого бы вызвать. Взгляд его упал на Василия Гирича. Тот даже чуть-чуть привстал, стараясь привлечь к себе внимание Ричи.

— Говорите, Гирич, — сказал учитель.

— Я поставил бы Мак-Магону низший балл, сэр, — начал Василь, чуть заикаясь от волнения. — Я поставил бы ему самую плохую отметку. Пускай у него все правильно с орфографией и со стилем, но то, что вы здесь читали, противно слушать...

— А разве плохо быть богатым? Что в этом дурного? Чепуха! Не слушайте его! — закричали несколько учеников. — Мак-Магон хорошо написал!

— Вздор! Дайте договорить Гиричу! Он правильно говорит! — надрывались другие.

— ... Многие люди так думают и говорят здесь, в Америке, — продолжал Василь, не обращая внимания

на крики, — но есть и другие. Эти люди знают, что не все в жизни можно купить за деньги. За деньги не купить друзей, не купить любовь, верность, честность... Музыку тоже не купишь... Нет, этого всего никто не сможет купить даже за миллионы миллионов — убежденно закончил Василь. — Я все сказал. Можно мне сесть, сэр?

И, раскрасневшийся, он опустил на свое место.

Ричи внимательно смотрел на учеников:

— Кто несогласен с Гиричем? Кому из вас кажется, что все в жизни покупается и продается?

Все затихли. Никому не хотелось отвечать на такой прямой вопрос. Мэйсон пробормотал сквозь зубы, что «джентльменства за деньги, разумеется, не купишь», однако поднять голос против приятеля не решился.

— Так вот, Мак-Магон, вы только что слышали мнение ваших товарищей, — сказал Ричи, обращаясь уже прямо к Фэйни. — Многие из них, повидимому, не одобряют вашей цели жизни.

— Да, сэр, — встал Мак-Магон.

— Я тоже, признаться, не одобряю ее. Но вы, разумеется, можете придерживаться совсем других мыслей: ведь вы — в свободной стране. — Ричи горько усмехнулся. — А так как ваше сочинение написано вполне правильно, то, повторяю, я вынужден поставить вам «эй».

Фэйни взял из рук учителя свою тетрадь. Несмотря на старание придать себе оскорбленный и недовольный вид, он был явно рад, что получил хорошую отметку.

— Чарльз Робинсон! — вызвал Ричи.

Чарли подошел к кафедре. Ричи ласково дотронулся до его плеча.

— Я очень доволен вами, мой мальчик, — сказал он: — вы написали отличное сочинение об одном из самых замечательных людей Америки. — Он обратился к классу: — Ваш товарищ Робинсон написал вот о нем, — Ричи указал на портрет вдохновенного старика, чей взгляд, казалось, пронизывал каждого, кто на него смотрел, — о Джоне Брауне, герое борьбы за освобождение негритянского народа. Я вижу, Чарльз, вы прочли много книг о нем, — обратился он к Чарли.

Мальчик кивнул курчавой головой:

— Да, сэр, он мой любимый герой, и я всегда думаю о нем: о том, как он любил нас, черных, как сражался с

южанами в Харпере-Ферри, какой он был умный и храбрый...

По выражению лица, по голосу Чарли чувствовалось, что он говорит о самом своем заветном. Рой Мэйсон наблюдал за ним, презрительно скривив рот.

— Смотрите-ка, как черномазый разговаривался! — наклонился он к Фэйни.— Взялся прославлять этого сумасшедшего старого болвана, о котором у нас на Юге слышать не могут...

— Я тоже очень люблю Джона Брауна,— говорил между тем Ричи,— и часто жалею, что в наше время нет таких людей... я хочу сказать — таких благородных и смелых,— поправился он.

— Ого, это надо запомнить! — опять шепнул Рой.— Это надо хорошо запомнить!

— Робинсону я тоже поставил «эй»,— сказал учитель, отдавая тетрадь Чарли.— Можете передать вашей матери, мальчик, что я вами доволен.

Чарли, сияющий и улыбающийся, отправился к своему месту.

Ричи продолжал как бы нехотя перебирать тетради. Легкая морщина легла у него между бровями, и от этого лицо стало старше и суровей.

— Я хочу сказать вам еще кое-что,— начал он с усилием.— К моему большому огорчению, среди этих сочинений есть еще одно, которое я считаю самым злым, бессердечным и грубым из того, что я когда-либо читал.— Ричи бегло оглядел класс.— Автор этого сочинения сам выбрал тему и сам ее разработал... Я считаю это дело таким серьезным, что не скажу вам ни имени автора, ни его темы. Он присутствует здесь в классе, слышит и понимает все, что я говорю, и надеюсь, сделает для себя в дальнейшем нужные выводы. Я хочу думать, что это будет так.

Семиклассники беспокойно завертели на своих местах, подозрительно вглядываясь друг в друга. Но что угадаешь по лицам?

— Я оставляю эти тетради на столе,— сказал Ричи.— Пусть староста раздаст их каждому, не заглядывая внутрь. Я очень надеюсь, что автор упомянутого мною сочинения подумает о том, что я сказал.

И Ричи вышел из кабинета, оставив школьников взволнованными и смущенными.

Чарли молча рёздал всем тетради. Каждый старался по выражению лица соседа угадать, не о нем ли говорил учитель.

А некоторые невинные души мучились про себя: не они ли вызвали негодование Ричи, не они ли написали то злое, грубое и низкое, о чем говорил учитель? Гадала и Нэнси — не о ней ли говорил Ричи и имела ли она право писать, что мечтает стать поэтессой? Может быть, именно это показалось учителю грубым? Но злого-то здесь уж ничего нет! Если она причинит этим зло, то только себе!

И лишь один мальчик взял свою тетрадь вполне равнодушно и даже не заглянул в нее. Он хорошо помнил, что в ней написано.

Отдельные слова и целые фразы из сочинения были точно оттиснуты в его памяти:

«В большинстве Южных штатов и в некоторых Северных негром справедливо и правильно считается всякий, в ком есть хоть одна капля негритянской крови. Негры органически, а также и биологически неспособны усваивать никаких наук, кроме арифметики, стряпни и управления автомобилем. Они могут занимать должности не выше должности сторожа, швейцара или повара. Происходит это потому, что их черепные кости намного толще черепных костей белого человека. Это давно доказано медициной».

И дальше:

«Негры никогда не моются, от них идет особенный запах, свойственный только людям с черной кожей».

И еще, и еще, и еще... восемь страниц, исписанных мелким, «джентльменским» почерком южанина!

— Ребята, кто же все-таки написал это так называемое «сочинение»? — спросил Джой Беннет, обводя глазами мальчиков и девочек своего класса. — Наверное, пакость порядочная! Наш Ричи расстроился не на шутку... Признавайтесь, ребята!

Ему никто не ответил.

10. ПОСЛЕ УРОКОВ

— Домой, Сэм?

— Нэнси, не забудь про стихи! Принеси их завтра.

— После обеда — на футболе!

— Помни, Мери, ты обещала мне показать вышивку.

— Ребята, до завтра!

У ворот снова выстроились регулировщики. Школьники расходились по домам, шумно прощались, размахивали портфелями, перекликались, стараясь перекричать автомобильные гудки.

Чарли подошел к Гиричу:

— Придешь вечером? Я достал проволоку. Можно будет заняться колесами.

— Идет! — кивнул Василь. — А мне отец сделал на заводе ключ. Теперь будет чем отвинчивать гайки.

— Ого! Вот это здорово! — обрадовался Чарли. Он заранее предвкушал удовольствие заняться своим детищем.

Почти у всех мальчиков и девочек в школе были свои хобби, то-есть занятия, которыми они увлекались. Одни собирали марки или спичечные коробки, сигарные этикетки или пуговицы, другие увлекались кинематографом и просиживали по четыре сеанса. Некоторые пристрастились к азартным играм в кости и карты или же по всякому поводу держали пари.

Хобби Чарли Робинсона был автомобиль.

Еще когда был жив отец Чарли, они вдвоем смастерили первую модель из упаковочного ящика и тачечных колес. Отец тогда увлекался не меньше сына и каждый раз, возвращаясь с работы, предлагал Чарли всё новые усовершенствования, которые он придумывал по дороге домой. Они возились во дворе с этой моделью до той самой минуты, когда отцу пора было ехать на корабль.

— Ты без меня займись этим и придумай что-нибудь полегче, — сказал он тогда сыну.

С тех пор Чарли сделал около десятка автомобилей из всевозможных материалов — от дерева до консервных банок. И в прошлом году одна из его моделей победила на гонках «табачных ящиков» — под таким шуточным названием в городе ежегодно происходили соревнования самодельных автомобилей.

Ох, как волновался Чарли, когда судьи, осмотрев его машину, сказали, что он может участвовать в гонках! Каждый день он взвешивался — не потолстел ли, не стал ли тяжелей: ведь каждые сто граммов имели теперь значение! Гонки должны были происходить на холме Надежды — пологом длинном спуске в Верхнем городе,—

и Чарли несколько раз ходил осматривать всю дистанцию.

Главным его соперником был Мэрфи — ученик технической школы, худосочный малый года на два старше Чарли. Мэрфи слыл ловкачом среди ребят Восточной окраины: он знал, как через запасный выход пробраться без билета в кино и на стадион, где стрельнуть мячи для бейзбола и как бесплатно проехаться на автобусе до соседнего города Гренджера.

Мэрфи уже курил и потихоньку выпивал в компании взрослых молодцов. Отец его был владельцем ремонтной мастерской, поэтому у Мэрфи имелось сколько угодно подходящих материалов, из которых можно было сконструировать автомобиль. Три года подряд он выигрывал гонки и считался непобедимым.

И вдруг появился Чарли Робинсон на легком сигарообразном автомобильчике, и холм Надежды впервые стал свидетелем поражения Мэрфи.

Отдавая Чарли переходящий приз — серебряный жетон с изображением автомобиля, Мэрфи был темнее тучи.

— Я ничего не имел бы против, если б меня победил белый, — сказал он своим «болельщикам». — А видеть, как похвывается эта черная образина, не могу! Я еще покажу себя этому негритосу!..

Когда Чарли передали эти слова, он не придавал им никакого значения. Однако теперь, когда снова приближались майские гонки, он все чаще встречал Мэрфи в Горчичном Раю и почти всегда поблизости от своего дома. Он знал: Мэрфи строит новую модель и снова будет участвовать в состязаниях. Василь Гирич тревожился и уверял, что Мэрфи не зря шляется возле сарая, где стоит их машина.

— Ты его не знаешь, этого парня. Мэрфи на все способен: возьмет и подожжет ночью сарай, — уверял он Чарли.

Но Чарли — сам честный и прямодушный — отмахивался и смеялся:

— Всюду тебе мерещатся подвохи. Просто Мэрфи не терпит поглядеть на нашу «Серебряную свирель». А все-таки придется ему потерпеть до старта...

«Серебряная свирель» — последняя модель Чарли — была почти закончена. На этот раз автомобиль был

сконструирован из старых самолетных частей, которые мальчики откопали на «кладбище» вблизи аэродрома. Все — от старого солдатского котелка до резиновой трубки — шло в дело. Чарли унаследовал от отца конструкторские способности, у него были ловкие руки прирожденного механика.

Чем только не наполнял он свой дом и свои карманы! Тут были и мышеловки специальной конструкции, и точилки для перьев из ореховой скорлупы, и звуковая сигнализация, от которой чуть не падали в обморок соседки. Мальчик мечтал построить настоящий автомобиль с настоящим мотором. Вот когда можно будет поехать путешествовать, увидеть мир, а не только пыльный, пропахший газOLIном Стон-Пойнт!

— Тогда мы поедем с тобой к Скалистым горам, погостим у индейцев, — прилаживая руль к «Серебряной свирели», поверял Чарли свои мечты Василию. — Вот подходящая тяга к левому переднему... А потом мы двинемся на Аляску... Надо будет положить ее отмокать в керосин... Там, говорят, можно ездить на оленях...

Василь привык не удивляться причудливым скачкам мысли Чарли. Сам Василь тоже мечтал путешествовать. Правда, страна, которая его привлекала сильнее всего, лежала за океаном, далеко-далеко от Скалистых гор, но до поры до времени Василь никому не заикался об этой стране. А пока он усердно работал вместе с Чарли над регулировкой колес «Серебряной свирели» и даже иногда приводил для консультации своего отца.

Плотный седоусый Гирич усаживался на карточки перед машиной, копался вместе с ребятами в деталях и увлекался не меньше мальчиков. Вот и сегодня он обещал притти вечером и принести кусок алюминиевой трубы для руля...

— Напомни отцу о трубе, — сказал Чарли Василию, когда тот уже направлялся к воротам.

Василь кивнул:

— Не беспокойся, он не забудет.

Подошел Джой, на ходу запихивая в папку тетрадки:

— Вместе домой пойдем?

— Нет, — слегка смутился Чарли. — Я... мне надо еще поговорить с мистером Ричардсоном...

Глаза его бежали весь школьный двор, ища кого-то. Вон там, под каштанами, мелькнуло зеленоватое платье.

— Ричи пошел наверх, я его видел, — сказал, желая услужить другу, Джой.— Беги скорее, ты его еще догонишь.

Нечего делать, пришлось Чарли повернуть снова к школе и с деловым видом поспешить наверх.

Джой вдруг насторожился и резко обернулся к Василью:

— Посмотри-ка, что это за компания собралась на бейзбольной площадке? Опять Мошь со своим дружкой! И скауты с ними! О чем это они там шепчутся? Может быть, узнали, кто написал это сочинение, а нам не хотят говорить?

— Нет, по-моему они опять затевают что-то против Робинсона, — сказал Василь. — Вчера весь день шептались, собирались по углам, что-то писали... Принс два раза к ним приходил. А сегодня ко мне подъезжал Лори, говорил, что класс больше не хочет подчиняться негру, что директор относился бы очень мягко к классу, где старостой был бы его сын, что всем это было бы очень выгодно: можно не так зубрить и на экзаменах ни-кто не придирался бы.

— Ну, а ты что? Что ты ему сказал? — мгновенно вспыхнул Джой.

Василь спокойно глянул ему в лицо:

— Я послал его куда следует и на дорогу дал ему хорошую затрещину. И сказал еще, что мы всегда будем поддерживать Чарли.

— Молодец! — Джой шлепнул друга по спине. — Гляди-ка, они держатся прямо как заговорщики. Вон, гляди, подозвали девочек и шепчутся с ними...

— Они уверяют, что добьются, чтобы в школе не осталось ни одного цветного, — сказал незаметно подошедший Джон Майнард. — Я сам слышал, как этот южный фронт похвалялся, что добьется. И они действительно это сделают, — добавил он меланхолично.

— Эх ты, шляпа! Что ж ты, так и будешь дожидаться, чтоб тебя вышибли из школы только за то, что ты темнокожий? — вскипел Джой. — Нет, ребята, я сейчас же бегу за Чарли, скажу ему, что и нам нужно собрать весь наш штаб. В случае чего — покажем им себя. Нужно быть наготове, а то от этих парней всего можно ждать... Чарли не тебе чета, Майнард, он будет действовать.

И Джой побежал обратно к школе, крикнув на бегу Василию:

— Подожди меня, я быстро!

В верхнем коридоре у окна Чарли говорил Ричардсону:

— Она сегодня даже плакала, сэр. И все оттого, что у нее нет никаких талантов. Ей так хотелось бы выступить на празднике... Я сказал ей, что попрошу вас, сэр. Может быть, для нее найдется роль в живых картинах или еще где-нибудь? Она была бы так счастлива...

— Хорошо, Чарльз, я постараюсь придумать для Мери Смит что-нибудь подходящее,— кивнул Ричи,— А вы уже ходите на репетицию к мисс Вендикс?

— Да, сэр. Она дала мне роль волхва в картине «Поклонение волхвов», — оживился Чарли. — Говорит, что я буду очень хорошо выглядеть в бараньей шкуре и с посохом в руке. Она меня поставила впереди всех, у самых яслей младенца.

— А кто же будет младенцем? — лукаво усмехаясь, спросил Ричи. — Уж не наш ли Лори Миллс?

Чарли расхохотался:

— Лори Миллс? Наш шестифутовый «малютка»? Правда, сэр, Лори — любимец мисс Вендикс, но на этот раз она все-таки взяла маленького братишку Де-Минго. У него замечательная мордочка и глазички — как вишни... Мы только боимся, что когда откроется занавес, он вдруг возьмет да и заплачет...

Ричи фыркнул по-школьничьи, и Чарли, мгновенно уловив благоприятное настроение учителя, решил:

— Сэр, не можете ли вы сказать... про сочинение, сэр... о чем оно и кто его написал?... Даю вам слово, сэр: никто ничего не узнает.

Улыбка мгновенно сбежала с лица Ричи:

— Нет, мальчик, я сказал на уроке все, что мог и хотел сообщить всем вам. Не стоит возобновлять этот неприятный разговор.

Чарли смущенно потупился.

— Кстати, — как бы вскользь продолжал Ричи, — я давно хотел спросить: как вы ладите с этим новичком — Мэйсоном? Ведь он пришел в класс в середине года?

— Я с ним поладил бы, да он со мной не очень-то ладит, — тряхнул головой Чарли. — Он ведь с Юга, а там у них негр — не человек... Вот он и не может никак

примириться, что мы учимся в одной школе. Когда я подхожу к нему, он корчится, словно змею увидел.

— Так... — сквозь зубы пробормотал Ричи. — Понятно... — И, резко меняя разговор: — А как подвигается машина? Успеете закончить к «табачным гонкам»?

— Еще бы, сэр! Шасси уже почти готово, теперь дело за кузовом, — с воодушевлением начал мальчик. — Я взял за основу кузов последнего ракетного автомобиля. Он будет совсем не похож на прошлогоднюю машину Мэрфи...

Чарли хотел было пуститься в подробности, но в это мгновение из-за поворота коридора показался бегущий во всю мочь мальчик. Это был запыхавшийся Джой.

— Робинсон, заговор! — еще издали начал он выкрикивать, не замечая в своем возбуждении учителя. — Моль и его дружок собираются тебя выставить. Всех черных хотят выжить из школы. Мне только что Бэн Квинси сказал, они во дворе собрались. Будет большой бой. Сегодня же нужно собрать штаб. Мы им тоже покажем себя!

Тут только Джой увидел Ричардсона и сконфуженно забормотал:

— О, сэр, простите... Я не заметил вас, сэр...

Ричардсон закусил губу.

— И много школьников примкнуло к Мак-Магону и Мэйсону? — спросил он Беннета.

Чарли и Джой удивились, откуда их любимец узнал о Мэйсоне.

— Порядочно, — отвечал Джой. — С ними все скауты и та компания, которой они обещали кое-что дать за поддержку. Мэйсон получает от отца хорошее содержание. А у Фэниана всегда водятся денежки.

— Предупредите меня, когда будет этот «бой», — сказал учитель, хмуря тонкие брови.

И, слегка кивнув мальчикам, он направился к дверям своего кабинета.

11. ПАТРИЦИЯ

— Соберемся сегодня вечером у меня, — обратился Чарли к товарищам, едва учитель скрылся из виду. — Видно, на этот раз простой дракой не обойдется... Скажи всем нашим, чтоб приходили, — добавил он.

Джой покрутил в воздухе папкой, как пращой:

— Все равно у мак-магоновцев не выгорит — тебя все наши поддержат, а Фэниана даже его скауты терпеть не могут. Ну, до вечера, Чарли.

И Джой Беннет побежал оповещать «своих».

Чарли спустился во двор и тотчас заметил, что зеленое платье еще маячит под каштанами.

Неподалеку стояла небольшая кучка скаутов со своим вожаком и Мэйсоном.

Не обращая на них внимания, Чарли пересек двор и подошел к зеленому платью. Зеленое платье в этот момент казалось поглощенным беседой с Мери Смит.

— Хэлло, Пат! Собираешься домой? — окликнул Чарли.

Увидя его так неожиданно близко, Мери вздрогнула. Пат невозмутимо кивнула медноволосой головой:

— Да, пора, а то мать будет беспокоиться, Я и так задержалась.

Она старалась застегнуть тугой замок сумки.

— Дай я застегну тебе.— Чарли взял у нее из рук изящную желтую сумку.— Так идем вместе?

Пат быстро глянула в сторону скаутов и так же быстро отвела глаза:

— Идем.

Она решительно тряхнула волосами и вместе с Чарли направилась к воротам.

Мери всплеснула руками.

— Патриция, опомнись! Они смотрят! Это тебе не пройдет даром! — зашептала она.

— Пожалуйста, не шепчи,— оборвала ее Пат.— Я не из пугливых. А ты, если трусишь, можешь оставаться.— Она ускорила шаг.

— Это я трушу? Меня можно растерзать на части — я им не поддамся! — горячо сказала Мери, немедленно становясь по другую сторону Чарли.

Сопровождаемые враждебными взглядами скаутов, все трое вышли из ворот школы и направились в сторону Паркового района,

Дождь прекратился, но на улице было сумрачно, и кое-где в витринах уже зажгли свет.

Чарли вдохнул сырой воздух. На секунду ему показалось, что пахнет весной, но уже в следующий момент он различил запахи колбасы, и капуста, и селедок: тяну-

ло из открытых дверей лавки Слейкса. Картонный негр — реклама овсянки, — как всегда, улыбался с витрины.

Улица, несмотря на то что она носила название Скул-стрит (Школьная), была беспокойной, грязноватой и очень шумной. Кричали продавцы жареной кукурузы, выкликали свой товар кондитеры, мороженщики и продавцы бананов. Пронзительно свистела жаровня Пинелли — продавца земляных орешков. Предостерегающе гудели автомобили. Сэнди и Бинг, знакомые мальчишки-газетчики, выскочили из-за угла прямо на Чарли и девочек и понеслись по улице, крича во все горло:

— Похищение ожерелья стоимостью в десять тысяч долларов!

— Убийца Сэттон — победитель последнего раунда!

— Противник Сэттона — Мартин найдет свою могилу!

— Агент большевиков перед судом!..

— Стачка шоферов продолжается! Хозяева идут на уступки!

Люди — серые и мрачные, как погода, как весь этот скучный, стандартный город — текли по улицам, не обращая внимания друг на друга, холодные и отчужденные.

— Придешь сегодня на репетицию? — спросил Чарли, наклоняясь к Пат. Он так углубился в созерцание улицы, что не заметил волнения Мери и думал, что девочки переговариваются о каких-то своих, девчоночьих делах.

— Н-не знаю, — с некоторой запинкой отвечала Пат.

Как только они очутились за воротами школы, вне поля зрения скаутов, задор ее значительно ослабел, и теперь она хмурила брови, кусала губы и вообще казалась недовольной.

— После сегодняшнего тебе, конечно, не придется выступать в «Поклонении волхвов», — сказала Мери. — Теперь это невозможно.

— В чем дело? Отчего невозможно? Что ты кудахчешь, Мери Смит? — поддразнивая, спросил Чарли. — Уж эта Мери Смит! Всегда суетится и машет руками, как наседка крыльями!

Пат сделала предостерегающий жест, однако на Мери это нисколько не подействовало.

— Нет, я должна сказать ему! Пускай он знает, — решительно заявила она и обратилась к Чарли: — Они — ты, конечно, понимаешь, о ком я говорю, — так вот, они сказали Патриции, что если она хочет быть королевой на майском празднике, то должна перестать дружить с тобой. Они сказали — скоро ни одного цветного не будет в школе, а пока цветные здесь, мы не должны иметь с ними ничего общего... Вот что они сказали.

И Мери взволнованно уставилась на Чарли: какое впечатление произвели ее слова?

Чарли невесело усмехнулся:

— Зачем же ты идешь со мной, Патриция? Ведь ты слышала: если будешь водиться со мной, тебя не выберут королевой праздника... Они позаботятся о том, чтобы провалить тебя, будь покойна! — Он перевел дыхание. — И вот что: чтоб не подводить тебя, я сам с этой минуты перестану с тобой разговаривать и ходить с тобой, и вообще считай, что с этой минуты наша дружба кончена!

И, резко дернув плечом, Чарли повернул в переулок.

— Постой, Чарли, погоди!

Пат догнала его и схватила за руку:

— Ты не понял! — Она самолюбиво вспыхнула. — Я сказала им, что они не смеют мне приказывать! Никто не смеет мне приказывать! А угроз их я не боюсь, они меня не пугают. Я нарочно пошла с тобой, чтобы они видели, что я их ничуть не испугалась...

Чарли пытался вырвать руку, но Пат держала крепко.

— И потом, ты забыл: ты обещал мне сделать звезду в волосы для нашей живой картины, и подарить точилку для перьев из ореховой скорлупы, и показать свою «Серебряную свирель», и научить меня грести... И мы ведь условились: если ты победишь на гонках, я тебе дарю свою лучшую хоккейную клюшку... Нет, ты не смеешь так уйти...

— Но у тебя могут быть неприятности из-за меня. — Чарли слабо пытался сопротивляться.

— Не беспокойся, я ничего не боюсь. — И торжествующая Пат потащила мальчика за собой.

— Патриция Причард, я уважаю тебя. Ты еще больше выросла в моих глазах! — торжественно заявила Мери Смит.

12. НА ПАРК - АВЕНЮ

Теперь они снова шли все трое, непринужденно болтая и смеясь всякому пустяку. Пат была необыкновенно весела (Чарли давно не видел ее такой) и смешно передразнивала жесты и голос мисс Вендикс.

— Прошу вас, мисс Причард, пожаловать в зал и блеснуть своим искусством,— пропела она в нос и закатила глаза, как мисс Вендикс. — Дорогая, вы просто темпераментная крошка!..

Чарли и Мери расхохотались.

Пат величественно протянула руку:

— Нечестивые! Смеяться над хрупкой, нежной де-вой, которая ведет вас к Великой Красоте с большой буквы!..

— Ой, как похоже! Мисс Вендикс, как живая, честное слово!.. Пат, милочка, у тебя настоящий талант! — восторгалась Мери.

На перекрестке, у заправочной станции, Мери протиснулась: дом родственницы, у которой она жила, стоял в нескольких шагах.

Дождь снова начал накрапывать и, словно разохотаясь, все усиливался. Чарли заботливо оглядел слишком легко одетую Пат:

— Давай доедем на бусе, а то ты еще простудишься. Схватишь насморк, а потом... в живой картине вдруг чихнешь на весь зал, — нарочно добавил мальчик, чтобы Пат, чего доброго, не заподозрила его в нежности.

Они дошли до остановки автобуса.

— Ты видел мой театр? — спросила Пат. — Как, ты его еще не видел? Тогда ты обязательно должен сегодня же зайти к нам и посмотреть. Это такая прелесть!..

— А что это за театр? Игрушечный? Разве ты еще играешь в игрушки? — поддразнил Чарли.

Пат чуть смутилась.

— Ну, понимаешь, старый мистер Миллард все еще смотрит на меня как на маленькую, — начала она объяснять. — Тут был день моего рождения, и мама проговори-лась об этом в доме. Вот он вызывает маму, передает ей большущий ящик и говорит: «Миссис Причард, передай-те это вашей крошке». Кажется, он все еще думает, что мне лет пять-шесть.

Пат засмеялась. Однако из всего ее рассказа Чарли

уловил только одно: был день ее рождения, а она ему не сказала об этом ни слова!

— Что же ты мне не сообщила о твоём рождении? — с упреком сказал он. — У меня тоже нашёлся бы для тебя подарок.

— Ты можешь подарить мне его в любой день, — великодушно позволила Пат. — А как у тебя идут дела с «Серебряной свирелью»?

— Вожусь с колесами. Мы с Василем решили взять колеса с детской коляски, — с увлечением принялся рассказывать Чарли. — Да вот завтра ты можешь притти и все сама посмотреть. Кажется, на этот раз получится действительно здорово... И как бы Мэрфи ни старался, все равно «Серебряная свирель» займет первое место!

— И королева праздника увенчает тебя цветами и клюшкой. — Пат торжественно протянула руку над курчавой головой мальчика, делая вид, что возлагает на нее венок.

— Смотри, а вдруг тебя действительно из-за меня не выберут королевой? — Чарли улыбнулся, но брови его были сдвинуты.

— Чепуха! Это они хотели запугать меня, да не удалось, — горделиво сказала Пат. — И потом, красивее меня им все равно никого не найти. Вряд ли они захотят украсить праздник длинноносой и неуклюжей королевой вроде Мери Смит. — И тщеславная девочка насмешливо захохотала.

— Не надо над ней смеяться, — добродушно остановил ее Чарли. — Она, конечно, не очень красивая, но зато славный товарищ.

Пат хлопнула его по руке:

— Ох ты, всеобщий защитник! Всегда во всех видишь только хорошее!

Подожел красно-белый автобус. Было тесновато, но Чарли быстро нашел местечко для Пат. На следующей остановке освободилось место и для него — рядом с тяжелой белокурой женщиной, одетой богато, но безвкусно. Едва мальчик опустился на сиденье, женщина шумно встала, отряхивая юбки, как будто к ней прикоснулось нечистое животное.

— Я не понимаю, чего смотрит автобусная компания! — громко, на весь автобус, сказала она. — Сажают сюда всяких...

— И не говорите! — подхватил другой сосед Чарли, аккуратный и седенький, похожий на приказчика. — Скоро порядочному человеку от них деваться будет некуда...

И он сделал вид, что старается отодвинуться как можно дальше от черного мальчика.

Люди вытянули шеи — всем было интересно поглазеть на скандал. Со всех сторон посыпались недружелюбные замечания:

— Ему что — сидит как ни в чем не бывало!

— Забыли свое место эти негритосы!

— Не беспокойтесь, они себя еще покажут!

И только один человек, в синем комбинезоне, пробормотал сквозь зубы:

— И чего пристали к парню — не понимаю!

Рядом с Чарли зияло единственное свободное место, но никто не торопился его занять. На Чарли смотрели холодные, враждебные глаза, и под этими взглядами лицо мальчика приняло пепельно-серый оттенок.

«Не встану, буду молчать. Пускай смотрят, пускай говорят, все равно не двинусь с места!» мысленно повторял он себе.

Он повернулся к Пат, взглядом ища у нее сочувствия, но девочка сидела, пристально глядя в окно и делая вид, что все происходящее ничуть ее не касается. Соседка Чарли успела перехватить его взгляд и язвительно засмеялась:

— Черный кавалер! И как только не стыдно девчонке! Мало ей своих, что ли? Непременно надо водиться с этими...

Она хотела прибавить какое-то грубое слово, может быть «ниггер», или «эфиоп», или еще какую-нибудь презрительную кличку, придуманную белыми для негров, но удержалась, остановленная сверкающими глазами Чарли.

— Зарежет, честное слово зарежет! — притворно охнула она, выходя на остановке. — И когда только они уберутся к себе в Африку!

Место возле Чарли так и осталось незанятым до самого Парк-авеню. Мальчик молча сошел с автобуса и даже не попытался помочь Пат: так отчужденно держалась она.

Пока автобус не отошел на достаточное расстояние, Пат шагала поодаль, как незнакомая. Щеки у нее горе-

ли, и она так торопилась, как будто за ней кто-то гнался. Чарли издали наблюдал за ней: и смешно ему было и горько, и хотелось сказать что-нибудь злое себялюбивой девчонке.

— Можете не бежать так, мисс Причард, — произнес он наконец: — никто за вами не гонится — ни черные, ни белые!

— О-о, старая дура! — плачущим голосом сказала Пат. — Как она смела так говорить обо мне!.. Как смела!.. — Она топнула изящно обутой ножкой. — И зачем ты только выдумал садиться в автобус! — набросилась она вдруг на Чарли. — Захотелось неприятностей?..

Чарли насмешливо посмотрел на нее.

— Мне очень жаль, — сказал он, — мне очень жаль, что так вышло: целили в негра, а попало белой леди...

Пат слегка смутилась.

— Да, конечно... тебе было еще неприятней, — пробормотала она. — Эта дура и на тебя набросилась, обидела...

Чарли пожал плечами.

— Я привык, — сказал он. — Я привык, что вы, белые, не считаете негров за людей. — Он гордо встряхнул головой. — Но я знаю, почему это так. Потому что все черные чересчур кротки и покорны. Они не были такими во времена Джона Брауна, и тогда белые поняли, чего мы стоим. Вот погоди, дай мне только стать взрослым, и я покажу всем, на что способны негры!..

Его руки дрожали. Он спрятал их в карманы.

Пат смотрела на него с удивлением.

— Вон ты какой, оказывается... — пробормотала она. — А я и не подозревала! — И сразу, чтобы переменить разговор, успокоиться самой и успокоить мальчика: — Сейчас мы и дома. Увидишь мой белый с золотом театр.

Чарли покачал головой:

— Нет, Патриция, я не пойду к тебе. Достаточно у тебя было неприятностей из-за меня. Подумай: вдруг меня увидит сам Босс или твоя мать. Тут уж не удастся сделать вид, будто ты со мной незнакома, — прибавил он насмешливо.

Пат слегка покраснела.

— Мне очень жаль... я... просто растерялась, — сказала она извиняющимся тоном. — И ты не должен сер-

диться на меня, Чарли. Мне так хочется, так хочется показать тебе мой театр: ведь ты — мой друг.

И она так просительно и ласково заглядывала ему в лицо, так теребила его за рукав, что мальчик не выдержал и сдался. Но еще долго, как жгучая заноза, горела в нем только что пережитая обида.

Большого труда стоило мальчику отвлечься от горьких мыслей, прислушаться к бездумной болтовне по-други:

— Посмотри, как здесь у нас шикарно. Какие кругом дворцы! Вон тот — желтый, в мавританском стиле — это дворец Сфикси, судьи. А там, дальше, видна решетка и башни — это наш замок...

В другое время Чарли, может быть, и оценил бы мраморно-железно-решетчатое великолепие Паркового района и разностильные старания «тринадцати семейств», но сейчас он видел только цепи, ограды и заключенные за решетки клумбы.

То ли дело островок на реке, куда он ездит купаться с Беннетом и другими ребятами! Вот где настоящее при-волье! Лютики, как золотые звездочки, горят в шелкови-стой мураве, и никем не подстригаемые вязы опускают свои ветви прямо к воде. А какой там белый песок! И никаких цепей, никаких решеток — купайся, валяйся на траве, рви цветы сколько угодно!

— Ах, как бы я хотела побывать там! — со вздохом сказала Пат, выслушав его восторженные описания. — Возьми меня как-нибудь с собой, хорошо?

— Куда это ты собираешься, дочка? — раздался вдруг скрипучий голос. — И на что, без разрешения матери, подбивает тебя этот кавалер?

Перед мальчиком и девочкой, как из-под земли, выросла миссис Причард. На этот раз Образцовый Механизм был увенчан некоторым подобием женской шляпки, а на рычагах, то-есть на плечах, у него находился железно-серый, как машинный чехол, плащ.

— Ты должна была явиться домой час тому назад, — продолжала миссис Причард тем же сухим, лишенным выражения тоном. — Но теперь я вижу, что ты отнюдь не торопишься.

— Я... мы... — забормотала Пат, — мы обсуждали как отправиться на пикник.

— На пикник? — Образцовый Механизм, казалось,

остановил со скрежетом все свои шестерни. — Ты знаешь, дочка, что я не одобряю пикников с неизвестными участниками.

Пат быстро взглянула на Чарли.

В присутствии матери девочка утратила часть своей уверенности, но все же старалась держаться маминой любимицей.

— Мамошка, это Чарльз Робинсон, ты о нем слышала, мы с ним вместе учимся... — затараторила она с деланным оживлением. — Он сын миссис Робинсон, которая у нас бывает, мамочка...

— Ты хочешь сказать — которую я иногда приглашаю помочь на кухне? — поправила миссис Причард. — Да, я знаю вдову Робинсон, это очень приличная женщина. Надеюсь, что и сын у нее такой же.

Чарли хмуро поклонился.

— Да, мамочка, Чарльз у нас первый ученик и наш староста. И мы вместе участвуем на майских праздниках в «Поклонении волхвов». Мисс Вендикс в восторге от Чарльза...

— Вместе участвуете в библейской картине? — спросила миссис Причард, поднимая в знак изумления свои рычаги. — Так, так, дочка...

— А сейчас я привела к нам Чарльза, чтобы показать ему мой театр, — продолжала Пат.

Казалось, миссис Причард сделает все возможное, чтобы помешать дочери ввести в замок Большого Босса молчаливого темнокожего паренька. Но избалованная девочка уже протащила Чарли сквозь кованые ворота (копию средневековых), мимо двух собачьих будок к левому крылу замка, где помещалась замковая прислуга и где было жилье миссис Причард и ее дочери.

Чарли хмуро разглядывал вычурное массивное здание, забранные решетками окна, похожие на дверцы негосударственных шкафов двери. Так вот оно — жилище самого Босса, того Босса, которому принадлежал почти весь город, школа, земля, дома, где живут Чарли и все его друзья и знакомые, того Босса, на которого всю жизнь работали его отец и все, кого только знал мальчик!

Он невольно съежился. Никогда, никогда его отец не отважился бы переступить порог этого дома, ни один из негров-рабочих не смел и подумать о том, чтобы появиться во владениях Большого Босса.

И вот его, Чарли, негритянского мальчика, привел сюда каприз белой девочки. А вдруг выйдет из дверей сам Босс, увидит его, велит слугам выгнать его вон!

При этой мысли кровь прилила к щекам Чарли. Ему захотелось сейчас же, сию минуту повернуться и уйти отсюда, из этого враждебно настроенного, словно ошестинившегося всеми своими решетками дома.

Но сзади, почти наступая ему на пятки, двигалась миссис Причард, а впереди, щебеча, шла Пат.

— Сейчас ты увидишь! Сейчас ты увидишь мой театр! — повторяла она, вводя его в темный холл, украшенный оленьими рогами.

Чарли был все-таки мальчик, всего только мальчик, и потому он забыл обо всем, и его сердце дрогнуло, когда из картонной коробки появился весь бело-золотой, похожий на диковинный торт театр.

Вращающаяся сцена с миниатюрными фигурками кукол, набор декораций, крохотная рампа, которая освещалась настоящими электрическими лампочками, — все это восхитило его как конструктора.

— Здорово! Ах, как это здорово сделано, Пат! — сказал он, осторожно разглядывая все уголки и «кулисы» театра. — Но что же это за пьеса, Пат?.. Постой, да ведь это «Сон в летнюю ночь» Шекспира! — воскликнул он вдруг. — Вон Пек, а вон, с ослиной головой, стоит ткач Основа, а вон там, у задника, три феи с королевой во главе. А вот эта... — он взял в руки одну из кукол, — это Гермия, и она похожа на тебя, Пат...

Он задумчиво продекламировал:

Ты помнишь,
Как слушал я у моря песнь сирены,
Взобравшейся дельфину на хребет!
Так сладостны и гармоничны были
Те звуки, что сам грубый океан
Учтиво стихнул, внемля этой песне,
А звезды, как безумные, срывались
С своих высот, чтоб слушать песнь...

— Какой ты умный, Чарли! — с уважением прошептала Пат. — Ты всегда все знаешь. А я даже не подозревала, что это Шекспир. Ведь Ричи читал нам эту пьесу, кажется?

— Он читал нам из нее отрывки, а я потом в читальне прочел ее всю. Она похожа на волшебную сказку, эта пьеса... Послушай, что говорит Титания:

Вот господин ваш: вы ему служите,
Его воздушной пляской окружите,
Кормите виноградом, ежевикой,
Берите мед ему у пчелки дикой,
А из пчелиных лапок восковых
Наделайте светильников ночных,
О звезды светляков их зажигайте
И милого на отдых провожайте...

— Патриция Причард, обедать! — прокрипел откуда-то сверху Образцовый Механизм. — Да и тебя, парень, мать, наверное, заждалась.

Мысленно упрекая себя за глупое увлечение Шекспиром, Чарли простился с миссис Причард и ее дочерью и ушел из железно-мраморно-решетчатого великолепия белых хозяев.

— Патриция, поди сюда.

По холодной дрожи в материнском голосе Пат поняла, что сейчас будет разговор не из приятных.

— Я здесь, мамочка.

Она встала перед матерью, нервно оправляя платье.

— Что ты все ощипываешься, как индюшка? Стой спокойно! — раздраженно приказала миссис Причард. — Я хочу с тобой поговорить серьезно. Ты сегодня привела сюда этого черного парня...

Пат сильно покраснела.

— Мне говорили, что он с тобой дружит, носит твои книжки, ходит с тобой. Ты должна, дочка, понять одну вещь: я неплохо отношусь к черным, есть среди них и вполне порядочные люди... Но больше, пожалуйста, не води сюда этого мальчишку. Он тебе не товарищ... Видишь ли, можно вежливо обращаться с цветными, но это не значит — вести себя с ними, как с равными. Они к этому не приучены и не будут тебя уважать за это. И белые тоже станут над тобой смеяться... Ты поняла меня, Пат?

— Да, мамочка, — сказала Пат; она машинально разглядывала одетую в зеленый шелк куколку Гермину. «Сколько неприятностей за один день! И всё из-за

этого Чарли! Стоит ли он того, чтобы столько переносить из-за него! Черный мальчишка! Черномазая обезьяна, как говорит этот щеголь Мэйсон. Ох, как я устала от всего этого!»

И Пат Причард широко зевнула.

13. ЕГО МАТЬ

Камин был совсем как настоящий, а вместо дров лежали сухие сосновые шишки, которые Салли Робинсон собрала еще осенью в лесу. Казалось, стоит поднести к ним спичку — и уютный огонь загорится в камельке. Но боже упаси вас сделать это, потому что тогда вспыхнут не только шишки, но и пластмассовый искусственный камин, и бумажные скатерки, и занавески, и абажуры, и весь с таким трудом созданный уют домика Робинсонов мгновенно превратится в груды пепла.

Это был очень приличный домик, как две капли воды похожий на многие негритянские домики в этом районе. А район был не из важных, и даже дядя Пост, ко всему в жизни привыкший дядя Пост, вздыхал и морщился, попадая с помощью своего оливкового чудовища в Горчичный Рай.

В Горчичном Раю жили люди с кожей всех оттенков — от угольно-черной до белой, как сливки; впрочем, у последних в жилах тоже текла одна капля негритянской крови, и этого было достаточно для того, чтобы настоящие белые — «арийцы» — дали им кличку «цветных» и позволяли им входить в свои дома только с черного хода.

В Горчичном Раю не было ни парков, ни выхоленных газонов, ни новомодных вилл. Окрашенные в однообразный горчичный цвет домики (отсюда и название) составляли, так сказать, «декорацию» района.

Прячась за ними и как бы стараясь не слишком выпячивать свое убожество, стояли бараки, сараюшки, курятники, ящики из-под грузовиков, переоборудованные под помещение для людей, — заплатанное железом, дранкой, фанерой, толем некое подобие жилья, в котором ютилось население Горчичного Рая.

Нищета смотрела здесь из всех щелей. В одном городе негритянский квартал называют «Вифлеемом», в

другом — «Гарлемом», в третьем — «Черным потоком», но всюду, во всех городах это беднейшие кварталы, и белые заходят сюда только по делу или из любопытства.

Даже серая змея главного шоссе торопилась в несколько витков поскорее миновать этот район города и уползти туда, где взгляд путешественника не будет оскорблен видом такой обнаженной бедности.

Горчиный Рай со своими лачугами принадлежал, как почти всё в городе, Боссу — Милларду. И все негры в Раю, с тех пор как помнили себя, платили Боссу огромную арендную плату за клочок земли, который они занимали.

Часть лачуг спускалась к реке: зимой — черной и сизой, весной — желтой, а летом — радужной от нефтяных и бензиновых пятен. От реки тянуло тухлинкой и ворованью, а дома пропахли капустой, «десятицентовыми обедами миссис Евы Слоун».

За рекой жили поляки, венгры, итальянцы, словаки, и негритянские дети ходили туда играть с белыми детьми таких же бедняков, как они.

Дом Робинсонов считался одним из самых «роскошных» в Горчином Раю. Тэд Робинсон арендовал его у хозяина еще в ту пору, когда его назначили старшим по механическому цеху. Тогда он взял к себе в помощники Гирича и Цезаря, и втроем они заправляли всем цехом. И все рабочие заговорили о том, что «в третьем корпусе стал другой воздух»: надсмотрщики Босса туда не совались, и работа шла на славу.

Когда в откровенную минуту кто-нибудь из друзей выговаривал Коттону за то, что он выдвигает цветного, управляющий только смеялся:

— Говорят, способнейший малый! Дал Боссу тысячи долларов прибыли своими изобретениями и усовершенствованиями. А платить ему можно вдвое меньше, чем белому. Выдадут ему из конторы долларов десять наградных — он и доволен... Они же ничего не понимают, эти негры.

Но Коттон ошибался: Тэд отлично понимал, как ничтожно оплачивает хозяин его работу, но у механика была кипучая, деятельная натура, живой, изобретательный ум, и он просто не мог утерпеть, если видел плохо работающий механизм: его так и подмывало исправить, усовершенствовать машину.

— Конечно, я набиваю карман Боссу, но что поделаешь, не могу удержаться,— говорил он товарищам, широко, по-детски, улыбаясь и разводя руками.

А когда управляющий, по приказу Босса, содрал с него огромную арендную плату за дом, Тэд только засмеялся:

— Босса не переделаешь. Это самая неподатливая из машин.

— Машина, чтоб давить нашего брата,— сказал тогда Цезарь, и Чарли — еще маленький — навсегда запомнил его слова.

Теперь, когда Тэд погиб, становилось все труднее вносить плату за «особняк», как называла его Салли Робинсон.

В доме были спальня, гостиная, кухня, служившая также столовой, и наверху крохотная комнатка — чердак, царство Чарли.

Окна кухни выходили на реку, и бывало отец ставил маленького Чарли на подоконник и показывал ему моторные боты и барки, плывущие по темной воде. А потом, когда Чарли подрос, отец в субботний день брал у соседа лодку, сажал в нее жену и сына и ехал к острову. Он сбрасывал пиджак и брался за весла. На руках у него вдувались бронзовые мускулы, и весь он был такой красивый и сильный! На острове они вместе копали червей, все трое закидывали удочки, и Салли смотрела на мужа, а он весело кричал ей:

— Тяни! У тебя клюет! Любишься не на меня, а на рыбу!

...Салли стояла у окна в кухне, прижавшись лбом к холодному стеклу, и видела перед собой не грязножелтую реку, а мужа, его открытую, детскую улыбку. Таким она запомнила его в тот знойный летний день, когда провожала его на крейсер «Сан-Франциско». Он успел еще прислать из Пирл Харбор открытку, всю проштемпелеванную военной цензурой. А после, зимой, когда Салли уже все поняла сама, пришло короткое, сухое извещение о том, что старшина Т. У. Робинсон погиб на боевом посту.

Боевой пост!

Салли сжала руки. Те, кто был там, в этом аду, рассказывали ей, что офицеры метались, как стадо баранов, по кораблю и отдавали самые вздорные приказания. Они

не успели сделать ни одного выстрела; японские бомбы сыпались на «Сан-Франциско», как картошка из дырявого мешка, и после нельзя было найти даже обломков того орудия, у которого стоял Тэд.

Салли обвела глазами малюсенькую, блистающую начищенными кастрюлями кухню, где они бывало так весело ужинали втроем. Когда был жив Тэд, ей не нужно было ходить по богатым домам — стряпать на белых людей и выслушивать замечания какой-нибудь миссис Сфикси: «Вы, Робинсон, отличная стряпуха, но упрямые и непонятливые, как все негры». Вся кровь вскипала у нее от таких слов. Ей хотелось швырнуть в миссис Сфикси тарелкой и сказать ей в глаза все, что она думает о белых леди. Но приходилось сдерживаться ради сына. Тэд, уходя, взял с нее слово, что она вырастит ему хорошего, ученого, доброго сына.

«Я на тебя надеюсь, как на себя. Ты у меня сильная духом, и ты сумеешь воспитать из Чарли настоящего мужчину», вспоминала Салли его слова.

Она встряхнула короткими курчавыми, как у сына, волосами.

Сильная духом! Да, конечно, она сильная, и Чарли пошел в нее. Только бы из-за такого характера он не нажил неприятностей! И так в школе он на дурном счету у начальства!

Салли посмотрела на часы.

— Куда это запропастился мальчик? Так поздно, а его все нет,— сказала она вслух.

Как бы в ответ на ее слова, у крыльца послышались шаги, и на пороге появился Чарли.

«Опять вспоминала об отце! — едва взглянув на тонкое мальчишеское лицо матери, определил он. — Кажется, даже плакала».

Но и мать успела заметить тень на лице сына. «Школа? Вышло что-нибудь с товарищами? С автомобилем? Или, может быть, с учителями?» Салли мысленно перебрала все, что могло задеть ее мальчика.

— Что-нибудь случилось? — быстро спросила она, начиная проворно орудовать у плиты.

— Абсолютно ничего, ма,— отозвался Чарли. Он положил книжки и подошел к умывальнику. — А у тебя есть какие-нибудь новости?

«Скрытный! Весь в отца... Конечно, что-то его мучает, но он ни за что не скажет», думала Салли.

Пока сын ел яичницу, она присела за стол и стала рассказывать:

— К миссис Гоу приходил агент, которому она, помнишь, дала задаток за дом. Так вот — он вернул ей задаток и говорит, что домовладелец несогласен сдавать дом неграм в Эдеме. Говорит: все соседи там возмутились, созвали собрание домовладельцев и объявили, что не желают жить рядом с цветными. Маргрет Гоу плачет навзрыд. Темпи прибежала за мной, и мы вместе ходили ее утешать.

Чарли передернулся.

— Сегодня Горилла поставил Нэнси «эф» только за то, что она мулатка, — угрюмо промолвил он.

— А... тебе? — опасливо спросила мать.

— Мне он поставил «би»: придрался к пятнышку на тетради.

Чарли ни слова не сказал о тех насмешках, которые вызвало это пятно у Фэйни, — мать, наверное, огорчилась бы еще больше.

— Зато у Ричи, знаешь, я заработал за сочинение «эй», и он просил передать тебе, что очень мною доволен.

Мать свистнула, как заправский мальчишка:

— Здорово! Молодчина ты у меня! Значит, мистер Ричардсон тоже одобряет старого капитана Брауна и не удивился, что ты написал сочинение именно о нем! Какой хороший молодой джентльмен ваш мистер Ричи!

И она принялась обсуждать вместе с сыном достоинства молодого учителя. Салли Робинсон была в курсе всех школьных новостей и всех занятий своего Чарли. Моложавая, подвижная, ловкая, как мальчик, она участвовала во многих затеях сына, и он привык обращаться с ней по-товарищески. Только невзгоды и неприятности он предпочитал держать про себя: у матери, пережившей гибель отца, и так достаточно горя.

И на этот раз он тоже скрыл от матери свои стычки с Мак-Магоном, слухи о готовящемся против него заговоре в классе и происшествие в автобусе, которое камнем лежало у него на сердце.

Как бы хотелось Чарли подойти к матери и попро-

силь, чтобы она взяла его из школы! Никогда не возвращаться в класс, никогда больше не видеть злобных физиономий Гориллы, Фэйни и этого щеголя с Юга, не слышать издевательств над «черномазыми»!

Но мальчик заранее знал — в ответ на такую просьбу мать всплеснет руками и скажет проникновенным голосом:

— Чарли, ты забыл, что сказал отец? Разве ты не помнишь его заветов?

Нет, Чарли отлично помнит, что говорил отец. Он часто ставил его, маленького, между колен, смотрел своими твердыми и вместе с тем ласковыми глазами на мальчика и говорил:

— Я хочу сделать из тебя человека, который был бы нужен своему народу. Ты должен стать в этом мире чем-нибудь. Слышишь, сынок?

И маленький Чарли, робея и гордясь, что отец говорит с ним, как со взрослым, отвечал:

— Слышу, отец. Хорошо, отец.

Стать вождем негритянского народа, как Букер Вашингтон или Фредерик Дуглас, или знаменитым поэтом, как Поль Дэнбар, или, может быть, проповедником? Вероятно, именно это подразумевал отец, когда говорил, что он должен стать в мире «чем-нибудь».

И мать теперь чуть не каждый день повторяла мальчику:

— Учись, сынок. Учись прилежней, чтобы сделаться гордостью своего народа...

Она, как всякая мать, была убеждена, что сыну уготована великая будущность.

— От дяди Джима ничего не было? — спросил Чарли.

— Нет, — отозвалась Салли. — Я думала, что после конгресса он пришлет весточку, но он, видно, так занят, что нет ни минуты свободной. А сейчас, наверное, уехал на гастроли... Вчера у миссис Сфикси я видела старую английскую газету, и там написано, что Джемс Робинсон после своего выступления на Конгрессе сторонников мира отправился давать концерты на континенте, а потом поедет в Россию. Очень хорошая статья, дядю Джима называют «наш черный Карузо»... Ох, наверное, совсем загордился наш Джим!

— Вот еще что выдумала! Дядя Джим никогда не

загордится, всегда будет простым и своим! — горячо вступился Чарли. — Хоть бы он поскорей приехал!

— Соскучился по подаркам? — засмеялась Салли. — Что ты на этот раз заказал ему?

— Целый лодочный мотор, — сказал Чарли. — Конечно, это была дерзость с моей стороны, но мне так хочется самому построить моторную гоночную лодку!

— Кстати о гонках: этот парень, Мэрфи, все время шатается у нашего дома, — сказала Салли, — а с ним белобрысый сынок вашего директора. Сегодня вышла подмести крыльцо, а они заглядывают во двор... Знаешь, у них совсем разбойничьи физиономии, у этих ребят. Очень я боюсь, как бы они тебе не подставили ножку на гонках.

Чарли засмеялся:

— Не бойся! Ничего они против «Серебряной свирели» не сделают. Я знаешь, ма, что придумал? Я придумал сделать цельнометаллический капот...

Салли опять свистнула:

— Замечательно! А я нашла у миссис Причард состав, который снимает любую ржавчину с металла и придает ему блеск. Я начищу тебе на «Серебряной свирели» радиатор — будет блестеть, как «роллс-ройс»...

— Знаешь, ма, я сегодня был в замке Босса, у этой миссис Причард, — сказал, потупясь, Чарли.

— Был в замке?.. Господи помилуй, да как ты туда попал? Кто тебя пустил, негр? — испуганно воскликнула мать.

Чарли опустил глаза:

— Меня позвала Патриция, хотела показать подарок Босса — игрушечный театр.

Салли всплеснула руками:

— Позвала Патриция? Воображаю, как бесилась ее мамаша! Ведь она терпеть не может нашего брата! И меня-то зовет только по необходимости и дальше кухни не пускает... Что же она — накинулась на тебя? Бранила?

— Нет, она ничего грубого не говорила, но, кажется, действительно была недовольна тем, что я пришел, — тихо сказал мальчик.

— Ну еще бы! — подхватила Салли. — Будь покоен: едва ты вышел, она устроила дочке хороший скандал. Твоей Патриции, наверное, здорово влетело за то, что

она дружит с неграми и водит их в дом... Уж я ее знаю, эту Причард...

Чарли понурился.

«Вот отчего он такой хмурый! Теперь понимаю», подумала мать. А вслух сказала:

— С такими белыми не стоит нам водиться, сынок. Это не мистер Ричардсон, которому все равно — белая или черная кожа у человека, был бы он только хороший да умный...

— Почему, ма, у нас в Стон-Пойнте теперь ничуть не лучше, чем на Юге? — спросил тем же тихим голосом Чарли. — К неграм и здесь относятся очень плохо. — Он сцепил пальцы так, что побелели суставы. — Я помню, отец говорил, что после этой войны все пойдет по-другому, будет по-настоящему счастливая жизнь и все люди будут равны и свободны.

Салли горько засмеялась:

— Твой отец был мечтатель. Храбрый, честный, но мечтатель. Он даже в Большом Боссе ухитрялся находить какие-то хорошие черты... И, конечно, он бы жизни не пожалел, только бы сделать всех счастливыми. Но если бы он знал, как напрасно отдал свою жизнь!..

Чарли молчал, только глаза у него светились. Он не спрашивал мать, почему напрасно пролилась отцовская кровь. Он видел, как живут черные люди в Горчицном Раю и их соседи-рабочие за рекой.

А сегодня он был в замке Большого Босса.

И потому он ни о чем не спрашивал.

14. ЦЕЗАРЬ ГОВОРIT НЕ СТЕСНЯЯСЬ

— Эй, соседи! Есть кто-нибудь в доме? Можно к вам?

— Это Цезарь. Поди встретить его, сынок.

Салли сбросила фартук и пригладила волосы.

Чарли направился к дверям, но, опередив его, в кухню уже входил тот, кого звали Цезарем.

Неизвестно, о чем думала негритянская семья с берегов Миссисипи, давая своему первенцу такое пышное имя, но внешность негра вполне это имя оправдывала.

Очень широкий в груди и плечах, с маленькой, гордо посаженной головой, он — этот старый друг семьи Ро-

бинсонов — являл собой удивительный образец силы, здоровья и мужественной красоты.

Из распахнутого ворота синего рабочего комбинезона поднималась, как колонна черного мрамора, сильная шея, повязанная гарусным шарфом. Лицо было живое, изменчивое, глаза так и впивались в собеседника и, казалось, видели каждого насквозь.

Синий комбинезон еще больше подчеркивал увечье этого великолепного тела: один пустой рукав был засунут в карман, а вместо ноги торчала грубо отесанная деревяшка. И так нелепо и уродливо это казалось, так не шло ко всему могучему, жизнерадостному облику Цезаря, что каждый чувствовал неловкость за свои здоровые руки и ноги и невольно отводил глаза, чтобы не видеть увечья Цезаря.

— Как поживаете, хозяева? — Цезарь приветливо взмахнул здоровой, левой рукой. — Салли, девочка, как дела? Почему давно не заглядывали к моей старухе?

— Боюсь ей помешать, — сказала Салли, пододвигая Цезарю единственное мягкое кресло. — У нее, кажется, уйма стирки.

Цезарь вздохнул, и лицо его стало сумрачным.

— Да, стоит по целым дням у стиральной машины, кормит мужа-бездельника.

— Это вы-то бездельник? — возмутилась Салли. — Да такого работягу днем с огнем не сыщешь! Вы же не виноваты, что вы... — Она замаялась.

— ...что я стал калекой? — dokonчил за нее Цезарь. — Ничего, ничего, девочка, можете не смущаться и называть вещи своими именами. Конечно, покуда я хожу с поленом и вот с этим, — он вытащил левой рукой пустой правый рукав и потряс им в воздухе, — от меня на свете большого проку не будет, скажу не стеснясь.

«Скажу не стеснясь» было любимым выражением Цезаря, и в раннем детстве Чарли, желая изобразить друга отца, горделиво откидывал голову и при общем смехе говорил какую-нибудь фразу, вроде: «Неплохо бы промочить горло пивком, скажу не стеснясь». Все хохотали, и громче всех сам Цезарь.

Теперь Чарли и его мать с нежностью смотрели на черного великана: в нем, казалось им, воплотилась честица той теплоты, которая была в отце и которой нико-

гда не суждено было вернуться. А Цезарь чувствовал, что этот большеглазый подросток и эта женщина, так похожая на мальчика, как бы завещаны ему погибшим другом Тэдом.

Чарли был особенно привязан к Цезарю. С тех пор как мальчик помнил себя, Цезарь был постоянным спутником и товарищем отца во всех его работах, занятиях и развлечениях.

А сейчас, вырастая, Чарли начинал понимать, что Цезарь вовсе не так простодушен и беспечен, как это кажется с первого взгляда. Мальчик видел, что негры и белые Восточной окраины, встречаясь с Цезарем, здороваются с ним как-то особенно дружелюбно.

Часто он заставлял в доме Цезаря, где было много ребят и где жена его, Темпи, день-деньской работала не покладая рук, белых и черных рабочих с завода Милларда. А один раз даже слышал, как Цезарь, идя с отцом Василя Гирича, громко сказал: «Это надо довести до сведения комитета».

И Чарли начал по-новому смотреть на большого друга, многое угадывая за его словами и приглядываясь к малейшим переменам в настроении Цезаря.

— Что слышно с вашими протезами? — спросила Салли, ставя на стол перед Цезарем чашку кофе.

Цезарь полез левой рукой в карман, вынул кисет и трубку, ловко набил ее табаком, прикурил и, только затянувшись, сказал:

— Босс, как вам известно, велел выгнать меня в шею. А в протезном бюро как только увидели мою черную физиономию, так заявили, что смогут сделать мне руку и ногу только в третью очередь... В третью очередь! — повторил он возмущенно. — Я скажу не стесняясь: когда надо было умирать на фронте, так офицеры-белые охотно предоставляли неграм первую очередь. — Цезарь сплюнул.

— Вот негодяи! — не выдержал Чарли. — Труссы проклятые!..

Цезарь внимательно посмотрел на мальчика и кивнул.

— Правильно замечено, Чарльз, — сказал он. — Твой отец тоже был невысокого мнения о белых командирах. Только побереги свои силы для настоящего дела, не разменивайся на мелочи.

— А оно будет, настоящее дело? — встрепенулся Чарли.— Дядя Цезарь, вы мне скажите, что я должен делать?

Салли всплеснула руками:

— Ох, Цезарь, умоляю вас: не сбивайте мальчишку с толку, пускай спокойно доучивается! Он и так забил себе голову всеми этими идеями о равенстве. Пишет сочинения о Джоне Брауне, сцепился в школе с директорским сыном, подбивает ребят на разные выходки против начальства... А сегодня, вообразите, был у девочки Причард в замке! Подумайте только: в замке самого Босса, куда из нашего брата пускают только мусорщиков да кухарок!

— Гм... в замке Босса? — повторил Цезарь, покусывая крупными голубоватыми зубами трубку.— Кажется, скоро у Босса будет много хлопот и с неграми и с белыми, скажу не стесняясь!

— Вот как! — И Салли, только что умолявшая «не сбивать с толку» ее сына, внезапно вся так и загорелась, как будто слышала боевой сигнал.— Что там? Что на заводе?

— На заводе Коттон свирепствует, как царь Саул.— Цезарь усмехнулся.— Расставил по всем цехам шпигов, подслушивает, подглядывает, увольняет и негров и белых, чуть заподозрит «красные симпатии»...

— Значит, это продолжается? — вздохнула Салли.

— Не продолжается, а развивается, скажу не стесняясь,— поправил ее Цезарь, с удовольствием глотая кофе.— У Босса отличная организация: нашептывают белым рабочим, что их, мол, отовсюду вытесняют негры и от этого, мол, они сидят без работы. Стараются поссорить нас, бедняков, между собой... Ох, превосходный у вас кофе, девочка! — Цезарь откинулся в кресле.— Моей старухе никогда такого не сварить.

— Мама кладет в него корицу, оттого он такой душистый,— вмешался Чарли, заметно гордясь уменьем матери.— Ма, сварь дяде Цезарю еще чашку.

Пока Салли заваривала по своему рецепту новую порцию кофе, Цезарь задумчиво курил, глядя в окно.

На реке пыхтящий серо-черный катер тащил большую баржу, груженную лесом. Накренясь, скользила под ветром изящная парусная яхта. Уже начинало смеркаться, и хмурое небо заволакивалось еще плотнее тяжелыми,

темными тучами. Казалось, там, на реке, очень холодно и неуютно.

— Что пишет Джим? — спросил Цезарь, отрывая взгляд от окна. — Когда вы его ждете?

Салли в нескольких словах передала ему то, что ей удалось узнать из старой газеты.

— Будет даже в России? — задумчиво повторил за ней Цезарь. — Хотел бы я, чтобы он поскорей вернулся и рассказал наконец нашим ребятам, что правда, а что ложь. А то они, бедняги, совсем запутались, не знают, кому верить...

Чарли насторожился:

— Кто запутался? О чем это вы говорите, дядя Цезарь?

Цезарь выколотил трубку о свою деревяшку:

— Да вот твои друзья Гиричи и еще сотни две ребят оттуда, из Восточной Европы, собираются ехать домой, на родину. После войны там, по слухам, началась хорошая жизнь для нашего брата. Раздают беднякам землю, бесплатно учат детей, бесплатно лечат. Ну, ребята и загорелись — всем ведь охота жить на родной земле! А тут у нас в газетах начали писать такие страсти о большевиках да об их правлении, что ребята смутились и не знают, как поступить... Я скажу не стесняясь: если бы не мистер Ричардсон, они совсем потеряли бы голову. Он уверяет, что в газетах все ложь и пишется для того, чтобы удержать их здесь и восстановить против коммунистов.

— Мистер Ричардсон? — удивился Чарли. — Наш Ричи?

Цезарь засмеялся, забавляясь его изумлением:

— Вот именно, сынок. Ты думал, что он только ваш — ребячий Ричи, а он скорее наш — рабочий Ричи. Я скажу не стесняясь — спроси у наших парней, кого рабочие уважают больше всех. Тебе всякий скажет: мистера Ричардсона, учителя.

— Вот оно что... — задумчиво пробормотал Чарли. — Теперь я понимаю...

Цезарь поднялся с кресла.

— Я ведь к вам по делу пришел, — сказал он. — Чарльз, сынок, не одолжишь ли ты мне рубанок и тиски? Хочу кое-что сделать для моей старухи. Я ведь теперь здорово наострился работать левой.

Он с удовольствием посмотрел на свою мускулистую, широкую руку.

— Пойдемте, дядя Цезарь, вы сами выберете, что вам нужно из инструментов,— сказал Чарли.

Громяхая по лестнице своей деревяшкой, Цезарь поднялся с мальчиком на чердак. Здесь было царство Чарли. Кроме узкой кровати и самодельной лампы на высокой деревянной подставке, тут стоял большой, ничем не покрытый стол, заваленный кусками жести и алюминия, какими-то частями автомобильных моторов, старыми радиоприемниками, аккумуляторами, банками из-под консервов и еще нивесьть каким хламом. В углу были сложены деревянные части бывшей байдарки, две пары стоптанных ботинок, хоккейная клюшка и ржавые коньки. На стене висел тот же, что и в кабинете Ричи, портрет Джона Брауна, а на ночном столике у кровати возвышалась стопка книг. Цезарь тотчас же устремился к книгам.

— Что это у тебя?.. Ба, Шекспир, Джек Лондон, Броунинг! — воскликнул он.— Молодец, Чарльз, все успеваешь, скажу не стесняясь! А я вот мало читаю, времени не хватает,— смущенно сознался он.— Где ты взял эти книги?

— В городской библиотеке,— сказал Чарли.— Обманом пришлось доставать. Подослал туда Джоя Беннета, он и взял будто бы для себя. А то ведь, знаете, нам не так легко получить книги.

Цезарь сжал свой единственный кулак.

— Подожди, сынок, мы скоро все это переделаем,— сказал он.— Будешь получать книги, какие захочешь...

Чарли между тем отворил висевший рядом с дверью красный шкафчик. Это было святая святых мальчика — наследство, доставшееся ему от отца. Когда отец был дома, Чарли строго-настрого запрещалось даже прикасаться к шкафчику. И только когда мальчику исполнилось тринадцать лет и стало известно, что отец не вернется, Салли передала сыну ключ и сказала, что отныне шкаф принадлежит ему.

В величайшем порядке были расставлены, разложены и развешаны в шкафчике всевозможные рубанки, стамески, молотки, напильники, пилы, дрели, зубила, сверла, метчики и плашки разных размеров, металлические и деревянные угольники, струбчинки, отвертки — все, что требуется для столярных и слесарных работ. Все это бы-

ло хорошо наточено, смазано, и Чарли, подобно отцу, никому не позволял дотрагиваться до своего сокровища. Только лучшему другу, Василию, разрешалось иногда заглянуть в шкафчик и взять инструмент.

Мальчик вынул нужные тиски и рубанок и дал их Цезарю.

— А как твоя «Свирель»? — спросил Цезарь. — Давно ее не видел. Записался ты уже на гонки?

Чарли кивнул:

— Да. Будут соревноваться двенадцать машин, но все не опасные. Только Мэрфи скрывает свою машину, да я думаю, что он это нарочно, просто запугивает.

— Смотри, сынок, я ставлю на твою «Свирель». Ты обязан притти первым. Ведь ты не захочешь, чтобы дядя Цезарь из-за тебя лишился последнего доллара? — пошутил Цезарь, спускаясь по лестнице.

— Непременно постараюсь всех обогнать, чтобы вы на мне составили состояние, — засмеялся Чарли.

Цезарь простился с хозяйкой и протянул левую руку мальчику.

— Я не прощаюсь, — сказал Чарли. — Я немного провожу вас, дядя Цезарь, а потом пойду к мисс Вендикс — на репетицию.

— А когда мне ждать моего волхва домой? — шутиливо спросила Салли.

— Я вернусь сейчас же после репетиции, — отозвался Чарли. — И вот что, ма: сюда должны притти наши ребята — Джой, Василь и другие. Так ты дай им ключ от гаража и скажи, чтобы они меня подождали.

— Ага, весь «штаб», значит, придет! — Мать пытливо заглянула сыну в глаза. — А по какому поводу собирается штаб?

Чарли заметно смутился.

— Да нет, это не штаб, это просто так... ребята хотят посмотреть «Свирель», — пробормотал он, старательно увертываясь от материнского взгляда.

— Ой, лжешь, негр! — сказала Салли. — Язык лжет, губы лгут, глаза лгут...

— Ну что ты к нему пристала, девочка? — вступился Цезарь. — Мало ли какие у нас, мужчин, могут быть тайны! Не все же вам, женщинам, рассказывать.

Он подмигнул Чарли, но мальчик не отозвался на шутку. Да и мать смотрела не веселее: материнским

сердцем Салли чувствовала — «штаб» созывается неспроста и не для того, чтобы обдумать какую-нибудь очередную мальчишескую шалость.

«Ох, боюсь я за него, боюсь!» тоскливо думала она, глядя на тонкий силуэт сына, исчезающий за дверью.

15. ПОСЕТИТЕЛИ МИСС ВЕНДИКС

Специальностью мисс Вендикс были две темы: Красота всего сущего и Тщета всего земного.

В разработке этих двух тем мисс Вендикс не знала соперников, была неистощима и, казалось, посвятила им все свои физические и духовные силы.

Общество Стон-Пойнта считало мисс Вендикс выдающейся художницей и безусловным авторитетом по части всевозможных домашних и клубных спектаклей, маскарадов, убранства праздничных столов, мебели обивки и гардин, дамских причесок и прочих художественных «оформлений».

В школе мисс Вендикс официально именовалась преподавателем истории искусств, и хотя, случалось, путала ренессанс и декаданс¹, это не мешало ей пользоваться полной благосклонностью всего попечительского совета, с самым мистером Миллардом во главе.

Свой собственный быт мисс Вендикс оформила, строго следуя основным двум темам: Красоте и Тщете.

Всякому входящему в нежносиреневый домик мисс Вендикс должно было сразу бросаться в глаза, каким двум идеям посвятила она свое хрупкое существование.

Чуть тронутые пастельно-сиреневым чехлы на мебели, сиреневые абажуры и занавеси должны были внушать каждому понятие красоты. Вышитые же подушки, подлокотники и подзатыльные салфеточки, на которых гарусом, шелком и синелью были изображены венки, урны и зеленые могильные холмики, настойчиво напоминали о тщете всего земного. Неизменные белые платья художницы, перетянутые в талии серебряным поясом, также предназначены были взывать к вашему чувству прекрасного, в то время как укусное выражение лица старой девы Вендикс упорно говорило о суете сует.

¹ Ренессанс и декаданс — различные эпохи в искусстве.

Мисс Вендикс принадлежала к евангелистской церкви, усердно посещала проповеди, но восхищалась ими только тогда, когда они отвечали двум ее излюбленным темам.

Пятичасовой чай у мисс Вендикс был неким священнодействием, на которое приглашались только избранные. На стол подавался серебряный чайник, удивительно похожий на надгробный памятник, печенье, сильно смахивающее на могильные крестики и веночки, и разговоры вертелись преимущественно в сфере Красоты с большой буквы.

На этот раз, однако, мисс Вендикс казалось очень трудным придерживаться двух обычных тем, потому что гостем ее был мистер Хомер.

Этот вполне материальный джентльмен с мышцами и перебитым носом профессионального боксера никак не гармонировал с нежными чехлами и беломраморными урнами. Хомер усердно и беззастенчиво поглощал печенье и в ответ на все нежно-пугливые высказывания мисс Вендикс только кричал, отдувался да бормотал что-то невразумительное.

Что загнало сюда, в этот сиреневый мир, простого и грубого учителя математики?

Ларчик открывался просто. На одном из заседаний попечительского совета Хомер случайно услышал, как судья Сфикси рассказывал своему соседу — редактору местной газеты, — будто мисс Вендикс происходит из почтенной и состоятельной семьи Среднего Запада.

— У этой старой девы должны быть неплохие средства, — сказал тогда Сфикси. — Повезет тому ловкачу, который ее окрутит: приберет к рукам кругленький капитал!

С этого дня Хомер зачастил на пятичасовые чаи мисс Вендикс. Он давно уже мысленно прикинул цену кресел и столов, и даже серебряного чайника, и потому терпеливо выслушивал все, что говорила мисс Вендикс по поводу вечной красоты и тщетности всех земных надежд. Сам он отнюдь не считал свои надежды тщетными. Когда же становилось уж очень неважно, Хомер брал тяжелую серебряную ложку или вилку с фамильным вензелем и незаметно взвешивал на ладони.

А что же мисс Вендикс?

Мисс Вендикс сначала с недоумением и даже страхом

смотрела на странную фигуру Хомера, так не вязавшуюся с ее оформлением и никак не влезавшую ни в одну из ее тем. Но мало-помалу этот контраст стал ей казаться несколько оригинальным, потом забавным, потом привлекательным, потом даже необходимым.

И теперь, едва слышав у дверей тяжелую поступь Хомера, мисс Вендикс вспыхивала, как молоденькая девушка, прятала укусное выражение лица и потупляла художественно подведенные сиреневым карандашом глаза.

Хомер с удовольствием подмечал эти признаки на лице старой девы и постепенно переставал церемониться на лоне гарусных подушек и воздушных абажуров. А когда мисс Вендикс начинала говорить, что чувствует в себе присутствие «высшего», он без всякой церемонии прерывал ее, чтобы спросить:

— Не найдется ли у вас, мисс, еще рюмочки этого превосходного мартини?

И мисс Вендикс, ликуя, бежала к леднику, чтобы принести заветный коктейль.

Теперь между ними почти все было выяснено, и оставалось договориться только о мелочах. По этому случаю Хомер чувствовал себя в доме мисс Вендикс уже совершенно хозяином, и когда в описываемый день раздался звонок, он без церемонии чертыхнулся:

— Чорт! Кого это еще принесло?

— Ах, боже, я никого не жду! — воскликнула, поспешно выпрыгивая из-за стола, мисс Вендикс. — Впрочем, может быть это дети — на репетицию? Но, кажется, до репетиции еще целых полчаса.

Хомер направился к двери:

— Не беспокойтесь, Клем, я сумею выпроводить непрошенных гостей.

Однако он почти тотчас же вернулся с несколько ошарашенным видом:

— Там... э-э... какое-то страшилище. Называет себя миссис Причард и хочет говорить с вами по срочному делу. Сплавьте ее поскорей, Клементина, — добавил он вполголоса.

Мисс Вендикс недоуменно повела глазами.

— Миссис Причард? Экономка Милларда?.. Ах, да! — вспомнила она. — Ведь это мать нашей очаровательной крошки Патриции, которая играет деву Марию... Ну что

же, придется принять ее,— сказала она, огорченно глядя на Хомера и медля у двери.

Однако мисс Вендикс, повидимому, слишком замешкалась, потому что Образцовый Механизм, не дождав-шись приглашения, вдруг с самым независимым видом вдвинулся в комнату.

Окинув суровым взглядом парочку, бутылку вина и стол, так уютно накрытый на двоих, миссис Причард в знак приветствия слегка взмахнула своим рычагом и тотчас же начала:

— Я человек прямой, мисс Вендикс, и ни от кого не привыкла утаивать истину. Поэтому я прямо спрашиваю вас: согласитесь вы отдать вашу дочь замуж за негра?

Мисс Вендикс невольно отступила.

— Как? Как вы сказали?— пролепетала она.— Согласна ли я?.. Боже, это, очевидно, недоразумение какое-то!.. Какая дочь?.. Я... я еще никогда не была замужем...— Мисс Вендикс метнула беспомощный взгляд в сторону Хомера.

— Никакого недоразумения,— настаивала миссис Причард.— Я вторично спрашиваю вас: хотите вы, чтобы *ваша* дочь стала женой *негра*?

Мисс Вендикс опустила в кресло и не сводила глаз со своей страшной посетительницы:

— Создатель, я ничего не понимаю... Умоляю вас... Клянусь вам...

Но тут на помощь ей пришел Хомер. Он вдруг решительно выступил вперед.

— Мисс Вендикс, разумеется, *не хочет* выдать свою *дочь* замуж за *негра*,— сказал он, твердо глядя на миссис Причард,— однако мисс Вендикс очень желала бы знать, что вы хотите сказать этим, мэм?

— И я тоже,— рявкнула миссис Причард,— я тоже не хочу, чтобы моя дочь вышла замуж за негра! Но это случится, это непременно случится, если она будет встречаться здесь, под этой крышей, с неграми. Зачем вы, мисс Вендикс, такая приличная с виду леди, сводите наших детей со всяким черномазым сбродом? Зачем вы кошунствуете?

— Кошунствую? Это я кошунствую? Боже, что она говорит!..— умирающим голосом пролепетала мисс Вендикс.

— Да, да! — неумолимо продолжала миссис Причард. — Вы показываете разные там картины из Ветхого завета и рядом с пресветлым младенцем и девой Марией ставите грязного негра, этого нахального мальчишку Робинсона!.. Как это называется, я вас спрашиваю? Это называется кощунствовать, вот что я вам скажу!

— Робинсон?.. Но ведь он такой способный, красивый мальчик, — залепетала мисс Вендикс, — и это производит такой удивительный художественный эффект, когда его черные руки протягиваются к младенцу, а голова склоняется перед златокудрой Марией.. В этом есть дыхание подлинной Красоты с большой буквы!

Образцовый Механизм надвинулся на мисс Вендикс, как бы грозя ее раздавить.

— Мне нет дела до ваших художеств! — свирепо сказала миссис Причард. — Мне нет дела до ваших больших и маленьких букв! Я пришла только предупредить вас, что моя дочь здесь больше не появится и ни в каких затеях с черномазыми участвовать не будет. И всем другим матерям я тоже скажу, чтобы не пускали своих детей в дом, где хозяйка забыла, что она — белая, американская леди, и якшается со всяким цветным сбродом, как какая-нибудь коммунистка!

Выкрикнув это самое сильное оскорбление, миссис Причард любовалась произведенным эффектом: хозяйка распростерлась в кресле, прижав ко лбу тощие руки, не в силах выговорить ни слова.

— Удивляюсь, как в нашей школе держат таких преподавателей! Надо будет довести все это до сведения мистера Милларда, — нашла нужным добить неприятеля суровая дама.

И, запахнув свой стальной чехол, Образцовый Механизм двинулся к дверям. Но тут Хомер подпрыгнул с неожиданной легкостью и загородил дорогу.

— Не надо так горячиться из-за пустяка, миссис Причард, дорогая моя, — сказал он с нежнейшей из своих улыбок. — Да разве вы не знаете мисс Вендикс, *нашу* мисс Вендикс? Да вы только посмотрите на нее! — воскликнул он вдруг. — Вы только взгляните: ведь это человек не от мира сего, это мечтательница!.. Разве она способна разбираться в таких вопросах? Для нее самое главное в жизни — искусство, картины. А белые или черные дети приходят к ней — она даже не видит...

— Что ж, у нее глаз нет, что ли? — проворчала, слегка остывая, миссис Причард.

— Вы, именно вы открыли ей глаза! — радостно подхватил Хомер. — Вы ей объяснили её ошибку. И поверьте, мэм: она сегодня же ее исправит... Не правда ли, Клем, ведь вы сегодня же скажете этому парню, чтоб он больше не являлся сюда? — обратился он к мисс Вендикс, всячески моргая и подмигивая ей.

— Да... но как же? Я, право, не знаю... Что же будет с картиной? — забормотала мисс Вендикс, все еще не приходя в себя.

— Она скажет. Мисс Вендикс непременно скажет. Ручаюсь вам, что ноги его здесь не будет. Я сам займусь этим, — горячо убеждал Хомер беспощадный Механизм, — обещаю вам это. И я думаю, что мистера Милларда, нашего уважаемого попечителя, вовсе незачем беспокоить из-за такого пустяка, — добавил он вкрадчиво.

Миссис Причард минуту изучала физиономию Хомера, ставшую еще уродливей от улыбки.

— Ладно, — сказала она наконец, — я ничего не скажу хозяину и другим. Но вы должны переменить политику, мисс, а то эти ваши «художества» могут вам сильно повредить в нашем городе. Здесь этого не потерпят. И она вышла не прощаясь.

Едва миссис Причард скрылась за дверями, Хомер набросился на мисс Вендикс:

— Вы, верно, сошли с ума, Клементина! Вы просто-напросто сошли с ума, я вам говорю! Ставить на карту свою будущность, свое положение в обществе ради какого-то грязного негра — это просто безумие!.. Вы, разумеется, не отдаете себе отчета. Если эта ведьма нажалуется старику Милларду, вас выгонят на все четыре стороны с волчьим билетом, ославят на весь штат коммунисткой, красной. Вы понимаете, что это значит в наше время? Ведь вы потащите за собой эту славу по всей Америке, и нигде вам не будет пощады!

— Ах, не кричите так, Мартин, дорогой! — простонала мисс Вендикс. — Люди так грубы... Они так суетны, так нетерпеливы... Думают жить вечно, а на самом деле все в жизни кончится зеленой травой на мирном кладбище...

Хомер слушал, вытаращив глаза.

— И эта женщина,— продолжала мисс Вендикс тем же умирающим голосом,— боже, как она топала ногами! Именно такие ноги попирают Истинную Красоту!

Тут Хомер окончательно взбесился.

— К чорту вашу красоту! К чорту все это художественное нытье! — заорал он. — Вам дело говорят: вы должны раз навсегда бросить ваше сюсюканье и перестать возиться с цветными, если не хотите сломать себе шею!.. Понятно вам?

Он отшвырнул ногой вышитый пуфик с могильными веночками. Мисс Вендикс прижала пальцы к вискам и с ужасом смотрела на звероподобного мужчину, топчущего ее хрупкий сиреневый мир.

— Не надо! Ради создателя, не надо кричать так громко! — шептала она.

Хомер подхватил ее, как перышко, и привлек к себе:

— Ну же, Клем, будьте умницей... Ведь вы же не хотите на самом деле, чтобы *наша дочь* вышла замуж за негра.

Мисс Вендикс слабо пискнула:

— Ах, делайте, что хотите... Я ничего не соображаю...

Именно в этот миг послышался робкий звонок. Мгновенно обретя силы, учительница бросилась к дверям.

— Я сама, я сама! — лихорадочно залепетала она. — Не надо так резко... И потом, может быть это еще не он, а кто-нибудь из других детей.

Но это был он. Он стоял, держа на руках крохотного беленького, золотоволосого мальчугана, который доверчиво прислонился к плечу черного друга и смотрел на всех круглыми, как вишни, глазами.

— Добрый вечер, мисс Вендикс! — Чарли Робинсон дружелюбно улыбнулся учительнице. — Вот мы с Хуаном пришли на репетицию... Бэби, дай тете ручку. Ведь ты помнишь тетю, Хуан? В прошлый раз тетя дала тебе конфетку, и вообще она очень хорошая. Не бойся, Хуан, она тебя не обидит. Тетя никогда никого не обижает...

Это было выше сил мисс Вендикс. Мучительно, словно пасту из трубочки, выдавливая из себя улыбку, она забормотала:

— Видишь ли, Робинсон... Дело в том, что репетиция... Ты, разумеется, поймешь меня, Робинсон...

За ее спиной выросла грузная фигура Хомера. Бесцеремонно оттеснив мисс Вендикс от дверей, Хомер встал перед детьми. Он не ответил на поклон Чарли.

— Мисс Вендикс полагает... э... э... что у тебя ничего не получится из роли волхва, Робинсон,— заговорил он, исподлобья глядя на мальчика.— Она думает, что тебе вообще не стоит заниматься театром. Все равно ничего у тебя не выйдет, парень, можешь мне поверить.— Он потянулся к ребенку: — Этого малыша оставь здесь, он нам пригодится. А сам можешь ити.

Чарли пристально посмотрел на учителя, и тот невольно отвел глаза.

— Понятно. Цвет моей кожи не понравился, так? — Мальчик говорил медленно, словно обдумывал каждое слово.

— Именно так, парень. Только не вздумай скандалить, как тогда, в школе.— Хомер надвинулся на Чарли.— Здесь тебе не поздоровится, будь спокоен.

— Я совершенно спокоен, мистер Хомер, сэр,— сказал Чарли. Он спустил с рук ребенка и обратился к нему: — Хуан, маленький, иди к этому дяде. Это очень справедливый, ласковый, очень красивый дядя...

— Убирайся отсюда, наглая образина! — заорал во все горло Хомер.

Но Чарли уже исчез.

Хомер взял на руки ребенка. Однако, увидев вместо знакомого дружеского лица мальчика уродливую физиономию «ласкового дяди», Хуан вдруг заплакал и начал отчаянно отбиваться.

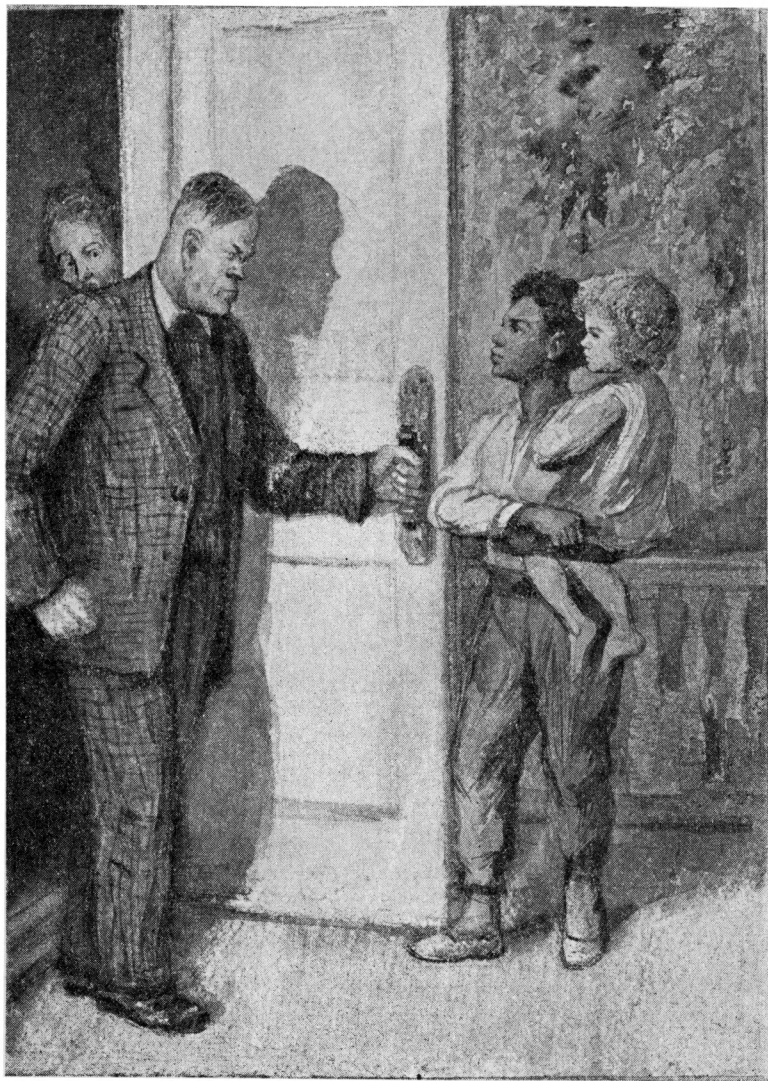
— Ишь, чертенок из Горчичного Рая! Такой же упрямый, как и другие! — прорычал вконец обозленный Хомер.

Долго еще слышал Чарли отдаленный плач золотоволосого ребенка, который должен был изображать миротворца Христа.

Мисс Вендикс пыталась утешить Хуана конфетой, но безуспешно.

— О, как мне жаль этого Робинсона... — тихонько вздыхала она.— Так жестоко прогнать его... Он был так красив в костюме волхва!.. И кем я его заменю теперь?

«Сентиментальная старая дура!» пробормотал про себя Хомер.

16. МОЛОДОЙ ЯНКИ

— Нокдаун что надо! Штопор не сдрейфил!

— Ну, знаешь, твой Штопор в сравнении с Архангелом Бинки — старая ветошь!

— Зато у него двойной слева и крюк правой, как ни у кого в мире!

— Чепуха! В клинч входит чуть не каждую минуту, увиливает, а потом — бац в солнечное сплетение!

— Много ты понимаешь! Вон у твоего Архангела такой куриный правый суинг — тошно смотреть!

— Ох ты знаток! Мой Штопор как вышел из клинча да как дал ему опперкот — так Архангел прямо закачался!

— Ставлю два против Штопора!

— Заметано! Только не зажиль, как в прошлый раз.

Этот тарабарский разговор вели между собой два молодых джентльмена, удобно расположившие ноги на столе, а туловище — в мягких креслах гостиной директора школы Мак-Магона. Непонятная для непосвященных беседа касалась подробностей состязания двух известных боксеров, носивших клички «Штопор» и «Архангел» и широко известных всем молодым бездельникам Сток-Пойнта.

Фэйни Мак-Магон был занят важным делом: старался со своего кресла плюнуть так, чтобы попасть в медную плевательницу, стоявшую в углу. Плевки попали уже на ковер, на кресло Роя Мэйсона, на этажерку с фарфоровыми безделушками, на решетку электрического камина, на пепельницу в виде лакея во фраке, но в предмет своих стараний — плевательницу — Фэйни еще не удалось попасть ни разу. Однако он не отчаивался и с завидной настойчивостью продолжал свои упражнения.

Рой с ленивым любопытством следил, куда полетит плевка. В другое время он непременно держал бы с Фэйни пари на плевки, потому что был очень азартен и ловил всякий случай, для того чтобы испытать судьбу. Фэйни, обожавший деньги, беззастенчиво использовал эту страсть приятеля и обыгрывал его по всякому поводу.

— Спорим, что тебе не добросить палки вон до вывески того бакалейного магазина, — обычно говорил он, когда ему хотелось «подработать».

— Ну вот, стану я из-за всякого пустяка спорить! —

недовольно возражал Рой. — До той вывески всякий ребенок добросит!

— Ребенок, может, и добросит, а ты — нет, — подзадоривал его Фэйни. — Пятьдесят центов готов прозакладывать и доказать тебе, что не добросишь.

Рой вспыхивал:

— Пятьдесят центов?.. А я ставлю доллар, что доброшу, и докажу тебе, что ты дурак!

От азарта и нетерпения он горячился, плохо целился, и желанный доллар переходил в карман Фэйни.

Сын директора, как местный уроженец, досконально знал всех собак и кошек в своем квартале. Поэтому он мог без всякого риска сказать Рою:

— Вот идет рыжая собака. Если она пройдет мимо калитки красного дома, я плачу тебе двадцать монет.

Рой оглядывал собаку и дом, не видел в них никаких отличительных признаков и сейчас же шел на приманку:

— А я утверждаю, что собака пройдет именно *мимо* калитки. Готов спорить на пятьдесят монет.

Конечно, Рой, приезжий с Юга, не мог знать, что рыжая собака живет в красном доме и, побывав на улице, непременно вернется через калитку домой. Но Фэйни это было отлично известно, и он играл наверняка. Поэтому к моменту, когда Рою приходило очередное денежное письмо от отца, оказывалось, что он уже задолжал всю свою получку Мак-Магону. И сын директора безжалостно отбирал у южанина все его деньги, так что Рою никогда не приходилось лакомиться земляничным мороженым или ходить на приключенческие боевики, как это постоянно делал Фэйни.

Так же удачно обыгрывал он Роя в кости, кегли, карты, бильярд и в «три-два» — примитивнейшую игру океанских грузчиков, очень модную среди ребят Стон-Пойнта.

Рой охотно играл во все игры, лишь бы играть, лишь бы чувствовать в игре «огонек», как он говорил.

Кажется, азарт был в нем наследственным: говорили, что дед его, некогда богатейший плантатор, проиграл в карты два имения и оставил своему сыну — отцу Роя — только небольшой домик в Натчезе да кучу долгов.

Потому и попал молодой аристократ с Юга в стонпойнтовскую школу, к товарищу отца, а не в один из

аристократических колледжей, куда должна была направить его фамильная гордость Мэйсонов.

В игре Рой всегда волновался, бледнел, пускался очертя голову в рискованные комбинации. Зато Фэйни играл с полным хладнокровием, спокойно обдумывал каждый свой ход и ничего не делал наобум. На пари он шел только тогда, когда исход был ему заранее известен и он не рисковал ни одним центом.

Директор Мак-Магон знал об увлечении мальчиков и заметно гордился выдержкой и коммерческими способностями сына. Впрочем, все, что бы ни делал Фэйни, неизменно вызывало восторг отца. Мак-Магон считал, что у него растет гениальный мальчик: все проделки Фэйни, все его похождения, начиная с самого раннего возраста, были предметом гордости и любования в семье. Передавались из уст в уста изречения маленького мак-магончика, свидетельствующие о его ранней гениальности: «Сегодня Фэниан сказал, что у бабушки на носу бородавка. Вот наблюдательный крошка!» или «Фэйни нашел на чердаке старые бутылки и предложил их продать. Удивительно способный ребенок!»

«Весь в меня!» удовлетворенно говорил старший Мак-Магон, созерцая своего отпрыска.

Позже, когда Фэйни стал скаутом и начал приносить в дом разные значки, ленточки и дипломы, все это развешивалось по стенкам гостиной и с гордостью показывалось гостям. А когда он получил в отряде звание «орла», радости родителей не было предела, и диплом на это звание повесили на самом видном месте — над камином. Кроме того, гостиная была сверху донизу украшена изображениями младшего Мак-Магона во все периоды его еще столь недолгой жизни. На всех четырех стенах красовалась белесая, невыразительная физиономия Моли. То это был младенец, купающийся в ванночке или роющийся в песке, то бессмысленно глазеющий на зрителя малец на игрушечном коне, то неустрашимый футболист, то командующий парадом бойскаутов «орел», то, наконец, игриво прикладывающийся к горлышку бутылки участник «безобидного» пикника.

Правда, родителям было сказано, что это всего лишь крем-сода, взятая в руки для большей живописности, но ближайшим друзьям Фэйни поведал совсем другое.

В число этих друзей входил Мэрфи, потом одноклассник Фэйни — долговязый и неумный Лори Миллс, и в самое последнее время — Рой Мэйсон.

Странные это были отношения! Рой прекрасно понимал, что и по уму и по воспитанию Фэйни значительно ниже его. Он презирал своего друга, но Фэйни, как более хитрый и энергичный, умел влиять на южанина и втягивал его в свои развлечения, занятия и часто весьма грязноватые проделки. Рой был нужен Фэйни как жертва, которую он высасывал, точно паук. В других же случаях ему был необходим ум южанина, потому что в глубине души Фэйни признавал превосходство Роя во всем, что требовало ума и «джентльменства»

Перед друзьями Фэйни мог не церемониться и с удовольствием сбрасывал с себя стеснительный и неудобный костюм пай-мальчика и рыцарски-благородного молодого янки с незапятнанной моралью. Взамен этого узкого и слишком чистого для него одеяния Мак-Магон представлял в своих привычных отрепьях. Это был естественный его образ: хитрый, корыстный, завистливый подросток, готовый вырасти в опасного негодяя.

Если бы в отряде скаутов, или в ложе, или в знакомом доме, где Фэйни знали в его парадной форме, люди увидели вдруг его настоящее лицо, все, вероятно, сочли бы, что им просто почудилось: до того ловко играл Фэйни свою роль воспитанного, честного мальчика.

У себя дома Фэйни тоже позволял себе распоясываться: здесь он был любимцем отца, и ему прощались любые выходки, а если они становились невыносимыми, то отец объяснял их чудачествами, свойственными всякой талантливой натуре.

А мать?

Но кто же думал о матери или о младшей девочке, сестре Фэйни, в доме Мак-Магонов! И мать и дочь бродили по дому, совсем забытые и придавленные превосходством двух мужчин.

Вот и сейчас Фэйни не обратил ни малейшего внимания на испуганное восклицание матери, увидевшей плевки на своих любимых вещах.

— Подумаешь! — косясь на товарища, проворчал он. — Придет Кэт и сотрет — вот и все.

— Но, Фэниан, ведь эта этажерка — еще мое приданое, — робко возразила мать.

— Подумаешь — приданое! — сказал Фэйни.— Наверное, все твоё приданое заключалось в этой этажерке.— Он насмешливо взглянул на мать.— Впрочем, я могу все это вытереть сам, если ты мне дашь три доллара.

— Но, Фэниан, я только вчера дала тебе два доллара.— Мать говорила почти шопотом.— Это очень большие деньги, Фэниан, куда же ты успел их истратить?

— Куда — это мое дело.— Фэйни щелкнул языком.— Давала ты мне их вчера, а сегодня наступило уже сегодня.— И он захохотал, очень довольный своим остроумием.

Рой поежился. У них в Натчезе мать была первым лицом в доме, и никому не пришло бы в голову обращаться с ней так, как позволял себе обращаться с матерью Мак-Магон. Но, быть может, в нем, в Мэйсоне, говорит провинциализм? Возможно, он просто-напросто отстал? Ведь упрекает же его Фэйни за то, что у него устарелые понятия и что он заkis у себя на милом, но старомодном Юге!

И хоть Рой и убрал ноги со стола, но он уже не встал в присутствии женщины, как непременно сделал бы это у себя на Юге. Мысленно он называл миссис Мак-Магон «старой шляпой» и презирал ее за то, что она робеет перед сыном и позволяет мужчинам командовать в доме.

Его мать надавала бы ему оплеух и прогнала бы в конюшню за малейший признак непочтительности. А эта ничего, терпит, и, видимо, вытерпит все что угодно. И Рой, думая так, все больше распускался и начинал во многом подражать приятелю.

— Нет, Фэйни, у меня нет больше ни цента, и ты это отлично знаешь. Вчера я отдала тебе последнее,— тихим голосом говорила между тем миссис Мак-Магон.

— Наверное, жадничаешь по обыкновению,— сказал «почтительный» сын.

Мать всплеснула руками:

— Фэниан, что ты говоришь, опомнись! Ведь отец небесный все видит, все слышит...

— Ну, завела теперь свою волынку! — пробормотал Фэйни.

Но мать уже убежала, счастливая, что может скрыться от любимца семьи.

Через минуту на смену миссис Мак-Магон явилась с тряпкой худенькая малышка с дрожащим бантом в коротких кудряшках апельсинового цвета. Увидав заляпаные плевками пол, стены и мебель, малышка застыла.

— Ой, Фэйни, как ты можешь быть такой свиньей! — сказала она, и бант на ее голове задрожал еще сильнее.

— Цыц, ты, пиголица! — сказал ее брат и повелитель. — Поди сюда! Ближе... Еще ближе...

Кэт остановилась на безопасном расстоянии.

— Будешь щипаться, — сказала она, — я уж знаю.

— Да не бойся, я не в настроении щипаться, — уговаривал ее Фэйни. — Подойди ко мне, Кэтрин, милочка.

— Тогда, значит, будешь клянчить что-нибудь, — хладнокровно констатировала Кэт. — Я уж тебя знаю.

Все-таки она решилась подойти ближе и тотчас же была схвачена цепкими руками брата и зажата у него между колен. Бант подпрыгнул и поник, как крылья у бабочки.

— Пусти, Фэйни... — жалобно сказала девочка. — Ну, пусти же, ведь мне больно...

— Я — гангстер, — сказал Фэйни, уродливо надувая щеки. — Я — Аль Капоне и граблю банк. Где твоя копилка, рыжая, говори!

Кэт закусил губу, чтобы не закричать. Брат выкручивал ей руку, и рука уже побагровела.

— Там всего тридцать центов, Фэйни... — Голос девочки прерывался. — Честное слово... я не для себя их копила — для мамы... У нее ничего нет, а ей так хочется иметь... черные перчатки... Старые совсем побелели... Ох, Фэйни, не мучь меня, пожалуйста...

— Чепуха! — сказал Фэйни. — Вовсе ей не нужны черные перчатки, и вообще ты все это выдумала. Давай сюда копилку!

Кэт тихонько заплакала. Ей было очень больно. Рой недовольно задвигался в кресле.

— Да оставь ты ее! — сказал он приятелю. — Что ты к ней привязался?

— У нее припрятаны денежки, — сказал Фэйни, — а нам они сейчас, ты знаешь, нужны дозарезу. Если у тебя есть капиталы, ты скажи, и я отпущу девчонку.

— Ничего у меня нет, — угрюмо проворчал Рой. — Тебе это известно лучше, чем мне.

— Тогда не будьте таким сердобольным, сэр,— насмешливо прищурился Фэйни и снова принялся выкручивать руку сестре.— Давай сюда твою копилку, слышишь?

Кэт простонала, что сейчас принесет. Однако брат не поверил и последовал за ней до самого буфета. Там, в нижнем ящике, под салфетками и скатертями хранилась самая большая драгоценность Кэт — копилка в виде хо-рошенькой серой кошечки.

— Сейчас посмотрим, что у нее в животе! — сказал Фэйни, завладев фарфоровой кошкой.— Где ключ?

— Я... я его потеряла, Фэйни,— сказала Кэт.— Честное слово, потеряла!

— Ах ты врунья! — Старший брат захохотал.— Ну, обойдемся без ключа!

И, размахнувшись, он ударил кошечку об угол буфета. Во все стороны брызнули фарфоровые осколки, и на пол посыпалась серебряная мелочь. Под тихий плач девочки Фэйни собирал с полу деньги и считал:

— Никель... еще никель... еще один... Эх, куда закатился! Ага, голубчик, нашел! А вот еще два цента... Что же ты врала, что у тебя тридцать центов? — обратился он к сестре.— Вот смотри, я нашел целых сорок три цента. Ай, как нехорошо так обманывать! Тебя бог накажет за то, что ты надуваешь единственного брата,— паясничал Фэйни.

Кэт, не отвечая, подбирала осколки кошкиной головы и пыталась их сложить. Слезы так и лились у нее из глаз, и она их даже не вытирала. Рой уткнулся в газету и делал вид, что все происходящее его нисколько не касается.

Послышался гудок автомобиля.

— Старик приехал,—сказал Фэйни, выглянув в окно.— Убирай все это, пиголица, а то влетит тебе по первое число.

Но Кэт и сама уже торопливо собирала осколки и вытирала плевки. Руки и бант у нее дрожали, и она старалась спрятать от мальчиков лицо.

Где-то в глубине дома захлопали двери. Миссис Мак-Магон услышала о прибытии главы семьи и, так же как дочь, спешила привести все в порядок. Ей хорошо было известно, какая гроза разразится, если что-нибудь окажется не по вкусу хозяину.

17. ИНТЕРЕСЫ СХОДЯТСЯ

У себя дома мистер Мак-Магон с радостью вымещал на жене и дочери все те унижения и уколы самолюбия, которые ему приходилось претерпевать от Милларда и других попечителей школы. Один только Фэйни дерзил отцу и ни в грош не ставил его приказания. Рой Мэйсон, как сын аристократического приятеля, тоже пользовался неприкосновенностью личности.

— Хелло, мальчики! — сказал Мак-Магон, входя в комнату. — Что нового?

— Ничего, кроме дождя на улице, — промямлил Фэйни, лениво вытягиваясь перед камином, в котором Кэт зажгла стеклянные электрические угли.

Едва слышав шаги отца за дверью, девочка торопливо выскользнула из комнаты.

— Кстати, о дожде. — Мистер Мак-Магон снял шляпу, воротничок и галстук и повесил все это, к всегдашнему ужасу миссис Мак-Магон, на стоячую лампу — торшер. — Машина вся забрызгана грязью еще с утра. Поди вымой ее, сынок.

— Четвертак, — сказал Фэйни, не двигаясь с места.

— Что-о? — Мак-Магон резко обернулся. — Что такое?

— Четвертак, — невозмутимо повторил Фэйни. — Все равно в любом гараже с тебя возьмут столько же. Так не лучше ли оставить деньги в семье?

Мак-Магон секунду ошоломлено созерцал свое родное детище. Потом внезапно физиономия его начала расплываться в улыбке. Он улыбался все шире и шире и наконец захохотал так, что очки его шаловливо перепрыгнули с переносицы на лоб.

— Нет, вы только посмотрите на этого шельмеца! — закричал он в восторге. — Вы его послушайте!.. Джен! — позвал он. — Поди сюда, полюбуйся своим творением!

На лестнице, ведущей в спальни, показалась миссис Мак-Магон.

— Что... что случилось, Сэм? — пролепетала она.

— Хочу, чтоб ты полюбовалась на нашего сынка, — любезно сказал муж: — желает, видишь ли, подработать на собственном отце, а? Каково? Вот хватка у парня! Клянусь честью, настоящий, стопроцентный американец! С такими людьми наша страна не пропадет — ставлю в

заклад собственную голову! — добавил он с величайшим удовлетворением.

Миссис Мак-Магон стояла подавленная.

— Что же ты молчишь, Джен? — раздраженно обратился к ней Мак-Магон.

— Я... я сейчас подам тебе яичницу с ветчиной, — прошептала миссис Мак-Магон, окончательно теряясь от крика.

Ее хозяин энергично сплюнул.

— Вот и поди разговаривай с такой курицей! — пробормотал он достаточно громко, чтобы это долетело до мальчиков.

— Как же, па, мыть мне машину, или ты предпочитаешь, чтоб это сделали в гараже? — снова спросил Фэйни.

— А на что пойдут мои деньги? — любопытно спросил отец. — На выпивку? На курево? — И он захохотал, думая, что сострил, и не подозревая, как недалеко от истины.

— Деньги пойдут на перевыборы, — уверенно сказал Фэйни.

Рой недоуменно вскинул на него глаза.

— Непонятно. Объясни, — сказал отец.

— Пожалуйста! Твои деньги нужны нам для перевыборов, — врал Фэйни. — Ведь ты знаешь, отец, мы собираемся выжить этого черного бродягу Робинсона из старост, а на его место ребята прочтат меня. Вот деньги и нужны нам, чтобы переманить кое-кого из сторонников негра.

Очки Мак-Магона остро блеснули.

— Значит, кампания в разгаре, насколько я понимаю? — сказал он. — Так, так... Вы, ребята, молодцы, зря времени не теряете. — Он пытливо оглядел обоих подростков. — А как вообще настроение в школе? Что-то вы мне давно не рассказывали.

— Настроение — что надо! — самоуверенно усмехнулся Фэйни. — И старшие и наши «малютки» только и мечтают поскорее избавиться от цветного сброда. Хотят, чтобы школа наконец стала приличной американской школой для настоящих янки, а не приютом для разных там черномазых ублюдков.

— Тс-с... — Отец погрозил пальцем своему любимцу. — Полегче, Фэниан. Не нужно крепких слов...

— Я же говорю только то, что есть,— ничуть не смутился Фэйни.

Заговорил молчавший до сих пор Мэйсон.

— Боюсь, что Фэниан радуется прежде времени,— кисло сказал он.— Вовсе не все заодно, как ему кажется. Не знаю, как настроены старшеклассники и президент Коллинз, а Принс, с которым я разговаривал, считает, что Робинсон — очень ценный парень, да и вообще он, кажется, ничего не имеет против цветных. Про учителя Ричардсона и говорить не приходится: этот нянчится со всеми неграми так, что тошно смотреть, и постоянно проповедует равенство...

Мак-Магон вдруг заметно оживился. Очки его загорелись холодным, хищным блеском.

— Вот, кстати,— сказал он поспешно,— если на-днях соберется попечительский совет и мистер Миллард сочтет необходимым вызвать тебя, Рой, ты ведь не откажешься помочь нам и повторишь то, что ты мне рассказывал о Ричардсоне?

Он многозначительно посмотрел на мальчика.

— Мне что же... я, пожалуй, могу...— начал Рой.

— Расскажешь джентльменам о случае с сочинением и о том, как красноречив Ричардсон, когда упоминает о своих друзьях в Советской России. Постарайся припомнить все, все...— торопливо говорил директор.— Это может нам чрезвычайно пригодиться.

— Разумеется, сэр. Можете рассчитывать на меня,— с важностью отвечал Рой, заметно гордясь тем, что директор разговаривает с ним, как со взрослым.

— Ну вот и отлично, мальчики! — Мак-Магон окончательно развеселился.— А теперь — марш мыть машину! Вымоете — получите целый доллар. Понятно?

Вместо ответа Фэйни вскочил, свистнул Рою, захватил висевший за дверью балахон и, подмигнув отцу, припрыжку выбежал из комнаты.

Во дворе, пустив из шланга струю воды прямо на серую от грязи машину, он сказал Рою:

— Что я тебе говорил! Видишь, отцу тоже не терпится избавиться от Робинсона. Он терпеть не может негров, только притворяется любителем всяких там равноправий и свобод после войны, а сам, поверь мне, с удовольствием вздернул бы всех черномазых на одну осину... Гляди, целый доллар обещал отвалить, старый скряга!

Рой пробормотал что-то невразумительное и продолжал тереть замшевой тряпкой стекла и дверцы машины. Молодому джентльмену-белоручке было очень противно заниматься столь грязной работой. Однако в настоящую минуту, без цента в кармане, он всецело зависел от Фэйни и потому старался только, чтобы на его долю достались те части автомобиля, которые были не так грязны. Колеса и вообще всю ходовую часть, измазанную глиной, он любезно предоставил приятелю.

— Доллар от старика, да сорок три цента из девчонкиной копилки, да пятнадцать центов у меня было — итого один доллар пятьдесят восемь центов, — вслух подсчитывал свои барыши Фэйни. — Хватит и на бильярде сыграть и пивка пропустить, да, пожалуй, останется и на кино. В «Паласе» идет новый боевик — похождения убийцы семи жен... Могу взять тебя с собой, а после, когда отец тебе придет, ты мне отдашь с небольшим процентом, — великодушно предложил он Рою.

— Никаких процентов ты от меня не получишь, — угрюмо проворчал Рой. — Достаточно, что я для тебя обстригаю эту штуку с перевыборами.

— Хм... для меня! — иронически воскликнул Фэйни. — Ты, голубчик, не для меня, а для себя стараешься! Уж мне-то очки не втирай! Вся твоя голубая кровь кипит, когда тобой командует какой-нибудь негритос. Я все это отлично понимаю. И не воображай, пожалуйста, что я навеки останусь твоим должником, когда мы уберем Робинсона!

— Ах, так? — сказал Рой. — Отлично! С этой минуты я умываю руки.

Фэйни мгновенно струсил.

— Да я пошутил, — поспешно сказал он. — Уж слова сказать нельзя — вот петух! Нет уж, Мэйсон, ты ведь во всем этом деле главный и должен довести его до конца. Мне без тебя не справиться. Как все южане, ты — настоящий дипломат и знаешь, как к кому подъехать. — И он подобострастно захихикал.

Несколько минут мальчики в молчании терли машину. Фэйни старательно скреб колеса, Рой трудился над дверцами. Поглощенные своим занятием, друзья не заметили, как позади них по двору промелькнула легкая тень. У тени были резвые кудряшки и на макушке — трепещущий бант.

Тень, и кудряшки, и бант мгновенно исчезли, точно растворились за выступом стены; мальчики у машины и не подозревали, что за ними наблюдают.

Фэйни поднял от колес покрасневшее лицо.

— Прямо не могу дождаться, когда мы наконец разделаемся с Робинсоном! — начал он хрипло. — У меня он вон где сидит — в печенках! Образина черномазая! Смеет ходить с нашими девочками, смеет приставать к Патриции, разевать свою черную пасть!.. Ну погоди же у меня!..

Рой насмешливо поглядел на него и замурлыкал:

— Мур... мурррр... мурррррр... Кисанька, нежный наш котик! Как мы волнуемся, как мы нервничаем! И все потому, что прелестная Пат не обратила внимания на наше предупреждение и как ни в чем не бывало отправилась гулять с негритосом. Все понятно...

Фэйни покраснел еще больше.

— Нечего смеяться! — сказал он запальчиво. — Оглянись лучше на себя. Чьи это инициалы у тебя вытатуированы под рукавом?.. Что, покраснел? А платок с меткой «П», который лежит у тебя в ночном столике? Думаешь, я не заметил, как ты его стянул?..

На этот раз вспыхнул до самых волос Мэйсон:

— Ну что ж, у каждого джентльмена должна быть дама сердца. — Рой старался говорить самым непринужденным тоном. — Только это еще ничего не означает. Если она не перестанет водиться с этим парнем, мы ее не помилуем. Любую уродину выберем королевой майского праздника, а ее провалим, даю в этом слово.

— Вот это правильно! — подхватил Фэйни. — Пускай не якшается с разной дрянью. Разве нет у нас в школе умных, красивых, развитых ребят и к тому же стопроцентных американцев!

Рой прищурился:

— Уж не себя ли ты имеешь в виду?

— А хоть бы и себя! — подбоченился Фэйни.

Рой пренебрежительно свистнул.

— Для двухцентовой фотографии годишься, — сказал он спокойно, — а Пат, надеюсь, найдет кого-нибудь получше.

На этот раз Фэйни обиделся всерьез и непременно полез бы в драку, если бы не вспомнил, что в данный момент ссориться с Мэйсоном ему невыгодно. Красный и

надутый, он молча переживал обиду, когда во дворе появился новый посетитель.

Это был долговязый, большерукий и большеногий подросток, удивительно похожий на бестолкового щенка, который непременно хочет во всем подражать взрослым собакам.

С озабоченным видом, словно принохиваясь к окружающему, подросток проследовал по асфальтовой дорожке прямо к взъерошенным приятелям, остановился на почтительном расстоянии и вытянулся, приложив руку к пилотке.

— Хэлло, начальник! — приветствовал он Фэйни. — Прибыл согласно вашему распоряжению.

— Ага, Долговязый! — Фэйни постарался принять самый спокойный вид. — Докладывай, какие новости?

Лори Миллс, по прозвищу Долговязый, еще раз козырнул своему «орлу»: в отряде скаутов он был подчинен Мак-Магону.

— Новости имеются, важные новости, — произнес он как можно солиднее. — Я только что от Вендикс, был там на репетиции. Слышал, как грымза с Гориллой говорили, будто Чарли Робинсон больше не будет участвовать в картинах. Кажется, Вендикс выпроводила его без всякой церемонии. Горилла так и сиял: верно, он сам это и подстроил... Ух и шумели же все наши по этому поводу!

— А поговорил ты с ребятами, как я тебе велел? — вмешался Рой.

Лори кивнул:

— И значки передал с орлом и обработал почти всех наших. Кое-кому пришлось дать билеты в цирк, другим наобещал, что мы достанем им бесплатные пропуска на футбольный матч, если они отдадут голоса Мак-Магону. Некоторые требуют, чтобы при «распределении добычи» Мак-Магон им тоже что-нибудь дал в отряде — повысил бы из «неженки»¹ в «старичков», вообще чтобы дал командные места...

Пока он говорил, из-за стены гаража выглянул и замер трепещущий бант.

Обладательница его внимательно прислушивалась к разговору у машины.

¹ «Неженки» — новички в отрядах бойскаутов.

— А с робинсоновскими ребятами пробовал сговориться? — нетерпеливо спросил Фэйни.

Долговязый замялся.

— Пробовать-то пробовал, да они плохо поддаются, — жалобно проскулил он. — Мне самому чуть не попало. Налетел на меня этот Гирич. Кулаки у него хоть и маленькие, а прямо железные. Как начал молотить — у меня вон до сих пор в груди музыка. — И Лори начал кашлять, чтобы показать, как он пострадал за общее дело.

— Эх ты, слюнтяй! — презрительно вымолвил Рой. — Все вы, скауты, — слюнтяи.

Возмущенный Лори кинул быстрый взгляд на своего «орла»: вот сейчас «орел» скинет балахон и куртку и покажет этому щеголю, что такое настоящий скаут! И он — Лори — будет секундантом своего начальника. Сейчас они оба расправятся с южанином!

Но, к удивлению Долговязого, его «орел» совершенно безмятежно проглотил это страшное оскорбление. Наоборот, он даже с некоторым подобострастием глядел на Мэйсона и, видимо, ожидал его решения.

— Что же нам делать? — обратился он уже прямо к Мэйсону. — Если робинсоновские ребята в четверг сообщатся за старосту, все пропало.

— Будь у нас побольше денег, я провел бы на командное место рыжего пса против апостола Павла, — проворчал Рой. — Мэрфи обещал поддержать нас со своими «пловцами», но он хочет по двадцати центов за голос. Конечно, можно еще кое-кого припугнуть, — прибавил он.

Фэйни яростно грыз ногти. Теперь все свои надежды он возлагал на изворотливость и ум приятеля.

— Ты отнес на почту извещения? — спросил Рой Долговязого.

— Все сделал, как вы сказали, — кивнул тот. — Завтра, наверное, дядя Пост будет доставлять их по адресам. — Он хихикнул: — И здорово же вы нарисовали эти карикатуры! Сразу видно, что негры происходят от обезьян...

Рой задумался. Казалось, он совсем забыл о приятелях.

Внезапно красивая физиономия южанина оживилась. Он вскочил на сиденье автомобиля.

— Придумал! — торжествующе воскликнул он. —

Есть план, только рискованный... Можно часа на два, пока идут перевыборы, упрятать робинсоновских ребят.

— Как упрятать? Куда упрятать? — закричали в один голос скауты.

Не отвечая на вопрос, Рой обратился к Долговязому:

— Кажется, кабинет мифологии на четвертом этаже пустует?

Тот живо закивал ушастью головой.

— Мистер Моррис, преподаватель мифологии, уже две недели болен ангиной, — сказал он. — А в чем дело?

— Отлично! Вот мы и воспользуемся его кабинетом! — с торжеством объявил Рой. — Сейчас мы с вами сообразим, как все это лучше обстряпать.

— Давай, давай, выкладывай! — в возбуждении подпрыгнул Фэйни.

Усевшись на подножку машины, Рой изложил товарищам свой план. Заговорщики не помнили себя от восторга, хлопали Роя и друг друга по коленям и спинам и радостно хохотали.

— Ах ты! Вот умный, собака! Дьявол тебя возьми, Мэйсон! Недаром Горилла пророчит, что ты будешь губернатором штата! — восторженно вопили мальчишки.

Рой усмехался, слегка польщенный.

— Знаешь, я тобой восхищаюсь, Рой, — разоткровенничался Фэйни. — Когда ты приехал со всеми этими словами о джентльменстве и о прочем, я думал, что ты — настоящий дурак. А теперь я вижу, что ты — великий талант. Только вот ума не приложу, за что тебе лучше взяться в будущем?

Рой серьезно взглянул на приятеля:

— Неужели ты не понял, что я готовлюсь в политические деятели? В политике нужны люди с решительным характером, тонкие, с изворотливым умом. Все это у меня имеется. Раньше я думал стать врачом, но пачкаться с больными я терпеть не могу. Одно время я даже хотел быть священником, но вы знаете, ребята, я люблю карты, бега, люблю пиво, разные там танцульки и, конечно, вовсе не хочу от этого отказываться. Значит, остается только политика. Ох, как я буду выступать в конгрессе! Всякие законы там о неграх и о коммунистах, о том, чтоб открывали побольше ресторанов и чтоб побольше было у нас оружия...

— Молодчина ты, Рой, вот что я скажу!

— Ух, этот себя покажет!

Рой посмотрел еще раз на Фэйни.

— Следовало бы содрать с тебя хорошенько за все это дело с перевыборами. Ты бы с меня наверное содрал. Но я не такой, можешь не волноваться. Я, как настоящий джентльмен, дарю тебе мой план, — величественно заключил он.

— Ну, в таком случае я ставлю за свой счет выпивку, — великодушно объявил Фэйни. — Захватим Мэрфи — и пошли, ребята, в пивную к старику Нотингсу. Мне прямо не терпится промочить горло.

Галдя и дружески подталкивая друг друга, они направились к воротам и вышли на улицу. Все предвкушали приятный вечер в пивной Нотингса.

Едва заговорщики повернули за угол, из-за стены гаража вынырнула голова в коротких апельсиновых кудряшках. На этот раз бант развевался на кудряшках как гордое боевое знамя.

— Узнаете вы, губернаторы, как разбивать моих кошечек! — сказала Кэт, подняв, как в клятве, крохотный кулак.

18. «ШТАБ» ЗАСЕДАЕТ

Он не пошел домой. Он не мог и не хотел показаться матери и друзьям с таким лицом — искаженным болью и бешенством, исполосованным слезами, которые хлынули, как только он ушел из нежносиреневого домика мисс Вендикс.

Он не хотел плакать, он давал себе самую страшную клятву, что не проронит ни слезинки, не доставит этой радости Горилле и всем своим недругам, но он был еще совсем мальчик, и горькая обида за себя, за всех, у кого черная кожа, вызвала жгучие слезы.

Сначала он долго стоял у какой-то калитки, прижавшись грудью к цементному столбу и не замечая, что сквозь решетку в него вцепился колючий куст не то шиповника, не то держи-дерева. Потом он свернул на широкую, пустую и длинную улицу, казавшуюся бесконечной. Было уже совсем темно, где-то впереди слабо краснел закат да зарницами вспыхивали и гасли на Мэйн-стрит световые рекламы: чудовищных размеров чашка с напитком «кока-кола»; фигура громадного полисмена,

направившего револьвер на какого-то человека; зубная щетка величиной с телеграфный столб.

Прохожих было немного, никто не обращал внимания на мальчика, одиноко бредущего по улице, никто не видел его сгорбленных плеч, его рук, повисших вдоль тела. В темноте, стиснутый холодными кирпичными стенами, он машинально шагал, не видя дороги, не замечая, что вышел уже из Верхнего города и приближается к реке.

Влажный ветер коснулся его волос. Сырой мрак обступил его со всех сторон. Чарли оглянулся: где-то позади остались огни города, уличный шум, гудки, звуки ресторанных оркестров и радио. Он был точно на краю света: перед ним в чернильном провале плескалась река. пахло смолой, рыбой, немного солью, как на море. Впереди мерцал красный огонек — это удалялась по воде с глухим рокотанием моторка. Ветер сильно и мягко бил из темноты, освежал разгоряченное слезами лицо. Перевернутые лодки лежали у самого берега. Чарли сел на одну из них.

Бывают в жизни такие ночи или дни, когда вдруг человек перестает жить так безотчетно и просто, как он жил до той поры. Он оглядывается, видит себя выросшим из прежнего платья, немного еще неловким подростком, видит свое лицо, которое уже теряет детскую округлость. И этот взгляд со стороны помогает ему, делает его сильней, уверенней в себе и, конечно, гораздо взрослее. В такую ночь или в такой день кончается детство и начинается юность человека.

Нечто подобное чувствовал Чарли Робинсон, сидя на берегу после того, как его прогнал от своих дверей сильный и грубый белый человек. Час тому назад он, Чарли, плакал, как девчонка. Теперь он презирал себя за эти слезы. Что сказал бы Цезарь? Разумеется, Цезарь сказал бы, что слезами не помочь — нужно бороться. И Цезарь прав, тысячу раз прав!

Горечь и гнев переполняли мальчика так, что, казалось, еще немного — и разорвется сердце. Теперь он перебирал в памяти все обиды, весь длинный счет, который он сам и его друзья — негры — могут предъявить белым господам. Тот день, когда он пришел в «Атенеум» и хотел подняться на четырнадцатый этаж, а лифтер отказался пустить его в лифт, потому что он чернокожий.

И тот день, когда он пришел покупать в магазин ботинки и ему велели брать их без примерки, потому что «ты понимаешь, парень, никто не захочет их примерять после негра». И тот вечер, когда он пошел в закусочную — взять еду для больной матери, а хозяин быстро выпроводил его задним ходом: в закусочной сидел белый джентльмен. И автобус он припомнил, и косой, недружелюбный взгляд Пат. «Ох, и она такая же! Напрасно я ей верю...» И то, как мать Пат старалась избавиться от него, — все, все припомнил Чарли.

Они, негры, живут в Горчичном Раю, потому что в других кварталах им не сдают помещения. Они живут в Горчичном Раю, а утром отправляются работать в белые кварталы Верхнего города: они — рабочие и мусорщики, посыльные и печники, чистильщики сапог и каменщики. Они — черные; значит, и работа для них черная. Их обируют, ими помыкают, над ними издеваются.

И снова память услужливо подбирала ему сотни смертельных обид. Ему вспомнилось все, о чем испуганным шопотом рассказывала Темпи и громко, с возмущением — Цезарь: суды Линча над ни в чем не повинными неграми, черные тела негритянских детей, обмазанные смолой и подожженные белыми джентльменами с Юга, негритянские погромы, когда кучка озверевших белых поджигает негритянские лачуги и устраивает кровавую расправу с темнокожими бедняками... И все, что случилось за последние дни, вдруг горько припомнилось Чарли: слезы Нэнси и ее матери, деревяшка вместо протеза у искалеченного на войне белых Цезаря, погибший отец, ухмыляющиеся физиономии Моли и его дружков, которые сейчас, может быть, готовят ему какую-нибудь гнусность...

Сырой туман, надвинувшийся с реки, обволакивал мальчика. Школа... Какой заманчивой представлялась ему школа, когда посланный объявил, что мистер Миллард убедил попечительский совет принять в число учеников сына погибшего механика Робинсона! Как радовалась в тот день его мать! Теперь он знает, что такое эта школа!

Сам того не сознавая, негритянский мальчик подводил итог всему, что он получал на школьной скамье.

Весь день он встает, садится, ходит по звонку, как механический человек. С детства ему твердят: «Линкольн

никогда не лгал и нам завещал быть правдивыми», и «Каждый американец может стать президентом», и «Америка — страна всеобщей свободы и равенства», и «Все люди в божьей стране — равны», и тому подобные торжественные и пышные фразы, которым не верит ни один человек в этой «божьей стране». В школьной жизни самую главную роль играют спорт, «школьная политика» и отношения между мальчиками и девочками. Если ты хорошо бегаешь, играешь в футбол и бейзбол, защищаешь честь школы в каком-нибудь соревновании и приходишь первым — успех тебе обеспечен. Но для этого у тебя непременно должна быть белая кожа, светлые волосы и хороший костюм. Тогда ты будешь в первом десятке и даже сможешь командовать остальными.

Если ты интересуешься книгами и много читаешь, постарайся это скрыть, потому что такие, как Мэйсон, скажут, что ты выскочка и хочешь подлизываться к учителям. Сам Чарли старался не обнаруживать, что он знаком с классиками, и только Джой и Василь были посвящены в тайну его чтения. А если бы в классе узнали, что негр интересуется изящной литературой и стихами, его, наверное, подняли бы на смех.

Редко-редко в классе затевался интересный спор. Большинство же говорило только о футболе или бейзболе, о рекордах по плаванию, об интригах той, враждебной компании, которая хочет захватить в свои руки власть в школе. Класс плохо относится к тем, которые не похожи на остальных. Учителя? Но кто, кроме Ричи, любим и уважаем в школе! Ведь всем известно, что учителя следят и шпионят за учениками, а стоит подружиться с учителем, как школьники тотчас же объявляют, что ты «подлиза», «выслуживаешься», «зарабатываешь ленточки отличника».

У президента школы хранится «Книга правил», и каждому школьнику рекомендуют прочесть раздел шестой, параграф пятнадцатый, где сказано, что настоящий американец-патриот должен выполнять все постановления конгресса и давать отпор всякому человеку, который захочет его склонить к враждебным действиям против правительства Соединенных Штатов. И ему, Чарли, давали прочесть этот параграф, хотя он и «не настоящий американец», как заметил при этом директор Мак-Магон.

Хорошо, что у Чарли есть друзья, которые горячо стоят за него, готовы дать отпор всем обидчикам.

Чарли вспоминает, что дома его, наверное, дожидаются эти друзья. Собрался, вероятно, весь «штаб». Он с благодарностью подумал о Василе, о Джое, о Пабло Де-Минго. Да, это свои, надежные ребята, которым все равно, какого цвета у человека кожа, лишь бы этот человек был по-настоящему честен, благороден и смел. И подумать только, что есть на свете целая страна, где все люди равны, будь они белые, желтые или черные — безразлично!

Чарли нагнулся, зачерпнул рукой воду и смочил пересохшие губы.

С реки доносились далекие голоса—это окликали друг друга рыбаки. Туман поднялся и колыхающейся пеленой повис у ближайшего фонаря. Чарли снова подумал о том, что его ждут, но даже не пошевелился. Отвечать друзьям, как прошла репетиция и что ему сказала мисс Вендикс, было выше его сил. А рассказать о том, как позорно прогнал его Горилла, он просто не мог.

И потому он продолжал сидеть у реки, вдыхая сырой, тяжелый воздух и машинально следя за клочьями тумана над фонарем.

В тот же час в Горчичном Раю к домику Робинсонов подошла порядочная группа ребят под предводительством Джоя Беннета. Они долго препирались, кому позвонить, потом Джой нажал звонок, и на крыльце появилась мать их друга.

Она протянула Беннету ключ:

— Вот, можете открыть гараж и подождать там Чарли. Он скоро вернется. Отправился к мисс Вендикс, на репетицию.

— Мы знаем, мэм, — почтительно отвечал Джой. — Он нам сказал, что не надолго задержится, но... — тут Джой взглянул на ключ, — мы не думали, что он покажет нам «Свирель».

— Он решил, что теперь, когда машина почти закончена, нужно показать ее друзьям, — сказала Салли.

«Но зачем здесь почти весь штаб?» думает Салли, обводя глазами друзей своего сына. Она хорошо знает жизнь каждого из этих мальчиков и девочек и жизнь их родителей, ничуть не отличающуюся от ее собственного существования. Вот непоседливый, живой, вездесущий

Джой Беннет. Отец его, наборщик типографии, вернулся с войны с двумя медалями и личной благодарностью президента. Однако он тут же снял свои медали и громко заявил, что из благодарности президента не шить шубы для бедняка. «Лучше подумали бы о том, как помочь типографщикам, которые болеют туберкулезом и даже не могут заплатить за свое лечение», говорил он с раздражением. Разговоры эти очень повредили Беннету, и он с трудом нашел себе работу.

Салли внимательно вглядывается в бледного и худенького Пабло Де-Минго. Трудно живется мальчику в большой семье. Мать Пабло почти никогда не бывает дома — она массажистка и ходит по богатым домам массировать разжиревших хозяек. Отец сражался с фашистами в Испании, а когда фашисты захватили там власть, ему пришлось бежать сюда, в Стон-Пойнт, к каким-то родственникам. Однако слух о том, что Де-Минго — антифашист, дошел до ушей хозяев. Если человек антифашист, значит он в то же время и коммунист, рассуждают люди. А коммунистов никто не желает держать у себя на службе. Вот и приходится Де-Минго, хорошему столарю, пробиваться случайными заработками.

В доме у них всегда страшный беспорядок: всюду ползают и кричат младшие братья и сестры Пабло; часто нет денег даже на обед, и тогда Салли приносит им кое-какую еду.

Пабло нянчится с малышами и подрабатывает то у лавочников, нанимаясь разгружать товар или разносить его заказчикам, то продает на улицах газеты. Мальчик очень честный и прямодушный, и Салли рада его дружбе с Чарли.

Поближе к Пабло жмутся близнецы — Бэн и Вик Квинси. Оба — светловолосые, сероглазые, и оба слегка заикаются — не то от застенчивости, не то просто от рождения. Они живут за рекой, но часто приходят к Чарли — просят показать задачу или разобрать пример из грамматики. Отец Квинси работает на заводе в том же механическом цехе, где работал покойный Тэд. За свою жизнь Квинси перепробовал множество профессий: был поваром, клерком, кондуктором поезда. Всю жизнь ему хотелось иметь какое-нибудь, хоть маленькое, но собственное дело: мастерскую по ремонту машин, пекарню, кухмистерскую. Но для этого нужно было много

долларов, а их-то у него и не было! И тогда Квинси начал играть в рулетку, чтобы выиграть денег на собственное дело. Раз за разом он проигрывал, а однажды, когда ему повезло и он положил в карман первый выигрыш, на него напали здоровенные парни, отняли выигрыш, а самого избили.

С тех пор Квинси бросил свою мечту и поступил на завод Милларда, как тысячи других бедняков. Его сыновья-близнецы пока учились в школе, но Квинси уже поговаривал о том, что мальчишек нужно пристроить к какому-нибудь делу, а то в доме очень уж туго.

Позади близнецов прячется Майнард. Джон высок, неуклюж и меланхоличен. Салли знает, что отец Джона Майнарда хоть и негр, а не очень-то хочет знаться с бедняками из своего народа. Он и сыну выговаривал за его дружбу со старостой, но мальчишка так прилепился к Чарли, что ходит за ним, как верная собачка, ласково и послушно глядя другу в глаза.

А вот и Нэнси Гоу. Но сегодня Нэнси не поет, не стрекочет без умолку, не пританцовывает на месте, как обычно. Сегодня она молчалива, жмется к стенке дома и даже не очень хочет, чтобы тетя Салли ее заметила и заговорила с ней. Ну, не бойся, девочка, тетя Салли все понимает и не станет приставать к тебе с разговорами. Тетя Салли знает, что сегодня тебя обидел в школе Горилла, а твоя мать целый день плачет, потому что белые люди не захотели иметь вас своими соседями в Эдеме. Сегодня Нэнси и ее мать снова почувствовали на себе железный закон белых.

Салли еще раз оглядела ребят. Ее гложет тревога: зачем они собрались все сразу? Что, если она спросит у Джоя, по какой причине создан «штаб»? Впрочем, может быть это будет нескромно — выведывать то, что ее сын хочет скрыть.

Салли некоторое время колебалась, однако тревога пересилила. Она схватила за рукав Джоя:

— Послушай, зачем вы собрались? Случилось что-нибудь?

Джой Беннет беспомощно оглянулся на остальных:

— Ровно ничего, мэм... Что вы, мэм!.. Мы просто хотели посмотреть новую модель, и Чарли наконец согласился.

— Посмотреть новую модель? А ты не врешь, па-

рень? — Салли сверлила мальчика глазами. — Ну хорошо, хорошо, пусть будет по-вашему!

Она со вздохом отпустила рукав Джоя. Мальчик, едва почувствовав, что свободен, шмыгнул, как заяц, в калитку, а за ним, пугливо озираясь, последовали остальные: больше всего они боялись, что Салли начнет выспрашивать их поодиночке и кто-нибудь не выдержит ее пытливого взгляда и проболтается, зачем собрал их сегодня Чарли.

Впрочем, Беннет лгал только наполовину: кроме основной причины, которая привела «штаб» в дом Робинсонов, всем ребятам давно уж не терпелось посмотреть на новую машину Чарли. О модели с таким завлекательным и романтическим названием — «Серебряная свирель» — ходили самые фантастические слухи. Ребята Горчичного Рая были убеждены, что во дворе Робинсонов рождается новое чудо самодельно-автомобильной техники. В школе, еще месяца за два до гонок, заключались рискованные пари, и даже самые бедные ребята Восточной окраины ставили на машину Чарли все свое богатство, состоящее по большей части из шариков, марок и коллекций сигарных этикеток. Теперь все они жаждали посмотреть, чем обеспечивает Чарли их заклад и не опрометчиво ли они поступают, ставя на автомобиль Чарли все, что имеют.

До сих пор к машине допускался только ближайший помощник Чарли — Василь Гирич. Автор конструкции держал свою «Свирель» втайне даже от ближайших друзей, и Джой несколько раз с обидой выговаривал Чарли за его скрытность.

— Мне, своему лучшему другу, не показывать! Что я, выдам твои секреты этому бродяге Мэрфи или, чего доброго, скопирую твою машину? Так, что ли? Этого ты боишься? — запальчиво говорил он, готовый всерьез поссориться.

— Что ты, чудак! — успокаивал его Чарли. — Ты пойми: мне просто не хочется показывать «Свирель», пока она еще не имеет вида. Даю честное слово: как закончу возню с кузовом, тотчас же всех вас созову

Поэтому для «штаба» было полной неожиданностью, когда Салли передала Беннету ключ и просьбу Чарли подождать в «гараже» его возвращения с репетиции.

Ох, как летели ребята к старому деревянному сараю, который пышно назывался «гаражом»! Сарай, или гараж, находился на пустыре, сейчас же за домом. Этот пустырь считался извечной собственностью ребят Горчичного Рая. Сюда, на пустырь, обитатели Горчичного Рая испокон века выбрасывали весь ненужный хлам и мусор, а ненужным здесь, в Раю, считалось только то, что уж никакими силами нельзя было починить и снова пустить в дело. Поэтому в горах мусора, составлявших причудливый ландшафт пустыря, можно было отыскать настоящие сокровища: катушки без ниток, ведра без доньев, ключи, которые ничего не отпирали, звонки, которые не звонили, сломанные дверные ручки, дырявые сковороды, клетки без сеток. Иногда в этих ведрах и клетках находили себе приют бездомные кошки и собаки, и кто-нибудь из мальчишек или девчонок натыкался вдруг на целый выводок слепых малышей. Вот это было счастье!

Сломанные заборы и курятники радовали ребят: тут можно было свободно, без помехи, расположиться и играть, не боясь, что взрослые дяди и тети обругают тебя и прикажут без всяких разговоров убираться вон.

Когда ребята приблизились к «гаражу», все даже замолкли — такой торжественной была эта минута. Джой отпер висячий замок со звоном — тоже хитроумное изобретение Чарли — и нащупал в темноте выключатель. Под потолком загорелась яркая автомобильная фара. И тогда изнемогающие от любопытства и нетерпения ребята увидели наконец «Серебряную свирель».

Со всех сторон раздались удивленно-восторженные восклицания:

— Вот так машина!

— Какая большая — прямо как настоящая!

— Блестит-то как!

— Чарльз просто молодчина!

В самом деле, поставленный на платформу из досок, автомобиль казался очень большим, почти натуральной величины. Начищенный и отполированный до блеска, он имел вид дорогой, настоящей машины. Кузов был сделан из дюралевых листов, найденных Чарли и Василем на самолетном «кладбище». Закругленный перед и длинный, сплюснутый, как у рыбы, хвост придавали автомобилю красивую форму. На плоской части хвоста изящ-

ными черными буквами было выведено: «Серебряная свирель».

«Штаб» почтительно созерцал машину. Даже самые горячие поклонники Чарли не воображали, что новая модель будет так красива. Она превосходила их самые большие ожидания.

Всем захотелось рассмотреть модель поближе, потрогать всё своими руками, посидеть в автомобиле, повернуть руль. Близнецы Квинси первые не выдержали и полезли в машину.

— Смотри, ребята, руль-то, руль! — захлебывался от восторга Бэн.

Действительно, руль был настоящий, автомобильный, тоже случайно найденный где-то мальчиками и прилаженный к машине. Правда, руль был немного велик, но когда Чарли по-гонщицки почти лежал на сиденье водителя, именно руль давал ему ощущение мощности и быстротходности «Свирели».

А сколько выдумки и труда понадобилось, чтобы механизировать управление машины!.. Поставить автомобильную «баранку» — это всякий сумеет. А как сделать легкую и надежную передачу от руля к передней оси — вот над чем пришлось поломать голову Чарли и его верному помощнику Василию!

На гонках, при спуске с холма Надежды, машины обычно мчались с большой скоростью, и слабое рулевое управление могло кончиться катастрофой. Пролетал же в прошлом году Фредди Портер целый месяц в больнице, после того как его машина слетела на полном ходу в кювет, потому что у нее лопнула рулевая тяга!

Нет, Чарли был не только изобретателен, но и осторожен. В этом году он придумал сделать передачу от рулевого штурвала к оси из тросов. Тросы накручивались на барабан, который Чарли укрепил на штурвале.

Ребята, осматривая машину, и не подозревали, сколько материалов перепробовали Чарли и Василь для этих тросов. Ни электрические провода, ни обычные металлические тросы не годились. В конце концов мальчики остановились на обыкновенной крученой бечеве. Правда, она была очень крепкая, но Чарли все-таки немного беспокоился — выдержит ли она испытание. Он утешал себя тем, что «Свирель» понадобится ему только для гонок, а

за несколько часов работы этот «механизм» не успеет износиться.

Пабло Де-Минго, присев на корточки, рассматривал колеса.

— Советую всем обратить на них внимание, — сказал он.

В самом деле, на колеса стоило посмотреть. Они были гордостью Чарли и его главным козырем в предстоящих гонках. Мальчик понимал, что на гонках, когда машины спускаются со склона без мотора, успех зависит не только от обтекаемости кузова, но главным образом от легкости хода самой машины. На чердаке у Темпи оказалась старая детская коляска. Одно из четырех ее колес было сильно помято, и много времени пришлось потратить Чарли, для того чтобы уничтожить следы свирепой восьмерки. Однако все это не имело значения; главное было в том, что на всех колесах оказались отличные пневматические шины, и Чарли, увидев их, пришел в такой восторг, что бросился целовать круглые блестящие щеки Темпи.

— Отстань, дурачок, вымажешься в мыльной пене! — отбивалась Темпи, стоявшая, как всегда, над стиральной машиной.

Но Чарли продолжал обнимать милую, щедрую Темпи за ее королевский подарок.

Однако, придя домой, мальчик чуть не заплакал с досады: колеса оказались не на шарикоподшипниках, а на простых втулках. Вот было разочарование! С горя Чарли едва не забросил коляску со всеми колесами на одну из мусорных куч пустыря. Впрочем, он во-время опомнился и стал обдумывать вместе с Василем, как переделать колеса. Мальчики возились месяца два, зато теперь колеса были так отбалансированы, что вращались при малейшем прикосновении.

Покрутив их, Джой даже языком щелкнул от восторга, а Нэнси, позабыв на время свои горести, важно уселась на водительском месте и воображала себя лихим чемпионом-гонщиком.

Все «штабные» были так поглощены осмотром «Сви-рели», с таким жаром обсуждали детали машины и возможности Чарли на победу, так азартно заключали между собой новые пари, что на время совсем позабыли, зачем они собрались здесь, в «гараже». Поэтому все бы-

ли неприятно поражены, когда откуда-то из темноты пустыря в освещенный «гараж» вбежал запыхавшийся, бледный от волнения Василь Гирич и еще с порога закричал:

— Где Чарли? Кто знает, где Чарли? Видел его кто-нибудь? Да что вы — онемели, что ли?

Пабло выступил вперед:

— Что ты так кричишь? — Он с возмущением уставился на Василя. — Чарли здесь еще нет, да и быть не может: он на репетиции у мисс Вендикс.

Василь облизал губы.

— Его там нет, я только что оттуда, — сказал он. — Они его прогнали — Горилла и эта старая индюшка Вендикс. Они сказали, что негру не место в божественной картине и что они в нем не нуждаются. Горилла сам сказал ему это — мне проболтались мак-магоновские ребята...

— Как? Что такое? В чем дело? — раздались встревоженные голоса. — Да отвечай же!

Ребята окружили Василя.

— Погодите, я еще не все сказал. Там, на репетиции, был этот болван, Лори Миллс. Наверное, он у мак-магоновских ребят вроде лазутчика. Он что-то вынюхивал, всех расспрашивал, шептался по уголкам, а некоторым что-то совал — я не мог подсмотреть, деньги это или что другое. Он и меня начал обрабатывать, сплетничал что-то насчет Чарли — видно, хотел нас поссорить, а потом проболтался, что они с Мак-Магоном и Мэйсоном подготовили ребят и в четверг, то-есть завтра, готовят решительный удар: устраивают перевыборы в классе, хотят убрать Чарли из старост, а потом вместе со всеми цветными и вовсе выгнать из школы.

Его прервал общий вопль:

— Мерзавцы! Да как они смеют!

— Ребята, мы не допустим!

— Все встанем за Робинсона!

— Это незаконно! Мы выбирали Робинсона и не желаем других!

Василь переждал, пока утихнет возмущение.

— Криком делу не поможешь, — сказал он веско. — Они уже договорились с Принсом, а многих ребят просто подкупили, чтобы они отдали свои голоса Моли. Подкупались они неплохо: всех уверяют, будто Чарли против

американских законов и подговорил школу бунтовать против полиции, на уроках под носом учителей передает шпаргалки, а Моль, наоборот, стопроцентный американец, пай-мальчик, чистюля и храбрец. Они даже значки сделали своим сторонникам — с орлом. Вот, глядите, мне удалось стянуть у Марты Миллс — сестры этого оболтуса...

Все столпились возле Василя, рассматривая круглый оловянный значок с выдавленным на нем изображением орла.

— Слушайте: надо сегодня же, до ночи, оповестить всех наших ребят, чтобы они были готовы завтра дать хороший урок этим мак-магоновцам! — воскликнул Джой, пылая от нетерпеливого желания сцепиться с Молью и его дружками. — И мы тоже нарисуеть всем нашим значки с изображением «Серебряной свирели», — объявил он во всеуслышание. — Это будет наша марка, марка всех робинсоновцев!

— Отлично! Здорово! Мы все робинсоновцы, и мы носим знак «Серебряной свирели!» — закричали остальные ребята.

— Мы должны хорошо обдумать, как сорвать им это дело, — сказал Василь, — иначе они заведут в школе и в классе такие порядки, что всем нам придется солоно.

— Я знаю только одно: если они победят, мне уж не учиться в школе, и Чарли не учиться, и остальным нашим тоже, — раздался печальный голосок Нэнси.

— Но это же незаконно! — Джон Майnard вертел во все стороны маленькой головкой. — Это же противоречит конституции... И потом, мы не на Юге! Мой отец, в случае чего, дойдет до самого мистера Милларда!

Близнецы, Джой Беннет и Пабло иронически засмеялись. Даже Нэнси — и та не могла не улыбнуться наивности бедного парня.

— Младенчик еще верит в добрых фей, — сказал Бэн Квинси, качая головой, — верит, что добрый дядя Миллард обласкает его черного папочку и велит всем няням в Соединенных Штатах опекать черного мальчика Джо. Эх ты чудак! — обратился он к Майнardu. — Да Миллард просто велит прогнать с собаками и твоего отца, и моего, и отца Беннета, и сделает это совершенно законно, так что и придаться не к чему будет...

Джон Майnard хотел было что-то возразить, но, увидев усмешки на лицах ребят, видимо передумал.

— Послушайте, мальчики, — вскричал вдруг Беннет, — я вспомнил! Ричи еще вчера просил нас предупредить его, если мак-магоновцы затеют какую-нибудь гнусность. Нужно зайти к нему, сказать — может быть, он что-нибудь придумает?

— Вот замечательно! Конечно, надо ему сказать. Наш Ричи непременно поможет! — раздались со всех сторон оживленные возгласы.

— И надо, чтобы кто-нибудь из нас сказал речь о Чарли: какой он хороший товарищ, и как всем помогает, и какой он способный изобретатель, спортсмен. Нужно описать ребятам его новую модель, чтобы они знали, что он и в этом году победит в честь школы на гонках, — горячо говорил Джой.

— А кто будет говорить речь? — спросила Нэнси.

Этот вопрос вызвал самый горячий спор. Одни находили, что речь должен говорить Гирич, как близкий друг и помощник Чарли; другие уверяли, что Беннет скажет гораздо красивее и лучше о Чарли. Пока шел этот спор, Пабло тихонько вышел наружу и начал всматриваться в темноту.

— Чарли! Эй, Чарльз, где ты? — негромко окликнул он.

Кругом стоял мрак. Мальчик долго прислушивался, но все было безмолвно.

Пабло вернулся в «гараж».

— А где же все-таки Робинсон? — спросил он, ни к кому особенно не обращаясь. — Если он не на репетиции, то давно должен был притти сюда, к нам.

Ребята с недоумением и тревогой уставились друг на друга: в самом деле, куда же девался Чарли?

— Может, он давно сидит дома? Я сейчас сбегая посмотрю, — вызвался было Вик Квинси.

Его удержали на пороге:

— погоди. А если его нет? Мать узнает, что Чарли не приходил, и будет волноваться.

— Тогда я пойду погляжу в окна, — сказал Джон Майнард: — я высокий.

— А мы сбегая пока к Цезарю, взглянем — не там ли Чарли. Он часто туда заходит, — сказали близнецы.

Через несколько минут, прошедших в томительном ожидании, все три посланца вернулись обескураженные: Чарли нигде не оказалось.

— Он не пришел, потому что он гордый.— Нэнси сказала это совсем тихо, но все услышали. — Ему легче умереть, чем рассказать о том, что его прогнали. Я его знаю. И, наверное, он стоит где-нибудь в темноте и плачет.

И Нэнси, не выдержав, заплакала сама.

— Ну, поплыла теперь! — раздраженно фыркнул Джой.— Чарли не девчонка — он реветь не станет, можешь не беспокоиться!

Но, несмотря на уверенный тон, и у него стало тоскливо на душе.

Все вдруг зашпешили по домам. Никто уже не обращал внимания на блестящую, освещенную холодным блеском фар «Серебряную свирель».

Джой поспешно улавливался с Василем — зайти рано утром к Ричардсону.

В мрачном молчании расходился «штаб». Но, отойдя на достаточное расстояние от дома Робинсонов, каждый, не сговариваясь с другим, стал кричать в туманную, сырую темень:

— Ау, Чарли!.. Где ты?

— Робинсон, это мы — твои друзья! Откликнись, Робинсон!

— Чарльз, куда ты пропал?

Друзьям отвечали гудки автомобилей, насмешливые голоса радиодикторов, пьяные гуляки, шатающиеся по улицам. А Чарли если и слышал их, то не отзывался.

19. ЧЕТВЕРГ

Ее видели мальчишки, развозящие в фургонах молоко; ее видели шоферы мочных машин, очищающие улицы от мусора; ее видели газетчики, спозаранку оглашающие город своими криками; ее видели рабочие, спешащие в своих комбинезонах на заводы Милларда; ее приметили маленькие клерки, отпирающие двери своих контор; ее приметили собаки мясника и булочника, бежавшие с газетами к своим хозяевам,— ее приметил весь утренний, трудовой, плохо выспавшийся и усталый люд Стон-Пойнта.

Никто из людей не обратил на нее особого внимания: стоит и стоит на углу площади Неизвестного Солдата

какая-то малышка с наспех завязанным на апельсиновых кудряшках бантом. Зато собакам она показалась подзрительной, и они подошли и тщательно обнюхали ее смуглые голые коленки, клетчатую юбочку — всю ее маленькую напряженную фигурку. И хотя Кэт страшно боялась собак и в другое время непременно сбежала бы при виде огромного дога и всклоченного шотландского терьера, на этот раз она стойко выдержала прикосновение собачьих носов и осталась на своем наблюдательном посту.

Дело в том, что Кэт ждала. Ее мысли, ее зрение, ее слух — все было подчинено этому ожиданию. Ни шум города, ни крики газетчиков, ни запах жареной кукурузы, шедший из ближайшей лавчонки, не могли ни на секунду отвлечь ее. Девочка, прищурясь, посматривала на часы, украшавшие купол универсального магазина «Атенеум», и каждое легкое движение минутной стрелки заставляло ее трепетать и шептать молитвы. Впрочем, к обычным молитвенным словам здесь примешивались совсем современные и даже, мы сказали бы, чисто технические термины.

— Милостивый боже, сделай так, чтобы его мотор работал!.. Сделай так, чтобы он поскорее приехал, пока не проснулись наши... Господи, помоги, чтобы машина его была в исправности...

Так горячо молилась Кэт, прижимая к груди руки и все нетерпеливей глядя в направлении «Атенеума».

И вдруг ее лицо просияло и бант затанцевал на кудряшках: среди окружающих звуков ее чуткий слух уловил знакомый скрежет и астматическое хрипенье, точно взбирался на гору, на непосильную высоту, старый, тяжело больной человек.

— Он! Провалиться мне на этом месте! — энергично сказала Кэт. — Слава тебе господи! — И она стрелой пустилась навстречу тому, кого так нетерпеливо ждала.

Из-за мраморной кариатиды, украшающей двери Национального банка, появилось уже знакомое всем нам оливковое чудовище.

Экипаж дяди Поста, еще не успевший в этот час запылиться, радовал глаз свежевываемым кузовом, который на этот раз своим цветом напоминал молодой щавель.

На шоферском сиденье подпрыгивал сам дядя Пост, зорко вглядываясь в сложный фарватер улицы и умело лавируя между рифами и скалами тротуаров, ларьков и газетных киосков.

Внезапно в поле зрения старого почтальона попало некое непредвиденное препятствие в виде девочки с голыми коленками, стоящей поперек проезда и размахивающей обеими руками.

Девочка отнюдь не была похожа на тех хич-хайкеров — попрошаек, — которые клянчат, чтобы их посадили в попутную машину. К тому же ее сигнализация, как понял дядя Пост, относилась именно к нему и к его экипажу.

Подъехав вплотную к девочке, дядя Пост с трудом обуздал свое чудовище и заставил его остановиться. Раскрасневшаяся, возбужденная малышка тотчас же очутилась у автомобиля.

— Ох, дядя Пост, наконец-то! А я-то жду вас уже целых полтора часа и восемь минут! — вымолвила она запыхавшись.

Дядя Пост нагнулся и со своего места внимательно рассматривал девочку. Кажется, он уже знаком и с этими кудряшками и с этим бантом! А впрочем, может это ему кажется? Ведь так много на его пути таких кудряшек, и коленок, и бантов!

— Ну, выкладывай, что у тебя такое, сестричка! — сказал он снисходительно. — Да поторапливайся, а то почта не ждет.

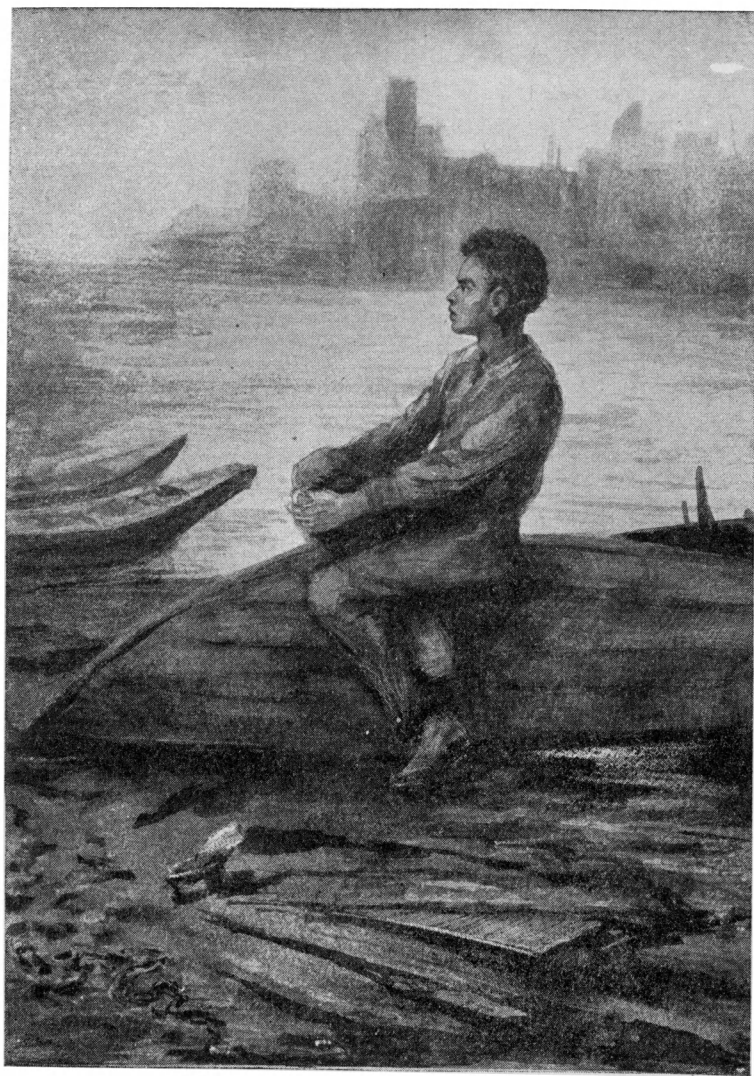
— Я сама страшно тороплюсь уйти, пока наши не встали и не хватились меня. Потому что если Фэйни пронохает, он меня пришибет, — убедительным тоном сказала девочка.

— В чем дело? Ничего не понимаю! — Дядя Пост яростно затеребил нос. — Нельзя ли выразиться понятней, юная леди?

Юная леди в эту минуту пугливо оглянулась на проходившего мимо мальчишку, но вслед за этим преспокойно взобралась на сиденье дяди Поста и притянула к себе его седую голову:

— Дядя Пост, я вам скажу что-то, но только на ухо. — Она опять оглянулась. — Только на ухо, а то Фэйни меня убьет.

— Да кто этот Фэйни, этот злодей? — притворно сви-

К 113 сmp.

репо сказал дядя Пост.— Давай его сюда, и мы мигом с ним расправимся!

— Ох, нет, не так легко с ним расправиться! — Кэт вздохнула в самое ухо старика.— Вот послушайте...

Странное зрелище представляла эта пара в автомобиле: похожий на диковинную птицу старый почтальон и кудрявая девочка, взобравшаяся с ногами на сиденье и что-то горячо шепчущая на ухо старику.

По мере того как шептала Кэт, лицо дяди Поста из благодушного и спокойного становилось хмурым и все более сердитым. Он то сдергивал свою форменную фуражку и принимался комкать ее в руках, то бормотал проклятия и яростно шлепал себя по коленке. Хохолок у него на лбу встал дыбом, щеки покраснели.

— Нет, что выдумали! Подумать только, что выдумали, бродяги! — воскликнул он гневно.— Да это только на Юге слыхано! Отлично знаю я его. Хороший, смирный мальчуган. И отец у него был дельный, работяга. Бывало последним центом готов был поделиться!..— Старик свирепо повел глазами.— Ладно, сестричка, рассказывай дальше.

И Кэт, попрежнему пугливо озираясь — не наблюдает ли за ней кто-нибудь,— снова принялась шептать.

— Как! Так это их подлые открытки я развозил вчера? — возопил вдруг дядя Пост.— А я-то думал, что это безобидные апрельские шутки! Ах, проклятые! Заставить меня, старого человека, участвовать в их гнусной затее!.. Ну погоди же, я с ними рассчитаюсь! Все об этом узнают, будьте покойны!

— Только поезжайте поскорее, дядя Пост, пока они еще не собрались,— умоляющим голосом сказала Кэт.— И непременно, непременно вызовите мистера Ричардсона и все-все ему расскажите... Только, ради создателя, не проговоритесь, что узнали это от меня, а то мне не жить больше на свете!

— Можешь не беспокоиться, сестричка, дядя Пост еще никогда не был доносчиком,— проворчал старый почтальон.— А уж тех молодчиков не пожалею... Сейчас нагряну в школу, все как есть доложу мистеру Ричардсону, и мы с ним вместе провалим всю их подлую игру. Уж мистер Ричи никогда не допустит ничего бесчестного, можешь мне поверить.

И, ворча еще что-то под нос и теребя свой хохолок,

дядя Пост принялся со всей возможной быстротой настраивать свой экипаж для дальнейшего следования, Конечно, как и полагается, он первым делом включил зажигание и нажал на стартер. Раздался неровный стук: как будто пустили в ход давно не работавшую мясорубку — и сразу все стихло. Дядя Пост нажимал кнопку стартера, вытаскивал поднос — все было напрасно. Кэт стояла на тротуаре, всем своим существом участвуя в действиях дяди Поста. Когда нагибался дядя Пост, нагибалась и Кэт; заглядывал он под машину — и Кэт тоже старалась заглянуть под колеса; морщил брови старик — и тотчас же сдвигались брови девочки. Невольно она повторяла руками и всем лицом все жесты и гримасы дяди Поста. А когда отчаявшийся старик принялся заводить свое чудовище ручкой, Кэт подскочила к нему и предложила свои услуги.

— Давайте я покручу, дядя Пост! Я умею, я очень сильная. Вы не смотрите на то, что я маленькая. Я настоящий силач, честное слово.. Иногда мне даже удается дать Фэйни сдачи.

— Ого, тогда я верю, что ты силачка! — сказал дядя Пост, красный и взмокший от возни со своим экипажем.— Но, видишь ли, эта скотина привыкла слушаться только одного меня. И потом, к ней не нужно применять силу, а то она обидится и будет еще хуже. Она у меня признает только деликатное обращение.

И, говоря так, дядя Пост яростно крутил ручку, немилосердно тыкал в какие-то резиновые трубки и провода и шопотом ругательски ругал проклятуший автомобиль. И, как всегда, когда он уж окончательно вымотался и готов был бросить свой экипаж посреди дороги, мотор вдруг шумно заработал.

— Скорей, скорей садитесь и поезжайте, пока он не передумал! — воскликнула Кэт, у которой камень свалился с сердца.— Умоляю вас: никуда не заезжайте, а отправляйтесь прямо в школу, а то вы опоздаете!

— Не волнуйся, сестричка, дядя Пост еще никуда и никогда не опаздывал,— торжественно заявил дядя Пост, примачиваясь на сиденье и поправляя растрепавшийся хохолок.— Сейчас мы разоблачим все их козни и выручим парнишку, можешь мне поверить... Ты молодец, добрая девочка.— И дядя Пост ласково кивнул Кэт.

Девочка вспыхнула, хотела что-то возразить, но ста-

рый почтальон уже укатил, обдав ее на прощанье черным вонючим дымом из выхлопной трубы. Взглянув снова на часы «Атенеума», Кэт ахнула и пустилась во всю прыть к дому. Ее сердце и бант прыгали в такт: что, если Фэйни случайно пронюхает, где она была и что делала!

Но мы, читатель, оставим на время девочку с апельсиновыми кудряшками и последуем за оливковой машиной дяди Поста.

Машина эта с необычайной для нее быстротой миновала торговый и деловой центр города, проследовала по пути серой змеи мимо рекламных щитов и надписей и достигла уже первых коттеджей Эдема, как вдруг мотор ее издал довольно явственное чиханье.

— Что? Нехватает кормежки? — заботливо спросил дядя Пост.

Он с некоторым трудом остановил оливковый экипаж.

— Сейчас, сейчас мы тебя угостим..

Старик захватил бидон и направился к баку. Но — о чудо! — бак был почти полон.

— Что ж ты чихаешь? — обратился дядя Пост к машине, и в голосе его послышалась укоризна. — Все необходимое у тебя есть, значит и чихать тебе не полагается... Помни: твой хозяин очень торопится. И, пожалуйста, не капризничай.

Старый почтальон снова завел мотор и двинулся вперед. Однако, проехав с молниеносной быстротой несколько домов Эдема, машина снова зачихала, закашляла и вдруг окончательно заглохла.

— Ох, проклятая! Уж я с тобой посчитаюсь! — сказал дядя Пост отчаянным голосом.

Стараясь сдерживаться и не раздражаться понапрасну, старый почтальон отвинтил крышку карбюратора и продул отверстия жиклеров. «Наверное, просто карбюратор загрязнился, — успокаивал он себя. — Сейчас все будет в порядке. Спокойно».

Однако мотор упорно продолжал бездействовать. Чего только не делал с ним дядя Пост! Продувал бензопровод и при этом глотал чистый бензин, прогревал свечи — ничто не помогало! А время между тем бежало и бежало, и утро вступало в свои права: на порогах эдемовских домиков появлялись хозяйки со щетками и хозяева с граблями и метлами. Наверное, скоро и школьники покончат со своими завтраками и побегут в школу.

Дядя Пост огляделся кругом, еще раз энергично выругал машину и поспешно направился к ближайшему телефону-автомату.

Назвав номер школы, он попросил младшего учителя — мистера Ричардсона.

— Кто спрашивает мистера Ричардсона? — спросил в трубке пискливый, какой-то ненатуральный голос.

— Передайте, что его спрашивает почтальон Хэрш. А если он не поймет, то скажите просто, что это, мол, дядя Пост хочет с ним говорить.

— Кто? Кто говорит? — видимо, удивились в трубке.

— Дядя Пост. Ну, понимаете: дядя Пост, почтальон,— повторил старик.— Да скажите — разговор спешный, пусть мистер Ричардсон не мешкает! А потом, я говорю из автомата, машину мою отсюда не видеть, того и гляди кто-нибудь ее угонит... Вы меня слушаете?

В телефоне что-то зафыркало, потом зашелестело, словно кто-то шептался. Потом другой голос, очень густой бас, проговорил:

— Хэлло, Пост! Мистер Ричардсон у телефона.

— Прошу прощения, это вы, мистер Ричардсон? Что это вы как чудно говорите, сэр? Прошу прощения, я чуть не обозначился, сэр,— сказал дядя Пост.

— У меня в данное время ангина,— сказал мистер Ричардсон еще более густым басом.— Не обращайтесь внимания, дядюшка Пост.

— Прошу прощения, сэр, что беспокою вас во время болезни,— начал взволнованно дядя Пост,— да дело такое, что не терпит проволочки. В школе у вас, так сказать, неблагополучно...

— Что такое? — переспросил мистер Ричардсон.— Вы, кажется, сказали «неблагополучно»? Что вы под этим подразумеваете?

Дядя Пост немного оробел: уж очень суров был голос у мистера Ричардсона!

— Еще раз прошу простить меня, сэр— сказал он.— Конечно, мне бы не следовало вмешиваться в это, но уж такой я беспокойный старичишка... А сегодня эта девчурка меня совсем расстроила. Сообщила, что нынче утром у вас в классе ребята собираются расправиться с учеником, по фамилии Робинсон, только за то, что у него черная кожа. Да и расправляться будут самым подлым

способом: устроят будто бы перевыборы, чтобы выгнать Робинсона из старост, а сами всех друзей мальчика упрячут в пустой класс ми...мифо-логии, чтобы некому было голосовать в его пользу... Вы слушаете меня, мистер Ричардсон?

— Слушаю. Продолжайте, Пост,— сказал учитель.

— Прошу прощения, сэр, но очень уж гнусная вся эта затея.— Дядя Пост волновался все больше и больше.— А во главе всей этой шайки стоит сынок вашего директора и его приятель — забыл его фамилию... словом, этот франтик с Юга. Наверное, вы его хорошо знаете, сэр. Прямо позор: родители такие, кажись, почтенные люди, а дети у них растут разбойниками... Конечно, вы простите сэр, что я высказываю вот так, по-простецки, свое мнение...

— Очень хорошо, Пост,— сказал мистер Ричардсон.— Можете не сомневаться, я приму меры. Только я хочу знать, откуда вы узнали обо всем этом?

— Ох, сэр, очень бы не хотелось мне выдавать эту девчурку,— сказал дядя Пост.— Я ведь ей слово дал, что никому о ней не скажу.

— Пост, вы обязаны назвать мне ее имя.— Мистер Ричардсон говорил самым непреклонным тоном.

Старый почтальон печально заглянул в телефонную трубку:

— Далось вам это имя, сэр! Ведь главное-то дело не в ней, не в этой пташке, а в тех дрянных мальчишках, которые затевают всю травлю... Впрочем, сэр, если вы так уж настаиваете, делать нечего...

И дядя Пост назвал Кэт Мак-Магон, дочь директора школы.

Наступила долгая пауза. Казалось, на другом конце провода обдумывали услышанное. Старому почтальону это молчание показалось зловещим.

— Мистер Ричардсон, сэр, вы меня слушаете? — закричал он жалобным голосом.

— Да, да, слушаю,— сказал мистер Ричардсон.— Будьте уверены, Пост, виновные будут наказаны по заслугам.

— Я знаю, сэр, вы человек справедливый.— Дядя Пост поклонился телефонной трубке.— Так я теперь, с вашего разрешения, пойду чинить мой автомобиль, а попозже наведаюсь еще в школу.

— Нет, нет! — поспешно сказал мистер Ричардсон.— Сегодня вам не стоит приезжать в школу, Пост, мы все здесь будем очень заняты и... вообще... не стоит.

— Как прикажете, сэр! — Дядя Пост слегка обиделся.— Разумеется, вы и без меня сумеете управиться с разбойниками. Однако я полагал...

В телефоне что-то звякнуло, и старый почтальон с удивлением убедился, что мистер Ричардсон повесил трубку. Дядя Пост вышел из телефонной будки, бормоча что-то о невоспитанности даже самых лучших и передовых представителей послевоенной американской молодежи.

Но что сказал бы он, если бы знал, что на противоположном конце телефонного провода прыгают и корчатся, изнемогая от смеха, трое мальчишек: Фэйни, Рой и Долговязый — Лори Миллс!

— Ой, как разыграли старого осла! — в восторге захлебывался Лори.— Бас-то, бас какой Мэйсон изобразил, прямо как из пивной бочки!

— Еще спрашивает, старый дурень: «Что это, сэр, какой у вас чудной голос?..» А Мэйсон молодчина, не растерялся: «Это у меня, — говорит, — ангина»... Ой, не могу!.. — Фэйни схватился за бока и перегнулся пополам.

— Повезло нам, что он наткнулся именно на нас, — сказал Рой солидно.— Представьте себе, что к телефону подошел бы сам Ричи! Пиши тогда пропало, все дело сорвалось бы.

— Да, но как вам нравится наша Кэт, наша маленькая тихоня, а? — воскликнул Фэйни.— Вот подлая девчонка! И как это она ухитрилась нас подслушать? — Он зло закусил губу.— Ну погоди, дай мне только разделиться с Робинсоном, а потом я примусь за тебя, шпионка! Попомнишь ты меня!

— Ладно, хватит болтать. Пора итти вниз и приниматься за дело, — властно сказал Рой.— У кого из вас значки?

Лори вытащил из кармана горсть оловянных жетонов с изображением орла.

— Все наши ребята нацепили себе такие в знак того, что они — мак-магоновцы, — сказал он.— Кроме того, я сказал ребятам, чтобы они приготовили плакаты и разные карикатуры на черномазого. С минуты на минуту должен явиться Мэрфи со своими молодцами.

— А тебе ясно, кого надо затащить в кабинет мифологии? — спросил его Рой.

— В первую очередь, разумеется, этого крикуна и агитатора — Беннета. — Лори потер руки. — Возьму на подмогу двух скаутов и упрячу этого парня под замок. Пускай сидит и разглагольствует хоть до самого вечера... Ну, потом, конечно, Гирича, испанца Де-Минго, эту плаксу Мери Смит — словом, всех дружков негритоса.

— Отлично! Сейчас мы с Долговязым спустимся вниз и займемся ребятами, а ты, — Рой обращался к Фэйни, — ты подзубри еще свою предвыборную речь.

— Как, ты, значит, уходишь и не будешь со мной, как обещал? — захныкал Фэйни. — Я без тебя обязательно что-нибудь напутая. Ты должен стоять рядом со мной и подсказывать.

— Ничего, ты, главное, напирай на то, что все черномазые — изменники и действуют по указке красных. Ну, словом, все, о чем говорил твой па, — внушительно сказал Рой. — А напоследок скажи пару торжественных слов о присяге, о божьей стране... Вспомни, как выступает твой отец на актовых собраниях, и валяй по той же дорожке.

И, махнув рукой растерянному Фэйни, Рой Мэйсон направился к лестнице.

20. «ОРЛЫ» ПРОТИВ «СВИРЕЛЕЙ»

В это утро весь третий этаж школы напоминал пиратский корабль в бурю. Никем не управляемый, набитый пленниками, добычей и беспорядочно галдящим экипажем, несется он по волнам, кренясь все больше и больше. Крутые плещущие валы захлестывают его, и ошалевшие от собственных криков и буйства пираты уже сами не знают, куда завлечет их стихия и собственная удаль.

В сущности, школа действительно была таким неуправляемым судном: в это утро, как нарочно, не было ни полицейских постов на лестницах, ни дежурных по этажам, ни надзирателей из педагогов. Даже учителя куда-то исчезли, как будто их тоже спугнула разыгравшаяся на третьем этаже стихия.

Не было видно ни Принса, ни президента школы Коллинза. Директорский кабинет также пустовал в это

утро, словно Мак-Магон старший заранее получил некое таинственное предупреждение и нарочно задержался дома.

Словом, буйное поведение «малюток» не встречало ни малейшего противодействия, и они использовали такую удачу во-всю: кричали, носились по лестницам, спешно дорисовывали какие-то плакаты и надписи.

— Что это происходит у «малюток»? — спрашивали друг друга оглушенные всем этим шумом и гамом старшекласники, направляясь к своим кабинетам.

— Кажется, они решили расправиться со своими цветными, — отвечал кто-нибудь из наиболее осведомленных. — Я слышал, что они сегодня переизбирают старосту — знаете, негра Робинсона — и прочат на его место белого...

— Ага, вот оно что, — равнодушно цедил спрашивающий. — Ну ладно, не будем им мешать.

И старшекласники, обычно охотно делавшие замечания расходившимся младшим, спокойно удалялись к себе.

Как нарочно, весь первый час у семикласников оказался свободным и кабинет математики — в их полном распоряжении: мистер Хомер заболел и протелефонировал, чтобы его не ждали.

В раскрытые окна неслась «патриотическая» песня, в которой без конца повторялись «звезды и полосы», «звездное знамя», «звездные флаги» и прочий американский государственный реквизит.

В углу кабинета орали во все горло: «Моя страна — твоя страна, о боже!» Хором с большим вдохновением дирижировал один из «орлят» — морковно-рыжий Мартин Кроник, забияка и сплетник. Он прибежал вместе со своими ребятами в школу чуть не на рассвете и уже успел нарисовать на доске уродливую обезьяну, которая держала в руке глобус. «Великий ученый Робинсон изучает вселенную», гласила издевательская подпись под рисунком.

Такая же грубо намалеванная карикатура украшала открытки, полученные накануне всеми без исключения «малютками». Под карикатурой шли предвыборные лозунги:

«Америка для американцев — так сказал еще президент Монроэ (см. историю США)».

«Африка для негров — так говорим мы!»

«Робинсон попирает законы Штатов, потому что он — чужак и красный!»

«Долой старосту Робинсона!»

«Отдайте ваши голоса Мак-Магону — стопроцентному американцу и лучшему форварду!»

«Учтите: директор будет благосклонен к классу, где староста — его родной сын!»

«Выбирайте «орла» Мак-Магона!»

На обратной стороне каждой открытки было отпечатано на машинке, что, мол, леди и джентльмены из седьмого класса благоволят собраться в четверг перед началом уроков в школе, дабы обсудить давно назревший вопрос о переизбрании старосты. Была и подпись: «Организационный комитет по перевыборам». Имена членов комитета были написаны от руки и до чрезвычайности неразборчиво, но большинство «малюток» тотчас же поняли, что «комитет» — это сам Фэйни Мак-Магон, его друг Рой Мэйсон и Долговязый — Лори Миллс. Однако для некоторых школьников и открытки и весь этот шум и гам оказались новостью, и они приставали с вопросами то к Мартину, то к Лори, которые казались наиболее осведомленными и держались по-хозяйски:

— Что у нас происходит? Почему такой крик?

— Эй, Мартин, в чем дело? От кого эти открытки и кто назначал перевыборы?

— Придет время — все узнаете, — важно отвечали Мартин и Лори.

Школьники пожимали плечами и отходили недоумевая. Некоторые из них хорошо относились к Чарли Робинсону и считали его вполне «своим» парнем, но в то же время никак не могли примириться с тем, что во главе класса стоит негр. Поэтому они и не протестовали против перевыборов, хотя решительно все понимали, что все это — проделки Мак-Магона.

— Эй, ребята, идите, по крайней мере, во двор, чтобы не срамить всю школу! Там можете орать сколько влезет, — уговаривали крикунов самые благоразумные.

— И не подумаем! Там нет кафедры для ораторов, а нам необходима кафедра, — отвечали крикуны.

Прозвенел звонок, но никто не обратил ни малейшего внимания: настроение делалось все более напряженным.

Во двор врывались с оглушительным гамом всё новые группы школьников. На одних красовалась эмблема орла, куртки других были украшены маленькой серебряистой свирелью.

— Гляди-ка, пронюхали горчичные бродяги и тоже подготовились! — Лори Миллс, дежуривший у входа в школу, чуть не задохся от злости. — Пожалуй, не так гладко это выйдет, как мы рассчитывали.

Он послал одного из скаутов с донесением Рою и Фэйни о том, что робинсоновцы, видимо, собираются тоже выступать. Появилась кучка темнокожих ребят с Джоном Майнардом во главе. Вид у него был довольно понурый, и это сразу заметили мак-магоновцы.

— Смотри-ка, мулат как нос повесил!

— И другие тоже — будто лимонов наглотались... Знают черные обезьяны, что их вожаку крышка!

— Можете их пропустить, — шепнул Лори скаутам: — эти нам не опасны.

Джона и его товарищей пропустили. Но когда в воротах показались близнецы Квинси с большими значками свирели, сиявшими на лацканах их курток, Лори нахмурился и мигнул скаутам:

— Проводите-ка их, ребята!

— Держи ухо остро, — шептал между тем брату Бэн Квинси. — Собери всех наших и посмотри, где Чарли.

Однако Вик не успел даже осмотреться как следует — к нему уже подбежали «орлята»:

— Братцы, вы на перевыборы? Подымайтесь на четвертый, в кабинет мифологии. Да вот, мы вас сейчас проводим.

— Почему на четвертый? — удивился Бэн. — Сегодня же у нас Горилла.

— Гориллы не будет, и мы заняли другой кабинет — там просторней, — объяснили три рослых скаута, становясь позади братьев и потихоньку начиная подталкивать их к лестнице.

— Чего вы толкаетесь? Мы и сами пойдем, нечего рукам волю давать! — все еще ничего не подозревая, ворчливо сказал Бэн.

Но сильные руки уже внесли его и Вика наверх, и не успели близнецы опомниться, как были заперты в пустом, прохладном кабинете мифологии. Щелкнул ключ

в замке, и перед братьями очутились гипсовые торсы Нептунов, Марсов и Венер.

Бэн бросил шапку на пол и громко выругался:

— Тупицы мы с тобой! Проклятые простофили и тупицы! Дать себя так оболванить!.. О Вик, где была твоя голова?

Вик молча пыхтел у двери, надавливал на нее плечом, нажимал на ручку — дверь, толстая, из полированного дуба, не поддавалась. Тогда Вик вдруг принялся колотить кулаками и кричать что есть силы:

— Отворите! Отворите, будь вы прокляты!..

— Напрасно стараешься, — угрюмо сказал Бэн. — Мы можем здесь просидеть до второго пришествия: рядом одни пустые классы и лаборатория, в которой по утрам нет ни одной живой души. А окна выходят на пустырь, и сколько бы ты ни кричал, все равно никто тебя не услышит... Надо признать, они великолепно обделали все это дельце.

— Да, но почему одних нас здесь заперли? — спросил Вик.

Как бы в ответ на его вопрос в коридоре послышался топот, дверь на секунду приоткрылась, и в кабинет, как пробка, вытолкнутая из бутылки напором воздуха, влетела Нэнси Гоу.

— Это что такое! Как вы смеете меня запирать? Сейчас же отворите! — закричала она, стуча бронзовыми кулачками в дверь. — Отоприте, вам говорят!

— Посиди-ка взаперти, африканская кошка, тебе полезно немного охладить твое вдохновение! — захохотал кто-то за дверью.

— Трусы подлые! Вам только с девчонками воевать! Просто-напросто испугались, что вам не справиться с Робинсоном, вот и запрятали меня сюда. Сейчас же выпустите меня отсюда! — надрывалась Нэнси. Она повернулась к братьям Квинси: — Понимаете, что они задумали? Они нас всех загонят в ловушку, а потом расправятся с Чарли как хотят.

— Эх, тоже, сделала великое открытие! — с досадой сказал Вик. — Лучше становись поближе к двери, и как только они ее приоткроют, мы навалимся на них и постараемся пробить себе дорогу.

— Вот это дело! — оживился Бэн Квинси.

Все трое тотчас же прижались к двери и начали на-

пряженно прислушиваться к звукам извне. Сначала до них долетал только глухой шум, шедший, по всей вероятности, с третьего этажа, но вскоре шум усилился, распался на отдельные выкрики и топот: кого-то волокли сначала по лестнице, а потом по коридору.

— Теперь держись, ребята! — пробормотал толстенький Вик, держа наготове кулаки.

Загремел замок, дверь снова приоткрылась. Нэнси первая ринулась в образовавшееся отверстие, за ней — близнецы. Все трое тотчас же попали в немислимый водоворот. В этом водовороте мелькали чьи-то ноги, головы, кулаки. В центре водоворота Нэнси, визжащая, как кошка, успела заметить Василя Гирича. Раздавая направо и налево тумачи, он яростно отбивался от целой кучи насеивших на него скаутов, но его все сильнее подталкивали к двери кабинета мифологии.

— Василь, мы здесь, мы идем на помощь! Не сдавай, Василь! — закричала Нэнси, но чья-то ладонь зажала ей рот, и по ее худеньким плечам заходили здоревенные кулаки скаутов.

Рядом с ней близнецы тузили кого-то по спине и голове, кричали и пытались выбраться из свалки, но их затягивало все больше, пока, растрепанные, задыхающиеся, они не очутились снова в кабинете мифологии.

На этот раз, кроме гипсовых обитателей Олимпа, вместе с ними находились не только Нэнси, но и Василь Гирич, плачущая навзрыд Мери Смит и несколько белых и темнокожих мальчиков и девочек, среди которых металась возмущенная сестрица Долговязого — Марта Миллс.

— Что они, с ума сошли, что ли? — кричала эта девица. — Запереть меня здесь, вместе с этими!... Да я никогда в жизни ни с кем из них не имела ничего общего! Вот моя эмблема! — Она с гордостью потрясала оловянным орлом.

Толстенький Вик громко расхохотался:

— Не рой другому яму, сама в нее попадешь. Мы еще тебе добавим от себя, храбрая орлица! — И он направился к Марте, делая вид, что хочет с ней расправиться.

— Помогите! Убивают! — завопила «храбрая орлица».

— Да брось ты ее! Нашел время паясничать! — остановил Вика Василь Гирич. — Давайте лучше подумаем,

как нам отсюда выбраться, чтобы во-время поспеть на помощь Чарли. А то я видел во дворе Мэрфи с его шайкой. Они здесь неспроста.

Синие глаза Василя горели, волосы взмокли и прилипли ко лбу.

— А где же Ричи? Успел ты его предупредить? Ведь теперь вся надежда на него. — Вик с тревогой смотрел на Василя.

Тот огорченно махнул рукой:

— Нет его дома. Ушел чуть свет, и никто не знает куда. На всякий случай мы с Джоем оставили записку, чтобы он поскорей приходил в школу, так как готовятся известные ему события.

— Ну, теперь все пропало! — сокрушенно вздохнул Вик.

Василь подошел к окну, распахнул его и высунулся наружу.

— Высоко, и пожарная лестница далеко, — сказал он с сожалением. — Нет, этим путем не выберешься.

— А что, если каким-нибудь из богов пробить дверь? — предложил вдруг Бэн Квинси. — Я читал в исторических книгах, как в старину таранили таким способом крепостные стены. Вот этот Аполлон — вполне подходящий дядя для тарана.

— Чепуха! Ведь он гипсовый, — отозвался Вик. — Вот если бы он был мраморный, тогда можно было бы пробить им филенку.

Нэнси, все еще растрепанная, не остывшая после свалки, тоже выглянула в окно.

— А может, все-таки попытаться? — сказала она. — Я могла бы попробовать спуститься по водосточной трубе. Я ведь очень легкая, и на гимнастике меня хвалит мисс Боне.

Василь оттянул ее от окна.

— Не выдумывай, пожалуйста! — сказал он мягко. — Неужели мы пустим девочку лазить с четвертого этажа по водосточным трубам, а сами будем стоять и смотреть! — Он дотронулся до руки Нэнси: — Смотри, ты вся в синяках... Эти скоты сделали тебе очень больно?

Нэнси тряхнула волосами:

— Ничего. Им от меня тоже досталось... Подлые трусы!

Мери Смит, тихонько проливавшая слезы в уголке, вдруг подняла голову и закричала отчаянным голосом:

— Вы тут разговоры разговариваете, а они там расправляются с Робинсоном!.. Боже милостивый, ведь он там совсем одинок! Некому помочь, поддержать его! И в эту тяжелую минуту меня нет рядом с ним!

Мери заплакала еще горше.

Бэн приложил ухо к двери:

— Наверное, они все сейчас собрались внизу, у Гориллы. Я никого не слышу в нашем коридоре. Даже часовых не поставили.

Василь вдруг тихонько ахнул.

— Что с тобой? В чем дело? — подбежала к нему Нэнси.

— Постойте! Кажется, я что-то придумал! — радостно воскликнул мальчик. — Сейчас мы испробуем мой способ.

Он принялся лихорадочно рыться в карманах своей куртки, на которой блестела серебристая свирель.

А в это самое время на третьем этаже, в кабинете Гориллы, события развивались своим чередом.

21. ПЕРЕВЫБОРЫ

Когда в воротах школы появилась статная фигура Чарли Робинсона, все взгляды устремились на него. Но напрасно школьники хотели отыскать в негритянском мальчишке хотя бы легкий признак тревоги или страха: Чарли был невозмутимо спокоен и в это утро выглядел особенно подтянутым. Он отлично заметил вызванное его приходом волнение и враждебные или насмешливые взгляды, но после вчерашней ночи Чарли внутренне как-то вырос и чувствовал себя старше, сильнее и умнее своих неприятелей. Как ни в чем не бывало он пересек двор, поднялся на третий этаж и вошел в кабинет математики.

Сразу наступила тишина. Оборвалось пение, смолкли крики.

— Ага, явился-таки мистер староста! — раздался чей-то злорадный голос.

— Лучше поздно, чем никогда, — проворчал Рой Мэйсон, сидя вместе с Фэйни за столом преподавателя.

Чарли взглянул на черную доску, где уродливо выпячивалась нарисованная обезьяна, и на секунду потерял самообладание. Ему захотелось сейчас, сию минуту броситься на всех этих кривляющихся мальчишек и девчонок и расправиться с ними так, чтобы они навсегда отучились издеваться над ним и его друзьями... Пот выступил у него на лбу. Огромным усилием воли он сдержался, подошел к своему обычному месту у окна и сел, стараясь ни на кого не смотреть.

Долговязый Лори, покинувший свой пост во дворе, шопотом доложил Рою, что все наиболее опасные робинсоновцы сидят взаперти.

— Тогда начнем,— вполголоса сказал Рой и подтолкнул локтем тревожно озирающегося Фэйни.— Что ты все вертишься? Сейчас будешь говорить речь.

Лори Миллс подошел к Чарли и шутовски поклонился ему чуть не до земли:

— Позвольте доложить вам, мистер староста, что мистер Хомер просит у вас извинения: болезнь помешает ему присутствовать сегодня на уроке.

— Хорошо,— невозмутимо сказал Чарли,— тогда нам придется заняться пока повторением следующего урока — географии.

Он вынул из портфеля учебник и сделал вид, что погружился в чтение.

— Всемирный ученый Робинсон изучает обычаи братских племен в Африке,— с издевкой произнес Мартин — Морковка.

Кругом зафыркали. Чарли поднял голову от книги и оглядел класс.

Только тут ему бросилось в глаза, что в кабинете нет никого из его друзей. Место Джоя рядом с ним пустовало, как пустовали и места Василя, Пабло и близнецов Квинси. Даже Мери Смит, Мери, клявшейся ему в вечной дружбе и верности,— и той не было, не говоря уже о тех мальчиках и девочках, которые хоть и не дружили с ним, но относились к нему хорошо и постоянно вступались за него перед мак-магоновцами. Неужели все они побоялись притти, чтобы не поссориться с Мак-Магоном? Неужели его предали даже самые близкие люди?

Горькое сомнение в дружбе, в друзьях охватило вдруг Чарли. Глаза его беспокойно устремились вперед, на ту скамью, где должны были блеснуть медью длинные

локоны. Только один дружеский взгляд мог поддержать и утешить Чарли, влить в него в эту минуту бодрость и спокойствие.

Да, Пат была здесь, на своем обычном месте, но она демонстративно погрузилась в чтение какой-то толстой книги, так что, казалось, случись в эту минуту землетрясение, даже и оно не смогло бы оторвать молодую особу от книги.

— Извиняюсь, мистер Робинсон, что я отвлекаю вас от изучения вселенной. — Лори, кривляясь, снова предстал перед Чарли. — Дело в том, что организационный комитет постановил именно здесь и сейчас провести пере-выборы старосты, что известно из полученной вами открытки. Вам известно также, что класс желает вас, так сказать, вытурить из старост, ибо вы не оправдываете нашего доверия... Так ли я говорю? — обратился Лори к своим.

— Правильно! Верно! Именно так! — завопили со всех сторон мак-магоновцы.

Раздались оглушительный свист, крики, улюлюканье.

Чарли поднялся со своего места и оглядел беснующую массу школьников.

— Отлично... — сказал он, медленно выговаривая слова. — Давайте устраивать перевыборы. Я принимаю ваш вызов, но предупреждаю: вам не удастся так легко со мной справиться. Я буду бороться. Я не знаю, где те, кто стоит за меня, но я и без них не пропаду, надеюсь.

Слова его были заглушены криками и возней в дверях кабинета. Там мак-магоновцы схватили прорвавшихся Джоя Беннета и Де-Минго и пытались оттащить их от дверей и втихомолку упрятать наверх. Однако им это не удалось: маленький, но сильный Джой отчаянно отбивался, а Пабло успел прорваться в кабинет и теперь нокаутировал по всем правилам Лори. Пока Долговязый подымался с помощью скаутов, охал и ощупывал пострадавшую скулу, испанец подскочил к другу.

— А где Василь и остальные? — быстрым шопотом спросил Де-Минго. — Почему не видно никого из наших?

— Не знаю. — Чарли потупился. — Может быть, просто трусили и не хотят портить отношения с Мак-Магоном и его компанией. — Он горько усмехнулся.

Пабло мгновенно вспыхнул так, что даже шея у него под воротничком стала пунцовой.

— Стыдно тебе не только так говорить, но даже думать, Робинсон! — сверкнул он глазами. — Это Гирич-то струсил? Ты что, не знаешь его, что ли? Василь никого и ничего не боится!.. Нет, с нашими что-нибудь случилось, я чувствую это. Я видел во дворе Мэрфи с его ребятами. Они чего-то дожидаются и недаром там сидят. У них тут настоящая шайка. Нам тоже хотели зажать рты и затащить куда-то, да мы отбились.

Пока он говорил, Беннет прорвал цепь своих противников и бомбой влетел в комнату.

— Ага, хотели нас скрутить, да не вышло! — закричал он, воинственно потрясая кулаками. — Погодите, сейчас мы устроим вам перевыборы! Мы выведем вас на чистую воду!

— Болван, чего ты их пропустил! Как ты смел уйти с поста до моего приказа! — свирепо выговаривал Долговязому Фэйни. — Теперь они, чего доброго, помешают мне говорить речь, а я и так волнуясь.

Джой между тем взобрался на кафедру и стоял там, тщательно стараясь перекричать мак-магоновцев. Он почти всю ночь готовил речь, в которой прославлялись достоинства Чарльза Робинсона и повергался в прах его соперник Мак-Магон.

— Слушайте, слушайте! Внимание! — взывал он. — В ноябре прошлого года мы все голосовали за Чарльза Робинсона, потому что знали, что он с честью будет представлять наш класс в школе и будет смело защищать наши интересы. Мы понимали, что при нем в классе «малюток» наступят мир и единодушие, что при нем расцветут дружба, чувство товарищества и...

По знаку Мэйсона десяток скаутов набросились на Беннета и мигом стащили его с кафедры.

— Хотите зажать мне рот? Не удастся! — Джой взобрался на скамейку. — Я и отсюда скажу ребятам всю правду! Робинсон — негр, а Мак-Магон — стопроцентный американец, но этот негр — прямой, честный и храбрый, а Мак-Магон — стопроцентный фискал и подлиза, и это все знают! А его дружок Мэйсон, этот белоручка и аристократик с Юга, будет еще почище. Это он покупал для Мак-Магона голоса и нагнал сюда целую кучу чужих ребят. А что касается Робинсона, то все знают, какой он замечательный товарищ: когда близнецы Квинси заболели свинкой, он целые дни проводил у них в доме и бегал

для их матери за покупками, мыл посуду и даже пол, чтобы она могла пойти к ним в больницу. А когда Тэд Маллори испортил в лаборатории электрическую машину, Робинсон взял вину на себя и сам починил машину!

— А ведь это верно, ребята! — кричал из своего угла сероглазый крепыш Маллори.

Чарли увидел, как Пат подняла голову и тоже пробормотала что-то одобрительное.

— Ну, конечно, верно, все верно! — обрадовался поддержке Пабло. — Слушайте, слушайте Беннета!

Однако слушать было уже некого: Джой исчез, точно сквозь землю провалился.

— Ах, негодяи, они его уволокли за доску!

Пабло бросился на выручку, но его даже близко не подпустили. Скауты цепью выстроились у доски, за которой шла свирепая возня.

— Леди и джентльмены, сейчас перед вами выступит выдвинутый вами кандидат на пост старосты класса — Фэниан Мак-Магон, — торжественно объявил с кафедры Рой Мэйсон. — Слушайте, слушайте предвыборную речь Мак-Магона!

С помощью скаутов «орел» взобрался на кафедру. Лицо у него было красное, потное, однако держался он довольно развязно.

— Моя кандидатура стояла еще на прошлых выборах, — начал Фэйни. — Тогда вы, детки, почему-то не захотели, чтобы я стал вашим старостой...

— И теперь не захотим! — слышался из-за доски приглушенный голос Беннета. — И не надейся, подлиза...

Голос прервался. За доской снова началась возня.

— Вы тогда предпочли выбрать Робинсона, хотя не только у нас в школе, но и в других школах и вообще в городе удивились такому выбору, чтобы не сказать больше, — многозначительно продолжал Фэйни.

— Почему удивились? Ты не вилай, договаривай! Я требую, чтобы ты объяснил свои слова! — Чарли гневно смотрел на Мак-Магона.

Однако тот сделал вид, что не расслышал.

— Много болтать я не стану, да этого и не требуется. — Фэйни ухарски подмигнул классу. — Раньше у нас в школе почти не было цветных и школа была что надо: самые лучшие девочки и мальчики учились у нас, и считалось, что наша школа — самая первая. А потом уж, не

знаю как, развелось у нас множество разных негров, мулатов, испанцев, славян — ну, словом, чужаков. И сразу начались у нас беспорядки. Вот взять хотя бы эту историю с дактилоскопированием. Мой отец сказал, что дать оттиски должен каждый настоящий американец, потому что это помогает вылавливать преступников. А Робинсон устроил у нас смуту: ему, видите ли, оскорбительно давать отпечатки своих черных лап! Этим он показал, что он, во-первых, тупица, как все негры, а во-вторых, вредный чужак и красный... Да, да, пожалуйста, возмущайтесь сколько влезет, — обратился он к Чарли и Пабло. — Все вы слышали, что говорил здесь мой отец о тех смутьянах, которые после войны вздумали хозяйничать в Америке и теперь мутят всех, кто их слушает, и устраивают на деньги красных разные беспорядки...

— Но при чем же здесь Робинсон? — закричал Тэд Маллори. — Ты, брат, ври, да не завирайся!

— Эй, парень, придержи язык! — отвечал ему, нисколько не смущаясь, Фэйни. — Я это к тому говорю, что Робинсон подобрал себе теплую компанию из таких парней, как он сам, и вообразил, что он может заводить в школе свои порядки. Выступает на совете старост, подговаривает нас не давать оттисков, а завтра выдумает что-нибудь еще похуже... Вот к нам приехал Рой Мэйсон, так он говорит, что у них на Юге все ребята — как есть все — ушли бы из школы, если бы в ней появился один-единственный негр. Спросите его сами, если мне не верите! А мы здесь распустили наших цветных, думаем, что они такие же американцы, а они чужаки, они держат руку красных, можете мне поверить... — Фэйни взглянул на шпартгалку, припиленную к рукаву. — Мы американские ребята, и мы любим наш флаг, наши Штаты и наши законы. Но есть среди нас такие, которым наплевать на все это. Они пришли к нам незваные из Африки, из Испании, из красной России. — Тут младший Мак-Магон, подражая отцу, выдержал эффектную паузу. — Вы, конечно, понимаете, о чем я говорю. Встретил я тут как-то гренджерских ребят, так они прямо плевались, когда узнали, что у нас в школе делается. Наверное, даже откажутся приехать к нам на матч...

— Что за чорт! Бред какой-то! Чего он навалился так на Робинсона? — раздались отдельные выкрики, но

они тотчас же потонули в грубом хоре скаутских голосов:

— Правильно! Верно! Он дело говорит! Слушайте «орла»!

Кафедра вдруг заколебалась, накренилась и внезапно с грохотом опрокинулась. Не удержавшись, вместе с ней опрокинулся и «орел». На поверженной кафедре выросла фигура черного мальчика. Его кулаки были сжаты, огромные темные глаза пылали. И перед зрелищем этого большого, справедливого гнева школьники на минуту замолкли. У каждого в глубине души зашевелилось нечто вроде раскаяния и промелькнула мысль, что все происходящее неладно и бесчестно.

— Послушайте, что я вам скажу! — задыхаясь, начал Чарли. — Мак-Магон здесь обливает грязью меня и мой народ. Но клянусь вам... — Чарли торжественно поднял руку, — клянусь вам, я предпочел бы быть самым последним, неграмотным чернорабочим, чем вот таким, как Мак-Магон или его друг Мэйсон. Потому что они хоть и белые, а самые подлые парни из тех, кого я знаю. И все, что они сегодня здесь подстроили, так гнусно, что мне больше всего хочется плюнуть на все и уйти. Но я знаю: если я уйду и старостой будет Мак-Магон, наш класс станет самым худшим классом, может быть не только в нашей школе, но во всем городе. Потому что верховодить в нем будут самые отпетые ребята, вроде Фэниана и Мэйсона, и хорошим, настоящим ребятам здесь нечего будет делать. Вспомните, как мы ходили вместе на экскурсии, как готовились к состязаниям с гренджерцами... А теперь Мак-Магон и его компания хотят нас поссорить между собой, потому что им это выгодно. Мак-Магон повторяет чужие слова о красной опасности... Наверное, это ему внушили дома... А спросите-ка его, что это за красная опасность...

— Заткни ему рот! Заткни ему рот, а то все провалится! — Фэйни выбрался из-под кафедры и теребил Роя. — Надо, чтоб он замолчал!

Рой сделал знак скаутам, и внезапно в классе началась какофония: засвистели шотландские свирели, заиграли губные гармошки, запищали ярмарочные свистульки. Слова Чарли потонули в этой мешанине звуков. Видно было, что он пытается досказать что-то важное, но напрасно. Рядом с ним стоял Пабло и, повидимому,

тоже что-то кричал, потому что губы его шевелились, и он энергически взмахивал рукой.

Рой очутился рядом с Пат.

— Сейчас будем подавать записки с именами кандидатов! — прокричал он ей в самое ухо. — Нашим счетным аппаратом будете вы, мисс. — Он коварно усмехнулся.

Пат залилась краской до ушей:

— Я... не могу. Мне... нездоровится...

— Чепуха! — снова прокричал Рой. — Это вам ни-сколько не повредит, мисс Патриция, а наоборот, окажется полезным.

Он насмешливо посмотрел ей в лицо, потом взял карандаш, лежавший на парте, и быстро нарисовал что-то в раскрытой тетради. Чарли, зажатый в угол орущими скаутами, увидел, как Пат вздрогнула: на белом листе тетради была нарисована корона и рядом — кукиш; посреди красовался большой вопросительный знак.

Чарли перевел глаза на Пат. Девочка секунду как будто колебалась. Чарли ждал не дыша. И вдруг увидел: Пат еле уловимо кивнула медноволосой головкой.

— Эй вы, замолчите! — скомандовал Рой скаутам. Он обратился к классу: — Леди и джентльмены, после того как мы выслушали предвыборные речи обоих кандидатов, прошу подавать нашему счетчику мисс Патриции Причард записки с именем выбранного вами старосты.

В то же время он подал незаметный знак Лори. Тот выглянул в коридор и тихо свистнул. Тотчас же ему откликнулся такой же свист, и в кабинет начали проскальзывать один за другим совсем незнакомые школьникам мальчишки, «Малютки» с недоумением смотрели на этих неизвестно откуда взявшихся мальчишек, которые обнаруживали явное намерение принять участие в выборах. Вожаком у них был знакомый некоторым из семиклассников Мэрфи. Впрочем, с этим последним никто не хотел связываться: все знали его хулиганские повадки и здоровенные кулаки.

Чужие мальчишки, не стесняясь, вытаскивали из карманов записки и подавали вместе со всеми на преподавательский стол. Пат изумленно посматривала на незнакомцев, но была так ошеломлена всем происходящим, что не сказала ни слова и приняла от них записки.

— Внимание! — провозгласил снова Рой. — Сейчас будет объявлен результат перевыборов. Слушайте все!

Пат встала. Все взгляды обратились на нее. Девочка откинула назад прядь непослушных волос. Рука ее слегка дрожала, но голос был свеж и сух, как обычно.

— Пять записок содержат имя Чарльза Робинсона... — начала она. — Только пять... Остальные же...

— А остальные? Остальные? — хором закричали в классе.

— Можешь радоваться — твое дело в шляпе, — успел шепнуть Рой Мак-Магону.

— Остальные записки содержат имя... — продолжала Пат.

Ей не удалось закончить: раздался странный гул, как будто лавина сорвалась откуда-то сверху и катилась по лестницам со все возрастающим грохотом. Все ближе и ближе лавина, вот она уже катится по коридору, уже можно различить какие-то выкрики, топот. И вдруг с треском распахнулись двери кабинета, и, красные, возбужденные, ворвались семиклассники. Впереди всех несся Василь Гирич. Он первый бросился к Чарли:

— Ты здесь? А я боялся, что они тебя тоже куда-нибудь спрятали или расправились с тобой по-свойски!

— Где ты был? Где были все вы? — обиженно спросил Чарли. — Почему вас до сих пор не было?

Василь в ответ только махнул рукой: он весь еще был в горячке и возбуждении одержанной победы. Класс грохотал и гудел, как огромный котел, наполненный кипящей жидкостью. В углу бешено визжала и махала перед братом кулаками Марта Миллс:

— Как ты смел запереть меня с ними!.. Где были твои дурацкие глаза!.. Они меня чуть не отколотили, знаешь ли ты это?

Долговязый, не отвечая, ошалело смотрел на сестру и еще больше, чем всегда, напоминал глупого, провинившегося щенка. Да и у всех скаутов был виноватый, сильно смущенный вид. В своей растерянности они выпустили из-за доски Беннета, и он выскочил оттуда грозный, встрепанный и жаждущий расправиться с обидчиками. Он сразу ринулся к Фэйни:

— Ага, не выгорело!.. И хитрость тебе не помогла!.. Ах ты крысиный помет!

Белесая физиономия Фэйни побелела еще больше.

Вмиг потеряв все свое боевое великолепное оперение, «орел» робко жался к своим сторонникам. Однако те, позабыв о своем вожаке, думали лишь о том, чтобы без особого позора выбраться из кабинета и поскорее исчезнуть.

В дверях была толкотня и давка: скауты столкнулись там с Мэрфи и его ребятами, которые, поняв, что счастье изменило мак-магоновцам и ветер переменялся, тотчас же вознамерились улизнуть, пока на них еще не обрушились робинсоновцы. Мэрфи без церемонии толкал перед собой своих ребят, как пастух толкает и подстегивает отстающих овец. Сам Мэрфи охотно подрался бы с Чарли или с кем-нибудь из его друзей, но он чувствовал, что теперь у него оказалось бы слишком много противников. Один только Рой Мэйсон сохранял свой презрительный вид и, закусив губу и зло сощутив глаза, стоял у преподавательского стола, наблюдая за бегством недавних друзей. «Организационный комитет», с Лори и Фэйни во главе, был уже у цели и собирался также удрать, когда дверь вдруг широко распахнулась и на пороге появился мистер Ричардсон — младший учитель.

22. ДРУГ РИЧИ

В противоположность взволнованным, красным и беспорядочно галдящим школьникам, их учитель был абсолютно спокоен, сдержан и находился, мы бы сказали, в таком превосходном равновесии, которое действует освежающе на самые горячие головы. Он остановился в дверях, пристально и серьезно глядя на школьников, и под этим знакомым твердым взглядом понемногу затихали самые сварливые и шумные, потупляли глаза самые дерзкие и наконец наступила совершенная тишина. Только тогда мистер Ричардсон начал говорить.

— Так,— сказал он.— Теперь, когда вы слегка успокоились, я хотел бы, чтобы кто-нибудь объяснил мне, что у вас происходит.— Он отыскал взглядом Фэйни: — Вот вы, Мак-Магон, скажите мне.

Фэйни проглотил слюну.

— Я... то-есть...— начал он.— У нас происходит... Словом, мы выбираем нового старосту,— решительно закончил он.

Мистер Ричардсон приподнял одну бровь:

— Нового старосту? Значит, прежний староста так вас не удовлетворяет, что вы не можете дожидаться новых выборов и устраиваете перевыборы в середине года? Так?

— Д-да,— с некоторой запинкой сказал Фэйни.

— В таком случае, это очень хорошо, что вы выбираете нового старосту.— Мистер Ричардсон снова оглядел класс.— Значит, прежний староста не оправдал вашего доверия, не защищал ваших интересов, был дурным товарищем и дурным учеником, позволял себе бесчестные поступки...

— Нет, нет! Вовсе нет! Это не так! — закричали со всех сторон школьники.

Мистер Ричардсон сделал удивленное лицо:

— Нет?... Тогда, значит, это еще худший, проступок? О, я никак не ожидал от Робинсона!

Фэйни не выдержал.

— Не было ничего такого,— хрипло сказал он.— Просто ребята не желали, чтобы старостой был цветной.

Мистер Ричардсон слегка покраснел и сузил глаза. От этого глаза его, обычно мальчишески-добрые, заблестели холодно и строго.

— Ах, вот оно что...— протянул он.— Значит, *все*,— он подчеркнул слово «все»,— семиклассники не хотят, чтобы старостой у них был негр?

— Нет, нет, не все! Вовсе не все!— снова вступились школьники.— Пускай Фэйни не врет!

Учитель опять удивился.

— То-есть как это «не все»? — спросил он.— Разве не все присутствующие здесь голосовали и участвовали в перевыборах?

— Не все! Нет, нет, не все! — раздались новые крики, на этот раз еще более внушительные.

— Ничего не понимаю! — развел руками учитель.— Поскольку вы, Мак-Магон, ничего толком не можете мне объяснить, пусть этот труд возьмет на себя ваш друг Мэйсон.

Семиклассники как один человек повернулись в сторону Роя. Он стоял, нагнув голову, глядя исподлобья, точно злой кабан, застигнутый охотниками.

— Я отказываюсь отвечать,— проворчал он сквозь зубы.

Учитель пристально на него взглянул:

— Отказываетесь? Но почему? Ведь я у вас не урок спрашиваю, Мэйсон!

— Я отказываюсь, потому что вы и сами, без меня, все знаете и понимаете,— сказал Мэйсон, и злые слезы послышались в его голосе.— Вы придумали эти вопросы и объяснения только для того, чтобы помучить и наказать нас за своего любимчика Робинсона.

— Вы, значит, признаете, что виноваты в чем-то, раз говорите о наказании? В чем же ваша вина? Может быть, вы скажете мне? — Учитель все так же спокойно и выжидаательно смотрел на мальчиков.

Рой молчал, упорно глядя в землю. Молчал и Фэйни, хотя глаза у него так и бегали, стараясь увильнуть от встречи с глазами учителя.

— Ой, я больше не могу! Я скажу! — заскулил чей-то жалобный голос, и Лори протиснулся сквозь толпу школьников и встал перед мистером Ричардсоном.— Мистер Ричардсон, сэр, мы виноваты, мы очень виноваты,— скулил он.— Конечно, и Фэниан и Мэйсон будут меня потом ругать, и все наши скауты меня будут ругать, даже вздуют наверное, но я больше не могу, я все скажу вам...

И Лори принял тут же, перед всем классом, выкладывать всю длинную и запутанную историю подготовки к выборам: подкупы, угрозы, лесть, обещания билетов на матчи и «командных» мест в скаутских отрядах, запугивание младших. И чем дальше говорил Лори, чем больше выкладывал подробностей, тем суровее становилось лицо учителя и тем яснее проступало на лицах ребят недоумение и отвращение, которые внушал им этот несостоявшийся «бизнес»¹. Смешки, раздававшиеся еще в начале рассказа, сменились возмущенными восклицаниями. Теперь даже сторонникам «орла» и его друга-южанина было неловко и стыдно, что они только что поддерживали двух интриганов.

Что касается Чарли и его друзей, то они слушали признания Лори довольно спокойно: ведь все это было им давно известно. И только некоторые подробности, вроде выдумки запретить сторонников Чарли в пустой кабинет, чтобы они не могли присутствовать при голосовании, вызвали возмущенные возгласы:

¹ Б и з н е с—дело, предприятие.

— Кулаками расправлялись! Запихивали туда, как баранов!

— Мне все пуговицы на куртке оборвали!

— У Нэнси Гоу вон синяки на плечах!

— Э, пустяки какие! — отмахнулась весело Нэнси.— Зато все они теперь сели в лужу со своими выборами... Все теперь видят, какие это герои!

— Они и меня туда запрятали, за волосы втащили, мерзавцы! — взвизгнула вдруг Марта Миллс.— Обозначились, говорят, Вот скоты! Я с тобой еще посчитаюсь, не посмотрю, что ты мне брат! — Она затрясла растрепанными косами и направилась к Лори, который поспешил юркнуть в толпу.

Общий хохот был ответом на выходку Марты. Напряжение разрядилось. Теперь хохотали почти все, даже те, кто был причастен к расправе над Мартой Миллс.

— Боюсь, что вы теперь очень надолго, может быть даже навсегда, потеряли авторитет среди ваших товарищей,— сказал мистер Ричардсон, обращаясь к Фэйни и Рою.— Слишком это неприглядная история и показывает вас в невыгодном свете. Впрочем, может быть, я ошибаюсь и семиклассники все-таки хотят иметь Мак-Магона своим старостой? — обратился он к классу.— Может быть, вы признаете перевыборы действительными?

— Нет, нет, не хотим Мак-Магона! Что вы! Долой Мак-Магона и его приятелей! — раздались дружные голоса.— Да здравствует Робинсон! Гип-гип, ура!

Все головы повернулись к Чарли. Теперь на него смотрело множество смеющихся, ласковых, дружелюбных лиц. Только трое — Фэйни, Рой и Долговязый, — сгрудившись в углу, кидали на него мстительные взгляды. Но на них никто уже не обращал внимания.

— Гип! Гип! Ура Робинсону! — продолжали кричать «малютки».

Тэд Маллори подошел к учителю.

— Мистер Ричардсон, мне кажется, нам всем надо извиниться перед Чарльзом, — сказал он. — Мне кажется, мы все перед ним виноваты. Слушали тут разные гадости о нем, позволяли хозяйничать этим парням... Словом, я первый прошу у него извинения.— Он подошел к Чарли и неловко подал ему руку.— Впрочем,

Чарльз, можешь ударить меня и даже поколотить, если считаешь, что я чересчур большая свинья.

— Брось! Ну что ты! Я знаю, что ты-то настоящий парень.— И Чарли дружески хлопнул его по плечу.

Вслед за Тэдом потянулись со всех сторон пожимать руку Чарли и другие школьники. Как раз в разгар этих рукопожатий за плечом мистера Ричардсона заблестели очки, и Мак-Магон старший спросил:

— Что тут происходит? Почему дети не на уроке, мистер Ричардсон?

На этот раз директор был настроен удивительно благодушно. Его очки излучали самый мягкий блеск, голос был вкрадчивым и бархатистым, а выбритые щеки напоминали своим цветом лососину.

— Я слышал здесь какое-то ликование, а мальчики там внизу, сказали мне, что в классе происходят пере-выборы,— продолжал Мак-Магон старший.— Мне, как директору, многое известно, мистер Ричардсон.— Он с милой улыбкой склонился к учителю и прошептал ему на ухо: — Не надо выговаривать детям за это проявление самостоятельности. Вы видите, я строг, но не вызскателен.

Затем директор снова обратился к классу:

— Кого же вы избрали старостой, леди и джентльмены? Я надеюсь, это вполне достойный ученик, который будет служить вам примером и покажет вашему прежнему старосте, как по-настоящему надо выполнять свои обязанности...

Он взглядом отыскал сына и весело подмигнул ему. Но Фэйни ничем не ответил на это добродушное заигрывание. При виде отца «орел» тотчас же сделал самое плаксивое и несчастное лицо, так что всякий, взглянув на него, должен был понять: вот бедный, угнетенный, затравленный мальчик!

Директор, однако, еще не уловил этого выражения и продолжал пребывать в самом радужном состоянии духа.

— Может быть, вы все-таки посвятите меня в ваш секрет? Кто ваш староста, а? Не начинается ли его фамилия на букву «М»? — шаловливо спросил он.

Класс молчал, подавленный. Игривость и благодушные директора пугали больше, чем его обычная раздражительность. Ждали грозы. И, разумеется, гроза не замедлила разразиться.

— Боюсь, что вас неправильно информировали там, внизу, сэр,— сказал мистер Ричардсон, почтительно склоняясь в сторону директора.— Собственно, выборов или, вернее, перевыборов не было.

— То-есть как это не было? — Очки взлетели вверх.— Кто же в классе считается старостой?

— Старостой остается Робинсон,— сказал мистер Ричардсон.

Директор вдруг ужасно покраснел.

— Позвольте, как же это? — спросил он нервно.— Мне совершенно определенно сообщили, что класс недоулен Робинсоном и что имеется другой кандидат, который будет сегодня же избран старостой... Может быть, это вы, мистер Ричардсон, оказали давление на выбор класса? Ведь мне известны ваши симпатии к этому цветному, — добавил он довольно громко.

— Нет, сэр, я не оказывал давления на выбор класса,— громко ответил словами директора младший учитель.— Дело все в том, что выборы велись нечестным путем, не все участвовали в голосовании. Это подтверждено и обнаружено свидетелями, и ученики поэтому считают их недействительными.

— Что?! Что такое?! — Очки заблестели зло и пронзительно.— Нечестным путем? А кто же повинен в этом? Может быть, кто-нибудь будет любезен и укажет мне виновного?

— А вон они — виновные.— И Джой Беннет, встав, указал на Мак-Магона младшего и его друга Мэйсона.— Они здесь целый заговор устроили!

— Отец, отец, не верь ему! Не верь никому из них! — трагическим голосом возопил Фэйни, бросаясь к Мак-Магону старшему.— Они все здесь ко мне придираются, а мистер Ричардсон больше всех! — Фэйни изо всех сил тер глаза.— Вот теперь выдумали какой-то заговор! А когда я хочу вывести Робинсона на чистую воду, так мистер Ричардсон его защищает. Всем известно, что староста обманывает учителей, рассылает всем лентяям шпаргалки. Вон у меня его шпаргалка — пожалуйста, полюбуйтесь! А мистер Ричардсон своего любимчика все равно не дает в обиду!

И Фэйни, торжественно размахивая вытащенной из кармана шпаргалкой, злорадно смотрел на учителя.

— Олл-райт! — сказал Мак-Магон старший, выдержав зловещую паузу.— Мистер Ричардсон, я прошу вас в мой кабинет. Вы понимаете, что подобный случай не может остаться без объяснений?

Мистер Ричардсон поклонился.

— Понимаю,— сказал он серьезно.

Но Чарли показалось, будто на лице учителя промелькнула улыбка.

23. НАЗАД К ДЯДЕ ПОСТУ

Дорогой мой читатель, обстоятельства дела требуют от нас, чтобы мы забыли на время о выборах в классе и о появлении мистера Ричардсона и снова вернулись к оливковой машине дяди Поста, оставленной им на дороге в состоянии неподвижности.

Выйдя из телефонной будки, старый почтальон тотчас же снова погрузился в недра мотора. Открытая крышка капота скрывала его голову в форменной фуражке, и глазам прохожих предстала только основательно пропотевшая спина в серой рубашке: пиджак давно уже валялся на подножке.

— Эге, да это, кажется, дядя Пост? — спросил чей-то веселый голос.

— Как видите,— ворчливо пробормотал старый почтальон, не давая себе труда повернуть голову.

— Опять застряли? — спросил тот же голос.— И охота вам возиться с такой машиной! Ведь, наверное, почтовое ведомство не раз предлагало вам воспользоваться казенным автомобилем?

Дядя Пост крепко держался убеждения: «пусть плохая, да своя», и потому замечание невидимого прохожего его только рассердило. Он снова ворчливо что-то пробормотал.

— Давайте я вам помогу, дядя Пост,— опять сказал прохожий.— Кажется, в прошлый раз у нее шалило зажигание?

— Гм... Может, зажигание. Она мне об этом не сказала.— Дядя Пост высвободил голову из-под крышки и повернулся к прохожему. И вдруг, дернув себя изо всей силы за волосы, воскликнул: — Это вы, сэр! Почему? Что случилось там?

— «Что случилось *там*»? Где это *там* и что должно было случиться? — удивился мистер Ричардсон.

Да, да, это был самый настоящий мистер Ричардсон — младший учитель, с портфелем подмышкой, без шляпы, с волосами, чуть встрепанными утренним ветром, и тем милым, молодым, твердым лицом, которое так любили все его друзья.

Старый почтальон растерянно смотрел на него несколько секунд.

— Господи помилуй, сэр! — сказал он наконец. — Как это вы ухитрились добраться до меня так скоро и заниматься моей машиной, когда у вас, верно, и без меня *там* по горло всяческих забот и неприятностей!

Учитель поднял брови.

— У меня очень хорошие ноги, Пост, — отозвался он. — И вовсе не удивительно, что я добрался до вас, раз я шел мимо. Правда, забот и неприятностей у меня порядочно, но я не понимаю, что это за *там*, о котором вы твердите.

Дядя Пост слегка покраснел:

— Конечно, я прошу прощения, сэр, что влез в это дело... разумеется, это глупо с моей стороны... И жаль, что я об этом не подумал раньше, но дело-то уж сделано, сэр, и, конечно, я не из любопытства хотел бы знать, чем все это кончилось. Мне этого парня вот как жаль...

Мистер Ричардсон пожал плечами:

— Пойдите, дядя Пост! Кажется, мы не понимаем друг друга. О каком парне идет речь?

Дядя Пост окончательно вспыхнул.

— Стыдно вам, сэр! — сказал он дрожащим голосом. — Я, конечно, ничего не соображающий старик, а вы образованный молодой джентльмен, побывали на войне и все такое, но если вы хотите показать мне мое место, нужно делать это прямо, а не говорить, что мы друг друга не понимаем. Вы же отлично поняли меня час назад, когда я говорил с вами по телефону! Поняли, несмотря на вашу ангину, — добавил он язвительно.

Мистер Ричардсон пристально взглянул на раздраженного старика.

— Час назад я был в механическом цехе миллиардовского завода вместе с Цезарем Бронксом, — быстро сказал он. — Таким образом, Пост, либо вы мне не звонили, либо говорили не со мной. Одно из двух.

— Вы... были на заводе? — пробормотал растерянно дядя Пост. — Значит, вы со мной не говорили? И ангиной не хвораете?

— И ангиной не хвораю, — засмеялся мистер Ричардсон. — Ну же, дядя Пост, придите в себя и расскажите толком, что все это значит!

Но дядя Пост, вместо того чтобы толком рассказать что-либо, вдруг отчаянно хлопнул себя по коленке и закричал:

— Ох, старый я дурень! Все теперь пропало!.. Да не стойте, не стойте здесь, бегите скорее, как можно скорее туда, сэр! — обратился он к учителю. — Туда, в школу! Может быть, вы еще успеете помешать этому злему делу! Спешите, сэр, а я побегу рядом и буду вам рассказывать, пока не издохну где-нибудь на дороге от всех этих неприятностей!

И дядя Пост пустился бегом по улице, увлекая за собой упирающегося и все еще ничего не понимающего мистера Ричардсона.

— Да погодите, дядя Пост, объясните же, в чем дело! — напрасно упрашивал учитель.

Дядя Пост продолжал тянуть его за собой. Тогда мистер Ричардсон объявил самым решительным тоном, что надо взять такси и там дядя Пост должен все рассказать ему по порядку, иначе он не двинется с места. Старый почтальон наконец внял этому трезвому голосу, и пока пестрый, как ярмарочная игрушка, автомобиль мчал их в школу, он, ругаясь и поминутно подпрыгивая на сиденье, с грехом пополам изложил учителю все происшествия этого утра.

— Провести так меня! Меня — старого солдата! — стонал он. — Какой-то мальчишка говорит мне: «Продолжайте, Пост, я вас слушаю», а я распустил уши и вытираю самые вежливые слова! Ах, негодяи!

— Наверное, это проделки Мэйсона, — сказал учитель, хмуря тонкие брови. — Он у них самый умный и инициативный. Я давно знал, что готовится такой заговор. Будет очень неприятно, если мы опоздаем... Робинсону не поздоровится...

— И подумать, что во всем виноват я сам! — Дядя Пост заскрежетал зубами. — Ах я старый осел!

Вдруг он всплеснул руками:

— Боже милостивый! Ведь я выдал им девчурку!

С головой выдал! Они теперь с ней расправятся! Ох, меня линчевать мало, честное слово!

Старик так терзался, что учитель, несмотря на то что сам был взволнован, принялся утешать его и обещал как-нибудь припугнуть Мак-Магона и его приятеля, чтобы они оставили Кэт в покое.

— Нет, я сам виноват, сам и буду улаживать это дело, — твердо сказал дядя Пост. — Вот только подожду, чем все это кончится в школе, и сейчас же поеду ее предупредить. А то эти двое ее замучают...

Такси приблизилось к решетчатым воротам школы, и мистер Ричардсон на ходу выпрыгнул из машины.

— Я подожду здесь! — прокричал ему вслед дядя Пост. — Если что, свистните, и я тотчас же явлюсь на помощь в кабинет ми...мифо-логии...

Говоря так, старый почтальон немного воображал себя героем тех приключенческих романов, которые он читал в молодости. Там, в этих романах, бесстрашный сыщик появлялся в самый роковой момент на месте происшествия и выручал попавшего в лапы разбойников благородного молодого человека. Самое название — «кабинет мифологии», — трудное и не совсем понятное дяде Посту, приняло в его воображении характер чего-то таинственного. Он волновался, вспоминая о том, что хорошие, стоящие ребята, среди которых, наверное, немало его друзей, попали в этот кабинет. О том, что там происходит, дядя Пост боялся и думать.

Он нервно шагал вдоль ограды, пристально глядя на окна школы, в особенности на окна четвертого этажа, где, по сведениям, переданным ему Кэт, помещался таинственный «кабинет», и поминутно дергал себя за седой хохолок.

Однако старому почтальону не пришлось ни бежать на помощь Ричардсону, ни сражаться с разбойниками. Через несколько минут после того, как мистер Ричардсон вошел в здание школы, во двор посыпались мальчишки. Они именно не выбежали, не вышли, а посыпались, точно горох. Вид у них был довольно плачевный, они воровато оглядывались — не преследует ли их кто-нибудь, и сильно торопились выбраться за ворота школы.

Дядя Пост узнал среди них Мэрфи, который был известен ему как отчаянный хулиган и вообще дрянной

парень. Мэрфи спешил больше всех и впопыхах, видимо, забыл где-то синюю «автомобильную» каскетку.

— Эй, Мэрфи, гляди, голову потерял! — насмешливо крикнул ему кто-то из его ватаги. — Теперь найдут твою каскетку и сразу тебя уличат!

Мэрфи злобно сплюнул:

— Ну и мразь этот Мак-Магон! Да и дружок его не лучше! Втравили нас в эту кашу! А этот проклятый негритос теперь еще выше задерет нос. Видали: учитель его сторону держит. Ну да погоди, я с ним еще посчитаюсь на гонках!

— А если он тебя опять обгонит, как в прошлом году? — спросил кто-то из мальчишек. — Что ты можешь поделаться против его «Свирели»? Говорят, это какая-то необыкновенная модель...

— Давайте не задерживаться, ребята, — вмешался низенький, коренастый Дик — адъютант Мэрфи, — а то как бы и нам не попало! Ведь мы здесь чужие...

— Как денежки получать, так свои были, а как расплачиваться, так чужие? — насмешливо сказал кто-то из ватаги. — Теперь уж придется за них отвечать.

— Ничего не придется. Вы только держите язык за зубами, — сказал Мэрфи.

Он пронзительно свистнул, и ватага начала поспешно удаляться в сторону реки.

— Слава создателю, они еще не успели расправиться с Робинсоном! — с облегчением пробормотал почтальон, который слышал весь разговор. — Это самое главное. Подробности узнаю потом у мистера Ричардсона, а сейчас побегу предупредить эту кудрявую бедную крошку!

И дядя Пост, забыв о том, что его оливковое сокровище осталось беспризорным где-то на дорогах Эдема, а бесчисленные адресаты ждут своей ежедневной почты, отправился к коттеджу, где обитало семейство Мак-Магонов.

Подойдя к стандартному лоуну — лужайке, обрамлявшей почти все дома в этой вылощенной части Верхнего города, старый почтальон заколебался: как ему вызвать девочку? Все окна закрыты, да и не к лицу ему, старому человеку, стоять под окнами, как какому-нибудь скрипачу или шарманщику.

С другой стороны, постучаться в дом и спросить молодую леди тоже было неловко. А что, если выйдет сам

директор или его жена и спросят, зачем почтальону нужна их дочь? Что может ответить на это дядя Пост? Что он вошел в заговор с их дочерью против их собственного сына? Что он всей душой стоит на стороне негритянского мальчика, против белых мальчиков?

Старому почтальону было известно, как косится начальство на тех, кто водит дружбу с неграми и вообще с цветными, а ему до поры до времени вовсе не хотелось портить отношения с начальством.

Да, но как же быть?

И тут вдруг дядю Поста осенила отличная мысль. Старый почтальон поднял на шнурке свой знаменитый рожок и затрубил.

Раздался звук, певуче-пронзительный, лесной. Звук бежал весь дом, проник во все окна и двери. Почти тотчас же распахнулась дверь мак-магоновского жилища, и Кэт, вся пылающая от волнения и нетерпения, бросилась к старому почтальону:

— Ну как, вы успели?.. Что там у них? Ох, дядя Пост, не томите, говорите скорей!

Дядя Пост смущенно переминался: впервые в жизни он чувствовал себя виноватым перед таким, казалось бы, малым существом. Однако старик наконец собрался с духом и рассказал Кэт все, что произошло с ним, после того как они расстались. Он с жаром каялся в своей вине, в своем, как он называл, «предательстве», он не мог простить себе старческой болтливости.

К его удивлению, Кэт почти не обратила внимания на эту сторону дела. Ее больше интересовало другое.

— Так, значит, им не удалось выгнать этого черного мальчика из старост? — спросила она. — Ох, как я рада! Я прямо до смерти рада! И как это замечательно, что они провалились! Так им и надо!

Кэт торжествовала.

— Подумай лучше о себе, — сказал ей дядя Пост. — Может, тебе лучше пока спрятаться куда-нибудь или сказать обо всем матери, чтобы она за тебя заступилась в случае чего?.. Ведь они, разумеется, считают, что ты — главная виновница их провала и подстроила всю эту штуку... И, конечно, они захотят с тобой рассчитаться за все...

Кэт встряхнула апельсиновыми кудрями.

— Ну что ж, мученики всегда страдали за идею! —

воскликнула она гордо. — Мне мама читала про святую Барбару, как она не боялась никаких пыток. А про Джордано Бруно я сама недавно прочла. Его жгли на костре, но он все-таки победил, и враги его были посрамлены... Я знаю, что перехитрила и Фэйни и Роя, и теперь ничего не боюсь. Пускай они приходят и убивают меня!

Старый почтальон не знал, смеяться ему или негодовать.

— Вон ты какая... великомученица!.. — сказал он, стараясь скрыть улыбку. — А все-таки лучше, по-моему, попросить маму, чтобы она спрятала тебя!

Кэт усмехнулась:

— Что вы, дядя Пост! Ведь это я прячу маму и заступаюсь за нее перед Фэйни и папой... Но когда-нибудь, когда я вырасту, я отомщу им за все...

И тут старому почтальону осталось только изумиться мужеству маленькой девочки и ужаснуться ненависти, переполняющей ее детское сердце.

24. СЫЩИКИ НА ПОЧТЕ

Пользуясь неограниченной свободой, мы с тобой, читатель, перепрыгнем через несколько дней и застанем дядю Поста в почтовой конторе разбирающим предназначенную к отправке корреспонденцию.

Это была огромная пестрая груда писем, простых, срочных, заказных, отправляемых воздушным, водным, автомобильным и железнодорожным путем, писем с марками разного достоинства, на которых был изображен в разных видах все тот же первый президент Америки — Георг Вашингтон.

Тут были письма на запад, на север, на юг и на восток Америки, в города Соединенных Штатов — в Буффало и Миннеаполис, Сан-Франциско и Новый Орлеан, в Милуоки и Чикаго, в Вашингтон и Нью-Йорк, в маленькие селения и рабочие поселки, на одинокие фермы и в индейские деревни, на острова Мауи и Гавайи, в Гонолулу и Пирл Харбор, в Новую Зеландию, в Филиппины, в Канаду.

И были тут письма, адресованные далеко за океан — в Англию и Францию, в Египет и Палестину, в Японию и Корею.

На многих конвертах значились номера военных частей, расположенных в далеких странах. Что делали там адресаты этих писем? Зачем начальство держало на чужбине такое количество американских солдат, которых давно ждали на родине истосковавшиеся семьи?

Дядя Пост, наверное, знал что-нибудь об этом, потому что, встречая в гряде писем конверт, помеченный номером полевой почты, он каждый раз ворчал себе под нос что-то неразборчивое — не то «завоеватели», не то «поработители».

Несколько писем было адресовано в Россию; их дядя Пост заботливо складывал в отдельную пачку. Одно такое письмо, адресованное: «Советский Союз. Москва. Арбат, 51. Капитану второго ранга М. Микайлову», возбудило особое его внимание. Почерк на конверте — твердый, прямой, говоривший о том, что и тот, кто писал, человек прямой и твердый — показался ему знакомым. Без дальних околичностей дядя Пост взял это письмо и спрятал во внутренний карман своей куртки.

Кажется, он сделал это во-время, потому что как раз в этот момент на столе в конторе зазвонил телефон, и начальник связи сказал:

— Хэрш, захватите с собой всю утреннюю почту и подымитесь ко мне.

— Слушаю, сэр! — по-военному четко ответил дядя Пост.

Повидимому, совершенно забыв о письме в своем кармане, а также и об отложенной пачке, старый почтальон вызвал мальчика-рассыльного и вместе с ним погрузил на внутренний лифт всю остальную гряду писем.

В кабинете начальника, видимо чем-то рассерженного, стоял, заложив руки в карманы брюк, знакомый нам сыщик Ньюмен и с ним два молодца, которым, казалось, надо было только крикнуть «пиль», чтобы они тотчас же бросились на указанную жертву.

— Если вы так настаиваете, можете ознакомиться еще вот с этими, — сказал начальник, кивая на письма, которые дядя Пост и мальчик сгружали в ручную тележку. Он обратился к старому почтальону: — Ваш район, кажется, числится за номером шестьдесят восемь, Хэрш?

— Точно так, сэр, — вытянулся дядя Пост. — Кварталы Восточной окраины, набережная по левую сторону, рабочие дома.

— Ага! Стало быть, весь Горчишный Рай тоже у вас? — процедил сквозь зубы Ньюмен. — Жалею вас, старина. Самый тяжелый район в вашем ведении.

Дядя Пост не отвечал.

— Можете итти, Хэрш, я вас больше не задерживаю, — сказал начальник.

— Слушаю, сэр!

Дядя Пост, не глядя на посетителей и, казалось, даже не видя их, вышел из кабинета. Но, едва закрыв за собой дверь, он вдруг хлопнул себя изо всех сил по коленке и соорудил такую озорную и насмешливую гримасу, что мальчик-рассыльный удивленно спросил:

— Что с вами, дядя Пост? Чего это вы радуетесь?

— Я? Радуюсь? — изумился дядя Пост. — Что ты, Кобб! Тебе, видать, померещилось. И с чего бы это мне радоваться, скажи? Ведь я нынче даже еще не завтракал, все вожусь с этой проклятой почтой...

Между тем, пока за дверьми кабинета происходило это маленькое недоразумение, в кабинете двое молодцов и сыщик Ньюмен старательно разбирали корреспонденцию, доставленную дядей Постом. Они тщательно сортировали письма по странам, разглядывали почерки, иногда даже в лупу, а некоторые письма смотрели на свет (и чуть ли не обнюхивали). Несколько писем, адресованных в военные части, возбудили было внимание Ньюмена, он отложил их в сторону, но потом, видимо раздумав, снова бросил в общую кучу.

Очевидно, сыщик не находил того, что искал, и потому раздражался. А когда ему попались конверты, написанные еще не установившимся детским почерком и адресованные — одно в Натчез, а другое в Брикстон, он в раздражении даже отбросил их далеко от себя.

— Разбирай тут еще всякие ребячьи каракули! — проворчал он со злостью. — Мало у меня, что ли, настоящего дела!

— Повидимому, сегодня улова не будет, хозяин, — подобострастно подхватил один из молодцов.

Эх, Ньюмен, Ньюмен! Как вы недалновидны! Что бы вам вскрыть одно из этих писем, которые вы так небрежно отбросили! Быть может, именно в «ребячьих

каракулях» нашли бы вы многое из того, что вас интересует, и очень многое из того, что волнует ваших хозяев!

«Дорогая ма! — так начиналось письмо, адресованное в Брикстон, Мэйн-стрит, 11, миссис Смит. — Накопилось столько новостей — ужас, а писать было некогда, и ты, наверное, уже беспокоишься обо мне. У меня все в порядке, дорогая, и я, наверное, даже буду выступать на празднике и читать какие-нибудь красивые стихи о природе или о мечтах. Так мне сказал мистер Ричардсон, а устроил это все тот же Чарли Робинсон, и это необыкновенно хорошо и благородно с его стороны.

У него, бедного, большие неприятности, и я даже не знаю, чем все это кончится, потому что Фэниан Мак-Магон — очень злой и мстительный, а его друг Мэйсон — еще хуже, и оба они поклялись выжить Чарли из нашей школы и вообще извести всех цветных. В четверг на той неделе они устроили перевыборы старосты и хотели сделать старостой Мак-Магона. Для этого всех, кто стоял за Робинсона и был его другом, они затащили силой на четвертый этаж, в пустой кабинет, и там нас всех заперли, а сами на третьем голосовали против Чарли, и вышло так, будто за него почти никого нет. И Чарли стоял один против всех своих врагов, но это не помешало ему сказать замечательную речь, и многие наши ребята говорят, что он вел себя как герой. Я этой речи не слышала, потому что в это время сидела взаперти вместе с другими на четвертом этаже — меня захватили врасплох, и я даже не успела опомниться, как очутилась под замком. И, дорогая ма, мальчишки оторвали у меня рукав синего свитера, но это ничего не значит, лишь бы Чарли победил. К тому же я его уже пришила, то-есть не Чарли, а рукав, так что ты не сердись. Все наши самые лучшие мальчики и девочки тоже пострадали, и мы сидели бы взаперти, может быть, до пятницы, если бы нас всех не выручил Василь Гирич. Он очень хороший мальчик, и его все наши уважают, потому что он друг Чарли и вообще очень способный и умный. Они вместе с Робинсоном построили автомобиль для гонок, и у него всегда в карманах куча разных инструментов. Ну, когда мы пришли в отчаяние и Нэнси Гоу предложила даже спуститься по водосточной трубе или по карнизу про-

браться к пожарной лестнице, Василь вдруг говорит: «Ничего этого не надо. Через пять минут я вас всех отсюда выведу». И вынимает из кармана отвертку и еще какой-то инструмент, идет к дверям и начинает возиться с замком. Мы очень боялись, что замок будет греметь и мак-магоновские мальчишки услышат и нас поймают. Но Василь работал совсем бесшумно, к тому же все они внизу были так заняты выборами и так уверены, что нам вовек не выбраться, что сняли всех часовых. И Василь в пять минут отвернул замок, и мы все побежали вниз и ворвались в кабинет, когда они уже праздновали победу и подсчитывали голоса. А Чарли стоял в углу, и вид у него был как у полководца, который понимает, что терпит поражение, но решил не сдаваться до самой смерти. И я подошла к нему, мамочка, а он мне говорит: «Ты настоящий друг, Мери Смит, и я не знаю, что бы я делал без тебя».

В эту минуту появился сам мистер Ричардсон, которому уже все было известно про заговор, и он спросил нас, честно ли проводились перевыборы, а мы хором закричали: «Нет!» Тогда он попросил «вождей» — Фэниана и Роя — объяснить ему все дело, но им было так советно, что они не хотели ничего говорить. Все наши тоже чувствовали себя неловко, особенно те, которые держали сторону Мак-Магона. А потом пришел директор. Пока он не знал, что Фэйни опозорился, он был очень веселый, не похожий на себя, а потом сразу стал опять сердитый и набросился на Ричи и велел ему дать объяснение.

Дорогая ма, все мы очень боимся за Ричи, боимся, что у него будут неприятности. Ходят слухи, что директор и даже сам мистер Миллард за что-то им недовольны. Наверное, все это потому, что Ричи ко всем — и к белым и к черным — относится одинаково хорошо. И еще, наверное, потому, что он часто ходит на заводы и на верфи и разговаривает там с рабочими и учит их. Скажу тебе под большим секретом, ма: он каждый день проходит мимо тетиного дома, и почти всегда с ним идет кто-нибудь из рабочих. Мистер Ричардсон два раза не заметил меня, хотя я ему поклонилась. Только ты об этом, пожалуйста, никому не говори. Об этом знает только Чарли, но он велел мне молчать до самой смерти.

Мамочка, не посылай мне рисунков для вышивания. Они были нужны мне для Патриции Причард, но я уже

три дня не разговариваю с ней и не буду дружить больше никогда в жизни. Это трусиха и предательница! А еще говорила сама о себе, что она «высшая натура». Если все «высшие натуры» такие, то пусть лучше я буду самой низшей! Я так на нее зла, что даже не могу сейчас написать тебе, что она сделала!

Должна тебе признаться, ма, что я из-за всех этих неприятностей порядком запустила занятия. Все у нас зовут Фэйни и Роя «фальшивыми вождями», и они так злятся, что ни с кем в классе не разговаривают, даже со своей компанией. Все-таки я уверена, что они так этого не оставят и подстроят Чарли какую-нибудь гадость. Поэтому я решила, что буду ангелом-хранителем Чарли и всюду буду ходить за ним и следить за теми мальчишками. Вчера Патриция подлизывалась ко мне, а я была непреклонна. Чарли говорит, что я очень к ней строга, что Патриция просто растерялась и не хотела сделать ничего дурного, но я этому не верю. Напиши мне скорей, что ты обо всем этом думаешь.

Твоя навеки Мери Смит».

Мери Смит считалась в школе самой аккуратной девочкой, и письмо ее лишний раз это доказывало. Написанное на розовой бумаге чистым круглым почерком, оно выглядело таким же аккуратным и прибранным, как его отправительница.

Приятно было держать в руках такое письмо! Зато о другом послании нельзя было сказать ничего похожего. Адресованное на юг Соединенных Штатов, в город Натчез, письмо это носило на себе следы спешки и небрежности.

Вот оно:

«Дорогой отец! Вы попрекаете меня тем, что я трачу слишком много денег. Но вы же сами не раз говорили, что я характером весь вышел в дедушку. А даже последний негр у нас знает, что дедушка был азартный игрок и политик.

Сейчас я не играю ни в карты, ни на собачьих бегах, дорогой отец. Как говорят у нас в школе, я «делаю политику». Мы с Мак-Магоном хотим очистить воздух в школе — прогнать всех черномазых.

Отец Фэниана вполне согласен с нами и помогает чем

может, но сделать это не так легко. Дело в том, что у многих ребят чувствуется красный дух. Вообще в этом смысле у нас здесь неблагополучно, и я вспоминаю все, что вы говорили о коммунистической опасности. В особенности один учитель — Ричардсон — у нас на подозрении и еще вся компания нашего черномазого старосты. Мы уже собрали с Мак-Магоном кое-какие факты и на днях сообщим их кому следует. Так что вы видите, дорогой отец, я занимаюсь не глупостями, как вы пишете, а такими делами, которые и вы одобрили бы, будь вы здесь.

Очень прошу вас прислать мне еще хотя бы десять долларов.

Ваш сын Р. М. Мэйсон».

Ох, как бесновался бы сыщик Ньюмен, как распекал бы своих подручных, если бы знал, какую добычу выпустил он из собственных рук! Дорого дал бы он за то, чтобы ознакомиться с содержанием приведенных писем.

Но сыщик Ньюмен ничего этого не знал. А потому, просмотрев еще сотни три писем, он зевнул и объявил:

— Сегодня ничего интересного для себя не нахожу. Загляну еще как-нибудь на днях.

— О-кэй, — кисло сказал начальник.

25. НЭНСИ ЗАМЕНИЛИ

Утро было солнечное и ветреное, как бывает иногда в апреле. Дороги уже просохли до белизны, и черные тополя торчали на них, как восклицательные знаки. Перебивая пыль, запах газаolina и кухонный чад, в открытые окна лился чуть уловимый запах весны. Из окна кирпичного уroda, в котором жили Гиричи, были видны шиферно-серые крыши, сгорбившиеся лачуги Горчиcного Рая и белье, развешанное на балконах.

Толстые зобатые голуби ходили по карнизам и курлыкали, всем своим видом показывая, что настало время радоваться жизни. Внизу, в грязи и пыли, возились куры, собаки и дети: весна пришла, весна пришла!

В кирпичном доме пела скрипка. Она пела так сладко и печально, что у Темпи, крутившей ручку стиральной машины, все время наворачивались слезы на глаза.

— Этот мальчик — настоящий волшебник, — говорила она своим карапузам, как будто те могли понять ее печаль и ее восторг.

Василь играл, положив щеку на черную дедовскую скрипочку, полузакрыв глаза. Была ли то колыбельная песня, которую давным-давно певала ему мать, или позже где-то подслушанная мелодия, он и сам не знал. Знал только, что эта музыка не имеет ничего общего ни с городом, который был виден ему из окна, ни со всей этой беспокойно-дымной, лихорадочной страной величайшего богатства и величайшей нищеты.

Нет, песня эта родилась далеко-далеко отсюда, в душистом зеленом крае, где горы подпирают синее небо, где на лугах растут цветы невиданной красоты, где, пятнистые, как шкура леопарда, стоят величавые буки и быстрые, прозрачные реки текут по долинам.

На высокой полонине ветрик повивает,
Сидит овчарь молоденький и смутно спивает,
Ой, то забелели горы Верховины,
Ой, то буйный ветрик вьет на долины...

Мальчик-пастух сидит у каменной колыбы¹ и видит далеко уходящие гребни синих гор. Лучезарный, золотой свет струится от гор, от неба, от земли, золотые лютики звенят под ногами, звенят колокольчики на овцах, и все это вместе сливается в сладостную мелодию родины.

На каких деревенских свадьбах играла эта скрипка там, в стране его детства? Кто танцевал под ее певучий лепет? Какие девушки там, на Карпатах?

— Чому ты замовчав, сынку? — выглянул из соседней комнаты отец. — Играй та спивай, сынку, тай погромче. Розумиєшь? — Он многозначительно посмотрел на сына.

— Розумію, нянько, — кивнул Василь.

Он быстро перестроил скрипочку, и вот уже поскакавали, шаловливо обгоняя друг друга, веселые, плясовые ноты:

Як спытали Василя:
«Чому кинул ты поля?» —
«Я ни сияв, не косив,
Бо мя заец укусив!»

¹ Колыба — пастушеская хижина на Карпатах.

— Танцуйте, дети, танцуйте! — Темпи взмахнула мыльными руками. — Под такую музыку и я бы не утерпела, пустилась бы в пляс, если бы не дела!

И все соседи слышали громкую, подмывающую музыку, совершенно заглушавшую разговор, который вели в комнате Ивана Гирича три человека, разговор, который, не будь этой музыки, мог быть легко услышан благодаря тонким стенам рабочего жилья. А как можно знать сейчас, в нынешней Америке, какой человек поселился у тебя за спиной и не получил ли он от Большого Босса и его подручных задания следить за каждым твоим шагом и словом!

Собеседниками Ивана Гирича были знакомый уже нам негр-инвалид Цезарь Бронкс и мистер Ричардсон. Да, да, сам мистер Ричардсон сидел в этой выбеленной пустой комнате, которую оживляли только два висящих на стене вышитых полотенца работы закарпатских вышивальщиц. Такая же вышивка украшала ворот белой полотняной рубашки хозяина. И, глядя на ослепительную белизну этой рубашки, на аккуратно заштопанные дырочки, всякому становилось очевидным, что хозяин считает ее самой своей парадной одеждой и очень ею дорожит. В самом деле, Иван Гирич свято сохранял все, что привез когда-то со своей далекой родины. И чем дольше жил он в этой трудной, чужой стране, чем больше сил и здоровья оставлял здесь, на заводах Большого Босса, тем все милее и дороже становился для него покинутый в тяжелые годы мадьярского владычества край и тем сильнее чувствовал он себя здесь, в Америке, чужаком.

— Сдается мне, что скоро мы с детских колясок и газовых плит окончательно перейдем на снаряды, — сказал Иван Гирич, продолжая начатый разговор. — Большой Босс приказал переоборудовать некоторые машины, чтобы в любое время можно было увеличить выпуск боеприпасов.

Учитель обвел глазами своих собеседников:

— Да, вот мы с Цезарем были на войне и думали, что все в мире изменится и навсегда наступит всеобщий мир и полная справедливость. А теперь мы видим, какие мы были наивные младенцы. Каждый доллар, потраченный на оружие, увеличивает доходы Миллардов. Вот они и хлопочут о новой войне и, боюсь, добьются своего, если

простые люди в Америке не сумеют этому воспротивиться. Ведь Советский Союз — самая мирная страна на земле, а нас убеждают все время, что именно Советы хотят войны...

— Ох, мистер Ричардсон, если бы не вы и не ваша информация, мы жили бы, как в лесу! — горячо сказал Гирич. — Что я знаю о политике хозяев, о рабочих в других странах, о Советском Союзе? Да только то, что захочет мне рассказать Босс!

— Верно, Гирич, — кивнул Цезарь. — Мы должны читать газеты Милларда, смотреть фильмы, которые выпускает кинокомпания Милларда, слушать по радио передачи, которые оплачивает Миллард. Если бы не вы, мистер Ричардсон, нам не докопаться бы до правды! Те газеты и книги, которые вы прислали, в прошлый раз, я передал ребятам. Вот была радость! Наконец-то они смогли кое-что узнать о том, что делается в Советском Союзе! А то послушать радио да почитать наши газеты — там все нищие, там все дети отбираются от родителей и передаются государству, по городам бегают волки, потому что нечего есть, — словом, пишут всякие страсти, чтобы отбить у людей охоту ехать на родину...

— А с какой радостью многие ребята уехали бы к себе домой, скажу не стесняясь! — Цезарь ожесточенно запыхтел трубкой. — Что они здесь видят? Каждый день ждут, что их выбросят на улицу. Вон, слышно, в Илионе, на заводе Ремингтон-Рэнд, было больше шести тысяч рабочих, а теперь из них четыре тысячи уволили. А в Элмайре на заводе этой же компании выкинули на улицу пять тысяч нашего брата. А попробуйте сказать, что вы хотите ехать за океан — в Польшу, или Венгрию, или, боже упаси, в Советы! Ух, какой вой подымут хозяева! Объявят всех коммунистами и напустят полицию.

— А все-таки ребята собираются уезжать, — сказал Гирич. — У нас на заводе многие совсем уже решили расстаться с «божьей страной». — Он иронически усмехнулся. — Хотят только прежде разузнать о жизни там.

Цезарь выпустил целый столб дыма.

— Я крепко надеюсь на Джима Робинсона, — сказал он. — Джим должен скоро приехать из большого путешествия. Ведь он был на Всемирном Конгрессе сторонников мира, и ходят слухи, что он побывал во всех странах, где люди ввели новый порядок. Вот порасска-

жет-то! Он хоть и знаменитый артист, но из такой же семьи бедняков, как все мы. Свой парень, одним словом. Он понимает, что интересует рабочего человека, и сочувствует всем нам.

— Мне мой друг-моряк обещал прислать из Москвы новые журналы с фотографиями. Там вы сможете найти все, что вас интересует о жизни рабочих и о колхозах, — заметил Ричи.

— Только не попадитесь ищейкам Милларда, сэр, — сказал Цезарь. — Они так и шныряют по городу, так и выслеживают людей... Придерутся — и обвинят в антиамериканской деятельности и упекут, чего доброго, на каторгу.

Гирич невольно взглянул на окно, потом на дверь. Но все было спокойно, и за стеной слышались все те же мелодичные звуки скрипки.

— Дядюшка Пост просил передать вам, сэр, что он теперь все ваши письма будет собственноручно отвозить на аэродром и сдавать в почтовый самолет, — сказал он. — Ну и натерпелся же старик страху в последний раз, когда явились шпики!

Ричардсон кивнул:

— Дядюшка Пост — удивительный молодец! Вот человек, которому можно довериться во всем. В тот раз, если бы не он, у меня были бы большие неприятности, потому что я писал моему другу о настроениях передовых людей в Америке, а эти настроения совсем не по вкусу таким, как Большой Босс... Директор школы мечтает со мной разделаться, и любой мой промах будет поводом обвинить меня в связях с Москвой. А вы знаете, что это значит здесь в наше время.

Цезарь нервно застучал своей деревяшкой:

— Они и за мной охотятся. Когда я пришел на завод навестить кое-кого из ребят, меня сейчас же спровадили и тут же послали за мной шпика. А как они травливают белых на черных! И все время твердят, будто черные берутся по дешевке за всякую работу и вытесняют белых рабочих. Стараются, негодяи, разжечь вражду, чтобы одни бедняки поднялись против других, а сами под шумок будут проводить свою политику!

Ричардсон насутился.

— Все это звенья одной цепи, — сказал он. — Даже в школе мальчишки устроили целый заговор и вознаме-

рились выжить всех цветных. К счастью, я подросел во-время.

— Знаем, знаем! Все про это знаем! — воскликнул Цезарь. — Ведь Робинсон — сынишка моего погибшего друга Тэда. Чарли мне давно говорил, что против него затевается гнусное дело.

— И мне мой Василь рассказывал, — подхватил Гирич. — Они ведь с Чарли закадычные друзья. Мой то и дело таскает меня к Робинсону совещаться по поводу автомобиля. Оба они — конструкторы, — засмеялся он. — Ну, а теперь у них в классе все издеваются над директорским сыном. Только эти парни не успокоятся, можете мне поверить. Они еще посчитаются со всеми, кто держит сторону Робинсона... Я эту публику хорошо знаю, еще с тех самых пор, как батрачил у пана в своих Карпатах...

Цезарь постучал здоровой рукой о стол.

— Надоело! Ох, как надоело! — сказал он. — Мы решили собраться на майский праздник — все, кто был на войне — и поговорить по душам. Мы, цветные ветераны, подыдем наши деревяшки и пустые рукава и предъявим хороший счет всем, кто послал нас воевать. И пусть те, кто не хочет больше войн, подумают хорошенько обо всем.

— Одних цветных ветеранов мало, — сказал учитель. — Весь народ должен подняться против тех, кому выгодна война. Только тогда можно добиться счастья и мира на всей земле.

«Я не сияв, не косив,
Бо мя заец укусив!» —

вдруг громче донеслась из соседней комнаты задорная песенка.

Цезарь, музыкальный, как все негры, тотчас же уловил мотив и начал потихоньку подпевать.

— Это песня вашей родины? — спросил Ричардсон прислушиваясь.

Гирич кивнул.

— Да, это у нас подпевают на праздничных танцульках, — ответил он. — Называется «коломыйка».

— «Ко-ломый-ка», — задумчиво повторил учитель. — Ведь это по-украински? Какой красивый язык! И как

жаль, что я его не знаю! Но я дал себе слово летом заняться русским так, чтобы к осени я смог уже написать несколько слов моему другу Михайлову.

— Я охотно помогу вам, сэр, — обрадовался Гирич. — Ведь я хорошо знаю русский язык. А когда вы научитесь читать, я дам вам несколько книжек, которые у меня есть: Пушкина, Толстого, Ленина... Вы увидите, какие замечательные книги написаны русскими.

— И Ленина и Толстого я читал, и не один раз, — сказал учитель, — но, разумеется, мне хочется прочесть на их родном языке.

Пока шел этот разговор, скрипка в соседней комнате вдруг замолкла. Замолк и голос Василия, подпевавшего ей. Вместо этого там послышался взволнованный шопот и какие-то непонятные звуки — не то смех, не то плач.

— Что там такое? Плачет кто-нибудь? — спросил учитель, недоуменно глядя на хозяина.

Тот поспешно вышел в комнату сына и почти тотчас же вернулся обратно. Лицо его покраснело, на лбу надулась широкая синяя жила.

— Вот полюбуйтеся на работу Босса и его помощников! — сказал он, с силой стукнув кулаком по столу. — Там пришли двое ребят из школы — сынишка Беннета и с ним девочка-мулатка. Девчоночка навзрыд плачет: видите ли, ей какие-то ваши учитель с учительницей сказали, что она не будет выступать на майском празднике. Вместо нее стихи будет читать белая девочка, а ей дали ясно понять, что белый цвет кожи, по мнению начальства, выглядит гораздо лучше. Обиднее всего, что стихи-то эти написала она — мулаточка.

— Это, наверное, Нэнси Гоу, — в волнении поднялся учитель. — Джой, Нэнси, подите сюда!

В дверь заглянул сначала Джой. Узнав учителя, мальчик так изумился, что застыл на пороге.

— Мистер Ричардсон, вы... здесь? — пробормотал он.

Из-за его плеча выглянуло залитое слезами личико Нэнси. При виде учителя, который всегда относился к ней по-дружески, девочка зарыдала еще сильнее. Вошел хмурый, с крепко стиснутыми губами Василь.

— Ну, ну, перестань плакать и Расскажи мне, что случилось, — ласково сказал учитель. — Кто тебя обидел?

— Я... я... м-мне... мисс Вендикс... — прорыдала Нэнси и захлебнулась слезами.

— Позвольте, сэр, я скажу, — выступил вперед Василь. — Она очень горюет, сэр. Пускай лучше выплачется как следует, — добавил он деловито. — Она, сэр, написала приветственные стихи в честь весны, очень хорошие стихи, и все ее хвалили за них. Мать смастерила ей белое платье, чтобы она выступила в нем на сцене, и мисс Вендикс репетировала с ней эти стихи и тоже ее хвалила. А сегодня, когда она пришла на репетицию, там оказался мистер Хомер. Мисс Вендикс и мистер Хомер поговорили между собой, а потом мисс Вендикс подошла к Нэнси и сказала ей, что она выглядит в своем белом платье, как муха, которая попала в молоко, и что это не понравится зрителям. Стихи она взяла и сказала, что передаст их другой девочке — Мери Смит.

— Мери Смит?! — воскликнул учитель. — Да ведь это я сам просил мисс Вендикс дать Мери Смит какую-нибудь роль в спектакле или концерте!

— А Чарли просил вас, чтобы вы помогли найти ей роль, сэр, — вмешался Джой. — Он, верно, не подозревал, что из-за Мери выгонят Нэнси.

— Они — мистер Хомер и мисс Вендикс — очень смеялись... говорили, что исполняют просьбу мистера Ричардсона, хотят сделать ему удовольствие. И смеялись, смеялись без конца, — говорила сквозь слезы Нэнси.

Учитель невольно сжал кулаки:

— Смеялись?! Мое желание помочь девочке превратили в издевательство!

— Они всех цветных сняли с программы, сэр, — тихо сказал Василь. — Всех цветных, которые должны были участвовать в танцах и пении. Некоторым сказали, что они не справляются с ролью, что у них нет чувства ритма, а другим, как Чарли, просто велели убраться.

Цезарь потряс своим пустым рукавом:

— Негодяи! Ух, какие негодяи!.. И за них я, осел, отдал свою руку и свою ногу, стал беспомощным калекой! И я еще верил, что наступит всеобщее равенство, всеобщий мир и братство!

— Все равно я не дам Мери читать мои стихи! Я их вырву у нее! — выкрикнула рыдающим голосом Нэнси. — Она меня попомнит, клянусь вам!

26. ПОПЕЧИТЕЛИ

Собирались медленно, без особой охоты. Лица и позы заранее выражали скуку: эти ежемесячные собрания в школе давно успели всем надоесть.

Однако никто из присутствующих ни разу не пропустил собрания, потому что здесь встречались представители всех «тринадцати семейств» Стон-Пойнта, и это было такой же традицией светского общества, как ежемесячные сборища в клубе, на «конференции волжодавов» или на пикниках, которые устраивались по подписке и куда допускались только «свои». Впрочем, на этот раз собрание должно было несколько оживиться обсуждением ежегодного весеннего праздника, который устраивал город, то-есть мистер Миллард, для «простых людей» и в том числе для школьников. Кроме того, директор Мак-Магон успел намекнуть каждому из попечителей в отдельности, что у него есть еще кое-какие сообщения разоблачительного характера, которые должны всех заинтересовать.

Итак, здесь находились уже известные нам судья Сфикси, еще более визгливый и въедливый, чем обычно; редактор «Стон-Пойнтовских новостей» Клиффорд Уорвик — меланхолический мужчина, которому, повидимому, все на свете давно успело надоесть; доктор Рендаль — морщинистый, с упрямым и волевым лицом ученого; владелец «Атенеума» Тернер — маленький человечек, похожий на морскую свинку, и Парк Бийл — директор банка, белокурый гигант, председатель многих спортивных клубов и устроитель матчей и состязаний в гольф. Кроме Мак-Магона, присутствовало несколько наиболее доверенных учителей, в том числе Хомер и мисс Вендикс.

Все ждали Милларда и, поглядывая в окна, курили, пили содовую и лениво перебрасывались словами.

— Уже совсем весна, — сказал доктор Рендаль. — Вчера меня вызвали к больному на ферму, и я видел куст боярышника, весь покрытый бутонами.

— Гм... боярышник? — промычал Уорвик. — В самом деле?

— В такое время не об уроках думать, а о том, чтобы побегать на воле с хорошенькой подружкой, — сказал, приосанясь, Тернер. — Нет, не краснейте, мисс

Вендикс, — обратился он к учительнице, — ведь я говорю о самой идеальной, чистой дружбе.

Мисс Вендикс стыдливо хихикнула.

— Однако и шалун же этот Тернер! — промямлил Уорвик. — Вы только посмотрите на него: он и сейчас готов носиться по полям, как дикий конь.

Все обернулись к морской свинке — Тернеру, — которая слегка похрюкивала, довольная общим вниманием.

— А вы, Парк, конечно, с первыми теплыми днями умчитесь в Беркли, на матч университета? — спросил Сфикси директора банка.

— Ну разумеется, Боб! — весело отвечал тот. — Надо же поддержать своих. Я кончил в один год с великим кетчером Хелтоном и теперь ежегодно присутствую на стадионе, когда выступают наши университетские игроки.

— Счастливый человек! — фыркнул Сфикси. — Мне бы ваши заботы! Думать о том, кто сколько забил мячей в ворота противника, когда, того и гляди, начнется такой международный матч, что всем нам не поздоровится!

— О, Сфикси сел на своего конька! Теперь держись! — комически ужаснулся доктор Рендаль. — Разумеется, сейчас на авансцене появятся большевики!

— Я с вами не говорю, док, — мгновенно вспылил Сфикси. — Все знают, что вы и ваша жена посылали продукты и давали деньги испанским беженцам, дружили с инженером Стивенсом — вожаком стачки на верфи. Вы думаете, нам это неизвестно? Ваши воззрения по нашим временам слишком либеральны, док, пора вам их пересмотреть!

— Возможно, что и пора, но я их действительно еще не пересматривал, — невозмутимо отвечал доктор Рендаль. — Что касается продуктов и денег, то я их в самом деле посылал, со Стивенсом дружил и ничуть не собирался это скрывать.

— Берегитесь, док, так недолго скатиться и до измены своей родине, — бушевал Сфикси. — Все вы читали в газетах, что американские коммунисты согласились с Торезом и Тольятти и в случае войны будут поддерживать не Америку, а Москву. Это результат нашего слюнтяйства! Давно надо бы упрятать этих людей в тюрьму,

как предателей. Президент был совершенно прав, когда назвал их изменниками и предал суду.

— Ну, ну, все верно, Сфикси. Все совершенно правильно, и вы абсолютно правы,— поспешил согласиться с судьей Парк Бийл. — Только зачем же так горячиться? Что-то я не видел в вас такой горячности на прошлой партии в гольф.

— Вам всё шутки, — проворчал Сфикси, — а я знаю, что мы живем на вулкане, что даже и у нас в Стон-Пойнте коммунисты тоже собираются выступать, что и здесь работает агентура Москвы...

— Что такое? Что вы такое говорите? — раздались со всех сторон встревоженные голоса. — У нас в Стон-Пойнте?

— А вот спросите у него, — показал Сфикси на редактора «Стон-Пойнтовских новостей», — пускай он вам расскажет.

— В самом деле, Уорвик, в чем дело? — Все с тревогой взглянули на меланхолического джентльмена.

Тот пошевелился в кресле и отхлебнул глоток содовой.

— Ничего особенного, леди и джентльмены, — протянул он. — Действительно, я бы сказал, настроение у части населения довольно кислое. На Восточной окраине митингуют, на заводах митингуют, негры тоже начали митинговать... Конечно, послевоенное, так сказать, разочарование...

— Вы им расскажите о коммунистах, о местных агитаторах, о том, что в Горчицном Раю — целый осиный рой, — буркнул Сфикси. — Они думают о матчах, эти маменькины сынки, когда в городе полным-полно красных!

— Вы преувеличиваете, Боб, — зевнул редактор. — Конечно, есть несколько агитаторов — белых и негров, — которые шлятся и смущают рабочих, есть этот крикун Цезарь Бронкс, за которого мы скоро возьмемся, есть, наконец, рабочие-славяне, которые тянутся на родину... Но все это еще не настоящая опасность... И, кроме того, мы уже принимаем некоторые меры, — добавил он успокоительно.

Мак-Магон поднялся и многозначительно кашлянул. До сих пор он держался в тени и лишь внимательно прислушивался к тому, что говорили попечители. Однако

сейчас настал удобный момент, и директор ни в коем случае не желал его упускать.

— Попрошу на несколько минут вашего внимания, джентльмены,— начал он.— Я хочу сказать, что и здесь, в школе, на маленькой, так сказать, площадке, происходят тоже некоторые события и чувствуются настроения, подобные тем, о которых только что поведал нам мистер Уорвик — наш уважаемый редактор и попечитель.

Присутствующие с любопытством посмотрели на директора школы.

— Так выкладывайте, что там у вас случилось, Мак,— сказал Парк Бийл.

— Разумеется, но не прежде, чем явится сюда наш уважаемый председатель, — заявил Мак-Магон.

Весь вид директора школы, его таинственность, его многозначительное покашливание еще сильнее возбудили общее любопытство.

Впрочем, присутствующим не пришлось долго ждать: Хомер, выглядывавший в окно и карауливший прибытие Милларда, объявил торжественно, что машина председателя у подъезда.

В этот день Большой Босс выглядел особенно парадно. Его щеки были краснее обыкновенного и лоснились, сквозь коротко стриженные волосы просвечивала такая же красная кожа головы, жемчужно-серая пара крепко облегла его сухощавую фигуру с выгнутой по-военному грудью. Да и весь Босс напоминал надраенное до блеска военное судно с наведенными на вражеские объекты дальнобойными орудиями.

Он сбросил пальто и шляпу на руки подоспевшему Хомеру, коротко поклонился присутствующим и занял председательское место за столом.

— Прошу извинения за опоздание,— сказал он, быстро взглянув на часы. — Меня вызывал Чикаго.

Дыхание гигантского бизнеса, громадных операций с акциями, кораблями и грузами как бы пронеслось по комнате, и каждый присутствующий, вообразив масштабы этих дел, невольно преклонился и еще более смирился перед Большим Боссом.

А Босс, уловив это и желая еще более подчинить себе собравшихся, сказал:

— Начнем, Мак-Магон, потому что времени у меня

в обрез: через два часа я должен вылететь на совещание алюминиевого треста.

— Слушаю, сэр, — поклонился директор. — Итак, леди и джентльмены, первым вопросом у нас стоит обсуждение программы праздника. Мы переслали всем вам еще на прошлой неделе предполагаемую программу, которая выработана при участии мисс Вендикс.

Босс кивнул:

— Помню. Программа эта известна всем присутствующим? Да? Должен сказать вам, джентльмены, что в этом году я считаю подобный праздник особенно желательным. Надо, чтобы люди немного развлеклись, отдохнули, чтобы они не тратили все свое время на бесполезные и даже, сказал бы, вредные, антиправительственные собрания, какие-то митинги, словом — на всю эту возню, которая стала у нас такой распространенной за последнее время. Пускай лучше танцуют, смотрят фейерверк, катаются на каруселях... Вы согласны со мной? — Босс бегло оглядел присутствующих.

— Ну разумеется! Очень правильно! Отлично придумано! — раздались голоса.

— Гм... Дать ребенку пустую соску вместо молока — хорошо придумано, — пробормотал доктор Рендаль.

— Вы что-то сказали, док? — прищурился Миллард. — Нет? Тогда я продолжаю. Итак, мы устраиваем традиционный праздник в городском саду с бесплатным буфетом для народа, с двумя оркестрами, которые нам дает мэр города, и с обычным парадом и выступлениями школьников. На этот раз, чтобы напомнить американскому народу его славное прошлое и освежить в нем чувство патриотизма, мисс Вендикс, — он слегка поклонился в сторону учительницы, — мисс Вендикс придумала устроить шествие сорокадевятников...

— Очень хорошо! Превосходно! — закивали попечители.

Мисс Вендикс раскраснелась от удовольствия и гордости.

— Это будет Подлинная Красота и Высокая Идея, соединенные вместе, — сказала она, едва дыша от волнения перед таким высоким собранием.

— Хорошо, хорошо! — поспешно прервал ее Босс, боясь, что разговор о Красоте с большой буквы может затянуться надолго. — Я только не понял, мисс Вендикс,

что вы подразумеваете под изменением состава выступающих? Это касается школьников?

Мисс Вендикс растерялась и что-то забормотала.

— Разрешите мне доложить собранию, сэр, — встал со своего места Хомер. — Дело в том, что за последнее время у нас в школе замечаются вредные настроения, и всему этому задают тон цветные ученики. Поэтому мы, педагоги, вместе с директором школы мистером Мак-Магоном решили, что лучше не выпускать цветных детей в праздничной программе. Они этого не заслужили. — И Хомер, эффектно разрубив рукой воздух, опустился в кресло.

Мистер Миллард повел глазами в сторону редактора Орвика.

— Но почему же? — начал он как бы в нерешительности. — Почему так? Ведь я всегда был, так сказать, сторонником равенства... Вот и в газете об этом писали...

— Не беспокойтесь, сэр, — поднялся Мак-Магон, — все знают ваши прогрессивные воззрения и отдадут им должное. Школа берет эту перемену в составе выступающих на себя.

— Ага, если школа берет на себя, то мы не можем возражать... Не правда ли, господа? — обратился Миллард к попечителям.

— Чем меньше черномазых будет торчать у нас на глазах, тем лучше, — сказал Сфикси. — Вот видите, что получается, когда их распускаешь! Даже в школе они устраивают бунты...

— Ох, Сфикси, вам бы жить на Юге! — сказал доктор. — Там вы могли бы себе позволить небольшое удовольствие — сжечь на костре какого-нибудь негра... Я чувствую, вам этого очень не хватает в жизни!

— Вы опять за свое, док! — Сфикси явно злился. — Целуйтесь с вашими неграми и лечите их бесплатно, если вам это нравится, а меня уж увольте!

— Джентльмены, джентльмены, призываю вас к порядку! — сказал тоном добродушного папаши Миллард. — Тем более что директор школы хочет сделать нам какое-то важное сообщение... Говорите, Мак-Магон, — обратился он к директору.

Мак-Магон встал и откашлялся. Его очки блеснули холодно и решительно. Он мельком взглянул на своих «верных» — Хомера и Вендикс — и начал:

— К сожалению, джентльмены, то, что сказал мой помощник мистер Хомер, правда: в школе у нас имеются нездоровые настроения. Среди учащихся многие интересуются политикой и толкуют о том, что в Америке не соблюдаются принципы конституции. Особенный интерес возбуждает все, что связано с Советским Союзом и происходящими там событиями. К моему величайшему огорчению, среди подобранных попечительским советом педагогов нашелся один, который поддерживает и разжигает в учениках этот интерес и всячески пропагандирует идеи равенства среди цветных школьников...

— Кто этот педагог? Назовите его имя! Кто его рекомендовал? — раздались нетерпеливые голоса.

— Это младший учитель, преподаватель литературы мистер Ричардсон, — ответил директор. — А рекомендовал его к нам в школу доктор Рендаль.

Все взгляды обратились на доктора, который продолжал невозмутимо курить.

— Ага, док, стало быть вы поставляете красный товар! — угрюмо сказал Сфикси. — Это похоже на вас. А вы знаете, что в этом можно усмотреть желание специально воспитать новое поколение в коммунистическом духе? Боюсь, что федеральное бюро по расследованию антиамериканской деятельности может плохо взглянуть на это...

— Бросьте, Сфикси, я не из пугливых! — Доктор Рендаль вынул трубку из рта. — Ричардсон — отличный педагог и был таким же отличным офицером американского флота, я видел его характеристику. На его руках большая старуха-мать. Я хорошо знал его покойного отца, капитана торгового парохода, и готов поручиться, что сын ничем дурным не занимается.

— Это зависит от точки зрения, док, — отозвался со своего места Тернер. — Иной считает хорошим то, что другой определяет как дурное.

— Джентльмены, вопрос настолько серьезен, что я считаю пустую болтовню совершенно неуместной, — внушительно сказал Босс. — Мак-Магон только что сообщил мне, что у него имеются свидетели вредной и опасной деятельности этого педагога. Сейчас сюда будут вызваны два ученика, которые смогут подтвердить все сказанное о работе Ричардсона и дать показания. — Он кивнул директору: — Можете позвать мальчиков.

Присутствующие ждали в напряженном молчании. Доктор Рендаль свирепо курил, выпуская огромные клубы дыма. Мак-Магон сделал знак Хомеру, тот вышел и почти тотчас же вернулся, ведя за собой директорского сына и его друга Роя Мэйсона.

У мальчиков был по-разному смущенный вид. Фэйни все помаргивал белесыми ресницами, как будто ему трудно было вынести блеск такого высокого общества. Рой Мэйсон держался преувеличенно прямо и откидывал назад голову самым гордым и независимым образом. Казалось, ему не представляет труда выступать перед советом попечителей. Впрочем, оба «свидетеля» старались держаться поближе друг к другу и изредка обменивались многозначительными взглядами.

— Вот, сэр, ученики, о которых я говорил, — сказал директор.

— Позвольте, джентльмены, неужели вы всерьез придаете значение *таким* свидетельствам? — спросил доктор.

— А почему бы и нет! — снова вмешался Тернер. — Дети куда наблюдательнее взрослых. От них ничего не скроется.

— Итак, мальчики, назовите нам прежде всего ваши имена, — сказал Большой Босс.

— Ученик седьмого класса Рой Мэйсон, сэр, — отпартовал первый.

— Ученик седьмого класса Фэниан Мак-Магон, — как эхо, повторил второй.

— Мой сын, джентльмены, первый ученик. Его одноклассник — сын сквайра из Натчеза, — сказал директор, как дрессировщик, рекомендуя выпестованных им зверей. Он обратился к «свидетелям»: — Джентльмены из попечительского совета хотят услышать то, что вы можете сообщить им об учителе мистере Ричардсоне. Предупреждаю вас: вы должны говорить только то, что слышали сами.

— Хорошо, сэр, — сказал Рой, закусывая пухлую нижнюю губу.

Босс откашлялся, делая вид, что записывает что-то.

— Нам сказал директор, — обратился он к мальчикам, — что вы заметили в мистере Ричардсоне, в его поступках и высказываниях нечто такое, что не соответствует поведению истинного американского патриота и сына нашей великой страны. Это так?

Рой утвердительно кивнул:

— Да, сэр, я это давно заметил. С тех самых пор, как пришел в эту школу. Мистер Ричардсон постоянно говорит о равенстве всех людей, и он очень любит всех цветных у нас в классе. Постоянно их отличает, ставит им самые высокие отметки... — Рой подумал минуту: — Мистер Ричардсон говорит, что новая война не за горами и что ее навязывают простому народу богачи и главные воротилы, которые хотят наживаться, как в прошлую войну.

— Ну, это еще не такая серьезная вина, — громко сказал доктор Рендаль. — Это еще не повод для обвинения человека.

Никто не обратил внимания на его слова. Все взгляды были обращены на Мэйсона.

— Ну что же ты замолчал? Припоминаешь что-нибудь еще? — спросил Босс.

— Еще он постоянно восхваляет Джона Брауна и его время и говорит, что прошло время настоящих людей и благородных поступков... Помнишь? — обратился Рой к Фэйни.

— Еще бы не помнить! — подхватил тот. — Это он сказал, когда его любимчик — черномазый парень Робинсон из нашего класса — написал сочинение о Джоне Брауне.

— Ого, негры начали писать о Джоне Брауне! — произнес молчавший до тех пор Парк Бийл. — Это знаменательно, джентльмены. Весьма, весьма знаменательно! — повторил он торжественно.

В то время как два «свидетеля» давали свои показания, присутствующие по-разному проявляли свое к ним отношение.

У Сфикси была торжественная физиономия с выражением «Я так и знал!» и «Что я вам говорил!» Редактор «Новостей» начал выказывать некоторые признаки заинтересованности: он приоткрыл сонные глаза и переводил их с одного мальчика на другого, делая, видимо, какие-то свои заключения не слишком веселого свойства. Тернер подался вперед на своем кресле и, казалось, с любопытством не только прислушивался, но и принимал к каждому слову. Директор банка наблюдал все происходящее со снисходительным терпением человека, которому все это глубоко безразлично. Зато Миллард все

более хмурился и мрачнел. Тяжелел его подбородок, тяжелели глаза, тяжелели руки. Он — верховный жрец, хозяин заводов, городов, человеческих судеб — чувствовал себя глубоко оскорбленным.

Да, он знал, что сейчас во всем мире идет страстная, жестокая схватка. Красные собирают вокруг себя все страны, всех людей, которые устали от войн, и обещают им долгий мир и какие-то неслыханные права и свободы. Но если не будет войны, придется выпускать вилки, и детские коляски, и газовые плиты, а это куда менее прибыльно, чем снаряды... Эти проклятые красные портят всю игру ему — Большому Боссу. Вон у его друзей и конкурентов в Чикаго и Нью-Йорке и в других городах много неприятностей: забастовки на заводах и на транспорте, требования рабочих, какие-то бесконечные выступления коммунистических ораторов, но он, Миллард, считал, что его-то это не может коснуться. Он умнее, дальновиднее, могущественнее всех и уж всегда сумеет справиться с бессмысленной толпой, которую науськивают комми.

И вдруг оказывается, что здесь, в его суверенных владениях, тоже завелся этот зловерный, опасный дух!

Большой Босс сидел с таким выражением лица, как будто его только что смертельно обидели.

Один только доктор Рендаль всем своим видом показывал чрезвычайное отвращение ко всему происходящему. Он отвернулся к окну, и если бы было возможно, он, по всей вероятности, с удовольствием заткнул бы уши или ушел отсюда.

Но боязнь оставить своего любимца Ричардсона на произвол всех этих людей приковала доктора к месту.

Между тем Фэйни, весь напыжась от гордости, что его слушают самые именитые и богатые люди города, захлебывался от желания выложить как можно полнее и скорее все, что ему известно:

— Вот, значит, когда Чарльз Робинсон написал это сочинение, Ричи, то-есть, я хочу сказать, значит, мистер Ричардсон, очень хвалил и его и Джона Брауна за то, что он так здорово расправился с белыми. А Робинсон тогда, значит, говорит, что Браун—его любимый герой, а мистер Ричардсон говорит, что это, мол, правильно и что Браун и впрямь герой, а Чарльз тогда говорит...

— Ну-ка, погоди минутку,—остановил его повелительным жестом Миллард. Он обратился к директору школы: — Второй или третий раз уже мне приходится слышать об этом негритенке. Это что же, тот самый, который отказался тогда дать полиции свои оттиски?

— Тот самый, сэр, — отвечал Мак-Магон. — Он и так был чересчур боек для цветного, а тут еще учитель внушает ему разные неподходящие идеи. Конечно, мальчишка вообразил себя чуть ли не избранной натурой, и когда мистер Хомер очень деликатно отстранил его от участия в живых картинах, он на него чуть не с кулаками набросился.

— Да не чуть, а просто с кулаками, — пробасил со своего места Хомер. — Это опасный тип, джентльмены.

Фэйни, все время, порывавшийся что-то сказать, не выдержал.

— Ты о выборах расскажи, отец,—вскричал он: — как Робинсон организовал всех цветных и белых ребят и как явился мистер Ричардсон и поддержал их!

Однако Мак-Магон не рискнул рассказать о выборах: слишком много могло обнаружиться при этом такого, что оказалось бы для него невыгодным. Поэтому директор ограничился только тем, что заметил:

— Да, да, младший учитель охотно поддерживает детей низших классов населения, явно оказывает предпочтение цветным. Кажется, часто бывает у родителей учеников.

— Скажите, Мак,—вмешался вдруг Парк Бийл,—этот мальчишка Робинсон не родственник ли нашему знаменитому певцу Джемсу Робинсону?

— Племянник родной, сэр, — опередив отца, радостно заявил Фэйни. — Он всегда хвалится, что дядя привозит ему замечательные подарки. Вот и теперь, как приедет, обещал привезти ему лодочный мотор.

— Действительно, Робинсон должен скоро приехать и дать несколько концертов в городе,—с неожиданным оживлением вмешался редактор. — Мы посылали репортера к матери этого мальчишки — узнать, когда прибывает «черный Карузо», как его прозвали в Европе.

— Что меня удивляет, Парк, так это ваше пристрастие к неграм, — самым язвительным тоном обратился к директору банка Сфикси. — «Наш знаменитый певец»! — передразнил он Бийла. — Да что у вас, белого

джентльмена, общего с черномазым, будь он хоть семи пядей во лбу!

— Джемс Робинсон — мировая знаменитость, и мы можем только гордиться тем, что он наш соотечественник и земляк, — повернулся к присутствующим доктор Рендаль. — Я слушал его в Париже. Парижане носили его на руках и ломились на его концерты.

— Я тоже слышал его в Лондоне, — сказал Тернер. — Поет он действительно хорошо. Но он опасная личность. Вам всем отлично известно, что он выступал на Конгрессе сторонников мира. Да и вообще, я помню, о нем говорили, что он все свои деньги за концерты отослал в Испанию и в Китай, тамошним мятежникам.

— Вот видите!—Сфикси побагровел.—А вы толкуете — «наш знаменитый певец»! Наверное, он самый настоящий красный агитатор... Теперь понятно, в кого пошел мальчишка.

— Послушайте, Уорвик...—Миллард повернулся к редактору.—Мне бы не хотелось, чтобы вы в газете уделяли слишком большое внимание этому певцу и его выступлениям. Не к чему нам особенно выдвигать... э... э... цветное население... Кроме того, я тоже кое-что слышал о политических воззрениях этого черного Карузо. Так что, вы понимаете...

— О-кэй, полковник,—ответил Уорвик.—Мы стараемся писать о нем не так пространно.

— А теперь, джентльмены, не угодно ли будет вам выслушать второго ученика?—спросил Миллард.

На этот раз выступил Рой.

— Наш младший учитель, о котором вы желали узнать, джентльмены, всегда рассказывает нам о русских коммунистах, с которыми подружился, когда был на войне в России,—начал он веско.—Мистер Ричардсон постоянно переписывается с этими друзьями и часто в классе читает нам эти письма.

— Эх, хватил! — невольно пробормотал Фэйни.

— Недавно, например, он рассказывал нам о своем друге, по имени Михайлов, коммунисте русского флота,—все более вдохновлялся Рой.—Говорил, что это замечательный человек, которому все мы должны стараться подражать...

— Вы слышите, вы слышите, джентльмены!—взвизнул Сфикси.—Чего вы еще ждете?

Фэйни страстно завидовал успеху Роя. Он рылся в памяти, стараясь откопать об учителе что-нибудь столь же поразительное и сенсационное, чтобы если не перекрыть, то хотя бы не уступить первенство товарищу.

— А я его много раз встречал на Восточной окраине, и постоянно с какими-то людьми в комбинезонах,—выпалил он вдруг.— Вот третьего дня, значит, идет он с каким-то типом в белой рубаше, и Чарльз тут же вертится. И я своими ушами слышал, как мистер Ричардсон сказал тому, в белой рубашке: «Войны нам, нормальным людям, не нужны. Мы решим свое будущее иным путем!»

— Вы слышите?—снова, на еще более высокой ноте, сорвался Сфикси.— Чего вы еще ждете?

Босс тяжело положил руки на стол:

— Как будто все ясно. Картина довольно полная, и мы без труда могли бы сообщить об этом молодом человеке в федеральное бюро.

— Я берусь упрятать такого типа в тюрьму за половину того, что здесь было рассказано,— заявил Сфикси.— Это настоящая измена, в самом полном виде!

— Не горячитесь, Сфикси,—сказал Босс,—это было бы самое простое, повидимому, но и самое недальновидное.— Он повернулся к директору банка:— Вот вы, Парк, охотник. Что обычно делают охотники, когда нападают на след стаи?

Мгновенно поняв, директор благожелательно улыбнулся.

— Что же, сэр,—сказал он,— мы, разумеется, незаметно стараемся выследить всю стаю. А потом, когда уже известны ее излюбленные места — водопой или пастбище, мы окружаем зверей и захватываем их живьем или убиваем.

— Олл райт! — кивнул Босс.— Именно таким охотничьим правилом надо руководствоваться и сейчас. Мне кажется, что тут речь идет не об одном этом учителе, а о целой организации. Было бы неразумно спугивать всю стаю. Пока мы не имеем еще никаких данных, но мы несомненно их получим, если,— тут он пристально и тяжело посмотрел на доктора Рендаля,— если кое-кому не придет в голову неосторожно помешать нам. Но я бы никому не рекомендовал этого делать,—добавил он, делая ударение на каждом слове. Он кивнул

«свидетелям»: — Спасибо вам, мальчики, вы отлично выполнили ваш гражданский долг. Америка будет вам благодарна.

Под благосклонными взглядами попечителей Рой и Фэйни удалились, весьма гордые собой.

Через полчаса, когда, обсудив все подробности майского праздника и меры, которые следовало принять против враждебного влияния в школе, попечители начали разъезжаться, Парк Бийл увидел у своей машины «свидетелей».

— Простите, сэр, мы только хотели спросить вас, правда ли, что вы будете главным судьей-распорядителем на гонках «табачных ящиков»? — обратились они к директору банка.

— Буду, мальчики, — весело отвечал тот, — А в чем дело?

— Тогда мы хотели бы поговорить с вами по очень важному делу, — сказал Рой.

— Ох, мальчики, я занят по горло! Впрочем, послезавтра утром у меня в банке, если вас это устраивает.

— Послезавтра утром мы будем у вас, сэр, — сказал Рой, кланяясь, как взрослый.

27. ОНИ ДАЖЕ НЕ ССОРИЛИСЬ

Можно ли чувствовать себя счастливой, легкой, как подснежник, веселой, как жаворонок, в день майского праздника, если заранее известно, что на спектакле у тебя будет самое худшее место — где-то позади всех, что на каруселях, и на русских горах, и на качелях, и на лодке ты будешь кататься в самую последнюю очередь, что лучшие лакомства достанутся не тебе, а белым детям, что все награды, подарки и знаки внимания будут расточаться опять-таки им, этим белым детям, а ты будешь стоять в стороне, глотая слюнки, пока взрослые дяди и тети будут толкать тебя и еще ворчать при этом: «Сколько развелось этих черномазых — никуда от них не спасешься!»?

Можно ли беспечно смеяться, радоваться солнечным зайцам, скачущим по комнате, голубому небу, зеленой ветке за окном, если заранее знаешь, что написанные тобой стихи, которыми ты гордишься, будет читать дру-

гая девочка и все будут ее слушать и никогда не узнают, кто написал эти певучие, как весенний ручей, строчки?

Оказывается, можно!

Можно чувствовать себя празднично и радоваться хорошему дню, и собственной легкости, и красивому белому платью, которое надевает на тебя мама, и можно совсем не думать, просто-напросто выбросить из головы все эти больно ранящие мелочи, с которыми все равно сталкиваешься каждый день, если ты родилась темнокожей.

И Нэнси радовалась и веселилась, вертясь перед зеркалом, во-первых, потому, что от природы у нее был легкий, беспечный нрав и она не любила долго думать о грустном или неприятном, а во-вторых, потому, что ее мама — красавица, плясунья, самая нарядная и добрая из всех мам — не должна была знать о том, как обидели ее единственную, обожаемую девочку. Мама была убеждена, что дочке ее сегодня на празднике уготован шумный и всеобщий успех.

— Только я очень боюсь, чтобы ты не сбилась, когда будешь читать стихи, — говорила Маргрет Гоу, «звезда» Маргрет, ползая на коленях перед дочкой и быстро подшивая подол ее слишком длинного платья. — Ты у меня такая легкомысленная девочка... Выйдешь перед всеми этими важными леди и джентльменами и вдруг растеряешься, все позабудешь...

— Не беспокойся, мама, я-то уж не растеряюсь! — уверяла ее Нэнси. — Ох, какая ты у меня сегодня красавица, мамочка! Тебе так идет этот красный костюм!

— А ты у меня похожа на белоснежную бабочку. — Мать ловкими руками расправила пояс дочери. — Как жаль, что мне нужно идти на репетицию и я не могу послушать тебя на празднике!.. Так ты говоришь, мисс Вендикс была в восторге от твоего нового платья?

— О да, мамочка, она сказала, что у тебя пропасть вкуса и что ты всегда придумашь что-нибудь замечательное, — говорила Нэнси, отворачивая лицо. («Если бы мама только знала, что именно сказала учительница о платье! Нет, слава богу, мама никогда не узнает! «Муха, попавшая в молоко» — вот что сказала она!»)

— Погоди, не вертись, непоседа! — остановила дочь Маргрет. — Я хочу завязать тебе бант. Думаю, что се-

годня на празднике моя дочка будет лучше всех. Наверное, даже сам Миллард не выдержит и будет аплодировать тебе, когда ты прочтешь свои стихи.

— Ну, конечно же, мамочка! — отвечала Нэнси, мечтая поскорее удрать от этих ласковых рук и мучительных разговоров.

Маргрет искусно завязала на темных кудрях дочери большой бант, похожий на цветок магнолии. Потом нагнула голову и взглядом знатока окинула девочку.

— Умоляю, не изомни платье и не выпачкайся до выступления. — Она осторожно разгладила оборки. — После выступления можешь кататься на лодке и танцевать — словом, все, что угодно, а до сцены — ни-ни... — Маргрет погрозила дочери пальцем и прислушалась: — Постой-ка, кто-то скребется у двери... Нет, нет, я пойду сама отворю.

Она тотчас же вернулась в комнату и шутливо присела перед Нэнси:

— Мисс Гоу, к вам молодой джентльмен. Желает вас видеть и сопровождать на праздник.

— Ой, мамочка, кто это? — воскликнула Нэнси и вдруг вся просияла: — Василь, это ты? Как я рада!..

— Я проходил мимо и решил зайти, — смущенно сказал Василь. — Ты готова?

— Да, я совсем уже готова. Посмотри, тебе нравится? — Нэнси двумя пальцами расправила воздушную юбочку и покружилась перед мальчиком. — Правда, красивое платье? Ты ведь знаешь, это мне мама сама сшила.

— Очень красивое, — сказал Василь, не поднимая глаз и краснея. — Так мы сейчас пойдем?

— Да. А ты почему без костюма? — спохватилась вдруг Нэнси. — Ведь ты хотел нарядиться ковбоем.

— Расхотелось что-то, — неохотно отвечал Василь. — Я решил итти, как обычно. — Он быстро одернул свою простую синюю куртку.

Нэнси, уловив на лице друга какую-то тень, не спрашивала больше, почему он не захотел надеть костюм ковбоя, и Василь облегченно вздохнул: как объяснил бы он девочке, что костюмироваться, когда все его друзья отстранены от участия в празднике, грубо изгнаны, у него не хватило ни духу, ни желания! Настроение было заранее испорчено, и только успех Чарли на гонках, кото-

К 191 сmp.

рые должны были происходить в конце дня, еще интересовал Василя. Не будь этих гонок да еще желания увидеть Нэнси, Василь, по всей вероятности, остался бы дома.

К счастью, мысли Нэнси уже перепрыгнули на другое:

— Был ты у Чарли? Ну как он? В форме? Надеется на победу?

Василь кивнул.

Сегодня чуть свет он и Джой Беннет явились к Чарли. Вместе еще раз выкатили на пустырь и осмотрели со всех сторон «Серебряную свирель», почистили замшей, проверили приборы. Машина выглядела великолепно. Гонщик тоже был вполне спокоен и уверен в себе. Он показал двум друзьям забрызганную кляксами, безграмотную записку, которую накануне вечером мать его нашла приколотой к двери. «Если хочешь сберечь свою шкуру, черномазый, не показывай носа на гонках, — гласила записка. — Иначе тебе не сдобровать».

Разумеется, Чарли только посмеялся над этой грязной бумажонкой, но Салли сильно встревожилась и не спала всю ночь. Она умоляла Чарли отказаться от участия в гонках, но сын и слышать об этом не хотел.

— Это всё проделки Мак-Магона, Мэйсона и компании, — сказал он. — Не страшны мне их угрозы! Они приятели Мэрфи и хотят ему удружить, чтобы главный его конкурент сошел с дорожки. Только им не удастся меня запугать!

Он решил, что посмотрит начало праздника, а после вернется домой и будет ждать грузовика из мэрии, который должен приехать за ним, как и за всеми участниками гонок, и вывезти его машину на старт, к холму Надежды. Туда к пяти часам соберутся судьи состязания, зрители и болельщики всего города.

Все это Василь наскоро рассказал Нэнси. Услышав о записке, девочка тоже встревожилась.

— Ох, боюсь, как бы они не подстроили Чарли какую-нибудь гнусность, — вздохнула она. — Эти парни способны на все... Они давно грозились, что не позволят негру защищать спортивную честь нашей школы.

— Мэрфи всю последнюю неделю шатался вокруг пустыря, — сказал Василь. — А его менеджера Дика — знаешь, такой рябой — я позавчера изловил возле самого

гаража. У него оказалось с собой шило. Ну, я хорошенько отблагодарил его за посещение, он еле ноги унес.

— Ну вот видишь! — воскликнула Нэнси. — Недаром я беспокоюсь. Ох, боюсь, не случилось бы какого несчастья! — Она секунду подумала: — Знаешь что? Я дам Чарли мой амулет. Он принесет ему счастье и охранит от всякого зла.

И Нэнси принялась лихорадочно рыться в стенном шкафу. На пол полетели какие-то книжки, тетради, ленты, искусственные цветы...

— Нэнси, что ты делаешь, несчастная девочка! — раздался вопль, и Маргрет ворвалась в комнату. — Ты растрепала все роли, которые мне надо учить! Выбросила все мои вещи!

— Мапочка, не сердись, я ищу мой амулет. Хочу дать его сегодня Чарли Робинсону, чтобы он победил на гонках... Ах, вот она! — И Нэнси с торжеством вытащила из недр шкафа маленькую стеклянную собачку. — Я дам ее Чарли, она непременно принесет ему счастье!

Собачка была искусно сделана из лилового стекла. На шее у нее красовался тонкий бронзовый ошейник с висящей жемчужиной вместо колокольчика, а на месте глаз блестели маленькие искрящиеся камешки. Вид у собачки был очень гордый, как будто она знала, какое важное значение ей придется и какую серьезную задачу ей поручают.

Нэнси протянула собачку Василию:

— Правда, прелесть? Я всегда даю ее маме, когда у нее ответственная роль в спектакле. И никогда еще не случалось, чтобы с собачкой мама проваливала роль.

Маргрет хотела что-то ответить, но в это мгновение зазвенел звонок.

— Это, наверное, опять к тебе, — сказала Маргрет. — Я пойду открою. — И она отправилась в переднюю, напевая по дороге: — Гости едут! Гости едут! — и вдруг осеклась.

За дверью стояла некрасивая, совсем незнакомая ей девочка в нелепом платье цвета яичницы и смотрела на Маргрет с унылым видом, никак не вязавшимся ни с великолепной погодой, ни с праздничным днем.

— Простите, мэм, не здесь ли живет Нэнси Гоу? — спросила девочка таким же унылым голосом и вежливо присела.

— Здесь, мисс, — пробормотала, удивленно разглядывая девочку, Маргрет. — Нэнси, встречай гостей!

Незнакомая девочка вошла, опасливо озираясь, как будто ждала, что в этом жилище «цветных» ее встретит по крайней мере парочка диких животных или что-нибудь столь же экзотическое.

Впрочем, как только она увидела Нэнси, выражение ее лица сразу сделалось жалобным.

— Мери? Ты? — Нэнси закусила губы. — Зачем ты пришла?

— О Нэнси, дорогая, я не могла не притти, — забор-мотала Мери, бросаясь к подруге. — Я должна была притти и объяснить тебе все-все... Я не находила себе места...

Нэнси подняла руки, словно защищаясь от неожиданного нападения. Ее мать с удивлением смотрела на странную девочку, которая, казалось, вот-вот заплачет. Впрочем, у Мери и впрямь показались слезы на глазах и кончик носа плачевно покраснел.

— Нэнси, дорогая, ты должна простить меня... Честное слово, я ничего плохого не собиралась делать. Когда они предложили мне читать стихи на празднике, я ведь не знала, что это твои стихи... А сейчас мисс Вендикс говорит, что уже поздно что-нибудь менять... И потом, Нэнси, дорогая, мне так хотелось выступить... Я просто не в силах отказаться...

Мери Смит теперь плакала навзрыд. А Нэнси... Нэнси с отчаянием смотрела на мать. Лицо матери стремительно менялось. Сначала на нем выразилось глубочайшее изумление, потом, как молния, сверкнул гнев, а сейчас оно выражало одну только грусть.

— Значит, твои стихи будет читать вот она? — спросила Маргрет, указывая на сгорбленную фигурку Мери. — Зачем же ты меня обманывала, дочка?

Нэнси не отвечала. Вместо нее ответил Василь.

— Вы, мэм, не огорчайтесь так, — сказал он, глядя своими чистыми синими глазами на Маргрет. — Здесь никто не виноват — ни Нэнси, ни Мери. Это все подстроило наше школьное начальство. Они решили, что выступят только белые ребята. Мери тоже этого не знала, ей просто хотелось участвовать в спектакле, а ей нарочно подсунули стихи Нэнси, чтобы всех нас перессорить между собой. Но ведь мы не будем ссориться, правда? —

обратился он к Нэнси.— Ты ведь больше не будешь сердиться на Мери Смит?

Нэнси исподлобья посмотрела на белую девочку. Та умоляюще простерла к ней руки. Нэнси повернулась к матери.

— Что ж, дочка, он прав, твой Василь, — сказала Маргрет каким-то новым, звенящим от волнения голосом. — Мы не будем плясать под дудку хозяев, мы бедняки, простой народ, и мы не станем ссориться друг с другом. — Она подошла к Мери и ласковым, материнским жестом подняла ее опущенную голову: — А ну-ка, Мери, прочти нам стихи. Мы все послушаем, хорошо ли ты их читаешь.

Мери вспыхнула.

— Вы в самом деле хотите послушать, как я читаю? — с надеждой спросила она, обращаясь теперь уже к Маргрет.

Та ласково кивнула:

— Ну да, девочка. Читай, не смущайся — здесь все друзья.

Мери поспешно отерла с лица последние следы слез и, одернув платье, старательно, но довольно неуклюже поклонилась.

— Стихотворение «Весна идет», — объявила она высоким, ненатуральным голосом.

И, попеременно взмахивая то правой, то левой рукой, как бы дирижируя, Мери Смит прочла:

Поет на ветке птица,
Сирень уже в цвету,
И в школе не сидится,
И манит не учиться,
А погулять в саду.

Весна еще девчонка,
Такая же, как мы.
Боясь смеяться громко,
Она жила в потемках
У тетки злой—Зимы.

Теперь она сбежала,
Пробив зеленый лед.
Ручьи вперед послала,
Чтоб все живое знало:
Весна, Весна идет!

Последние слова Мери громко выкрикнула и для чего-то выбросила вверх сжатый кулак. Все это выглядело до того жалко и нелепо, что у Нэнси невольно выступили на глаза слезы досады: уж очень жаль ей было своих стихов, которые раньше так ей нравились, а теперь, в исполнении Мери, звучали так плохо.

Василь первый прервал молчание.

— Послушай, Мери, а почему ты не назвала автора стихов? — спросил он, сурово глядя на растерявшуюся девочку. — Когда ты объявляешь заглавие стихотворения, ты ведь непременно должна сказать, кто его автор. Не так ли?

Мери опять жалобно посмотрела на всех и нагнула голову, будто ожидая неминуемого удара.

— Я так и делала вначале, Василь, — сказала она тихо, — но... видишь ли... позавчера на репетицию пришел мистер Хомер и... и сказал, что это необязательно... И тогда мисс Вендикс тоже сказала, что это необязательно и даже хорошо для меня, потому что у меня и так плохая память, я и без того могу запутаться... А когда я ответила, что непременно хочу, чтобы все знали, кто написал эти стихи, мистер Хомер посмотрел на меня такими злыми глазами — ужас, и начал говорить мисс Вендикс, что я, наверное, не справлюсь и что напрасно мисс Вендикс выпускает меня на сцену. И... и тогда я испугалась и сказала, что буду все делать, как они велят, — закончила Мери почти шопотом.

— Ох, подлые! — Маргрет всплеснула руками. — Когда же это кончится?!

Василь с непоколебимой твердостью смотрел на девочку.

— Запомни, что я тебе скажу, Мери Смит, — сказал он сурово. — Запомни и заруби себе на носу: никто из нашей компании — ни я, ни Чарли, ни другие мальчики и девочки больше никогда не будут с тобой разговаривать, если ты не назовешь со сцены автора стихов. Вот. Я сказал! — торжественно заключил Василь.

— Чарли!.. — простонала несчастная чтица. — Чарли ведь ничего не знает и, наверное, думает обо мне, что я такая же, как Патриция! И такая же предательница!

И Мери снова горько зарыдала.

Маргрет подошла к плачущей девочке и нежно обняла ее.

— Ну что вы на нее набросились!— сказала она мягко. — У этой девочки, я чувствую, доброе сердце, и она не хотела сделать ничего дурного. Но воля у нее еще очень слабая, и этим воспользовались злые люди.— Она насильно подняла залитое слезами лицо Мери: — Успокойся и вытри слезы. И давай, пока у нас еще есть свободный час, займемся с тобой декламацией. Я постараюсь научить тебя выразительно читать, грациозно кланяться и красиво выходить на сцену. Боюсь, что мисс Вендикс не такой уж большой специалист во всех этих вещах, каким ее считают. А мне было бы неприятно, если бы плохо прочли стихи моей Нэнси.

И Маргрет, обняв за плечи поникшую Мери, увлекла ее за собой.

28. ПРАЗДНИК ВЕСНЫ

Можно ли быть хмурой, досадливо смотреть на первые листья, на желтенькие одуванчики, расцветающие газоны, на солнце, играющее на трубах школьного оркестра, на галдящих по-птичьих детей, на флаги, развевающиеся от легкого ветра, на праздничную суету и неразбериху? Можно ли капризничать по поводу плохо разглаженной оборки шелкового платья, складки на чулке, перчатки, которую слегка зазеленил букетик первых фиалок? Можно ли ворчать, сердиться, чувствовать себя несчастной, если на голове у тебя королевская сияющая корона, ты едешь на белой колеснице, украшенной цветами и ветками букса, и колесницу эту везут старшие мальчики, а сзади шагает оркестр и играет на всю улицу «Моя страна — твоя, о боже» и из всех окон и дверей высовываются люди и смотрят на торжественный поезд королевы Весны?

Можно ли раздражаться, кривить рот, сдвигать брови, если со всех сторон слышатся восторженные возгласы, если знаешь, что у тебя лучший в школе наряд, если сам президент школы Коллинз сказал при всех, что «королева Причард выглядит очень здорово», если и директорский сын Мак-Магон и этот новенький с Юга тоже впрягаются в колесницу королевы и не отходят от тебя ни на шаг?

Можно ли чувствовать себя одинокой, всеми покинутой, заброшенной и глубоко обиженной, если тебя окру-

жают со всех сторон и свои и гренджерские ребята и только какой-то цветной сброд со своим вожакон — черномазым мальчишкой — не подходит к твоей колеснице и делает вид, будто вовсе незнаком с королевой?

Оказывается, можно!

Можно чувствовать себя одинокой и покинутой всеми, даже если золотая корона украшает твои кудри, даже если у тебя самое богатое платье в школе и самое красивое личико, даже если все взоры обращены на тебя и самое солнце сияет, кажется, только для того, чтобы сильнее блестела твоя корона и загорались бесчисленными огнями блески на платье, вышитом трудолюбивыми рычагами Образцового Механизма.

Можно сколько угодно стараться выбросить из головы все неприятные мысли и воспоминания, но они, как нарочно, в самый разгар праздника выступают еще отчетливей и неприглядней. И никакие радости удовлетворенного тщеславия, никакое самолюбование не может вытравить, прогнать это внутреннее недовольство собой, своим недостойным поступком, который лежит на душе, темнит самое праздничное небо и нет-нет, да и напимнит о себе. И мелькнет вдруг, как тень, как щемящее воспоминание, лицо друга, его большие, честные глаза, его ласковая улыбка...

Кажется, все упиралось именно в этого мальчишку, которого Пат сердито честила про себя самыми нелестными прозвищами и в то же время готова была соскочить со своей королевской колесницы и бежать разыскивать его, чтобы выпросить у него прощение.

Да, в этот майский день не было на свете королевы несчастнее Патриции Причард.

А день разгорался все ослепительнее, и Стон-Пойнт, в котором все развлечения состояли из десятка бильярдных, кино да жалкого эстрадного театрика, радовался предстоящему празднику. Конечно, вы не увидели бы на празднике представителей «тринадцати семейств», кроме тех, которые должны были присутствовать там по обязанности. День был воскресный, а обитатели Паркового района, помолившись и выслушав проповеди в евангелистских, протестантских, католических, пресвитерианских и прочих и прочих церквах, чинно усевшись в чинных гостиных, чинно перебивали косточки своим ближним или вызывали автомобиль и ехали перебивать эти косточки

куда-нибудь по соседству, где было такое же избранное общество.

Беднота Горчичного Рая и вообще Восточной окраины была значительно менее привержена к церкви. И времени у нее было меньше, да, скажем прямо, и желания тоже. Пасторам и проповедникам часто приходилось самим ходить по домам Горчичного Рая, стыдить и усовещивать вконец отбившуюся от рук паству. Женщины — те иногда еще забегали в церковь послушать проповеди или поглядеть на чью-нибудь немудрящую свадьбу. А мужчин приходилось заманивать в церковь кинокартиной на религиозный сюжет или бутылкой виски, которое продавалось по воскресеньям только в церкви, или какой-нибудь веселой молитвой с картинками из священного писания.

Поэтому еще с утра Горчичный Рай потянулся к городскому парку, где должно было происходить гулянье. Дети прожужжали взрослым уши о том, что для всех готовится бесплатное угощение и что сам Большой Босс будет раздавать детям конфеты и пирожные.

Все кварталы вокруг парка были забиты автомобилями всевозможных систем и марок, начиная с трехколесных автотележек и кончая довольно приличными «рабочими» автомобилями — такими же стойкими и добротными, какими бывают рабочие лошади. В разукрашенные зелеными гирляндами и флагами ворота парка вливались пестрые толпы черных и белых горожан. Среди них было много наших знакомых.

Явилась на праздник окруженная своим шумливым потомством принаряженная Темпи, которая ради такого торжественного дня решила даже оставить стиральную машину. Цезаря не было с нею — он должен был притти на праздник вместе с группой ветеранов войны. Пришла вся семья Де-Минго. Мать, крупная смуглая женщина, шла под руку с отцом — маленьким, широкоплечим, с веселыми, пронзительными глазами и живым лицом настоящего южанина. Пабло, как самый старший, бережно вел за руку малыша Хуана, который должен был участвовать в картине «Поклонение волхвов». Прошел торопливым шагом, отыскивая кого-то в толпе, Долговязый. Лори Миллс был наряжен ковбоем: его большая шляпа была нахлобучена до самых глаз, шея повязана красным платком, а на ногах красовались рыжие краги. Лори был очень горд своим нарядом и высоко подымал голову, но

каждый раз шляпа сползала все ниже, так что в конце концов он совсем потонул в ней. Впереди Лори важно выступала его сестрица. Марта Миллс нарядилась в широкую и длиннейшую юбку, какие, по ее мнению, носили женщины в пятидесятых годах, огромный чепец, также сползавший ежеминутно ей на нос, и пеструю шаль, которая тащилась за ней по земле. Идущие позади наступали на эту шаль, и Марта то и дело оборачивалась и зло перекорялась с неловкими прохожими.

— Да вы подымите шаль, мисс, вот никто и не будет наступать на нее,— попробовал кто-то образумить Марту.

— Подымите лучше ваши ноги! — запальчиво отвечала молодая особа.

Но когда на шаль наступил ее собственный брат, негодованию Марты не было предела.

— Увалень несчастный! Медведь! Косолапая обезьяна! — честила она Долговязого, не стесняясь тем, что вокруг них уже собираются любопытные.

— Позвольте, мисс Марта, я поправлю шаль,— сказал возле нее вкрадчивый голос.

Минору Сано с вечной улыбкой на тонких губах смотрел на нее сквозь очки и осторожно приподнимал с земли конец шали. Марта живо дернула плечом.

— Мало у нас черномазых, так теперь еще желтые начали приставать! — пробормотала она сквозь зубы, но довольно явственно.

Минору Сано продолжал улыбаться, но глаза его зло блеснули. Однако он ничего не сказал и быстро прошел мимо, так и не подняв шали.

Отдельно от других школьников появились президент школы Коллинз и его помощник Принс. Оба они были одеты золотоискателями — в широкополых стэтсоновских шляпах, в штанах, заправленных в высокие сапоги, и ярких косынках, завязанных на шее. На поясах у обоих мальчиков болтались туго набитые мешочки якобы с золотым песком. «Сорокадевятники идут! Сорокадевятники!» вопили вокруг них восторженные малыши и шумно провожали их в парк.

Семья Квинси тоже вызвала сенсацию. Охотник до всяких затей, отец близнецов помог сыновьям превратиться в индейских вождей. Красно-коричневая краска придала коже двух американских мальчиков цвет медной

монеты. На шее у каждого из близнецов висело ожерелье из пестрых и белых бус, которые должны были изображать человеческие зубы, а на головах мальчиков красовались настоящие индейские головные уборы из перьев, в которых только очень внимательный взгляд обнаружил бы самые обыкновенные петушиные перья. И у Вика и у Бэна через плечо были перекинuty, по индейскому обычаю, байковые одеяла. Подрисованные углем брови и глаза мальчиков казались суровыми и полными огня. Близнецы пришли в парк с отцом, и тот шел между индейцами, радуясь их успеху.

— Как тебя зовут? Как твое имя? — спрашивали малыши, облепившие со всех сторон Вика и Бэна и следуя за «вождями» по дорожкам парка.

— Горящая Стрела, — невозмутимо говорил толстенький Вик, держась с подлинно индейским спокойствием.

— Натянутый Лук, — отвечал и Бэн своим поклонникам.

Вдруг отец их, в котором было много мальчишеского задора, подтолкнул Вика:

— Гляди-ка, еще один индеец!

Действительно, навстречу им по дорожке двигался великолепный вождь в блестящих ярких перьях, в настоящих маленьких мокасинах, с красивым, вышитым индейским рисунком поясом и даже традиционной трубкой в зубах. Но лицо у индейца было скучное, он еле волочил ноги и, видимо, нисколько не гордился своим костюмом.

— Это все покупное, — с пренебрежением констатировал отец Квинси. — Штука нехитрая, если иметь монету... Нет, ты вот попробуй сочинить настоящий индейский костюм без цента в кармане! — И Квинси с нескрываемым превосходством посмотрел на злосчастного «покупного» индейца.

— Да это Джон Майнارد, па, из нашего класса! — вскричали близнецы, узнав под блестящим оперением знакомые черты. — Его отец может что угодно купить... Джон, иди сюда, Джон! — позвали они товарища. — Как тебя зовут, Джон?

— Что такое? Почему вы спрашиваете? Вы же знаете, что меня зовут Джон Майнارد, — с удивлением промолвил мулат.

— Фу, дурень, мы спрашиваем, как твое индейское имя! Меня зовут Горящая Стрела, а Бэна — Натянутый

Лук, — начал объяснять Вик. — Ты должен обязательно назваться каким-нибудь индейским именем — так гораздо интереснее.

— А, вот оно что... — промямлил Джон, не выказывая никакого интереса. — Я... я еще не думал об этом.

— Хочешь, мы тебе придумаем? — тотчас же вызвался Вик. — У нас папа — мастер на такие выдумки. Па, придумай Майнарду красивое индейское прозвище, — обратился он к отцу.

Старший Квинси бросил взгляд на скучную физиономию Джона, потом незаметно подмигнул сыновьям.

— Прозвище молодому джентльмену? — сказал он. — Что же, можно придумать.

Квинси сделал вид, что задумался.

— Кажется, нашел, — заявил он спустя минуту. —

— Долгий зевок — вот что я предлагаю. Как, подойдет? — И он рассмеялся.

Сыновья вторили ему, хохоча во все горло:

— Долгий Зевок, вот это здорово! Молодец, па, сразу подметил! Ха-ха-ха! Долгий Зевок!

Джон немного растерянно поглядывал на них.

— Это действительно остроумно, — сказал он неуверенно, улыбаясь. — Кажется, я действительно постоянно зеваю. Можно мне к вам в компанию? А то я все один да один, никто меня не берет с собой. — И он так грустно заглянул в глаза Квинси старшего, что тот невольно почувствовал жалость к великолепному вождю.

— Ну, конечно, идем с нами, парень, — сказал он. — Ведь ты из нашего индейского племени, а племя должно держаться вместе.

Джон Майнард так обрадовался, что его вялость и сонный вид вдруг исчезли.

— Мне отец дал с собой кучу никелей на разные развлечения, — заявил он, запуская руку в карман и звеня мелочью. — Давайте их тратить.

У близнецов заблестели глаза. Сколько волшебных чудес находится в парке! До сих пор эти чудеса оставались для них недоступными, но сегодня они увидят все, все!

— Значит, постреляем с «небесного истребителя»? И к цыганке пойдем? И снимемся в автомате? И на си-ломере померяемся? — захлебываясь, спрашивал Вик Джона.

Тот только кивал маленькой головой, украшенной великолепным убором индейского вождя.

Между тем в парке загремела музыка. Скрытые между деревьями оркестры старались во-всю, каждый играл свое, и от этого получалась невообразимая какофония. Теперь приходилось кричать во все горло, чтобы тебя услышал сосед. Но все это никак не влияло на праздничное настроение собравшихся. Обитатели Горчичного Рая видели в жизни слишком мало развлечений, чтобы быть разборчивыми; поэтому их ничуть не смущала гремящая медь оркестров — они даже находили, что это придает празднику Весны ббльшую торжественность и веселье.

Начали прибывать почетные гости. В одной из первых машин приехала на праздник миссис Мак-Магон с дочерью. Жена директора школы с большой охотой осталась бы дома, но старший Мак-Магон коротко сказал, что она обязана принимать на празднике попечителей во главе с Большим Боссом, и миссис Мак-Магон скрепя сердце покорилась. Зато Кэт от души радовалась предстоящему развлечению: на ее долю они выпадали очень редко и почти всегда бывали испорчены присутствием брата. На этот раз Фэйни участвовал в процессии школьников, был далеко, и Кэт могла свободно дышать и двигаться.

Обычно бледные, щеки ее разрумянились, апельсиновые кудряшки весело приплясывали.

Вначале она пыталась еще держаться солидно, опекать мать и чинно итти по аллее. Но, увидев летающие лодки, качели, балаганы, пряничные киоски, она совершенно забыла о взятой на себя роли и сразу стала обыкновенной маленькой девочкой, которая от души хотела веселиться.

Теперь Кэт тащила мать за руку и, если бы могла, пустилась бы по аллеям бегом — так она жаждала поскорее увидеть и услышать все, что происходит в парке.

— Ох, мамочка, смотри — карусели! А вон те зеленые и синие вагончики — это русские горы? Ах, как бы мне хотелось на них покататься! Как ты думаешь, можно мне будет покататься? Позволит отец? Ой, посмотри, какие маленькие индейцы! Они настоящие или ряженые?

Кэт остановилась, завороженная видом трех вождей, их ожерельями и перьями.

— Простите, вы действительно настоящие индейцы,

краснокожие? Из индейских штатов? — спросила она, стараясь держаться как можно солидней.

— А то как же! Хоть послуни палец да потри, все равно не ототрешь, бледнолицая сестра, — ответил толстенный вождь. И он даже протянул медно-красную руку, чтобы Кэт могла убедиться на деле.

— А как вас зовут? — нетерпеливо допрашивала Кэт.

— Меня — Горящая Стрела, моего брата, — вождь ткнул пальцем в Бэна, — Натянутый Лук, а его, — он кивнул на третьего индейца, — его зовут Долгий Зевок.

Долгий Зевок украдкой поглядывал на девочку.

— А вас как зовут, мисс? — учтиво спросил он.

— Меня зовут Кэтрин. Вон там стоит моя мама, — нашла нужным добавить Кэт.

— Ого, важная старуха, — определил толстенный вождь. — А наш старик пошел сражаться на бильярде. Теперь его до вечера оттуда не вытащишь... Хочешь, идем с нами? — неожиданно предложил он Кэт.

Кэт покраснела. Ей почти никогда не приходилось иметь дело с детьми. Товарищи брата, приходившие в дом Мак-Магонов, не обращали внимания на девочку или развлекались тем, что пугали и мучили ее. И вдруг теперь ее зовут с собой три гордых индейца, она увидит все аттракционы, покатается на карусели, выучится стрелять в тире из настоящего ружья...

— Мамочка, можно, я пойду с ними? — Кэт умоляюще посмотрела на мать.

Миссис Мак-Магон пугливо оглянулась на мальчиков.

— А что скажет твой отец? — зашептала она. — Это же совсем простые, грубые мальчики. Отец никогда в жизни не позволил бы тебе общаться с такими детьми.

— Но, мама, они очень хорошие, и они совсем не грубые, — вступилась Кэт за мальчиков. — Наш Фэйни куда грубее...

— Ох, наш Фэйни... — вздохнула мать. — Такого, как наш Фэйни, наверное не найдешь... Ну, хорошо, можешь идти, только, если увидишь отца, старайся, чтобы он тебя не заметил.

И Кэт убежала, счастливая и немного смущенная, к своим новым друзьям.

Народ продолжал прибывать. Солнце поднималось все выше и теперь сквозь деревья падало золотыми яблоками на желтый песок дорожек. Непрерывно жужжали вагон-

чки на русских горах, визжали в испуге пассажиры, взлетавшие на искусственные холмы и падавшие оттуда в искусственные пропасти; стучал молоток силомера; из многочисленных тиров доносились выстрелы; хлопали пробки бутылок с крем-содой и пивом; торговцы мороженым, земляными орехами и жареной кукурузой громко выкликали свой товар.

Кэт со своими индейцами успела уже прокатиться на карусели, покататься на летающей лодке и посмотреть автомат «атомный бомбардировщик», который показывал, каким бывает взрыв от атомной бомбы. Потом мальчики по очереди ударяли по силомеру, и Кэт должна была судить, кто из них сильнее. К удивлению ребят оказалось, что самый сильный удар у Долгого Зевка — Джона Майнарда.

— Да ты здоровый парень! — сказал ему Вик. — Что же ты ходишь, как сонная муха? Небось, ты даже никогда толком не подрался!

— Никогда, — сознался смущенный мулат. — Я, знаете, даже не подозревал, что я сильный... Но теперь я обязательно буду драться! — добавил он с жаром.

Вообще Джона в этот день словно подменили. Куда девались его вялость, скучающий вид! Теперь это был живой, веселый, ловкий индийский вождь, который щедро угощал товарищей, широко тратил свои никели и готов был участвовать в любой затее. Кэт бессознательно уже отличала его от остальных мальчиков и охотно опиралась на его руку, когда надо было влезть на качели или в подвесной вагончик русских гор.

— Вы, наверное, испанец? — спросила она своего нового друга.

Кэт уже было известно все о маскараде и о том, кто и как мастерил мальчикам костюмы индейцев.

Джон Майnard вспыхнул. Какой это был соблазн: только наклонить чуть-чуть голову, сделать легкий утвердительный жест, и Кэт будет навсегда уверена в его испанском происхождении! Но тут в его памяти встал школьный двор, издевательские физиономии белых девочек и то, как они, с негодованием отворачиваясь, дразнили его «Ложкой дегтя». Нет, ни за что на свете не хотел бы он, чтобы Кэт считала его лгуном!

Джон судорожно глотнул воздух:

— Нет, Кэтрин, я всего-навсего цветной, мулат. А мой

отец — настоящий негр, — добавил он с отчаянным мужеством.

Ну, конечно, сейчас эта девочка с такими веселыми кудряшками апельсинового цвета отшатнется от него, пробормочет что-нибудь негодующее и убежит искать новых товарищей — белых...

Джон напрасно опасался. Он услышал все тот же свежий, ровный голосок:

— Я очень хорошо отношусь к цветным. У меня была няня-негритянка, так я любила ее больше мамы. Только мой отец ее прогнал, и это было страшное горе. Мой отец и брат терпеть не могут цветных и говорят о них разные гадости, но я им не верю. И знаешь что? Даже если бы я плохо относилась к неграм, я бы все равно помогала им, только чтобы насолить моему брату... Вот недавно брат с товарищами хотели расправиться с одним негритянским мальчиком в школе, но я им подстроила такую штуку, что они остались в дураках! — Кэт расхохоталась. — Ох, видели бы вы их, когда они пришли из школы, точно побитые псы! И злы же они были! Гонялись за мной по всему дому, а потом поймали и начали вымещать на мне свой провал... Вот, смотрите, до сих пор следы остались, — гордо сказала девочка и отвернула короткий рукав платья.

На тоненькой, как тростинка, руке темнели страшные лиловые синяки. Джон и близнецы не могли удержаться от восклицания.

— А я даже не пикнула. — Кэт победоносно смотрела на мальчиков. — Они могли меня убить, я все равно не издала бы ни одного стога.

Джон был окончательно покорен храброй малышкой.

— Какая ты молодчина! — восторженно сказал он. — Правда, ребята, она настоящий человек? — обернулся он к близнецам.

Бэн и Вик согласно кивнули.

— А кто этот негр, за которого ты столько вытерпела? — с завистью в голосе спросил Джон.

Кэт собралась подробно рассказать мальчикам всю историю с перевыборами в школе, но только что она открыла рот, как из-за кустов появилась новая компания ребят. Три индейца приветствовали их оглушительным индейским кличем: «Иихохо!»

Ребята отвечали не менее громкими криками.

— Чарли! Чарли! Иди сюда! Ты уже одет? Как чувствуешь себя? Когда начало? — набросились индейцы на стройного мальчика-негра.

Кэт с интересом смотрела на него: сразу было видно, что этот мальчик — самый главный в подошедшей компании. И мальчики и девочки разговаривали с ним с тем оттенком почтительной дружбы, которой обычно удостоиваются только действительно любимые и уважаемые ребята. Мальчик был одет в легкую спортивную рубашку и короткие штаны защитного цвета.

«Очевидно, участвует в каких-то состязаниях, — сообщила Кэт. — Но кто он? Бейзболист? Бегун?»

Несколько белых и цветных мальчиков и девочек окружили Чарли.

Среди них были Нэнси, щебечущая и веселая, Василь Гирич, Джой Беннет, нарядившийся в колпак и фартук трактирщика, и яично-желтая Мери Смит, которая так и не смогла придать своему лицу праздничное выражение.

Обе компании со смехом и шутками рассматривали друг друга, обсуждали костюмы.

— Идемте к цыганке, попросим ее каждому предсказать судьбу — сказал Джон Майнард. — Не беспокойтесь, я плачу за всех, — величественно добавил он.

Вся компания шумно двинулась к механической гадалке.

— А кто это рыжая девочка? — вполголоса спросил Вика Чарли, незаметно кивая на Кэт.

— Понимаешь, Чарли, эта девчонка всякого мальчишку за пояс заткнет, — шопотом сообщил Вик. — Ты меня знаешь, я терпеть не могу девчонок, но с этой и я стал бы дружить, разрази меня на этом месте!

— Да откуда она взялась? Почему она ходит с вами? — расспрашивал с любопытством Чарли.

— Приблудная, — лаконически объяснил Вик.

— У нее где-то здесь мамаша обретается, — добавил Бэн. — Кажется, и брат тоже имеется, и, по ее словам, это такой тип, что я бы его с величайшим удовольствием поколотил...

Пока шел этот разговор, компания очутилась перед цыганкой. Искусно сделанная из папье-маше, вся в бусах, в пестром платке, она пронзительно смотрела на каждого темными стеклянными глазами.

— Ой, я боюсь! — Мери Смит поежилась. — Вон как она смотрит!

— Чур я первый! — сказал Чарли. — Как, Джон, найдется у тебя никель для меня?

— И не один, — сказал мулат, щедро отсыпая в руку друга пятицентовики.

Чарли опустил в кружку автомата монету. Цыганка внезапно ожила, кивнула, руки ее задвигались, как бы приглашая подойти ближе.

— Ой, как страшно! — взвизгнула Мери. — Чарли, не подходи!

Но Чарли уже взял из рук цыганки выброшенный автоматом билетик.

— Что там? Прочитай вслух! — заинтересовались ребята, со всех сторон окружая мальчика.

— «Вы слишком строптивы. Обуздывайте свой непокорный характер. Помните, что хозяином быть сложнее, чем слугой», — прочел свой билетик Чарли. — Чорт знает что! И тут говорят о покорности и послушании! Интересно, кто составлял эти предсказания и сколько ему за это платили?

Он со злостью разорвал билетик в мелкие клочки.

Нэнси уже читала вслух свое предсказание:

— «Бойтесь черного человека. Он принесет вам большие неприятности». Я сама черная, так почему же я должна бояться черных? — Нэнси обвела смеющимися глазами ребят. — До сих пор все неприятности причиняли мне белые. Лучше уж я буду бояться белых.

Василию цыганка предсказала успех в его большом промышленном предприятии и барыши от его заводов; Кэт она посоветовала прокатиться в Европу, чтобы отдохнуть от напряженной светской жизни; Вику предвещала, что в недалеком будущем он женится на наследнице миллионов и будет разрабатывать алмазные копи в Бразилии; Бэн прочел в своем билетике, что он должен стать очень осторожным и скрытным и в особенности остерегаться общения с цветными — тогда его ждет полный успех в жизни.

У Джона Майнарда в записке оказалась такая чепуха, что никто не мог ничего понять, а Джой вообще отказался брать билетик.

— Охота читать такую чушь! — сказал он сердито. — Неужели находятся дураки, которые всему этому верят?

Однако ребята так искренне веселились, таким оглушительным хохотом встречали каждое предсказание, что Беннет забыл о своем гневе и скоро присоединился к общему смеху. Особенно насмешила всех Мери Смит, которая пресерьезно заявила, что считает безнравственным смеяться над прорицаниями цыганки. Сама она не хотела брать билетик именно потому, что верила, будто гадалка предсказывает правду.

— А вдруг я прочту, что мне суждена смерть? Тогда я тут же упаду и умру, — говорила девочка неистово хохочущим ребятам.

— Не беспокойся, этого цыганка тебе не предскажет, — успокаивал ее Чарли. — Это очень умная цыганка, она знает, что у нас здесь не любят ничего грустного и мрачного. Поэтому она предсказывает только хорошее, чтобы у нее покупали побольше билетиков.

Но Мери все-таки не согласилась взять у гадалки предсказание.

Между тем Кэт внимательно приглядывалась к Чарли. Черный мальчик, такой веселый, простой и, повидимому, добрый, нравился ей все больше и больше. Вот с кем, наверное, хорошо дружить!

— Он учится вместе с вами, этот Чарли? — спросила она Джона Майнарда. — Какой он славный... Наверное, он очень хороший товарищ.

— Чарли Робинсон? О да, мы все его очень любим, — отвечал Джон. — Что с тобой, Кэт, чего это ты вдруг завертелась? — воскликнул он, заметив на подвижной физиономии девочки необычайное волнение.

— Как? Как вы его назвали? — прерывающимся голосом спросила Кэт. — Чарли Робинсон?

— Ну да, наш Чарли, староста нашего класса, — с удивлением сказал Джон. — Недавно разные негодяи хотели его выпереть из старост, да мы не дали... Ты верно сказала: Чарли — превосходный товарищ. И всегда меня выручает, если я не справляюсь с уроком. Да и вообще он замечательный парень... Но что с тобой, чего это ты так переполошилась?

— С чего ты взял? — пробормотала Кэт. — Вовсе я не переполошилась... Тебе просто показалось...

Но она продолжала смотреть на Чарли теперь уже с удвоенным вниманием. Изредка на выразительном лице девочки появлялась тонкая усмешка. «Если бы он только

знал, кто выручил его на перевыборах! Если бы он знал!» думала про себя Кэт, и мысль, что только одна она здесь, в эту минуту, владеет такой важной тайной, наполняла ее величайшим блаженством.

Между тем шумная какофония внезапно затихла. Смолкли оркестры, и в наступившей тишине серебряными голосами запели трубы.

— Королева Весны! Королева едет! Встречайте королеву! — раздались крики, и толпа бросилась к главной аллее, по которой двигалась разукрашенная цветами и гирляндами колесница королевы.

Впереди колесницы шествовали младшие школьники, одетые в пурпурные мантии герольдов, и изо всей силы трубили в блестящие трубы. За ними двигался школьный хор из девочек в белых платьях и мальчиков, наряженных в черные костюмчики, которые делали их похожими на аккуратных маленьких старичков.

За хором — старшие школьники, впрягшись по-трое, везли королевскую колесницу. По обеим сторонам колесницы шел почетный эскорт из «малюток» и «персиков». Некоторые из школьников были также наряжены в костюмы ковбоев, золотоискателей или индейцев.

Среди тех, кто находился у самой колесницы, были Рой Мэйсон и Фэйни Мак-Магон. Ради праздника Рой был одет особенно тщательно: яркий галстук украшал его серый костюм, и в петлицу куртки был воткнут букетик весенних цветов. Фэйни, несмотря на желание подражать щеголю-приятелю, выглядел, как всегда, белесым и будничным.

Рядом с обоими приятелями теснились нечесанные и невымытые сподвижники Мэрфи. Впрочем, ни предводителя их, ни менеджера Дика не было видно, и Василь Гирич, заметив, что их нет, почувствовал смутное беспокойство. Однако впечатление королевского поезда, звуки труб, красивое зрелище герольдов заслонили тотчас же все другое, и Василь никому из друзей не успел сказать о своей тревоге, потому что и сам забыл о ней.

Тотчас же за колесницей следовало некое подобие женщины в лиловом платье и лиловой шляпке. Это подобие держалось за одну из гирлянд, свешивавшихся с колесницы, так, словно эта гирлянда была канатом, которым она удерживала поезд королевы. Существо, в котором вы, наверное, уже угадали Образцовый Механизм,

бросало вокруг настороженные взгляды и жадно ловило все замечания и восклицания, относившиеся к особе королевы.

Материнское самолюбие миссис Причард могло торжествовать. Все глаза были обращены на медноволосую девочку, гордо восседавшую на колеснице в золотой сияющей короне.

Королева Пат держала в руках обвитый цветами жезл — символ королевской власти — и изредка бросала в толпу маленькие букетики фиалок и подснежников.

— Вот по-настоящему хорошенькая девочка, — говорили в толпе. — Никто лучше не сыграл бы роль королевы.

Едва слышав звуки труб, Чарли и его компания тоже бросились навстречу королевской колеснице.

Всем хотелось посмотреть, как выглядит их соученица в короне.

— Какие красивые мантии у герольдов! — с восхищением воскликнул Вик. — Жаль, что я уже вырос. Я непременно попросился бы в герольды!

— А вон идут Мэйсон и Мак-Магон, — сказал Джон Майнард, держа за руку Кэт, чтобы она не затерялась в толпе. — Здорово этот Мэйсон похож на волка, совсем как... Постой, Кэт, куда ты? — растерянно воскликнул он вдруг.

Рука его повисла в воздухе. Раз или два мелькнули среди толпы апельсиновые кудряшки и пропали. Джон отчаянно заработал локтями и плечами, но на него так выразительно и грозно поглядел какой-то красно-белый толстяк, похожий на лавочника, что Джон застыл на месте. К тому же искать Кэт в такой толпе было бесполезно. Джон сразу погрузился. Рука его еще хранила тепло худенькой руки Кэт. Теперь даже вид королевы не доставлял мальчику никакого удовольствия.

— У-ух, какая гордая Патриция! — сказала Нэнси. — Смотрите, даже не улыбнется!

— Не только гордая, но и злая и бездушная, — добавил Василь. — Нет, не верю я этой мисс Причард...

Ни мальчик, ни девочка не заметили, каким змеиным взглядом окинула их мать королевы. Миссис Причард ничего и никогда не забывала, и теперь она навсегда запомнила орехово-смуглое личико Нэнси и синие глаза Василя. Запомнила для того, чтобы, когда придет час,

полностью расквитаться с обоими детьми за недобрый отзыв о дочери.

— Чарли,— говорила между тем Мери, дергая за рукав застывшего в задумчивости мальчика,— пойдем к каруселям, Чарли! Мне не хочется стоять здесь, мне не хочется смотреть на Патрицию. И ты тоже не должен смотреть на нее, потому что она предательница, и ты это знаешь, Чарли.

Да, Чарли это знал и все-таки смотрел на гордую маленькую королеву, еще и еще раз припоминая несчастный день выборов, когда Патриция так легко предала его, своего лучшего друга...

Патриция словно почувствовала его взгляд. Она выпрямилась на колеснице и принялась беспокойно водить глазами по окружившей ее толпе. И вот она нашла того, кого искала. Губы ее зашевелились, как будто она хотела что-то сказать.

— Чарли! — Мери схватила его за руку. — Не ходи туда, Чарли, прошу тебя!

Но Чарли был уже рядом с королевой. С трудом продвигаясь сквозь толпу, колесница ехала черепашьим шагом. Пат, забыв о том, что всякий ее жест, всякое слово слышны и видны, как на сцене, наклонилась к мальчику.

— Ты... ты, наверное, сердись на меня, Чарли? — прошептала она с неловкой улыбкой.

— Откуда ты взяла! — небрежно сказал Чарли. — И не думаю сердиться.

— Но... но... ты не разговариваешь со мной, не замечаешь меня, — торопилась королева. — Я... я непременно приду сегодня на гонки... И я приготовила клюшку, как обещала, Чарли, — добавила она быстро, как бы опасаясь, что мальчик скажет что-нибудь насмешливое.

Кажется, Пат хотела сказать еще что-то, но в эту минуту чей-то грубый мальчишеский голос закричал из толпы:

— Эй, королева! Ты чего это с негритосом шепчешься? Нашла себе подходящего короля, нечего сказать!

В толпе захохотали, раздался насмешливый свист. Три пары глаз с ненавистью устремились на черного мальчика.

— Опять он лезет к Патриции, этот негритос!

— Не понимаю, что смотрит это чучело — ее мамаша! Как она позволяет своей дочке разговаривать с негром! Да еще при всем народе!

Но мамаша была уже на месте. Она зацепила за рукав Чарли и повлекла его прочь от колесницы королевы.

— Убирайся отсюда, парень, да поскорей! — Миссис Причард оставила растерянного мальчика на боковой дорожке, а сама отправилась вслед за удаляющейся колесницей.

Выход королевы должен был состояться на сцене летнего театра, где она должна была объявить начало праздника.

Не скоро вернулся Чарли к своей компании. Мери, пристально наблюдавшая за ним, заметила, что он как будто еще больше потемнел и осунулся за эти несколько минут. Он безучастно посмотрел на ребят, но, вдруг увидев Нэнси, встрепенулся:

— Как, ты здесь? О чем же ты думаешь? Ведь сейчас же после выхода королевы ты читаешь стихи! Беги скорее в театр, а мы — за тобой!

Нэнси потупилась:

— Я... знаю, Чарли... я не выступаю...

И тут же, в свою очередь, накинулась на Мери Смит:

— Ты слышала, что сказал Чарли? Сейчас твой выход! Беги!

Однако у бедной Мери ноги точно приросли к земле. Она смотрела на Чарли, не в силах пошевелиться, смотрела, как преступница, ждущая страшного, но справедливого возмездия.

— Ничего не понимаю! Кто же из вас выступает — Нэнси или Мери? — с досадой спросил Чарли.

— О, Нэнси, будь другом, скажи ему сама. А я... я не могу, — простонала Мери и вдруг бросилась бежать по аллее так, как будто за ней гнались.

Пришлось Нэнси рассказать другу, как ее исключили из программы, как стихи ее передали читать Мери, потому что у Мери — белая кожа и она стопроцентная американка.

— И она еще смеет называть Патрицию предательницей! — закричал в гнев Чарли. — Да она поступила еще подлее, эта тихоня!

Заговорил спокойно, как всегда, Василь. С трудом ему и Нэнси удалось убедить друга, что Мери вовсе не так виновата. И все-таки, несмотря на то что Чарли остыл и признал все их доводы справедливыми, праздник Весны наполнял его все большей горечью.

Летний театр, наскоро сколоченный, щелистый и гулкий, как бочка, был переполнен. Здесь были и дети и взрослые, ряженные и одетые в обычное платье, военные и штатские. Бросалось в глаза обилие людей в военной форме. Объяснялось это тем, что по обычаю, установившемуся после войны, в первое воскресенье мая мэр города ежегодно читал с трибуны список стонпойнтцев, геройски погибших на поле боя. Поэтому бывшие солдаты и офицеры считали своим долгом почтить память товарищей и обычно являлись на эти собрания в полном составе, и потом кто-нибудь из ветеранов выступал с воспоминаниями или с небольшой речью, посвященной героям.

Впрочем, и здесь цвет кожи имел значение: ветераны-белые сидели на почетных местах в первых рядах, а черные пришли отдельной колонной и теперь сидели где-то позади, куда поместили их распорядители праздника. В этом не было ничего удивительного, если прибавить, что главными распорядителями были Хомер и хрупкая мисс Вендикс.

Эта пара действовала с согласной ловкостью и необычайным умением, так что пришедшие в театр и не заметили, как каждый очутился на строго соответствующем его социальному положению и расовым признакам месте. Мисс Вендикс лепетала что-то о суете сует и быстро запихивала одурманенных ее лепетом простых женщин или рабочих в двадцатые ряды, за колонны, где они не портили нарядной картины праздника своими вылинявшими и заштопанными платьями. В тех редких случаях, когда пришедший упрямился и не хотел садиться там, где ему было положено, на передний план выступал Хомер с боксерскими плечами и так выразительно жестикулировал, что быстро оттеснял непокорного в самые дальние ряды.

С цветными зрителями Хомер вообще не церемонился и довольно громко говорил: «Не лезьте вперед, ребята, знайте свое место», или: «Куда, приятель, направился? Не видишь, что все твои сидят за колоннами!»

Поэтому в задних рядах, за деревянными колоннами, которые больше напоминали обыкновенные столбы, собрались все цветные участники праздника. Тут был и Цезарь со своими товарищами — ветеранами войны,

которые ради праздника вынули снова свои мундиры и надели боевые медали и ордена, а также гордо выставили вперед свои костыли и протезы, дабы все могли видеть, что они пострадали за родину.

Рядом с ветеранами сидели их жены и дети, в том числе Темпи со своими ребятами. За Темпи виднелась кудрявая мальчишеская голова Салли Робинсон, которую притащил в театр Чарли. Салли не очень хотелось идти на праздник, она охотнее осталась бы дома и еще раз протерла бы со всех сторон «Свирель», а потом отправилась бы на гонки, чтобы присутствовать на торжестве победителя-сына. Но Чарли сказал, что с трибуны будут читать имена погибших на войне стонпойнтцев и что непременно прочтут имя отца. Тогда Салли надела свое лучшее платье и пришла в театр. Она сидела, напряженно ожидая той минуты, когда раздастся имя ее мужа — Тэда Робинсона. Чарли сидел рядом с ней. Он почти не отвечал заговаривавшей с ним Нэнси — так был поглощен этим ожиданием. Возле Нэнси приютился Джон Майнард, которому не помог даже его великолепный костюм индейского вождя. Пользуясь своим костюмом как маскировкой, Джон хотел незаметно проскользнуть вперед, поближе к сцене, но его перехватил Хомер.

— Твое место за колоннами, парень, — сказал он, грубо беря Джона за локоть. — Не видишь разве, что тут сидят белые джентльмены!

Так Джон Майнард попал в «черный ряд» и теперь изо всех сил вытягивался, чтобы разглядеть, кто наполнял театр.

Неподалеку от себя Джон увидел Василя Гирича с отцом, Беннетов, семью Де-Минго, близнецов Квинси и их отца. Этим не помогла даже их белая кожа. Всех рабочих, на всякий случай, тоже убрали подальше, отдав передние ряды уже безусловным джентльменам. Тут же среди рабочих Джон Майнард разглядел мистера Ричардсона, который уселся, повидимому, совершенно безмятежно где-то на задворках и весело разговаривал то с Гиричами, то со своим соседом, в котором Джон узнал известного врача Рендаля. Внезапно Джон привскочил на месте.

— Что с тобой? Чего ты скачешь? — недовольно спросила Нэнси, грызя кукурузные зерна, которыми угостил ее Василь.

— Смотри, она! — вне себя от удивления воскликнул Джон.— Да как она туда попала?

— Кто «она»? — решительно не понимала Нэнси.— О ком ты говоришь?

— Да эта Кэт... Ну, помнишь, такая рыженькая, которая ходила с нами,— волновался все больше Джон Майнارد.

— А, такая худенькая! Ну, помню... Так что же с ней случилось? — Нэнси продолжала преспокойно лакомиться папкорном, в то время как ее сосед не мог усидеть на месте.

— Да вон она — в главной ложе! Рядом с самим директором,— возбужденно показывал он Нэнси.— А за ней, гляди, сидят эти молодчики — Фэйни и Рой Мэйсон... Вон, гляди, Фэйни ей показал язык! Вот негодяй! До чего досадно, что я не могу туда добраться! Уж я бы сумел за нее ответить этому негодю!..

Джон Майнارد с яростью комкал концы своего индейского пояса, как будто это был сам ненавистный Фэйни.

— Но все-таки как она попала в эту ложу? — продолжал он раздумывать вслух.

— Может, она родственница одного из попечителей? — гадала Нэнси.— Вот она как бойко разговаривает с той важной леди...

Между тем негритянский оркестр заиграл веселый марш. Дирижер оркестра, известный всему городу Джордж Монтье, подпевал своим музыкантам, поминутно оборачиваясь к зрителям и, не переставая дирижировать, отпускал какое-нибудь смешное словечко. Никто не мог удержаться от улыбки, глядя на его широкое лицо, в котором каждая черточка ходила ходуном, подчиняясь живому ритму музыки. У Джорджа были выдающиеся музыкальные способности, но темный цвет кожи помешал ему: в консерваторию его не приняли, и он принужден был играть со своим сборным оркестром по садам и мелким ресторанчикам Стон-Пойнта.

Он горячо любил свой народ, постоянно бесплатно играл на свадьбах бедноты в Горчичном Раю и бывал на всех крестинах и похоронах. В свою очередь, и Джордж был всеобщим любимцем, и теперь по всему театру раздались аплодисменты и восклицания, выражающие удовольствие.

В почетной ложе, кроме Мак-Магона с семейством,

сидели уже судья Сфикс, редактор Клиффорд Уорвик и Тернер. Не хватало только Милларда. У ворот парка уже дежурили старшие школьники, которые должны были сигнализировать о приближении Босса. Его ждали с минуты на минуту.

Внезапно произошло общее движение. Все головы повернулись к почетной ложе, все глаза обратились на пустующее кресло красного бархата, похожее на трон. В ложу вошел, сопровождаемый Мак-Магоном и Хоме-ром, сам Большой Босс.

Затянутый в смокинг, блестя накрахмаленной грудью — весь лоснящийся и тугой, Большой Босс бегло глянул на море голов, чернеющее перед ним, и кивнул Мак-Магону.

И тотчас же высокими голосами запели валторны, к самому небу взмыли звуки скрипок, и Джордж Монтье, полузакрыв блестящие глаза, склонив голову к плечу, плавными жестами повел в оркестре нежнейшую из мелодий Весны.

Загорелись огни ramпы, и на сцене появилась со свитой и герольдами сама королева.

Пат была очень бледна. Трепещущим, высоким голосом она объявила о своем прибытии:

— Люди и звери, птицы и деревья, цветы и насекомые, радуйтесь: я пришла! Теперь солнце будет сиять для вас каждый день, ручьи будут журчать без умолку, цветы источать аромат: я пришла! — Она взмахнула украшенным цветами жезлом: — Повелеваю начать в мою честь празднество! Пусть играет музыка, пусть загорятся огни фейерверков, пусть каждый покажет свою ловкость и грацию!

Праздник начинается!

Королева поклонилась, и вдруг дождь маленьких искусственных цветов посыпался откуда-то из-под купола в зрительный зал. Закричали дети и начали ловить цветы и прикалывать их к платьям и волосам. Занавес снова закрылся, и перед рампой появилась длинная, неуклюжая девочка в ячно-желтом платье.

Мисс Вендикс сыграла на рояле чувствительное вступление.

— Ученица седьмого класса Мери Смит исполнит стихотворение «Весна идет», — проворковала она. — Читай, дитя мое, мы тебя слушаем.

Мери устремила глаза в темный зал. Где-то там, в зале, сидят ее друзья, сидит Чарли. Чарли смотрит на нее, Чарли ждет, что она будет смелой и честной. Неужели она, Мери, обманет его ожидания? Нет, ни за что!

И под сотнями устремленных на нее взоров Мери говорила отчетливо и громко:

— Стихотворение ученицы седьмого класса Энн Гоу «Весна идет».

Окрыленная собственной смелостью, некрасивая девочка вдруг как-то сразу похорошела, посветлела лицом, у нее появился свободный, сильный жест, голос зазвучал мелодично и звонко.

Если бы Маргрет — самый придирчивый критик — услышала ее в эту минуту, даже и она, наверное, нашла бы, что и Нэнси не смогла бы прочитать стихи лучше, чем это сделала Мери Смит.

И слушатели вполне оценили искусство чтицы: зал дружно зааплодировал, раздались оглушительные свистки, которыми мальчики выражали свое удовольствие.

— Автора! — закричал вдруг сильный мужской голос. — Энн Гоу на сцену!

Это был голос мистера Ричардсона — младшего учителя. Рупором приложив руки ко рту, он повторял:

— Автора! Автора!

Доктор Рендаль тотчас же присоединился к своему любимцу и тоже начал требовать автора стихов на сцену.

И зал подхватил этот крик:

— Автора! Автора! Пускай покажется автор!

Джордж Монтье стучал дирижерской палочкой по своему пульту, и ему вторили своими смычками все музыканты. Ветераны — белые и черные — ревели во всю силу своих солдатских глоток:

— Автора! Автора! Давай автора!

Мисс Вендикс металась по сцене, как пойманная мышь. Она бросала отчаянные взгляды на почетную ложу, зная, что там находится Хомер.

Однако Хомер предпочитал спокойно сидеть за креслом Большого Босса и делать вид, что все происходящее его не касается.

Пауза слишком затянулась, становилась угрожающей.

— Разве автора нет в театре? — сказал вдруг, недовольно сдвигая брови, Миллард. — Тогда пусть мисс Вендикс объявит об этом слушателям.

— Автор здесь, сэр,— заторопился Мак-Магон,— но, видите ли, сэр...

В это мгновение на сцене появилась темнокожая грациозная девочка в белом пышном платье. Нэнси скромно стала рядом с Мери и выжидательно смотрела на учительницу. Мисс Вендикс нервно откашлялась:

— Леди и джентльмены... Вот... вы желали видеть автора стихов. Вот... перед вами ученица Энн Гоу...

Нэнси легко поклонилась, придерживая края воздушной юбочки. Раздался новый взрыв аплодисментов, и обе девочки, держась за руки, спустились со сцены.

В почетной ложе Сфикси язвительно сказал Боссу:

— А я и не подозревал, Роберт, что вы такой поклонник негритянских талантов!

Босс откусил крепкими желтыми зубами кончик сигары.

— Вы однообразны, Боб,— сказал он невозмутимо,— выдумайте что-нибудь поновее. Кстати, вы не заметили, кто первый начал требовать автора стихов на сцену? Это было подстроено заранее, я полагаю.

Сфикси не успел ответить — его перебил Фэйни Мак-Магон, жадно слушавший со своего места в ложе все, что изрекал Большой Босс.

— Я заметил! Я заметил это, сэр! — Фэйни весь горел от желания выслужиться.— Первым закричал мистер Ричардсон, наш учитель... Он всегда выдвигает цветных, сэр, как мы вам уже говорили...

— Доктор Рендаль тоже кричал довольно громко,— сказал Сфикси.— Не нравится мне поведение дока. Оно его не доведет до добра, помяните мое слово. Теперь не такое время, чтобы либеральничать, клянусь своей головой!

«Так... Опять этот Ричардсон...— пробормотал про себя Миллард.— Если только правда то, что сообщает бюро...»

Между тем концерт продолжался своим порядком. Теперь выступал школьный хор. Широко разевая рот и тараща для чего-то глаза, ученики исполнили под аккомпанемент мисс Вендикс «Моя страна — твоя страна, о боже» и «Мы — самые любимые дети господ». Впрочем, люди слушали пение не слишком внимательно, переговаривались с соседями и грызли разные сласти и орехи. В почетной ложе Фэйни тревожно наклонился к Мэйсону:

— Он еще здесь? Ты видишь его?

— Сидит, как пришитый, возле своей черномазой машины,— отвечал Рой, всматриваясь в дальние ряды и щуря глаза. — И Гирич тоже на месте,— добавил он.— Повезло же этому Дику! Никаких свидетелей.

— А что, если он заметит? — продолжал опасаться Фэйни.— Он ведь умная бестия.

— Ничего он не заметит. Мэрфи и его ребята чисто работают, можешь быть уверен,— успокоительно сказал Рой.

— Чего ты орешь! — разозлился вдруг Фэйни.— Орет во всю глотку! Забыл, что у меня в доме шпионка? Хочешь, чтоб мы опять провалились, как тогда? Вон эта рыжая дрянь наострила уши и опять подслушивает нас. Ух, погоди, дай мне только добраться до нее!

И Фэйни скорчил в сторону сестры такую выразительную, свирепую гримасу, что и более взрослая девочка ужаснулась бы. Однако у малышки Кэт было большое, мужественное сердце и она не забывала добра. Джон Майnard отнесся к ней так ласково, так щедро угощал ее сладостями, так долго катал на карусели, что она теперь из одной благодарности готова была помогать всем его друзьям. Фэйни слишком поздно остерег приятеля: Кэт успела тонким слухом уловить несколько слов. Этого было достаточно для того, чтобы понять: брат и его дружок готовят какую-то новую подлость товарищу Джона — Робинсону, которого она однажды уже выручила заочно, а теперь увидела и успела почувствовать к нему симпатию.

Кэт беспокойно задвигалась на своем месте, стараясь подобраться как можно ближе к брату: не удастся ли ей подслушать еще что-нибудь? Однако Фэйни соблюдал осторожность и теперь еле слышно шептал Рою:

— Как ты полагаешь, Парк Бийл не раздумает?

— Разумеется, нет,— также шопотом отвечал Рой.— Когда я сказал ему, что Робинсон и его товарищи смеются над тем, что такого горе-спортсмена назначили главным судьей, он прямо позеленел от злости.

— Ох, ну и дипломат же ты! — польстил Фэйни.— Мне бы никогда до такого не додуматься.

Пока они шептались, Кэт тоскливо думала о том, как бы ей незаметно ускользнуть, чтобы успеть предупредить Джона или самого Чарли. Но за ней неотступно следила

миссис Мак-Магон, которая вовсе не хотела выносить язвительные упреки мужа в плохом воспитании дочери.

Пока девочка придумывала, как удрать из-под надзора, в театре наступила тишина, и мисс Вендикс, снова сладкоречивая и сладкогласная, объявила:

— Сейчас перед вами, по установившейся у нас традиции, будут зачитаны имена храбрейших и достойнейших сынов Америки, которые были гражданами нашего города и отдали свою жизнь, для того чтобы могла процветать наша дорогая страна. Это были люди великой душевной красоты, и мы сегодня почтим их память...— И мисс Вендикс приложила к носу крохотный сиреневый платочек.

Клиффорд Уорвик, который заменял заболевшего мэра Партриджа, вышел на сцену. В руках у него был пергаментный свиток. На таких свитках некогда писались папские индульгенции, заранее отпускавшие грешникам все их грехи. Голосом, таким монотонным, что он навевал дрему, Уорвик начал читать имена погибших на войне стонпойнтцев. В зале сидели не дыша: тут были жены, отцы, братья, дети погибших, и каждый с невольной дрожью ждал, когда же произнесут дорогое имя. Салли и Чарли тесно прижались друг к другу: все их чувства были обращены туда, на сцену, где в освещенном кругу стоял вялый толстый редактор и, комкая гласные, гнусава, читал этот печальный список.

Кое-кто в зале уже плакал, вспомнив, что родной человек никогда не вернется и уже не будет веселиться на празднике Весны.

Имена шли не по алфавиту. Здесь, очевидно, существовал какой-то другой порядок, известный только составителям списка. Среди имен погибших не было именитых и состоятельных граждан Стон-Пойнта. Не было по той простой причине, что все они успели во-время укрыться от мобилизации в теплых и безопасных местечках. А пой-ти добровольцем — ну, уж ни один из владельцев крупных предприятий или банков не пошел бы добровольцем, да на него стали бы смотреть как на белую ворону, если бы он так, вдруг, ни с того ни с сего, отправился добровольцем на войну. Кому же не известно, что на войне убивают! А разве хочется человеку, имеющему круглый капитал, быть убитым! Поэтому жертвами войны были люди из среднего и низшего сословия: клерки, приказчи-

ки, мелкие лавочники, страховые агенты, комиссионеры, владельцы киосков и газOLIновых станций. Этих Уорвик упомянул в первую очередь. За ними по списку шли шоферы, грузчики, носильщики, посыльные, лакеи из ресторанов, музыканты, швейцары, рабочие с заводов и ближних ферм. Каждое знакомое имя встречалось сочувственным шопотом, соседи оглядывались на близких погибшего и печально кивали им. И в этом сочувствии было великое утешение, в котором нуждается каждый потерявший близкого.

Чарли взял мать за руку. Как горела и дрожала эта рука! Сейчас, сию минуту будет произнесено имя Тэда Робинсона — и все друзья посмотрят на них и взглядом выразят сочувствие их горю.

Оба — и мать и сын — обратились в слух, каждый нерв их был напряжен. Вот Уорвик дошел почти до самого конца, вот он читает последнее имя... Салли откинулась на спинку стула:

— Чарли... Что же это?..

Но Чарли и сам сидел словно оглушенный. Вдруг он вскочил.

— А почему в списке нет моего отца? — закричал он вне себя от обиды и боли. — Почему его нет? Он тоже погиб за Америку!

Уорвик стоял, растерянно шуря глаза. В зале сначала приглушенно, а потом все явственнее, грознее поднимался гул. Это черные ветераны, оскорбленные тем, что и после смерти для них нет ни равенства, ни справедливости, все громче заявляли о своих правах.

— Это... это, очевидно, недоразумение... Я... я выясню. — Уорвик беспокойно вертел во все стороны головой. — В чем дело, джентльмены?

— Слишком много придется тебе выяснять, продажная душа! — возмущенно закричали из зала. — Подлипла хозяйский! Верно, ты забыл, что у темных кровь такого же цвета, что и у белых! Где ты был, когда люди воевали?

Шум разрастался. Теперь волновался не один только «черный ряд».

Беннет, Гирич и другие рабочие обсуждали что-то громко и взволнованно.

Внезапно наступила тишина.

Все взгляды обратились на широкий средний проход,

по которому, громко стуча деревяшкой, шел высокий, статный негр с засунутым в карман военной куртки правым рукавом. В здоровой, левой руке негр нес серьезного черного малыша лет двух.

— Цезарь! Это Цезарь! — раздались голоса. — Цезарь, скажи ему, что мы обо всем этом думаем!

Среди полного молчания Цезарь дошел до сцены. Несколько рук протянулось помочь ему взобраться на сцену, но он их отстранил.

— Я сам, ребята, — сказал он негромко. — Надо привыкать.

Мисс Вендикс испуганно метнулась со сцены и пропала куда-то. Цезарь даже не посмотрел на Уорвика. Теперь он стоял на самой середине сцены, большой, красивый, освещенный снопами голубоватого света.

— Тут вот сынок моего погибшего товарища Тэда Робинсона жалуется: забыли о его отце, как вообще забыли упомянуть всех негров, которые так же храбро, как и белые, сражались за Америку и отдали за нее свою жизнь, — начал Цезарь. — Но пусть мальчик Чарли не обижается: пусть он узнает, что хозяева и начальники забыли не только мертвых, но и нас, живых. И не только негров, но и живых белых, скажу не стесняясь! — Цезарь повернулся к Уорвику и с улыбкой посмотрел на него: — Вы видите перед собой, редактор, одного из тех дурней, которые воевали и воображали, что после такой страшной войны на земле все люди подадут друг другу руку и наступит всеобщий мир, братство и счастье. А что мы увидели, когда вернулись? Мы увидели, скажу не стесняясь, что все наши надежды пошли на съедение собакам. Мы увидели, что все стало даже хуже, чем прежде...

— Много хуже, парень, даю слово! Много хуже! — раздался из зала чей-то усталый голос.

— Я не говорю о нас, калеках, — продолжал Цезарь, сверкая глазами. — Нас давно уже списали со счета. Но вот они, — он подбородком указал на своего мальчика, — наши дети. Что их ждет? Какая судьба? Я вам выкладываю, ребята, всю правду, как она есть. Я говорю вам: черный или белый ребенок родился в семье бедняка, ему все равно не видать жизни, если мы не возьмемся вовремя за ум. — Он приподнял на левой руке сына: — Этот малыш уже получил боевое крещение, узнал, что значит быть голодным. Он — настоящее дитя Горчичного

Рая.— Цезарь перевел дух и пристукнул своей деревяшкой.— Вот недавно во Франции происходил Всемирный Конгресс сторонников мира. Я знаю, все вы, ребята, рвали друг у друга газеты из рук, чтобы прочитать об этом конгрессе. Еще бы! Все мы довольно повоевали и ни за что не хотим новой войны. И мы радовались, что шестьсот миллионов человек, которые прислали на этот конгресс своих делегатов, того же мнения, что и мы. А наши хозяева, у которых на складах лежит столько военных игрушек, потихоньку, без нашего согласия, подписали военный союз и назвали его Атлантическим пактом. И теперь нас морочат, вбивают нам в голову, будто нас спасают от коммунистов, которые намереваются захватить всю Америку в свои руки. Скажу не стесняясь, нас просто натравливают, как собак, на Советский Союз и пугают красной опасностью, потому что хозяевам не терпится пустить в ход заготовленное оружие и атомные бомбы и получить за них много новеньких долларов.

В зале грозный гул вздымался, словно морской прилив. Цезарь видел обращенные к нему со всех сторон суровые, гневные лица друзей и товарищей по оружию.

— Говори, Цезарь, не смущайся! Все выкладывай, пускай послушают! — раздавались взволнованные голоса.

И Цезарь говорил. Он рассказал о том, как готовятся втихомолку к войне хозяева Америки, как ссорят они между собой белых и черных бедняков, как втихомолку сажают в тюрьмы тех, кто борется за правду. Он рассказал о программе жизни, которую составили для простых людей богачи: работай, как каторжный, набивай карман боссов. Ешь впроголодь. Спи вполглаза. А потом умри. Вот и вся программа, чорт возьми!

И еще он сказал, что если честные люди во всем мире не соединятся и не протянут друг другу руку, хозяева непременно начнут новую страшную войну.

— Правильно, Цезарь! Верно! Не хотим войны! Долой войну и боссов с нею! — загрохотал зал.

В этом волнующемся океане одна только почетная лоджа оставалась бесстрастной и угрюмо ощетинившейся, как необитаемый остров, скалистый и пустой, на котором нет ничего живого.

Впрочем, в самом начале речи Цезаря в ложе происходили бурные споры.

Сфикси и Тернер наперебой уговаривали Босса послать

за полицией и немедленно арестовать наглого негра, который на глазах у всех занимается коммунистической пропагандой и призывает чуть ли не к ниспровержению существующего строя. Мак-Магон и Хомер тоже рвались на сцену, чтобы своими силами расправиться с черномазым, испортившим программу праздника. Даже Фэйни и Рой нетерпеливо ёрзали на своих стульях: им не терпелось принять участие в скандале и расправе над негром. Одна только Кэт, сидя неподалеку от Большого Босса, была внешне спокойна и тиха, как и следует благовоспитанной девочке из хорошей семьи. И никто не замечал, как напряженно прислушивается она к разговору взрослых и как ловит каждое слово Милларда и потом про себя повторяет его, чтобы, боже упаси, не позабыть или не перепутать, когда она будет повторять все эти слова друзьям. Верным инстинктом девочка чувствовала, как будет важно друзьям узнать, что именно сказал Босс по поводу речи Цезаря.

А Босс между тем с полным спокойствием смотрел на своих взволнованных соратников.

— Устарелые методы, Боб,— сказал он кипевшему и брызгавшему слюной Сфикси.— Арестовать этого парня и еще десяток таких крикунов — проще простого. И придумать подходящие обвинения тоже несложно. Но тогда красные газеты и у нас и во всем мире будут вопить о том, что мы действительно боимся коммунистической пропаганды, потому что народ у нас относится к ней весьма сочувственно, и что мы хотим действовать на людей террором, в то время как Советы убеждают только примером своей страны... Вот что скажут красные газеты, если мы будем действовать так, как вы предлагаете, джентльмены. — Он решительно повернулся к сцене: — Оставьте его. Арестовать его мы успеем позже. Пускай он говорит. Мне это даже интересно.— Он пыхнул сигарой.— Я хочу выяснить настроение людей: действительно ли коммунистические идеи стали так популярны у нас в Штатах.

Однако результат наблюдений Милларда был, наверное, не из утешительных, потому что он все больше хмурился и к концу речи Цезаря окончательно помрачнел.

— Объявите перерыв,— сказал он Мак-Магону, когда в буре криков и рукоплесканий Цезаря на руках снесли со сцены.— И скажите, что в парке для всех приготовлено бесплатное угощение. Это мгновенно вытеснит

у них из головы впечатление от речи.— Он обернулся к Сфикси: — Хлеба и зрелищ — вот что нужно толпе. Это знали еще римские императоры, а они неплохо умели управлять своим народом и рабами.— И, обнажив крепкие желтые зубы, Босс сам улыбнулся удачному примеру.— А потом покажите им живые картины, фейерверк, бокс — вообще все, что у вас предполагалось, — продолжал он.— Кажется, Парк Бийл говорил, что будут еще гонки самодельных автомобилей?

— Точно так, полковник,— сказал Мак-Магон, бледный, все еще не пришедший в себя после «скандала», как он мысленно называл выступление Цезаря.

Пришел растерянный Уорвик, на которого сразу набросился Сфикси: почему он не прочел список этих проклятых негров, чтобы они не скандалили, чорт бы их побрал!

— У меня его с собой не было,— оправдывался Уорвик.— Я думал, что это не так существенно.

Миллард ничего не сказал, но так посмотрел на Уорвика, что тот сразу сослался на нездоровье и ушел.

Как только объявили перерыв, Кэт стала потихоньку пробираться между креслами попечителей к выходу из ложи. Однако, на ее несчастье, мать вспомнила о ней:

— Поди сюда, милочка, у меня для тебя есть сандвичи и яблочный пирог.

— Я не хочу, ма,— взмолилась Кэт.— Право, не хочется.

Но мать заставила ее сесть возле себя и глотать несчастные сандвичи. Кэт так свирепо накинулась на них, откусывала такие огромные куски, что мать подумала: «Говорила, что не хочет, а сама, видно, голодна, как волчонок. Ах, дети, дети!» Миссис Мак-Магон и не подозревала, чем объясняется аппетит ее дочери. Как можно скорей покончить с ненавистными сандвичами, чтобы успеть передать друзьям услышанные ею новости,— вот чего больше всего на свете хотела Кэт.

Но когда она наконец справилась с едой и кинулась искать Джона или Чарли, никого из них уже не было.

30. НА СТАРТ

Гонки «табачных ящиков» были назначены на пять часов пополудни. День продолжал быть по-весеннему теплым, но солнце склонялось все ниже, от деревьев и домов

протянулись длинные тени, на Парк-авеню обитатели мавританских и прочих вилл собиралась к пятичасовому чаю — все указывало на приближение вечера.

В Горчицном Раю, в доме Робинсонов, Салли тоже пробовала было уговорить сына выпить чашку чаю, но Чарли только хмуро покачал головой и отмахнулся.

— Да не волнуйся так, — сказала Салли. — Я уверена, они сейчас за тобой приедут. Просто задержались.

Чарли и его мать ушли с праздника тотчас же после бурного выступления Цезаря. Их ожидания были обмануты, они не услышали, как произносят имя отца, доблестно погибшего в бою, и Салли не желала ни минуты больше оставаться в этом зале и развлекаться. Чарли же хотел вернуться домой пораньше, чтобы выкатить «Свирель» из «гаража» и дожидаться грузовика, который должен был приехать и вывезти его машину на старт. Василь, который был менеджером Чарли на гонках, хотел было итти с ним, но Чарли сказал, чтобы он ждал его на старте.

— Жди меня у весов, — попросил он на прощанье. — Мне гораздо важнее, чтобы ты помог мне поставить машину на весы, а то там, того и гляди, что-нибудь обломают.

Остальные друзья собирались на гонки тотчас же после живых картин, чтобы успеть занять лучшие места, у самого барьера. Близнецы и Джон Майнард уже заключили пари с какими-то гренджерскими мальчиками, которые ставили на Мэрфи. Обе стороны с жаром расхваливали своего кандидата и всячески поносили кандидата противника.

Уже больше часа ждут Чарли и мать грузовик, а его все нет и нет.

Старые отцовские часы на столе четырежды хрипло воззвали к Чарли. Часы на церковной колокольне пробили четыре. За ними прозвонили часы на пожарной вышке.

Бой часов резко отдавался в ушах мальчика и заставлял его еще напряженнее прислушиваться к каждому звуку, доносящемуся с улицы, к шелесту автомобильных шин. Вот какая-то машина замедлила ход и как будто собирается остановиться у дома. Салли, встревоженная не меньше сына, распахнула дверь...

— Привезли пиво в аптеку, — сказала она, стараясь

говорить самым беспечным тоном.— Сейчас, наверное, приедут за тобой.

«Свирель» — блестящая, отполированная красавица машина стояла во дворе. Десятки раз подходил к ней Чарли — то протрет замшей лобовое стекло, то поправит резиновый коврик под сиденьем. Он выдумывал для себя еще и еще дела, чтобы хоть чем-нибудь отвлечься от этого тягостного ожидания.

Еще утром Чарли был в самой лучшей спортивной форме — и физически и душевно. Однако сейчас ни один спортивный тренер не был бы доволен его состоянием. Огорчения, испытанные им на празднике, а теперь это бесконечное ожидание измучили мальчика. Он выглядел усталым и далеко не таким, как утром. Салли уже два раза бегала звонить в судейскую коллегию — почему не присылают машину. Каждый раз ей отвечал совершенно посторонний человек, обещал непременно передать, чтобы прислали грузовик, но, повидимому, тут же забывал о своем обещании.

Часы на колокольне пробили четверть пятого.

Салли испуганно посмотрела на сына. Он стоял, прижавшись лбом к окну, и даже не обернулся. Может, попросить кого-нибудь из соседей подвезти «Свирель» к холму Надежды? Но, во-первых, владельцев машин в Горчичном Раю было только два, а во-вторых, и эти двое с утра уехали в парк на праздник.

Салли решительно открыла дверь и вышла на крыльцо. Толстый парень в шляпе, сдвинутой на затылок, вез на грузовике пустые бочки, которые оглушительно грохотали, подпрыгивая и катаясь по платформе. Салли помала ему рукой. Парень притормозил.

— Вам чего, хозяйка? — прокричал он, высунувшись из кабины и морща нос.

Салли подошла ближе и попросила подвезти «Свирель» к холму на старт. Парень был из другого штата и ничего не слышал о гонках. Он вовсе не был автомобильным болельщиком, к тому же черное лицо женщины ему явно не понравилось.

— Некогда мне тут с вами возиться! — сказал он, морщась еще больше.— Вечно эти негры занимаются чепухой!

Салли окончательно пала духом: как она вернется в дом?

Но когда она стояла уже на крыльце, до ее слуха донесся знакомый и такой привычный звук рожка.

— Дядя Пост! — воскликнула она, распахивая дверь настежь. — Дядя Пост — вот кто нас выручит!

Оливковая машина появилась в конце улицы. Дядя Пост катил, зорко поглядывая на дорогу — как бы ненароком не раздавить курицу, собаку или зазевавшегося малыша: ведь здесь, в Горчичном Раю, дети постоянно играли в пыли, посреди улицы. Это не то, что в аристократических районах, где чинные детки прогуливались за решетками садов, на подстриженных лужайках.

Салли помахала ему, и дядя Пост, повозившись немного, обуздал свое чудовище и остановился у дома Робинсонов.

— Сегодня, к сожалению, ничего для вас нет, мэм, — сказал он, свешиваясь с сиденья. — Наверное, вам еще пишут...

Однако, услышав просьбу Салли, он немедленно принял эту просьбу очень близко к сердцу:

— Доставить машину мальчика на старт? Ну, разумеется, мэм, с радостью! Я и сам с удовольствием погладел бы на гонки, если бы не почта. А про вашего знаменитого гонщика я много слышал. Да и про его машину тоже. Славный у вас паренек растет, мэм, дай бог ему здоровья!

Салли сияла. Легкая, как мячик, вбежала она в дом, крикнула Чарли:

— Не унывай, сын! Вон дядя Пост приехал за тобой!

Чарли взглянул на стрелки часов: без двадцати пяти минут пять. Если поторопиться, то через десять минут он сможет быть на старте. И, мгновенно ожив, Чарли выбежал во двор.

Там уже возился старый почтальон, вынимал из багажника трос и прикреплял его к заднему буферу оливкового чудовища.

— Опять, видно, приходится мне выручать тебя, парень, — сказал он, увидев мальчика. — Живей за дело!

Чарли удивленно посмотрел на старика. Почему «опять»? Но долго задумываться было некогда, времени оставалось в обрез.

Увидев во дворе «Серебряную свирель» во всем ее блеске, дядя Пост хлопнул себя изо всей силы по коленке:

— Ну и молодец же ты, парень! Отец у тебя был способный, и ты от него, видать, не отстаешь! Дня два назад смотрел машину Мэрфи — так она много хуже, даю слово.

— А как она выглядит, дядя Пост? — Чарли, нагнувшись, быстро привязывал второй конец троса к крюку, укрепленному на передней части «Свирели».

Старый почтальон покосился на него:

— Торопись, парень, остается двадцать две минуты. Увидишь машину своего конкурента на старте. А от дяди Поста ни-ни — ничего не выведаешь, будь по-коен.

Мать прикрепила к куртке Чарли серебряный значок — трофей прошлогодних гонок. Теперь каждый будет знать, что перед ним победитель. Дядя Пост предложил Салли ехать вместе с ним в кабине, и она с благодарностью приняла это приглашение.

Из ворот выехали без двадцати минут пять. Старый почтальон ехал быстро, но с большой осторожностью. Чарли старательно объезжал малейшие неровности на дороге, потому что «Свирель» была очень чувствительна. У одного из перекрестков светофор оказался перекрытым. Дядя Пост резко остановился. Машина Чарли продолжала двигаться, грозя вот-вот наехать на оливковый автомобиль почтальона. На секунду Чарли растерялся: что делать?

Конструируя «Свирель», мальчик долго обдумывал — делать или не делать на машине тормоза. Даже самые лучшие тормоза уменьшили бы ту легкость хода «Свирели», которой так добивался Чарли. В конце концов он решил их не делать.

А такого случая, как сейчас, он не предвидел. Вот когда нужны тормоза!

Все это с бешеной быстротой промелькнуло в голове мальчика. Он рывком, резко вывернул руль вправо и объехал дядю Поста на расстоянии ладони. Не замедляя хода, «Свирель» вынеслась почти на середину перекрестка и остановилась, задержанная тросом. Встревоженно заревели гудки настоящих автомобилей, которые чуть не наехали на эту маленькую машинку.

Полисмен, дежуривший у перекрестка, неторопливо направился к Чарли. «Ну, теперь начнется волынка! — тоскливо подумал мальчик. — На гонки я уж наверняка

не поспею». Но дядя Пост, вездесущий и спасительный, уже спешил навстречу важному фараону.

— Это моя вина, сержант.— Старый почтальон तो-ропился как можно скорее отделаться от полисмена.— С меня и спрашивайте. Седьмой участок отделения свя-зи. Меня зовут Хэрш.

— Виноваты и вы и мальчик.— Полисмен был невоз-мутим.— Почему у него нет тормозов? И зачем вы взяли его на буксир? Если он направляется на гонки «табач-ных ящиков», то за его машиной должен быть прислан специальный грузовик.

Пока шло это объяснение, Салли и ее сын испытыва-ли одинаковое нетерпение и муки. Но вот полисмен что-то написал в своей книжке, а дядя Пост полез в кар-ман.

«Штраф,— догадалась Салли.— Дядя Пост заплатил за нас штраф».

— Уф! — отдувался дядя Пост, подходя к ним.— Насилу отвязался. Пришлось сунуть доллар в зубы.— Он повернулся к смущенному Чарли: — Скорей давай в машину! Ведь нас ждать не будут, отчаянный ты пар-нюга!

Старт находился на вершине холма Надежды, где, по примеру прошлых лет, были выстроены трибуны для зри-телей и специальная судейская вышка.

Однако зрители заполняли не только трибуны, но и все обочины, крыши всех соседних домов и гранитные барьеры, огораживающие спуск с холма. Гул голосов слышался издалека и перекрывал все городские звуки. С вершины холма далеко виднелось море голов и выстро-ившееся поодаль огромное стадо настоящих машин, на которых приехали зрители, и разноцветные флаги, укра-шающие трибуны, старт и финиш.

Прямое шоссе сперва полого, а потом все круче и круче спускалось в сторону Гренджера, пересекая широ-кий котлован, а затем вновь поднималось по другую сто-рону этого котлована.

В пятистах метрах от старта, уже на горизонтальном участке шоссе, находился финиш — арка, также укра-шенная флагами и надписью: «Привет победителю гонок табачных ящиков!» Здесь на расстоянии фута от земли был протянут шнурок, который должна была разорвать машина, первой прошедшая линию финиша.

Девятиметровое полотно шоссе вдоль всего пути было разбито белыми полосами на три равные дорожки. Обычно со старта отправляли по три машины, и каждой из трех по жребии выпадала правая, левая или средняя дорожка. Тот, кто вытягивал среднюю дорожку, обычно очень радовался. У нее были некоторые преимущества, которые знали гонщики: можно ехать по самой бровке, где полотно не имеет уклона ни вправо, ни влево, да и само полотно в этой части шоссе было ровней, потому что в обычное время здесь меньше ездили и выбоин было меньше.

На самой вершине холма, немного в стороне, на лужайке, огороженной канатами, происходило взвешивание машин и жеребьевка. Все машины, в зависимости от их веса, делились на автомобили первой категории и на легкие, или, как их называли сами ребята, малолитражные, автомобили. Поперек десятичных весов, самых обычных на вид, были положены две доски. Молчаливые и проворные весовщики подхватывали автомобиль под переднюю и заднюю оси и ставили колесами на доски. Хозяин машины хлопотал и волновался, умоляя поднимать его машину осторожней. Традиция не позволяла самому гонщику принимать непосредственное участие во взвешивании, чтобы не «утомляться».

Оливковая машина дяди Поста с грохотом ворвалась на лужайку. За ней на буксире следовал блестящий, похожий на серебряный карандаш автомобиль.

— «Серебряная свирель»! Вот она — «Серебряная свирель»! — загудели зрители, обступившие плотным кольцом весы.

Все бросились к машине Чарли. Его окружала слава победителя прошлогодних гонок, и от него ждали и в этом году победы. Слухи о «Серебряной свирели» уже успели просочиться в среду болельщиков. Некоторые уже заочно заключили пари, ставя довольно значительные суммы на эту еще неизвестную и не виденную никем машину. И вот машина наконец здесь, ее можно рассмотреть, взвесить все ее достоинства и недостатки, даже потрогать руками...

— Слишком легкая...

— Без фар, гляди...

— У этого негритенка вид вполне уверенный...

— Ставлю пятьдесят за него...

Эти и другие замечания слышал Чарли, когда, отвя-
зав трос, двинулся к весам.

Возле каната стояли бледные, изнывающие от беспо-
койства Василь и Нэнси. Они уже потеряли надежду на
приезд друга. Увидев Чарли, оба бросились к нему:

— Отчего так поздно? Что случилось?

Чарли, не отвечая, махнул рукой:

— После скажу... Василь, помоги подкатить машину
к весам.

У Василя сразу оказалась куча помощников: всем
хотелось потрогать красавицу «Свирель».

Смуглый весовщик, знавший Чарли по прошлогодним
гонкам, увидя его, с удивлением сказал:

— Так ты явился, Робинсон! А нам сказали, что в
нынешнем году тебя не будет.

Чарли хотел было расспросить, кто и когда сказал
это, но его тут же оттеснили в сторону.

На весы поставили машину Мэрфи под кличкой
«Скакун».

Взглядом знатока Чарли сразу определил, что это
серьезная конкурентка его «Свирели». Машина была
красива — это признал бы даже самый злостный против-
ник. Выкрашенная в небесноголубой цвет, с высоким ка-
потом, который производил впечатление мощного двигате-
ля, она выглядела очень добротной. Особенно понрави-
лись всем фары и толстые выхлопные трубы — совсем
как у настоящего гоночного автомобиля.

Чарли вспомнил свои колебания, вспомнил, как он
поставил было на «Свирели» фары, как они украшали
машину и как ему было жалко от них отказаться.
Однако он решил в своей машине все подчинить одной
цели — быстроходности.

Каждый лишний выступающий предмет — лишнее
сопротивление воздуху, значит потеря скорости. Все лиш-
нее должно быть убрано. А эти фары и труба — к чему
они?

— Сто девять с половиной фунтов. Первая катего-
рия, — объявил громко весовщик.

Возле «Скакуна» зашевелились менеджеры Мэрфи,
среди которых Чарли узнал рябого Дика. Внезапно Дик
поднял голову и встретился глазами с Чарли.

Густая краска медленно залила щеки, шею, уши
Дика. Он что-то быстро проговорил одному из своих

мальчишек и тотчас же отошел в сторону, туда, где кучка гонщиков ожидала результатов взвешивания. Там рядом с Мак-Магоном младшим и его другом Роем Мэйсоном стоял Мэрфи в настоящем гоночном шлеме и щегольском спортивном костюме. Вся эта группа сблизилась головы и принялась о чем-то горячо шептаться, изредка поглядывая в сторону Чарли.

— А Мэрфи точит на тебя зубы,— сказал Василь, подойдя к другу.

Дядя Пост, собираясь уезжать, тоже дал Чарли, по собственному его выражению, «деловой совет»:

— Если попадешь в одну тройку с Мэрфи, старайся не подъезжать к нему слишком близко... Я тут кое-что про него узнал. Это парень не из самых лучших.

Чарли рассеянно кивнул: он смотрел на мать.

Салли собиралась итти вниз, к подножию холма, ближе к финишу. Оттуда она будет следить за сыном и молить у судьбы победы для него.

— Ну, мальчик, желаю... — начала было она, но тут же суеверно замолчала. — Нет, я ничего не буду тебе желать.

И Салли, крепко стиснув руку сына, отправилась вниз по склону, туда, где уже волновалась густая толпа болельщиков и зрителей.

Дядя Пост уехал с величайшим сожалением: старику очень хотелось посмотреть на торжество Чарли, который успел ему еще больше понравиться в этот день.

Между тем Василь уже вкатывал на весы «Серебряную свирель», и компания Мэрфи повернулась и следила во все глаза за результатом этого взвешивания.

— Первая категория, — снова громко объявил весовщик. — Сто два фунта.

После того как все машины были разбиты по категориям, гонщики направились к судейскому столу на жеребьевку.

Внизу, под судейской вышкой, на столе стояли две урны. Каждый из гонщиков опускал руку в урну и вытаскивал билетик, который ему тут же обменивали на большой, вырезанный из бумаги номер. Этот номер нужно было наклеить на машину.

В этом заключалась первая часть жеребьевки. И здесь были свои радости и огорчения: каждый хотел вытащить «счастливый номер».

— Робинсон, какой номер был у вас в прошлом году? — допытывалась у Чарли кучка младших мальчиков — владельцев малолитражек.

— Я вытащил тогда седьмой, — сказал Чарли улыбаясь. — Как видите, мне с ним повезло.

— Ох, как бы я хотел тоже вытащить седьмой! — вздохнул совсем маленький мальчик в полосатом картузике.

— Чарли, помни: самый счастливый номер — тринадцатый, — шептала в самое ухо друга Нэнси, неизвестно как пробравшаяся к судейскому столу. Она тихо обратилась к Василию: — Ты отдал Чарли мой талисман — лиловую собачку?

Василь немного смутился.

— Нет еще, — пробормотал он и с явной неохотой полез в карман. — Вот она, твоя собачка. Отдай ему сама.

Чарли почувствовал в руке небольшой твердый предмет. Он мельком взглянул: это была стеклянная лиловая собака с бриллиантовыми глазами, смотрящими серьезно и доброжелательно.

— На счастье, — прошептала Нэнси. — Это очень хорошее животное.

— Конечно, талисман — это глупость, — пробормотал торопливо Василь, — но ты все-таки возьми, Чарли, сделай ей удовольствие.

— Твое имя? — спросил Чарли один из судей, готовясь внести его в список явившихся гонщиков.

— Чарльз Робинсон, сэр.

Сидевший в центре стола главный судья — белокурый, крепко сбитый человек — поднял голову и, неприязненно усмехнувшись, уставился на Чарли.

— Это ты взял первенство в прошлом году? — продолжал спрашивать помощник, делая отметку в списке.

— Я, сэр, — ответил Чарли.

Главный судья нагнулся и зашептал что-то помощнику. Тот, в свою очередь, нахмурился и резко обратился к мальчику.

— Твоя машина отвечает всем требованиям комиссии? Ты получил разрешение участвовать в гонках?

— Конечно, сэр, — сказал удивленный Чарли.

Однако судья не поверил ему, затребовал паспорт «Свирели» со всеми ее данными и начал придирчиво изучать его. Чарли не мог притти в себя от изумления.

Только что такие обязательные, такие любезные, шутившие со всеми гонщиками, судьи вдруг сделались сердитыми и грубо допрашивали его о вещах, вовсе не идущих к делу: где, например, брал он материалы, из которых построена его машина? Не краденые ли это материалы? Мельком он уловил несколько слов, сказанных главным судьей, в которых повторялось слово «негр».

— Можешь выводить свой «ящик» на старт, — угрюмо и как бы нехотя сказал ему наконец один из судей, проверив все до мельчайших подробностей. Придаться было не к чему, и мальчика приходилось волей-неволей допустить к состязаниям.

— Ну, что стоишь и смотришь на урну? Бери номер и дай место другим! — прикрикнул на Чарли главный судья, глядя на него все более неприязненно.

Мальчик опустил руку в урну, машинально взял билет, машинально взглянул на номер — второй. В голове было ощущение пустоты. «Может быть, бросить все, уйти, не добиваться победы?» мелькнула малодушная мысль. Он повернулся, чтобы сказать это Василию, но вместо друга он увидел ухмыляющуюся физиономию Мэрфи.

И тотчас же гнев, желание борьбы, желание доказать свою волю, свои способности и выдержку вспыхнули в нем с новой силой. «Нет, так просто меня не сломаешь! Мы еще поборемся, ты еще узнаешь, каким может быть негр!»

И Чарли с вызовом посмотрел на соперника.

31. ГОНКИ «ТАБАЧНЫХ ЯЩИКОВ»

— Внимание! Внимание! Тотчас же после окончания соревнований малолитражных машин состоятся гонки машин первой категории. Всего соревнуются одиннадцать машин. Состоятся четыре заезда — по три машины в каждом. Последние две машины будут соревноваться на боковых дорожках.

Радиорупоры кричали во все горло. Толпа, подогретая уже предварительными процедурами, гудела, волновалась, азартно спорила и азартно заключала пари. Большинство ставило на прошлогодних конкурентов.

— Смотри, Дональд, опять попадешься, как в прошлом

году. И охота тебе ставить на этого Мерфи! Я вот поставил на Робинсона и спокоен: этот меня не подведет. Поглядел бы ты на его машину — красота! — говорил обливающийся потом толстяк в помятой шляпе своему приятелю — очень угрюмому и нервному субъекту с галстуком-бабочкой.

— Принципиально не желаю ставить на черномазого, — отозвался тот, сворачивая галстук чуть не к самому уху. — Пускай потеряю, зато на своем.

— Ну и дурень, — хладнокровно констатировал толстяк. — Не все ли равно, на ком наживать деньги — на черном или на белом! Деньги не пахнут! — захохотал он.

Разговор этот шел у самого барьера, огораживающего шоссе, на котором происходили гонки. Весь барьер, на всей дистанции, был облеплен взрослыми и ребятами, сбежавшимися и приехавшими не только из города, но и из соседних местечек и ферм. Все друзья Чарли были уже на месте: Пабло со своей семьей, Квинси с близнецами, которые никак не могли стоять спокойно и ныряли то тут, то там в толпу, ища более удобного местечка. Квинси стоял рядом с Салли Робинсон и сочувственно поглядывал на нее. Он отлично понимал ее состояние.

— Не волнуйтесь так, мэм, — сказал он ей. — Ваш Чарли не подведет — не такой он парень. Я это и своим мальчикам каждый день говорю: берите, мол, пример с Робинсона, я буду только доволен.

— Благодарю вас. — Салли благодарно взглянула на него. — У вас тоже отличные ребятки, и они большие друзья Чарли... Нет, я не волнуюсь, мистер Квинси.

— А вот и неправду говоришь, дочка. — Цезарь, незаметно подошедший вместе с Темпи, взял Салли за руку. — Пульс так и прыгает, как говорил наш полковой доктор.

— Ох, Цезарь, вы замечательно выступали, но я очень за вас боюсь, — сказала Салли, живо оборачиваясь к нему. — Я все время смотрела на Большого Босса и дрожала за вас — он сидел волк волком и готов был сожрать, проглотить вас.

— Не проглотит — подавится! — засмеялся Цезарь. — Если бы дело шло об одном негре Цезаре, так его бы давно не было, но, к счастью, нас много и с нами теперь не так-то легко справиться. — И он лукаво подмигнул Квинси.

Немного поодаль от них Мери Смит нетерпеливо спрашивала у Джоя:

— Когда же наконец начнется? Когда поедет Чарли? Я прямо не доживу, кажется...

— Доживешь, — хладнокровно отвечал Джой. — Вон, гляди, сейчас начнутся заезды малышей. Их малолитражки уже на помосте.

Толпа зашумела сильнее, все вытягивали шею и становились на носки, чтобы лучше видеть. Действительно, на наклонном помосте устанавливали первые малолитражки, которые должны были открывать гонки. На этом помосте автомобили удерживались особым рычагом, который потом, по сигналу судьи, мгновенно отводился в сторону, давая свободу машинам. Такое устройство было введено недавно. Еще года два назад машину каждого гонщика толкал по сигналу менеджер, и она уже по инерции катилась дальше. Поэтому результат гонок зависел не от ходовых качеств машины, а от силы толчка, которым менеджер отправлял в путь «своего» гонщика.

— На старте малолитражные машины. Номер первый — Виллиам Хойт, номер второй — Роберт Хансен, номер третий — Поль Годфрей, победитель прошлогодних состязаний малолитражек, — объявил резкий голос радиодиктора.

Раздался выстрел, и маленькие машинки скатились с помоста. Толпа закричала, замахала руками, подбодряя гонщиков. Фотографы местных и гренджерских газет выбежали на дорожки и, припав на колени, фотографировали соревнующихся. Кинооператоры крутили ручки своих аппаратов, радиодиктор комментировал каждый участок гонок, пройденный машинами. Наши друзья, несмотря на то что машины малышей интересовали их значительно меньше, все же азартно следили за состязанием и изо всех сил старались сохранить свои «выгодные» места.

— Я буду пока молиться за Чарли... Я буду молиться, не мешайте мне. — Мери Смит закрыла глаза.

Джой Беннет расхохотался:

— Что ж, ты так и будешь стоять с закрытыми глазами? Как же ты увидишь гонки?

Мери Смит открыла глаза.

— Правда. Я об этом и не подумала, — сказала она грустно. — Ну хорошо, я попробую молиться с открытыми

глазами, только ты, уж пожалуйста, не смейся надо мной.

Но Беннету в этот момент было не до смеха: какой-то человек совершенно заслонил от него своей спиной всю дистанцию. Надо было во что бы то ни стало пробиться снова вперед. И Джой начал изо всей силы действовать плечами и локтями,

Наверху, у самого помоста, собралась группа гонщиков постарше, ожидавшая своего заезда. Тут были и Чарли с Василем. Мальчики разговаривали с двумя подошедшими к ним джентльменами—мистером Ричардсоном и доктором Рендалем. В такую ответственную минуту учитель не мог оставить своего любимца без напутствия. Полтора часа назад, сидя в театре, Ричи и его друг доктор поняли, какое страшное разочарование должен был пережить Чарльз Робинсон, не услышав имени отца среди тех, кто погиб за родину. И учитель тут же решил непременно отыскать мальчика на старте и обласкать его, показать ему, что друзья о нем думают.

Теперь он и доктор наперерыв старались ободрить Чарли.

— Хотелось бы мне сейчас быть на твоём месте, Чарльз,— говорил Ричи.— Бывало в колледже перед спортивными состязаниями я чувствовал себя, как солдат перед атакой. Я всегда был уверен в победе, и это помогало мне действительно побеждать. Как-нибудь ты придешь ко мне, и я покажу тебе все мои спортивные трофеи: жетоны, кубки, дипломы...

— Как странно, сэр, ведь вы никогда не говорили нам об этом! Правда, Василь? — Чарли повернулся к другу, который молча кивнул, не сводя синих глаз с учителя.— А мы думали, что вы любите одни книги и никогда не увлекались спортом.

— О, мистер Ричардсон — знаменитый чемпион, мальчики! — вмешался, смеясь, доктор. — Пусть он расскажет вам про свой матч с советскими моряками.

Ричи с шутливым возмущением замахнулся на Рендала:

— Опять? Вы же обещали, док, больше не дразнить меня! — Он обратился к мальчикам: — Я неосторожно рассказал мистеру Рендалю, как во время войны мы встретились с советскими моряками на водном поло. Я был вратарем, и матч получился вничью, но в этот

день я наглотался столько воды, что с тех пор никогда не испытываю жажды. И вот док, не переставая, дразнит меня этим матчем.

Мальчики смеялись. Ричи взглянул на часы:

— Пора занимать места на трибунах. Скоро ваш заезд. Ну, Чарльз, желаю победы! — И он крепко, по-мужски, тряхнул руку Чарли.

— Гляди, гляди, Ричи опять лижется со своим чернокожим любимчиком! — Фэйни, стоявший в толпе зрителей неподалеку от помоста, подтолкнул Роя. — И доктор Рендаль тоже... Гляди, руку ему жмут!

— Не теряй из виду эту парочку, — сказал Рой, хмуря тонкие брови. — Помнишь, что сказал старый Миллард о выслеживании стай? Мне этот ваш Ричи давно подозрителен. Готов поставить всю будущую получку за то, что он самый настоящий коммунист.

— Что ты говоришь! — оживился Фэйни. — Поставишь всю получку? Гм... — Фэйни с сомнением взглянул еще раз на учителя. — Я бы держал с тобой пари, да уж больно ненадежен Ричи. А вдруг он и вправду коммунист?.. Нет, уж не буду с тобой спорить... По-моему, и док тоже красный... За ними надо смотреть, это ясно. А потом, если мы откроем какой-нибудь заговор, ты понимаешь, как мы прославимся! Весь Стон-Пойнт о нас будет знать! — И Фэйни блаженно растянул рот до ушей, мечтая о будущих лаврах.

Вдруг он снова встрепенулся и толкнул приятеля:

— Рой, она тоже пришла! И туда же — к черномазому!

— Кто «она»?

Рой оглянулся и тотчас же увидел Пат Причард, которая стояла возле Чарли и что-то говорила ему. Королева Весны была уже без короны. Видно, ей пришлось быстро бежать, чтобы ускользнуть от всевидящего ока матери. Ее медные локоны были спутаны и небрежно рассыпались по плечам, бледное лицо покраснелось. Она часто-часто дышала и говорила чуть задыхаясь, как будто и сама не знала, что скажет в следующую минуту.

— Вот... Чарли... я пришла... Только клюшку... клюшку не успела захватить. Она... дома осталась... клюшка. Но я принесу ее тебе, непременно принесу...

— Это не важно. — Чарли не поднимал глаз. — Сейчас наш заезд.

— Да, я знаю.— Пат чертила носком туфли по земле.— Чарли, так ты больше не сердись на меня? Я буду о тебе думать, когда ты поедешь.

Она подняла голову. На Чарли смотрели светлые глаза, окаймленные длинными ресницами. Сама королева выпрашивала прощение у него, у черного мальчишки, которого все готовы презирать!

— Дай руку,— сказал Чарли.— Ну вот, Пат, теперь все в порядке.

Василь с неодобрением следил за этой сценой. Нет, он не доверял королеве, он верил только одной девочке, которая стояла где-то там в толпе и, наверное, бормотала, чудачка, какие-нибудь «заклинания», которые должны принести их другу победу.

— Пора садиться в машину, Чарльз.— Василь держался со всей официальнойностью настоящего менеджера.

Чарли еще раз кивнул королеве и направился к старту.

Снизу морским прибоем подымались рукоплескания, слышались веселые крики: это приветствовали победителя малолитражных гонок Поля Годфрея, того самого малыша в полосатом картузике, который спрашивал у Чарли, какой «счастливый» номер выпал ему в прошлом году.

— Начинаем соревнование машин первой категории! — объявляет диктор.— Внимание! В первом заезде участвуют три машины. Номер первый — Лейстер Скалли, автомобиль «Ласточка». Номер второй — Чарльз Робинсон, автомобиль «Серебряная свирель». Чарльз Робинсон, леди и джентльмены, является победителем прошлогодних гонок «табачных ящиков». И, наконец, третьим номером идет машина Питера Мэрфи — «Скакун». Внимание! Сейчас будет дан сигнал старта!

— Кто такой этот Лейстер Скалли? Ты его знаешь? Нет? Откуда он взялся? — торопливо расспрашивали друг друга «свирелисты», с беспокойством поглядывая на помост, где уже выстроились три машины.

Никто не знал Лейстера Скалли, но тут у барьера появился взъерошенный, но очень довольный своим новым наблюдательным пунктом Джой Беннет.

— Это один парнишка из Верхнего города,— сообщил он.— Так, маменькин сынок. И аппарат у него не

из важных, я видел... Чарльзу не приходится бояться, даю слово.

Между тем на старте ждали только сигнала. Возле гонщиков теснились теперь одни только менеджеры, давая последние указания. Менеджером Лейстера Скалли был его собственный папа — высокий, представительный джентльмен профессорского вида. В эти последние секунды он старался вдохнуть хоть немного энергии в своего вялого на вид мальчика. Машина Лейстера — небольшой легкий автомобиль мышиного цвета — выглядела довольно жалкой рядом со «Свирелью» и «Скакуном». Лейстер завистливо поглядывал на конкурентов и, видимо, все более и более терял надежду на победу.

— Помни: мы все ставим на тебя, Лейстер. И мама, и я, и тетя Аннабель — мы все поставили много долларов на твою машину, — говорил ему отец. — Не забывай об этом, дитя мое.

— Не забуду, папа, — пропищал из машины Лейстер, возясь со шлемом.

Мэрфи с сиденья своего «Скакуна» высокомерно поглядывал на окружающих.

Его менеджер — Дик — что-то оживленно нашептывал ему, и Мэрфи время от времени кивал, косясь в сторону Чарли, спокойно сидевшего в своей машине.

Снова раздался пистолетный выстрел. Опора опустилась, и освобожденные машины одновременно скользнули на полотно шоссе. Все сильнее набирая скорость, они покатили вниз по холму Надежды, окаймленному по обеим сторонам густым барьером зрителей и болельщиков.

— Пошли! Пошли! — заколыхалась, забурила толпа. — Давай, давай!

— Не надо! Погодите! Чарли, Чарли, вернись! — раздался отчаянный вопль.

Но он тотчас же потонул в общем крике болельщиков, старавшихся подогреть своих кандидатов. Все взгляды были устремлены на три движущиеся точки. И когда к опустевшему помосту вырвалась вся измятая, растрепанная девочка с апельсиновыми кудряшками, она нашла там только меланхолического метельщика, который собирал в кучу билеты, конфетные обертки и разный мусор. Все, кто не находился на трибунах, устремились вниз, к финишу, чтобы увидеть самый интересный момент гонок.

— Поздно! — простонала девочка. — Опоздала! — И она уселась прямо на землю, не обращая внимания на кучи мусора. — Что теперь будет? Что будет?

— Может, ничего еще и не случится. Может, обойдется.

Над девочкой склонился молодой мулат в индейских, вышитых бисером мокалинах. Это все, что осталось у Джона Майнарда от его великолепного костюма индейского вождя. Где он позабыл свой величественный головной убор, трубку и пояс, он и сам не знал в этот утомительный и тревожный день. Да и не до того ему сейчас было!

Он тронул Кэт за плечо:

— Не огорчайся так. Ведь ты не виновата, ты старалась успеть во-время, я знаю.

— Да, да, я так старалась, я так спешила! — Кэт закрыла лицо руками, и слезы заструились у нее между пальцами. — Мама сидела надо мной, как ча.. часовая.

— Пойдем вниз. В случае чего, мы побежим к нему на помощь, — сказал Джон и тихонько потянул девочку за собой.

Кэт послушно встала, и они побежали вниз, туда, откуда глухо, приливами, доносились смутные крики:

— Да-вай! Ско-рей! Ско-рей!

А в это время тот, который причинил все эти тревоги, и не подозревал о грозящей ему опасности. Он видел перед собой только одну цель — белый шнурок финиша, которого надо достигнуть.

Едва машина его получила свободу и пришла в движение, Чарли, чтобы разогнать ее, начал раскачиваться на сиденье, как на качелях. Мэрфи и Лейстер прибегли к тому же способу. На первом отрезке пути все три машины шли вровень. Затем вперед начала постепенно выдвигаться машина Лейстера. Несмотря на то что Чарли знал: автомобиль Лейстера легче и поэтому быстрее разгоняется, смотреть на это было неприятно, и мальчик начал невольно волноваться.

«Чепуха! Не надо об этом думать. Надо думать только о дороге», говорил себе Чарли.

Все быстрее и быстрее идет автомобиль. Чарли перестает раскачиваться и опускается как можно ниже на сиденье: надо уменьшить лобовое сопротивление. Теперь,

когда его глаза на одном уровне с капотом «Свирели», Чарли уже не может следить за дорогой перед собой, да это и не нужно. Сквозь руль он ясно видит уходящую вниз среднюю дорожку, похожую на рельсы из-за окаймляющих ее белых линий, толпу на обочинах и там, дальше, заветную арку финиша. Втянуть голову в плечи, сжаться еще больше! Все внимание — вперед!

«Она сказала, что будет думать. Она, наверное, где-нибудь здесь. Стоит, смотрит, может быть тоже волнуется...»

Ура, отстал Мэрфи! Чарли не может обернуться, но, по его расчетам, Мэрфи находится метрах в десяти позади. Он косится вправо: кажется, и Лейстер начинает отставать. Ветер слегка посвистывает в ушах. «Километров тридцать в час», быстро отмечает про себя мальчик. Пневматические шины легко несут «Свирель», делают незаметными мелкие камешки и выбоины. «О, милая, дорогая, еще, еще прибавь ходу!» тихонько бормочет Чарли. И, точно услышав его мольбу, «Свирель» все ускоряет ход. Держать дорогу, не вылить — вот в чем теперь главная задача. А ветер уже свистит в ушах, и Чарли мельком отмечает, что машина идет со скоростью сорока километров в час.

— Да-вай! И-ди! Ско-рей! — доносит ветер крики зрителей.

«Молодец, моя «Свирелька», молодец!» с нежностью шепчет Чарли. Лицо его горит от ветра, губы пересохли. Уже ближе, ближе арка, можно разглядеть даже белый шнурок. Лейстера не видно. Значит, победитель он — Чарли! Нет, нет, еще рано думать об этом, еще далеко лента финиша!

Резкий толчок в переднее колесо. Дернулся руль. Чорт, камень! Не могли очистить как следует дорожку!

Но что же это? Машина, вильнувшая от толчка, не хочет вернуться к бровке. Чарли напрасно вертит руль влево: «Свирель» продолжает забирать в правую сторону. Спокойно, спокойно, только не волноваться. Потеряно управление? *Потеряно управление?!*

«Свирель» неотвратимо приближается к белой черте.

— Эй, парень, куда ты! Куда лезешь! Езжай по своей! — слышит Чарли.

Это ему кричат, даже грозят кулаками. Там еще ничего не понимают.

Ох, как пересохли губы, как хочется пить! Чарли все крепче вцепляется в руль. «Свирель» уже пересекла белую черту и теперь несется по правой дорожке впереди первого номера, на котором сидит ни жив ни мертв от страха Лейстер Скалли. Он тоже ничего не понимает, но смертельно боится и уже кричит и вопит, чтобы его услышали и выручили. Чарли не слышит этого вопля, ветер свистит со всей силой в его ушах. Спокойно, спокойно, только не волноваться!

— Мальчик!.. Мальчик мой!..

Кто это поднимает темные руки? Кто понял там, в толпе, что мальчику грозит смертельная опасность?

Спокойно, спокойно, спо...

На всем ходу «Свирель» врзается в гранитный барьер шоссе, отскакивает от него и опрокидывается вверх колесами. Точно снаряд, пущенный из орудия, вылетает из нее гонщик и расплывается на асфальте.

Маленький Лейстер старается изо всех сил повернуть свою «Ласточку» влево, но его правое колесо задевает опрокинутую машину, и колесо это мгновенно отваливается. «Ласточка» чертит по асфальту широкую дугу и, почти уже остановившись, начинает вдруг медленно заваливаться набок. И так же медленно, словно раздумывая, из нее выпадает Лейстер Скалли.

Истошно воеет сирена санитарной машины. Застывшие было, словно в столбняке, люди теперь прыгают через барьер и мчатся к месту аварии.

Одними из первых на шоссе оказываются темнокожая женщина и синеглазый менеджер Чарли.

— Ничего, вы не бойтесь, это ничего. Он жив, мэм, уверяю вас, он жив,— бормочет Василь, и неизвестно, кого хочет он успокоить — мать друга или самого себя.

— Лейстер! Лейстер! — взывает высокий джентльмен, потеряв на бегу золотые очки.

За ним по пятам бежит тоненькая девочка с орехово-смуглым, а теперь серым от ужаса лицом.

— Неужели моя собачка не уберегла его? — бормочет она и торопит вторую девочку: — Скорей, скорей! Может быть, мы еще спасем его!

Но эта вторая вдруг останавливается, откидывает со лба медные пряди и говорит жалобно и решительно:

— О нет, Нэнси, я не могу итти туда... Нет, не тащи меня... Я... я боюсь крови... А там будет кровь, я знаю...

32. ОПЯТЬ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

С тех пор как мы заглядывали в эту книжку, она еще больше истрепалась и распухла от разных записей и вкладок. И на этот раз в ней лежит какая-то бумажка, сложенная вчетверо, которую нам очень хочется развернуть.

«Заключение экспертной комиссии по делу об аварии, имевшей место на гонках «табачных ящиков» в городе Стон-Пойнте ...мая ...года ...» Сухое, казенное заглавие. Однако мы все-таки продолжим наше чтение, не так ли?

Результаты экспертизы:

По осмотре самодельного автомобиля первой категории участника гонок Робинсона Ч., представившего свою машину под названием «Серебряная свирель», оказалось, что левая рулевая тяга означенного автомобиля оборвана. Это и послужило непосредственной причиной того, что машина, вопреки усилиям гонщика выровнять ее, резко пошла вправо и в результате налетела на гранитный барьер.

Обследование рулевой тяги, проведенное мной, старшим инспектором Э. Л. Доусоном, и мной, членом жюри А. Конли, не дало никаких новых показателей, несмотря на утверждение менеджера пострадавшего гонщика Робинсона школьника В. Гирича, что тяга якобы надрезана каким-то острым предметом, скорее всего бритвой.

По настоянию того же упомянутого В. Гирича, были вызваны и опрошены другие гонщики и их менеджеры, но никаких свидетельств, подтверждающих наличие злого умысла с чьей-либо стороны, они не дали. Таким образом, остается предположить, что бечева тяги перетерлась во время следования на старт, причем обрыв тяги последовал при спуске с холма Надежды.

Экспертиза окончательная и может быть повторена только по настоянию главной судейской коллегии.

Подписали:

Старший инспектор Э. Л. Доусон.

Член жюри А. Конли»...

Поперек этого листка размашистым, энергичным почерком выведено:

«Конли, все это чепуха и очередные негритянские выдумки. Нечего устраивать поиски каких-то диверсий. Негр просто не умел держать дорогу и потому свернул себе шею. Главный судья Парк Бийл».

На бумаге стояла официальная печать городского управления. В записной книжке шло несколько страниц, исписанных рукой ее владельца и испещренных многими пометками, как будто писавший очень волновался или торопился:

«Они были точно глухие и слепые. Мы им показывали тягу, один конец которой разлохматился, а на другом всякому был виден свежий срез, но они как будто не хотели ничего этого видеть и сказали, что нам это все чудится. Потом и я, и Беннет, и Джон Майнارد, и Пабло Де-Минго начали говорить, что нужно спросить тех, кто участвовал в заезде, а также их менеджеров. Они на это согласились, только видно было, что им очень неохота и скучно возиться со всем этим. Когда пришли Мэрфи и Дик, даже слепой мог увидеть по их лицам, что дело нечисто. Но инспекторы и тут ничего не увидели, и когда эти парни сказали, что знать ничего не знают, их отпустили. Тогда мы решили, что будем действовать сами. Мы собрали ребят Восточной окраины и рассказали им все дело. Некоторые слышали, а многие даже были на гонках и видели, как разбился Чарли. Но никто не мог нам сказать ничего, что бы нас интересовало. И когда мы уже совсем потеряли надежду, вдруг пришла к нам в дом Темпи, жена Цезаря, со своим вторым мальчиком, которого зовут Аллан. Оказывается, Аллан постоянно торчит возле пустыря, строит там у лужи какую-то мельничку или что-то в этом роде. И вот в день праздника он тоже был там, потому что закапризничал и Темпи в наказание оставила его дома. Он и пошел к своей мельничке и там потихоньку ревел и бранил на чем свет стоит своих родных за несправедливость. А потом видит — какой-то рябой мальчишка шныряет у сарая Робинсонов и что-то разнюхивает. На Аллана он и внимания не обратил, потому что кто же обращает внимание на такого малыша! А малыш этот все примечал.

Мальчишка подошел к задней стенке сарая, отодрал доски и полез внутрь. Аллан хотел было закричать: «Держите вора!», но сообразил во-время, что дома одни куры и собаки и ему не поздоровится, если он подымет крик. Он и предпочел промолчать. Мальчишка пробыл в сарае совсем недолго, а когда вылез, тихонько свистнул. И тотчас же кто-то за углом тоже засвистел. Аллан хотел было рассказать об этом дома, но его мать и отец

вернулись поздно, ему сразу дали конфет и яблоко, и он так этим занялся, что совсем обо всем позабыл. А вчера, когда Темпи опять рассердилась на него за что-то и нашла его, он вдруг все и вспомнил. Тогда Цезарь сказал, чтобы она сейчас же вела его к нам и чтобы мы потом шли к главному судье, которого зовут Парк Бийл. Пусть он вызовет рябого Дика, и пусть Аллан скажет, тот ли это мальчишка, который был в сарае в день праздника.

Я позвал Джоя, и Мери, и Нэнси, и Джона, мы дали Аллану большое яблоко и сказали, что дадим ему много яблок и сластей, если он расскажет все, что говорил нам, одному белому дяде. Аллан совсем ничего не боялся и сказал, что, конечно, он расскажет.

Тогда мы все пошли в банк, где этот Бийл, оказывается, директор. Нас к нему не пустили, и мы ждали его на улице очень долго. Потом, когда он вышел, мы пошли к нему и стали ему все это дело рассказывать.

Мы велели Аллану рассказать все, что он видел в день гонок, но он очень устал стоять так долго на улице и ждать и потому начал что-то путать и говорить непонятное. Мистер Парк Бийл краснел и краснел, и мы старались на него не смотреть. Как только он услышал, что дело идет о Робинсоне и об аварии на гонках, он очень рассердился и велел Аллану замолчать. «Вы что,— спрашивает,— пришли сюда просто отнимать у меня время, ребята? И это ваш «свидетель»! Вы что, смеетесь, что ли? Да кто же примет всерьез показания негритенка, который еще «папа-мама» не научился выговаривать как следует! Ваш Робинсон сам виноват в катастрофе, и мы еще в этом деле разберемся и привлечем его за то, что он подвел другого гонщика и чуть его не искалечил. Идите-ка вы, ребята, отсюда и благодарите бога, что у меня мягкий характер, а то пришлось бы вам познакомиться с моим швейцаром».

И еще он сказал, что эта негритянская история действует ему на нервы и он настоятельно просит больше его не беспокоить. Потом он сел в автомобиль и уехал, а мы остались на улице. Аллан совсем расхныкался и не хотел ни конфет, ни яблок, а только просился домой, к маме. И я понес его на спине, потому что он очень устал.

У нас дома я рассказал обо всем отцу, а он даже нисколько не удивился и сказал, что так оно и должно быть здесь, в Америке, где сами хозяева сочиняют законы и справедливость существует только для богатых.

Отец последнее время повеселел, все что-то бормочет себе под нос. Вчера вдруг показывает мне фотографию какого-то красивого дома, похожего на дворец. Под фотографией подписано: «Университет в г. Ужгороде Закарпатской Украины».

Спрашивает меня:

— Хотел бы ты, сынку, учиться в том университете?

Я рассердился:

— Ну что ты спрашиваешь! Знаешь ведь, что университеты не для нас с тобой. Будь доволен, если мне хоть школу дадут кончить, чтоб я был грамотный.

А он вдруг смеется:

— А вот и брешешь, сынку мий! Тот университет для нас и для всех простых людей. Вот возьмем мы с тобой, сынку, да и махнем туда, на родину...

Я так и впелся в него. Но он ничего больше не стал говорить, только подмигивал да усмехался.

Каждый день мы ходим в больницу — узнавать о здоровье Чарли. К нему еще никого не пускают, но говорят, что он уже начал открывать глаза. Раньше думали, что он умрет, потому что была разбита голова. А потом врачи сказали, что нужно долго лежать: у Чарли сотрясение мозга.

Наверное, ему очень навредило, когда мы с ним ездили по городу. Мы ездили очень долго, и миссис Робинсон просила останавливаться возле каждой больницы и сама выходила просить, чтобы приняли ее сына. Но у некоторых больниц не было отделения для цветных, а в «белое» отделение ни за что не хотели принять негра. А в других больницах цветные отделения были уже давно переполнены и не было ни одного места. Так мы ездили и ездили, и Чарли стонал, а его мать все молчала и только ломала руки, и я очень боялся, что Чарли вот так, в машине, умрет. Наконец мы нашли маленькую больницу на Восточной окраине, к нам вышла сестра и сказала, что можно принять больного, но нужно внести деньги вперед, а то все эти больные из Горчицкого Рая норовят лечиться на даровщинку, а потом удрать из больницы, не заплатив ни цента.

У миссис Робинсон не было с собой денег, и я побежал домой. Мистер Ричардсон и мистер Квинси приехали прямо с гонок и вместе с моим отцом побежали в больницу, заплатили деньги и помогли внести Чарли.

Мистер Квинси был ужасно сердитый, накричал на сестру в халате и сказал, что обо всем напишет в газету.

На следующий день он, и правда, пошел к редактору, по имени Клиффорд Уорвик. Это тот самый джентльмен, который на празднике читал список погибших на войне стонпойнтцев. Он сказал Квинси, что больница была вполне права, потому что никто никого не обязан лечить даром. Пускай, мол, Квинси не чудит, а занимается лучше своими собственными делами.

Потом он стал выговаривать мистеру Квинси за то, что он, природный американец, так возится с неграми. Я слышал, как Квинси говорил отцу, что у него прямо руки чесались надавать пощечин этому Уорвику.

Э. Г. тоже ходит со мной в больницу. Горилла опять поставил ей «эф» по математике и сказал, что вопрос о ней будет обсуждаться на педагогическом совете. А Джону Майнardu он поставил «эй», и когда мы пристали к Джону, откуда такая милость, он признался, что его отец послал Горилле корзину виски «Белая лошадь». Э. Г. стала прямо как щепка, говорит, что ей все надоело, что она хочет бросать школу и поступать в прислуги или в танцовщицы.

— А как же твои стихи? — спросил я ее. — Ведь ты хотела стать поэтессой.

Она только рукой махнула.

Когда Э. Г. узнала, что лиловая собачка разбилась и не спасла Чарли, она заплакала и сказала, что теперь ничему в жизни не станет верить.

Уехать бы нам всем на Карпаты! Там, верно, и Э. Г. смогла бы поступить в университет.

Лейстеру Скалли ничего не удалось, он только немного ушиб руку. А его отец бежит по городу и всем твердит, будто негритянский мальчишка чуть было не погубил его сына — подставил ему свою машину на гонках и сделал это нарочно, только в это дело вмешался бог и все повернул по-своему и наказал негодного негра. И все кумушки в городе ахают и ужасаются, какие подлецы эти черные.

Про Мэрфи ходят слухи, что его, как победителя гонок, посылают на всеамериканские состязания самодельных автомобилей. Он не показывается, говорят — что-то реконструирует в своем «Скакуне», а я думаю — просто трусит, что мы с ним рассчитаемся за Чарли. Дика тоже не видать, хотя я несколько раз дежурил возле его дома, чтобы поговорить с ним как надо.

«Свирель» стоит теперь у нас во дворе. Она совсем разбитая, и я не знаю, как за нее взяться. Мне очень хотелось бы к выздоровлению Чарли все исправить, чтобы он не увидел ее такой изуродованной. Но я не уверен, доставит ли это ему удовольствие.

Мак-Магон и его ребята заправляют теперь всем в классе и хвалятся, что навсегда выжили Робинсона. Но это только до поры до времени. Пусть только поправится Чарли, мы им покажем!

Вчера видел, как Пат вышла из школы с Мэйсоном и он нес ее рабочую корзинку. Видно, она совсем переметнулась к мак-магоновцам. Так я и знал! Чарли был просто дурак, что верил ей, считал ее порядочной и говорил, что она совсем не похожа на остальных девчонок.

В больницу Патриция ни разу не приходила, и Э. Г. уверяет, что она боится крови. А по-моему, она просто кисейная мисс, и эгоистка, и хозяйская подлипала. Хоть здесь, в книжке, отвести хорошенько душу!

Сегодня в «Стон-Пойнтовских новостях» крошечная заметка о том, что приезжает негритянский певец Джемс Робинсон, который перед отъездом в Европу, возможно, даст в городе несколько концертов.

Когда Ричи прочел эту заметку, он начал хохотать и позвал отца, чтобы отец вместе с ним повеселился.

— Смотрите, — сказал он, — они так боятся, чтобы негр не стал по их милости популярным, что всячески стараются замять, смазать его приезд. У Джемса Робинсона мировая слава, а родной город его не признает. Ну, надо думать, Джим не очень-то будет страдать от такого невнимания!

И Ричи и отец очень радуются приезду Робинсона.

— Наконец-то придет человек, который скажет нам всю правду, — сказал Ричи. — Робинсон всегда был нашим другом, он умеет зорко смотреть и видеть.

Наверное, Робинсон остановится, как всегда, у сво-

их — ведь он родной дядя Чарли. Интересно, что-то он привезет в подарок Чарли на этот раз? Он всегда привозит что-нибудь техническое».

33. ЗНАМЕНИТЫЙ ПЕВЕЦ

— И ты бывал в домах у белых?

— Конечно. И очень часто.

— И они сидели с тобой за одним столом и говорили с тобой, передавали тебе кушанья и угощали тебя?

— Да, да! И я встретил там моего старого друга Неда Бэрроуза. Он ученый-геолог, читает лекции студентам и ездит в экспедиции со своими слушателями.

— Нет, дядя Джим, тут что-то не так. Или ты все это выдумал для моего утешения, или они тебя там морочили... Нет, никогда я этому не поверю...

— Ну ладно, мальчик, довольно болтать, тебе это еще вредно. Вон твоя мать уже смотрит на меня, как тигрица, за то, что я тебя взволновал и веду слишком серьезные разговоры.

И Джим Робинсон ласково, легко, как женщина, коснулся забинтованной головы племянника.

Много дней и ночей провел мальчик в больнице, неподвижный и бессловесный. Он почти не ел и не отвечал на вопросы врачей. Был в забытии, бредил. Тупая, ноющая боль была в голову... Дядя Пост трубил в свой позеленевший рожок. То виделся пологий склон холма Надежды, который движется, движется, как большая река, и течет асфальтовой лентой куда-то в бесконечность. А то вдруг появлялось лицо матери, все залитое слезами, застывшее в горькой гримасе.

— Мама, ма, не плачь, я здесь, я буду вместо папы... — бормотал Чарли, которому казалось, что мать снова оплакивает отца.

После, когда вернулось сознание и отступила боль, Чарли сделался вдруг вялым, скучным. Его теперь ничто не интересовало: ни школьные, ни домашние новости, которые рассказывала мать, ни сласти, те немудрые сласти бедняков, которые посылали ему Василь, Джой и Нэнси. О гонках и об аварии он говорил совершенно равнодушно, как о чем-то случившемся с посторонним, и мать, вначале боявшаяся затрагивать эту тему, теперь

стала тревожиться и старалась всеми силами расшевелить сына. Но даже известие о том, что Мэрфи посылают на всеамериканские гонки, которое со всякими предосторожностями сообщил ему Василь, казалось, нисколько не заинтересовало мальчика.

Непосредственная опасность миновала, и можно было взять Чарли домой, тем более что лечение в больнице было не по средствам Салли. И так уж плату за лечение третью неделю вносили за нее мистер Ричардсон и, как она подозревала, доктор Рендаль. Доктор Рендаль несколько раз навещал и осматривал Чарли в больнице, и Салли чувствовала, что он — настоящий друг, такой же, как мистер Ричардсон. Именно доктор Рендаль объявил ей, что мальчик вне опасности и можно выпустить его домой.

А тут вдруг — телеграмма от Джима с известием о приезде!

Когда Салли пришла в этот день в больницу, Чарли был скучен и неразговорчив, как обычно в последнее время: тусклые глаза, тусклый голос.

— Мальчик, завтра приезжает наш дядя Джим, — сказала, ни на что не надеясь, бедная мать.

Вы знаете сказку о мертвом рыцаре, которого сбрызнули живой водой? Вот таким ожившим рыцарем сделался Чарли, услыша новость, принесенную матерью. Он точно преобразился: лицо разгорелось, глаза стали осмысленными, блестящими. Голос дрожал от радости, когда он принялся тормошить мать:

— Завтра? Неужели завтра я его увижу? Он придет ко мне?

— Да, он за тобой придет, и мы увезем тебя домой, — говорила Салли.

И вот только вчера его привез домой дядя Джим, тот самый Джим, который теперь после матери был для Чарли самым дорогим человеком на земле. И Чарли, осунувшийся, с сухим, побелевшим ртом и все еще забинтованной головой, не мог наговориться досыта, досыта наглядеться на своего любимца.

Уже рассказано о школе, о дактилоскопировании, о том, как он, Чарли, отказался и подговорил других ребят, как началась травля всех цветных школьников. И о перевыборах и о празднике рассказал Чарли — тихо-тихо, чтобы не слышала мать. Дядя Джим должен

все узнать. Он все поймет как надо. И Чарли горячим шопотом рассказывает, как читался список погибших на войне и как нечестно забыли всех негров, отдавших свою жизнь за Америку. Наконец-то мальчик может открыть всего себя, всю накопившуюся боль оскорбленного человеческого достоинства, все мелкие уколы и ранения, которые наносят ему за то, что он родился черным.

Дядя Джим узнает, как выгнал Парк Бийл друзей Чарли только потому, что они хотели доказать подлый поступок белых мальчишек. Мальчик рассказывает о своих главных врагах: Мак-Магоне и Мэйсоне, о Мэрфи, который, добившись поражения Чарли, поедет вместе него на всеамериканские гонки.

Дядя Джим не повторяет поминутно: «Не волнуйся, Чарли», или: «Избегай думать об этом», или: «Тебе вредят такие разговоры». Джим слушает молча, не прерывая Чарли и ничем не выдавая своих чувств. Он курит, зажигая одну сигарету о другую, и комната окутана голубым облаком дыма.

Вот он стоит, черный Карузо, высокий, чуть сутулый, и смотрит на забинтованного мальчика. О знаменитом певце пишут все газеты мира. Пластинки с записями его голоса стоят дороже всех других пластинок. Радиостудии наперерыв приглашают его выступать. Самые прославленные концертные залы вселенной гордятся его выступлениями.

Но на его родине ни одна белая женщина не показалась бы с ним в театре или на улице, ни один белый джентльмен не ввел бы его в свой дом, а пожать ему руку в публичном месте считалось бы непозволительным либерализмом и вызовом общественному мнению.

Может быть, поэтому в глазах Джима Робинсона — черного Карузо — всегда было ироническое выражение, а рот приобрел ту жестковатую складку, какая бывает у людей, много испытавших на своем веку. Из-за сильно пробивающейся седины волосы его были цвета соли с перцем; он редко улыбался, а в его длинных, висящих вдоль тела руках и опущенных плечах чувствовалась усталость. Как будто этот знаменитый негр-певец вобрал в себя всю печаль и разочарование своего народа.

Слава не испортила его. Он еще хорошо помнил то время, когда работал простым пыльщиком на лесопильных заводах в бухте Одри. Он и тогда пел так, что люди

после работы оставались еще часок-другой послушать его песни и негритянские гимны.

Великая река жизни течет —
Она течет, она все знает...

Оба они с братом Тэдом родились в семье портного-негра в маленькой деревушке, но судьба повела их разными путями. Быть бы и Джиму до смерти простым пильщиком, если бы не надоумил его один рабочий-поляк уехать в Европу. Он и поехал простым матросом и пел в портовых кабаках в Марселе, пока его не услышал какой-то музыкант. Музыкант увлекся мыслью, что он отшлифует этот «черный алмаз» и придаст ему небывалый блеск. Он начал учить Джима Робинсона и вскоре выпустил его уже в кабаке сортом повыше. И так, поднимаясь со ступеньки на ступеньку, Джим сделался тем, чем он был сейчас, — человеком с магическим голосом, который был знаком всему миру...

Когда родители — простые, ничем не примечательные негры-бедняки — умерли, семья Тэда стала для Джима Робинсона его настоящей семьей. Сам он был одинок. Ходили слухи, что некогда, приехав в Филадельфию на концерт, он влюбился в девушку-американку из зажиточной семьи и она тоже полюбила его. Родители, которые скорее предпочли бы видеть свою дочь мертвой, чем замужем за негром, увезли ее куда-то на хлопковые плантации Юга, чтобы там она воочию могла убедиться, какая участь уготована людям с черной кожей.

С тех пор Джим окончательно привязался к семье Тэда, нянчил маленького Чарли, а когда Чарли подрос, подружился с племянником.

Приезды Джима были праздником для всех обитателей Горчичного Рая. Как будто приоткрывался край тяжелого, глухого занавеса, скрывающего от людей Восточной окраины огромный, разнообразный — то злой, то добрый — мир, лежащий где-то далеко-далеко.

Отзвук дальних гроз идущей в мире борьбы за справедливость, дыхание больших событий входило с певцом в жалкие негритянские лачуги, в жилища белых бедняков. Через него обитатели Горчичного Рая как бы соприкасались с другими бедняками, которые сражались за будущее. Под стенами университета в Мадриде он

пел для повстанцев, воевавших с фашизмом. Он слушал речь Димитрова на суде в Лейпциге, речь, повергавшую во прах все твердыни капитализма. Он дружил с бастующими английскими шахтерами и французскими докерами. В пекинских мастерских он пел старинные негритянские гимны для китайских рабочих и после шел с ними в их дома и до утра слушал страшные и простые рассказы об их жизни.

Он все знал и понимал — этот усталый темнолицый человек с иронической усмешкой в глазах.

Однажды, уже после окончания войны, он вернулся в Стон-Пойнт веселый и бодрый, как никогда.

— Я был в России, в Москве, — сказал он Салли и племяннику. — Я видел Красную площадь. Я видел Кремль, где живет Сталин. И я видел и понял русских.

В тот раз Джим Робинсон встретился со всеми старыми друзьями. Он долго толковал о чем-то с Цезарем, и Цезарь привел мистера Ричардсона и познакомил его с дядей Джимом. Чарли радовался, что они, видимо, очень понравились друг другу. Дядя Джим привез тогда с собой много книг и журналов, где рассказывалось о Советском Союзе, и все их соседи — белые и черные — накупились на эти книги, как голодные на хлеб. И дядя Джим объяснял людям все, что им было непонятно в книгах, и рассказывал о том, что видел в Советском Союзе. Скоро он снова уехал гастролировать в Европу, и после соседи рассказывали, что какие-то подозрительные молодцы ходили по домам Восточной окраины и выспрашивали хозяев, нет ли у них какой-нибудь литературы о России или красных, чтобы почитать в свободный вечерок, и у кого можно бы такую литературу раздобыть, правда ли, что певец Джемс Робинсон может рассказать самые последние новости о большевиках.

Но у людей Восточной окраины был богатый опыт, и они привыкли держать рот на замке. Так эти молодцы и удалились с носом, а потом люди видели их в компании сыщика Ньюмена, которого отлично знали в Горчичном Раю.

— Будь аккуратней, Джимми. Теперь у нас времена крутые. Чуть скажешь что-нибудь лишнее, сейчас же объявят, что ты агент красных, и обвинят в государственной измене, — сказал Джиму Робинсону его старый друг Цезарь.

Едва услышав, что появился долгожданный Джим, он сейчас же прибежал в дом друзей. Ох, как они обрадовались друг другу — он и Джим! Целых пять минут они стояли и хлопали друг друга по спине и плечам так, что, казалось, в комнате выбивают матрацы. Чарли, лежа в постели, смеялся до слез.

— Все такой же, старина! И время тебя не берет, скажу не стесняясь,— гремел Цезарь.— Красавец ты, черный Карузо!

— А ты все ковыляешь на своей деревяшке? Почему до сих пор не приобрел протезы? — набросился на него Джим.

— Думаешь, так легко это сделать в нашей благословенной стране? Для безработных негров государство не торопится делать протезы.

Джим Робинсон нахмурился:

— Ни работы, ни денег, ни протезов... Ну хорошо, мы что-нибудь организуем.

Цезарь замахал левой рукой:

— И думать не смей! Я ведь тебя знаю. Ты, небось, сам сидишь с долларовой бумажкой в кармане! Заработки тысячные, а денег никогда нет, потому что где-нибудь в мире существуют испанские беженцы, или греческие повстанцы, или еще кто-нибудь, нуждающийся в помощи, и знаменитый черный Карузо считает, что там без него не обойдутся... Так ведь? — обратился он к певцу.

Тот смущенно пригладил волосы на висках:

— Видишь ли, Цезарь...

— Видим, видим! — вмешалась в разговор Салли.— Цезарь прав: ты только о других заботишься, а о том, чтобы скопить денег на старость, когда у тебя не будет такого великолепного, свежего голоса, ты и не подумал.

Джим загадочно посмотрел на свояченицу.

— Старость? — пробормотал он.— Кто знает, где будет проходить моя старость! Может быть, я буду жить там, где о стариках все заботятся... А может быть, и у нас когда-нибудь станут лелеять старость!

— О, ты всегда был мечтателем, как наш Тэд,— грустно усмехнулась Салли.— И где это ты нашел такую сказочную страну, где заботятся о стариках?

— Я знаю, я знаю, о какой стране говорит дядя

Джим! — Чарли свесился с постели и смотрел блестящими глазами на мать. — Это о России? Да?

— Тс-с... сынок, не очень-то кричи! — сказал Цезарь. — Шпики так и шныряют всюду, скажу не стесняюсь. Вчера я вздумал позвонить из автомата мистеру Ричардсону — смотрю, к стеклянной двери будки уже приклеился чей-то бледный нос. Ну, я как двинул моей деревяшкой по двери, она распахнулась — и хлоп шпики по носу! Вот я смеялся, скажу не стесняюсь...

Чарли хохотал, откинувшись на подушки. Однако Джим Робинсон даже не улыбнулся.

— Я вижу, у вас тут много хуже, чем в прошлый мой приезд, — сказал он, закуривая сигарету и поднося зажженную спичку к трубке Цезаря. — Обстановка довольно сложная, я тоже скажу не стесняюсь. — И он выразительно посмотрел на присутствующих.

— Что ж, «что хотели, то и съели», как говорит поговорка. — Цезарь выпустил огромное облако дыма. — Перед выборами и президент и его помощники спрятали коготки и гладили всех бархатными лапками по шерстке. А когда снова настало их царство, они себя и показали. Да что далеко ходить! Я думал, что и тебя не пустят домой за то, что ты выступал на Конгрессе сторонников мира, — повернулся он к Джиму. — У нас тут пошло такое, что утром не знаешь, в какой каталажке очутишься к вечеру. Все тюрьмы переполнены красными, безработных больше, чем работающих. А газеты, и радио, и книги орут во всю глотку, что Советы собираются на нас войной и намерены завоевать весь мир, и Америку в том числе. — Он положил на плечо певца здоровую руку: — Ох, и ждали же мы тебя, Джим! Ты один скажешь нам правду об этой проклятой войне. Правда ли, что Россия так хочет с нами воевать и забрать Америку в свои руки? — Он умоляюще смотрел на друга, заглядывая ему в глаза.

Джим Робинсон неожиданно громко рассмеялся.

— Вот чудачки! — сказал он. — А все-таки и вас пробрала американская пропаганда! Кажется, и вы чуть было не поверили в то, что Советский Союз хочет войны?

— Нет, нет, мы не поверили! — горячо начал убеждать его смущенный Цезарь. — Но ты понимаешь, газеты кричат, радио кричит — тут поневоле задумаешься, скажу не стесняюсь.

Джим Робинсон уселся на кровать племянника и взял его похудевшие руки в свои.

— Достаточно ли ты силен, чтобы принимать гостей? — спросил он. — Слышишь, что болтает этот верзила на деревяшке? Ведь это срам слушать! Придется нам позвать кое-какой народ и поговорить о том, что делается на свете. А то вы тут живете, как бобры в своем водоеме.

— Я завтра встану, дядя Джим. — Чарли порывался подняться. — Ты не думай, что я буду лежать... Я себя отлично чувствую, я совсем здоров.

Но тут налетела Салли. Она была непреклонна.

— Будешь лежать до тех пор, пока я не позволю встать, — заявила она твердо. — Люди могут и теперь приходить. Да вот, кстати, кто-то идет к нам. — Она прислушалась к голосам за дверью.

Это была Маргрет с двумя девочками — Нэнси и Мери. С того злополучного утра, когда Мери пришла к Нэнси с покаянием, обе девочки очень подружились. Теперь Мери, родители которой жили в соседнем городе, проводила все свое свободное время у Нэнси и звала ее мать «тетя Маргрет». Девочки принесли Чарли сирень.

Они еще ничего не знали о приезде Джима Робинсона, слышали только, что их друга перевезли домой. Не знала о приезде Джима и Маргрет, иначе, наверное, она позаботилась бы о том, чтобы скрыть свой расстроенный вид и заплаканные глаза.

— Боже милосердный, кого я вижу!.. Джим Робинсон!.. — пробормотала она. — Когда же он приехал, Салли, дорогая? Вот что значит сидеть дома и не читать газет!

— Не много вы прочли бы в газетах о Джиме, — сказала, смеясь, Салли. — Одну крохотную заметку где-то после реклам мыла и синьки.

— Здравствуйте, Маргрет, голубушка моя! — Джим Робинсон нежно пожал руку актрисе. — А почему глазки заплаканы? Что случилось у моей старой приятельницы Маргрет?

— Так, пустяки, — отмахнулась Маргрет, пряча лицо. — Я так рада вам, Джим! Вы точно луч света в нашей страшной жизни...

Обе девочки во все глаза смотрели на черного Карузо. Так вот он — этот знаменитый певец, о кото-

ром так восторженно говорил Чарли, а теперь толкует вся Восточная окраина!

В своем волнении они даже забыли о том, что пришли навестить больного, и так и стояли посреди комнаты, держа в руках ветки белой и лиловой сирени.

— А кто эти молодые леди? — обернулся к ним Джим Робинсон. — Впрочем, я догадываюсь: одна из них, верно, ваша дочь, Маргрет, ваша Нэнси, которая умеет и петь, и танцевать, и пишет прелестные стихи, как я слышал. Подойди ко мне, дочурка, дай на тебя полюбоваться — ведь я знал тебя еще крошкой.

Он привлек к себе смущенную Нэнси и почтительно, как взрослой, пожал ей руку.

— А как зовут твою подругу?

Мери присела:

— Мери Смит, с вашего позволения, сэр.

Джим Робинсон улыбнулся и ей:

— О, как же, знаю, знаю все и о вас, молодая мисс. О том, как вы называли со сцены имя автора стихов и как молились за Чарли на гонках. — Он шутиливо подмигнул ей. — Как видите, я уже в курсе всех событий.

Мери покраснела чуть не до слез:

— О, сэр, это все, наверное, Чарли рассказал! Чарли такой добрый!.. Он выбрал только хорошее, а о плохом ничего не сказал вам... А я ведь очень дурная, сэр.

— Не верь ей, дядя Джим! — Чарли совсем свесился с постели. — Она всегда на себя наговаривает.

Пока шел этот разговор, Салли, потихоньку поманив к себе Нэнси, выпрашивала ее, почему у матери заплаканы глаза. Нэнси попробовала отговориться незнанием, но от Салли нелегко было отделаться.

— Ты, девочка, не виляй, — сказала она, как заправский мальчишка. — Я тебя насквозь вижу. Говори, что там у вас еще стряслось?

— Выгоняют нас из дома, — нехотя призналась Нэнси, теребя платье. — Мы не уплатили за последнюю треть года, и пришел управляющий Большого Босса и сказал, что это очень кстати, потому что Босс решил очищать Горчичный Рай от негритянских лачужек и строить здесь большие, доходные дома. И чтобы мы по этому случаю убирались вон. Мама стала его умолять — подождать неделю, до получки в театре, а он только твердит:

«Складывайте ваши пожитки! Босс не хочет больше с вами возиться».

— Когда же это кончится? — пробормотала Салли.

Она сделала знак Джиму подойти и передала ему то, что слышала от девочки. У Салли, как и у других обитателей Горчичного Рая, была безграничная вера в этого человека, она была твердо убеждена, что он может все на свете.

— Ну, разумеется, мы это уладим!.. Маргрет, дорогая, не стоит плакать из-за такой чепухи. В мире и так довольно слез. Я сам переговорю с управляющим и все улажу.

Цезарь радостно засмеялся.

— Ну что я вам говорил! — сказал он торжествуя.— Вот и опять он нашел себе подходящие заботы. Еще парочка таких дел, и Джим будет совершенно счастлив!

— Молчи, несчастная деревяшка! — Джим Робинсон шутливо замахнулся на Цезаря.— Не болтай чепухи!

Маргрет ничего не говорила, но ее глаза были красноречивее всяких слов.

Между тем обе девочки, усевшись на скамеечку возле постели Чарли, возбужденно спрашивали:

— Что он тебе привез, Чарли? Рассказывай скорей!

— Ух, он привез мне целую кучу вещей! — оживленно начал мальчик.— Во-первых, духовое ружье.

— Ой, вот ужас!

— Неужели ты будешь стрелять, Чарли? — с испугом спросила Мери.— Зачем это тебе? Надеюсь, ты не хочешь стать военным?

— Всякий должен уметь стрелять,— спокойно возразил Чарли.— Это может пригодиться.

— А что еще он привез? — допытывалась Нэнси, которую совсем не интересовало ружье.— Книжки привез? Стихи или романы?

— Книг — целый ящик,— сказал Чарли.— Полный Джек Лондон, Сеттон-Томпсон, Теккерей...

— Неужели ты все это будешь читать? — Мери с уважением смотрела на мальчика.— У меня никогда бы не хватило терпения.

— Но самая замечательная книга, которую привез дядя Джим,— вот эта.— Чарли потянулся и взял со столика небольшую книжку в сером переплете.— Ее написал один русский писатель. Дядя Джим еще в прош-

лый свой приезд рассказывал мне о нем. Понимаете, девочки, этот человек ослеп и из-за тяжелой болезни не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Он много-много лет провел в постели, лежа пластом, но у него была такая сильная воля и выдержка, что он ни на минуту не отчаивался и не сдавался. Он лежал и диктовал эту книгу, в которой рассказывал всю свою жизнь. И жизнь эта была такая сильная и прекрасная, что теперь там, в Советском Союзе, все мальчики и девочки и взрослые люди читают эту книгу и учатся по ней жить.

— А как она называется? — спросила Мери. — Ну-ка, дай ее сюда.

Нэнси опередила ее. Она взяла книгу из рук Чарли и громко прочла заглавие, напечатанное золотыми буквами:

— «Как закалялась сталь».

34. НЬЮМЕН ОЧЕНЬ ЗАНЯТ

У него едва хватало времени, чтобы побриться. Он мало спал, плохо ел и стал предельно раздражителен. Да и как не стать раздражительным и нервным!

Стон-Пойнт, такой тихий, вполне приличный городок с «тринадцатью семействами», аристократической Парк-авеню, пикниками на острове, лужайками для гольфа, несколькими церквями и тем «средним уровнем жизни», которым так гордятся все в Америке, вдруг стал беспокойным, непонятным и загадочным.

Мало того: из федерального бюро расследования прямо сообщали, что в Стон-Пойнте есть свой штаб «комми» и чтобы он, Ньюмен, проявлял ежечасно и ежеминутно бдительность, сообщал заблаговременно о планах «красных» и вел наблюдение не только за перепиской и связями людей, но и за книгами, которые они читают, за образом их мыслей и за поведением дома.

Подручные молодцы Ньюмена прямо сбились с ног, выполняя распоряжение своего босса. То он вызывал к себе владельца газетного киоска, который осмелился продавать левые газеты, и угрожал ему вызовом в Вашингтон и допросом в федеральном бюро. То выяснял, кто именно в Стон-Пойнте читает журнал «Мейн Стрим». То вдруг появлялся на безобидном собрании женского

клуба, посвященном введению в семьях новых гигиенических сосок, и так пронзительно смотрел на членов клуба, как будто именно здесь обнаружен центр крамолы.

Ньюмен раздражался еще и потому, что его, как он был уверен, вовсе не ценили в Вашингтоне. Когда он попробовал доложить, что основное гнездо «красных», разумеется, находится на окраине, известной под названием «Горчишный Рай», где обитает главным образом цветное население, на него накричали и даже весьма непочтительно обозвали «старой калошей». Оказывается, последователей «комми» следовало искать в самых различных слоях населения. Даже пресловутые «тринадцать семейств» оказались под подозрением. Например, Ньюмену очень настоятельно рекомендовали проследить за поведением и связями такого уважаемого человека, как доктор Рендаль. Доктор Рендаль — коммунист? Этого даже Ньюмен не мог себе представить. Собственный коттедж в швейцарском стиле, превосходная практика, вероятно круглая сумма в банке, и вдруг — коммунист! Нет, это что-то не так. Они там, в Вашингтоне, сошли с ума с этой «красной опасностью»!

«Уверен, что ни Авраам Линкольн, ни Томас Джефферсон, ни даже сам Франклин Рузвельт не прошли бы теперь в Вашингтоне эту проклятую «проверку лояльности», — ворчал про себя Ньюмен. — Готов поклясться чем угодно, что их тоже обвинили бы в «красных симпатиях» и уволили бы в два счета со службы. А если бы они, чего доброго, работали на другом берегу реки, в военном министерстве, так их давно запрятали бы в каталажку!»

Вот, взять хотя бы это поручение с Рендалем. Он, Ньюмен, сказал парням из федерального бюро расследований, что считает мистера Рендаля вполне свободным от всяких подозрений, а ему закатили головушкой и предложили не умничать и делать то, что велят. Ну, что ж, пожалуйста, он не будет умничать, он согласен строго придерживаться указаний своих хозяев. В конце концов, он вовсе не обязан защищать репутацию какого-то доктора Рендаля! К тому же, может, там, в Вашингтоне, и правы! Ведь дружит же доктор с этим учителем Ричардсоном, которого не подвергли проверке только потому, что Большой Босс велел подождать, понаблюдать за ним и выловить всех его дружков. За последнее время и док-

тор Рендаль и учитель Ричардсон повадились навещать того негритенка, который расшиб себе голову на гонках «табачных ящиков». Жаль, право, что он вовсе не сломал себе шею: какой толк, скажите, от негра, в котором сидит дух непокорства, дерзости и упрямства! Вон и мистер Бийл говорит, что вся эта история с аварией мальчишки стоила ему нервов, потому что ребята из Горчичного Рая явились к нему и добивались расследования, отчего случилась катастрофа. Он-то, Ньюмен, отлично помнит, как этот черный мальчишка не дал ему снять отпечатки своих грязных лап, да еще чуть не всю школу подговорил отказаться от дактилоскопирования. Из-за этого дрянного негритенка Ньюмен получил тогда замечание от начальства. «С таким пустым делом и то не справились, Ньюмен,— сказал ему тогда эта жирная свинья — майор Симеон.— Не могли уломать кучку ребятшек? Видно, стареете, Ньюмен!» И он, Ньюмен, стоял тогда красный и потный от злости и мысленно клялся свести когда-нибудь счеты с проклятым черным парнем.

А сейчас фамилия Робинсон чуть не каждый день мозолит ему глаза.

С тех пор как приехал этот черный Карузо — Джемс Робинсон, в городе только и разговоров, что о нем. В особняках на Парк-авеню мечтают послушать его песенки, его знаменитый на весь мир голос, а на Восточной окраине, кажется, мечтают услышать от него что-то другое. Недаром в доме Робинсонов теперь с утра до вечера толпится народ и не порядочные какие-нибудь, а голь, босяки из Горчичного Рая, цветные и белые.

Ньюмен уже пытался что-нибудь выведать через одного из своих молодцов, да рабочие стали очень осторожны и держат язык за зубами. А узнать, зачем приехал черный Карузо и что он такое болтает, необходимо. Из Вашингтона уже несколько раз телефонировали, предупреждали Ньюмена: певец выступал на Всемирном Конгрессе сторонников мира, а потом гастролировал в Советском Союзе. В списках федерального бюро расследований он уже давно негласно зарегистрирован как «агент иностранной державы». Необходимо постоянное наблюдение. Впрочем, Ньюмен все это знает и сам. В прошлый приезд Робинсона именно он, а не кто другой, обнаружил, что певец привез литературу о Советах

и роздал ее всем, кто хотел побольше узнать о коммунистической стране. Этот негр — крупная добыча, и дурак будет тот, кто его упустит! Нет, майор Симеон, вы ошибаетесь, сэр, Ньюмен вовсе не так стар и глуп, как вы думаете! Посмотрим еще, кого в Вашингтоне похвалят больше за расторопность и бдительность!

Пыльная улица вела на Восточную окраину. Май выдался на редкость жаркий. От нагретого асфальта, от раскаленных стен так и палило. Ньюмен сдвинул на затылок фетровую шляпу, пот заливал ему глаза, от пиджака, казалось, шел запах паленого сукна. В такую погоду поехать бы на остров, выкупаться, выпить ледяной содовой с коктейлем, а потом, сидя голышом на берегу, удить рыбу или просто валяться на песке! А тут надо читать чьи-то чужие письма, устанавливать в укромных уголках диктофоны, расставлять агентов-наблюдателей, выслушивать донесения помощников — ох, всего не перечислить, что надо делать в наше время несчастному работнику федерального бюро расследований!

Ньюмену сделалось вдруг так жалко себя, что он на минуту даже остановился, прислонился к забору какого-то приличного коттеджа и начал вытирать платком то ли пот, то ли выступившую на глаза влагу.

— Как поживаете, сэр? — Белесый мальчик в скаутской форме, проходя мимо, подобострастно поклонился. Его товарищ в клетчатых спортивных гольфах и светлой шелковой рубашке кивнул более небрежно.

Сыщик воззрился на мальчиков:

— Как будто где-то встречались, э?

— Как же, как же! У нас в школе, сэр, — обрадованно сказал белесый. — Вы приходили к нам брать отпечатки наших пальцев. — И для большей наглядности он растопырил всю пятерню.

Сыщик внимательно взглянул на него.

— Кажется, вы были не из тех, кто тогда заартачился? — спросил он. — Вот только не припомню, как зовут тебя и твоего дружка.

— Меня, сэр, зовут Фэниан Мак-Магон, я сын директора школы, которого вы тоже знаете, — тотчас же радостно отрекомендовался белесый. — А это — мой приятель Рой Мэйсон. Мы оба с удовольствием дали вам отпечатки, сэр. У нас ведь тогда весь бунт затеял черномазый Робинсон, если вы припоминаете, сэр.

— Ага, помню! — кивнул сыщик. — Отлично помню!

От спички, поспешно зажженной Фэйни, он прикурил толстую черную сигару. Память его работала с профессиональной быстротой. Мак-Магон младший? Ага, превосходно! Очевидно, это те двое парней, которые вызвались дать Большому Боссу сведения о Ричардсоне. Старый Миллард говорил тогда майору Симеону, что они отлично справились со своей задачей.

Между тем Фэйни во что бы то ни стало хотел доказать сыщику, что он во всех смыслах благонадежный сын своей страны.

— Мы-то, сэр, наоборот, стояли тогда за то, чтобы непременно дактилоскопироваться, — торопливо объяснял он. — Я даже, если помните, просился к вам в помощники.

Ньюмен выпустил облако дыма. Где-то в глубине его маленьких глаз зажегся огонек.

— Просился в помощники? — повторил он задумчиво. — Что ж, надо подумать. Возможно, и ты и твой товарищ могли бы мне пригодиться.

Фэйни расплылся в улыбке и подтолкнул Роя.

— А что мы должны для этого делать, сэр? — солидно, как и надлежит деловому американцу, спросил тот.

Ньюмен пыхнул сигарой:

— Ничего особенного. Просто, как школьники и товарищи этого Робинсона, вы могли бы иногда рассказывать мне кое-что о нем и о некоторых учителях. Мне это может понадобиться. Да и время теперь такое, что в школах нам тоже нужны свои люди.

Фэйни прямо сиял от радости. Он больше не мог сдерживаться.

— Да ведь мы это самое и делаем, сэр! — воскликнул он в возбуждении. — Вот уже несколько недель мы следим за мистером Ричардсоном — младшим учителем. Он у нас на подозрении, сэр и, кроме того, сам мистер Миллард поручил нам наблюдать за ним. У мистера Ричардсона, сэр, связи с самой Москвой, и мы это сказали на совете попечителей и готовы в этом присягнуть.

— В самом деле? — Ньюмен сделал вид, что впервые слышит все это и сильно заинтересован. — Очень ценные сведения, парень, даю слово. Что еще?

— Мы уже проследили, что мистер Ричардсон бывает

на Восточной окраине у рабочих, сэр, и носит им какие-то книжки. Особенно часто общается с отцом нашего одноклассника Гирича и с негром-инвалидом Цезарем, — торопился изо всех сил Фэйни. — А к Робинсону приехал его дядя — знаменитый певец. Он только что из России, сэр, и, говорят, поет тамошние коммунистические песни и будет петь их у нас в городе, на концерте. У нас в школе все ребята только об этом и толкуют. В субботу к Робинсонам собирается несколько наших ребят со своими родителями. Хотят послушать, что расскажет им Джемс Робинсон. Кажется, мистер Ричардсон тоже там будет.

На этот раз сыщик заинтересовался всерьез.

— Гм... вот оно что... — пробормотал он. Потом обратился к мальчикам: — Хорошо было бы и вам пойти на это собрание. Отчего бы вам, скажем, не навестить больного товарища, который еще не оправился после аварии!

Фэйни и Рой переглянулись.

— Мы-то не можем этого, сэр, — сказал Рой. — После того, что случилось на гонках, нам неудобно показываться в Горчином Раю.

Сыщик внимательно посмотрел на него.

— Ага, замешаны в этом дельце с аварией, так надо понимать? — полуутвердительно-полувопросительно протянул он.

Рой смело выдержал его взгляд.

— Хотя бы и так, — сказал он, слегка покусывая губу. — Словом, нам туда не ходить.

— Жаль, жаль... — Ньюмен снова затянулся сигарой. — Мне хотелось бы иметь там своего человека, который, в случае чего, смог бы рассказать, о чем там говорилось... Пошевелите мозгами, ребята, не найдется ли у вас такого человечка?

Мальчики молча переглядывались. Фэйни напряженно морщил лоб, стараясь показать, что он думает. Рой откашлялся.

— Есть у нас один такой человек, сэр, — сказал он, немного покраснев. — Это... это одна девочка... кажется, можно будет устроить.

Фэйни так и впился глазами в товарища: кто это? О ком говорит Мэйсон?

— Девочка? Это еще лучше! — кивнул сыщик. — Де-

вочки обычно лучше улавливают суть. И в случае чего их легче заставить говорить. Отправьте вашу девочку туда в субботу и сообщите мне, чтобы я имел ее в виду, когда мне понадобится свидетельство.

— О-кэй! — И Рой, молодцевато козырнув сыщику, двинулся по улице.

За ним, все еще оглядываясь на сыщика, отправился и Фэйни.

Стоя в тени, Ньюмен докурил свою сигару и, медленно, нехотя переставляя ноги в тяжелых, подкованных ботинках, пошел в сторону миллиардовских заводских зданий. Он терпеть не мог иметь дело с заводскими беспорядками, а в этот день предстояло разобрать два инцидента сразу, и майор Симеон настаивал, чтобы Ньюмен сам выехал на место и узнал все подробности.

Случилось это в полдень. К Квинси, отцу близнецов, работавшему в механическом цехе, на сверлильном станке обычного типа, подошел мастер и сказал:

— Послушай, Квинси, мы хотим убрать из цеха этот старый станок. Но ты не беспокойся, без работы не останешься. Я тебе уже приискал работу: перейдешь на многошпиндельный станок, а того негра, который сейчас на нем работает, я, пожалуй, уволю. Сам-то я никогда не нанимаю черномазых, это все Босс с Коттоном гонятся за дешевкой и набрали их столько, что не продохнешь.

Он двинулся дальше, считая дело решенным. Однако Квинси окликнул его:

— Послушайте-ка, ослышался я, что ли? Вы как будто сказали, что хотите прогнать негра, а его работу отдать мне?

— Ну да! — удивился мастер. — Ты не ослышался, приятель.

Квинси сдвинул на ухо синий берет, в котором работал:

— Нет, хозяин, этак не пойдет. Квинси не хочет, чтобы из-за него увольняли ребят, будь они хоть сине-зеленого цвета кожи.

— Вот глупая голова! Да ведь другой работы у меня для тебя нет, — рассердился мастер.

Квинси сдвинул берет на другое ухо:

— Что ж поделать. Поищем в другом месте, а нет, так перебежмся как-нибудь. Только подлыми делами Квинси не станет заниматься.

Мастер сплюнул и смерил его взглядом с головы до ног.

«Вот ты каков, голубчик! — пробормотал он про себя. — Видно, набрался этих новых идей!»

Он украдкой указал на Квинси своему помощнику:

— Последите, чтобы этот парень не оставался после работы на заводе. Сегодня он получит расчет, и не нужно, чтобы он слишком много вертелся среди других рабочих.

— О-кэй, босс! — понимающе кивнул тот.

В обеденный перерыв, после того как раздался звонок и провыла сирена, возвещавшая окончание работы, произошел второй инцидент, который поглотил на время все внимание администрации.

Усталые, сутулые фигуры в синих комбинезонах высыпали во двор. Искали досок, опрокинутых ящиков, которые могли бы заменить скамейки. Искали тени, чтобы посидеть и на воле съесть принесенную из дому еду. От стекла огромных цехов, от нагретого асфальта и рельсов воздух был удушливо тяжел. Людям хотелось пить, и у фонтанчика, бившего посреди двора, столпилось много народа. Рядом с кузнецом Миллсом, отцом Лори и Марты, стоял молодой негр и тоже дожидался своей очереди напиться. Но едва он нагнулся и хотел приложить губы к прозрачной струе, как его изо всей силы оттолкнули от фонтана.

— Куда лезешь, негр! — свирепо сказал Миллс, такой же долговязый и неуклюжий, как сын. — Не смей поганить нам фонтан! Тут пьют только белые. Понятно?

Негр ошеломленно моргал, светлая капля стекала у него по подбородку, и он машинально облизывал пересохшие губы.

— Чего уставился на меня? Я тебе сказал: убирайся прочь отсюда и не смей пить из нашего фонтана! — зарычал на него Миллс.

Кругом уже собрались рабочие, и кузнец явно рисовался своей силой и грубостью.

— Вы что, кузнец, рехнулись, что ли? — Молодой негр посерел и выпятил грудь. — Идите своей дорогой, я вас не трогаю.

— Ах, ты меня не трогаешь! Так я тебя трону! — И Миллс изо всей силы ударил негра по голове.

Тот упал, как срезанное дерево.

— Что ты делаешь, негодяй! — Иван Гирич, вне себя от негодования, схватил кузнеца за руки. — Чем тебе помешал этот парень? За что ты его ударил?

Кузнец, тяжело дыша, смотрел красными глазами на неожиданного защитника:

— И ты захотел получить свою порцию? На вот, получай!

Страшный удар обрушился на Гирича, но он устоял на ногах. Кузнец весил фунтов двести шестьдесят, однако и Гирич был очень силен. Они топтались на площадке у фонтана, обхватив друг друга точно железными обручами. Кругом столпились раздраженные рабочие. Закипала драка. Одни стояли за негра, другие — за оскорбленные права белых. Тумаки сыпались направо и налево. Прибежал Квинси и тотчас же вступился за своего приятеля Гирича. Молодой негр с трудом поднялся и смотрел затуманенными глазами, как все больше и больше людей вступало в драку. К моменту, когда зазвонили телефоны в дежурке и у Коттона, во дворе уже дрались все. Коттон немедленно вызвал полицию, и она с невиданной в Стон-Пойнте оперативностью начала окатывать дерущихся водой из пожарных шлангов. Потом, по сигналу сирены, мокрых, окровавленных в драке людей снова погнали к станкам и машинам и после этого начали отыскивать зачинщиков. Каким-то образом кузнец Миллс оказался совершенно в стороне и на первый план выступили как главные виновники драки молодой негр Сэмюэль Бредшо, Иван Гирич и Квинси. Последний считался уже уволенным, так что расправиться оставалось только с двумя. Можно было бы просто выкинуть их за ворота завода, но тот же мастер, который подозрительно отнесся к Квинси, шепнул Коттону, что неплохо было бы прощупать Гирича, негра и Квинси по части политики. Известно, что Гирич и негр — члены профсоюза, а это говорит о многом...

Вот почему в этот жаркий майский день Ньюмен должен был срочно отправиться на завод,

В то время как он направлялся туда, Фэйни и Рой забрались в будку уличного автомата.

— А ну, скажи еще что-нибудь, я проверю на слух, — говорил Фэйни приятелю.

— Как поживаете, мисс Причард? — тоненьким голоском тянул Рой. — Я очень рада, мисс, что вы совершенно здоровы.

— Ох, здорово! Вот здорово-то, чорт тебя дери! — так и закатился Фэйни. — Ну, теперь звони ей!

Рой закусил губу. Злое выражение очень портило его красивое лицо.

— Действительно, я это неплохо придумал, — сказал он хвастливо. — Поделом ей, этой гордячке, пускай потом сыщик припугнет ее! Подумать только: я предлагаю ей пойти со мной в кино, а она отказывается! А с негром куда угодно отправилась бы!

— И со мной не хочет идти, — подхватил Фэйни. — Я ей дарю красивый блокнот, а она фыркает. Гусыня она, больше ничего! Давай мы ее проучим!

Рой набрал нужный номер.

— Ее мать! — быстро шепнул он приятелю. — Могу я попросить к телефону Патрицию? — пропел он тоненьким голоском.

— Кто спрашивает мою дочь? — осведомилась миссис Причард.

— Это говорит одна ее знакомая из школы, — опять запищал Рой, делая выразительные жесты Фэйни.

— Сейчас я ее позову.

— Пошла за ней! — зашептал возбужденно Рой. — Хорошо, что она дома... Это вы, мисс Патриция? — снова запел он, обращаясь к трубке. — С вами говорит одна соседка Чарли Робинсона... Нет, мисс, вы меня не знаете... Да, мисс, ему уже лучше. Он дома, мисс, и просил вас навестить его. Да, да, навестить. Нет, вы не ослышались. Он думает, что лучше всего это сделать в субботу после обеда. Что ему передать, мисс?.. Вы постараетесь притти? О, он очень обрадуется, мисс, уверяю вас. Он так любит вас, мисс, прямо обожает... Хэлло! Хэлло!.. Повесила трубку, — сообщил он Фэйни. — Сказала, что непременно постарается притти в субботу... Повидимому, поблизости стояла ее мамаша, потому что разговаривала она не очень-то вразумительно. Ну, самое главное сделано!

И Рой торжествующе посмотрел на приятеля.

— Ух, и заварили же мы кашу! — в восторге подпрыгнул Фэйни. — Вот будет доволен мой старик, когда я ему все это выложу!

Он стоял на берегу реки, у тех же самых сыроватых бревен, где несколько недель тому назад сидел отверженный, глубоко оскорбленный мальчик — сын его родного брата. Жуя краешком губ сигарету, он смотрел из-под нахмуренных бровей на черную, маслянистую воду. Золотыми ужами резвились на воде отражения фонарей на берегу. Стрекотала моторка, пахло рыбой, гремела где-то якорная цепь. Мысли его были далеко и от реки и от этого городка.

Нет, не может он словами о высокой материальной культуре, о гигантской технике и комфорте излечить свою тоску по настоящей жизни, свободной, полной творческого огня, вдохновенного труда рядом с такими же людьми, как он сам, людьми, несущими в себе великие идеи будущего. С детства внушали ему дух «американизма»: стремление к бурной деятельности на пользу собственного кармана, мечты о том, что всякий мальчишка-газетчик может стать президентом, видения миллионов Моргана и Астора, которых всякий энергичный американец может добиться. Он многое искренне любил в американском образе жизни: любил американскую точность, любил простых американских людей, в которых было много детского, любил свой обездоленный черный народ, свои печальные и торжественные гимны.

Но уже несколько лет настойчиво и постоянно звучал в нем внутренний голос: нет, не то, не то! Уже давно с тоской отворачивался он почти от всего, что делалось и говорилось вокруг. Пресса, радио, официальные известия, даже сам пресловутый американизм вызывали в нем приступы отвращения. Он жил, как иностранец, освоившийся в чужой стране: его любят жители, он сам их любит, трудится для них, поет для них, радуется их радостью и болеет их болью. Но в глубине души он тайно грустил о какой-то иной, неизвестной еще родине, о других песнях, о других идеалах и людях. Может быть, ему, негру, не подобает думать о таких вещах! Благодарю судьбу, которая вынесла тебя на гребень, поставила выше твоих братьев по цвету, не забросила тебя на хлопковые плантации Юга и не отдала тебя на произвол линчевателей!

Но он чувствовал себя не только негром — человеком с темной кожей, но и сыном Америки, частью ее земли, и, как американец, он хотел для своей страны славного будущего.

Нет, ему не нужны были бесчисленные аэролинии, телевизоры, автомобили, отапливаемые атомной энергией. Нет, не этого он хотел для своей Америки. И пустыми сейчас казались ему разговоры о процветании и богатстве Штатов.

И вот он побывал в стране, о которой так много думал. Ее люди, ее песни, ее леса и нивы сразу сделались ему родными. Как пришелец на чужбине порой в запахе цветка или в красках зари узнает свою родину, так в этой стране он ощутил силу и красоту нового мира. В отношении человека к человеку, в искренней и непроданной простоте, в честности и прямоте законов, в веселых глазах детей — всюду он находил то, о чем грезил.

Когда он вернулся в Америку, он почувствовал себя как человек, перенесенный из гуманного, цивилизованного мира прямо в первобытный лес. Здесь, в этом лесу, полном ядовитых испарений и миазмов, царствовал единственный закон — закон сильного. Хищные звери отгородились на заповедных участках от остальной мелюзги и жили в своих берлогах, выходя только для того, чтобы охотиться на мелкую живность. Огромные удавы сжимали в своих кольцах ланей и ягнят, тигры разрывали на части зайцев и коз; только сильным хищникам принадлежала здесь жизнь. Остальные обитатели этого страшного леса бились за право существовать и двигались по тропинкам украдкой, ползком, чтобы ненароком не наткнуться на хищника. Все их чувства с самого раннего детства настроены, мысли и все привычки приспособлены для скрытного существования и для борьбы за жизнь.

Нет, он, Джим Робинсон, будет бороться не только за собственную жизнь. Он так и сказал это сегодня тому бледному и тощему репортеру, который наконец-то решился притти к нему для интервью. Этот представитель «Стон-Пойнтовских новостей» был нагл и робок одновременно. Он был нагл, как белый, пришедший к самому обыкновенному черному, и робок потому, что за этим черным стояла мировая слава и ходил слух о его «красных» связях.

— Мистер Робинсон,— сказал он, вглядываясь кро-

личьими глазками в лицо певца, — наши читатели интересуются вашей личностью, вашими путешествиями, вашими взглядами на жизнь...

— Олл райт, приятель, — с чуть заметной усмешкой кивнул Джим. — Невозможно отказать родному городу, если он хочет удовлетворить свое любопытство... Спрашивайте, мистер... — Он запнулся.

— Эйнис, к вашим услугам, мистер Робинсон, — отрекомендовался тот. — Репортер и референт по вопросам международной политики.

— Итак, мистер Эйнис, что вас интересует в первую очередь?

— Нашим читателям известно, что вы выступали на Всемирном Конгрессе сторонников мира, который организовали коммунисты. Что именно вы говорили в своей речи на конгрессе? — И Эйнис уставился красными глазами на Джима Робинсона.

— Во-первых, конгресс этот организовали не коммунисты, а шестьсот миллионов человек. Эти шестьсот миллионов представляли почти все народы мира, которые решили во что бы то ни стало бороться против тех, кто ведет вселенную к войне, — спокойно возразил певец. — А во-вторых, с моей речью вы могли бы тогда же ознакомиться по газетам и стенограммам.

— Да, разумеется, — поспешил сказать Эйнис, — но все же, если бы вы могли коснуться хотя бы в общих чертах...

— Ну что ж, если это вас интересует, я могу повторить. Я говорил о том, что народ в Америке, так же как и народы других стран, не хочет войны. Я говорил, что мы нуждаемся в работе, образовании и жилищах, а не в войне. Но существуют низкие и хитрые люди в деловых и финансовых кругах. Эти люди больше всего боятся освобождения некоторых народов и их стремления к цивилизации, а потому пользуются всяким удобным случаем, чтобы посеять вражду между народами и затеять войну. Для них война — источник прибылей. Я говорил о том, что Атлантический пакт — это явный военный союз, с которым надо бороться...

— Ага, стало быть, вы осуждали меры, принятые американским правительством? — Эйнис вытащил вечное перо и принялся быстро записывать.

— Я осуждал создание военного союза, в который

втянули Америку ее политические вожди, — сказал тем же ровным тоном Робинсон.

— Понимаю. Кажется, вы что-то пели для делегатов конгресса?

Певец кивнул:

— Да, я исполнил арию из советской оперы «Тихий Дон». Одна из любимых арий моего репертуара.

Эйнис, не отрываясь от блокнота, покосился на Робинсона.

— Коммунистический гимн, э? — спросил он, скорчив самую хитрую гримасу.

— Нет, просто очень мелодичная и широкая песня о России, казачья песня, — спокойно пояснил Робинсон.

— Так, так... Понятно... — Представитель «Стон-Пойнтовских новостей» погрыз ручку своего вечного пера. — Скажите, мистер Робинсон, куда вы отправились после конгресса?

— Мне кажется, что и об этом писалось в наших газетах, — отвечал Робинсон. — Впрочем, я ведь этого не скрываю: после конгресса я отправился на гастроли в Советский Союз. Дал восемь концертов в Москве, Ленинграде и на Украине.

Эйнис внимательно записывал.

Внезапно он поднял голову и впился инквизиторским взглядом в Робинсона.

— Против вас выдвинуто очень серьезное обвинение, мистер Робинсон, — сказал он. — Ходят упорные слухи, что вы получили от Советов крупную сумму за ваше выступление на конгрессе. Что вы скажете по этому поводу?

Джеймс Робинсон презрительно сжал губы.

— За подобного рода слова я должен был бы вышвырнуть вас из моего дома, — сказал он. — Но я не воспользуюсь этой возможностью, во-первых, потому, что я негр, а вы — белые, а во-вторых, потому, что не вы это придумали, голубчик. Это выдумали ваши хозяева, а вы только их покорный слуга. — Он вынул коробку сигар и протянул покрасневшему до самых ушей Эйнису: — Курите... Что касается денег, то я действительно получил некоторую сумму за мои концерты, но не смог воспользоваться ею.

— Почему? — Эйнис весь превратился в слух.

— Потому что проводился сбор в пользу китайских

женщин, пострадавших от войны, и я просил, чтобы все деньги, которые мне следовали, перевели туда.

— Вот как! Боюсь, мистер Робинсон, наши читатели не поверят вам,— нагло заявил Эйнис.— За услуги такого рода платят, и платят очень щедро, как говорят.

Джемс Робинсон усмехнулся:

— Значит, по мнению ваших читателей и, повидимому, вашему собственному также, все шестьсот миллионов человек, присоединившихся к решениям конгресса, были заранее щедро оплачены Советским Союзом? Так, что ли? Ох, жаль мне вас разочаровывать, но боюсь, что бюджет даже такой богатой страны, как Советский Союз, не смог бы выдержать таких расходов.— И он насмешливо взглянул на журналиста.

Эйнис наблюдал за ним со смешанным чувством зависти и злости. «Ишь, ведь острит еще, черная скотина! — думал он.— Попробовал бы погулять в моей шкуре и попрыгать перед Миллардом и Клиффордом! Приди я без материала, который им нужен, так они в два счета меня вышвырнут из газеты. А тогда что будет со мной и моей Милли?»

Он решил сделать еще одну попытку:

— Мистер Робинсон, вот вы — такой друг своего народа, его певец и защитник,— не находите ли вы, что в результате последней войны условия жизни вашего народа улучшились?

— Улучшились в результате войны? — с недоумением переспросил Робинсон.

— Вот именно. Белые и цветные юноши сражались в этой войне бок о бок, и это создало теперь полное взаимное понимание.

Певец пожал плечами.

— Думаю, вы сами знаете, что говорите чепуху,— сказал он.— Но вот что я скажу вам. Даже если бы положение негров в результате войны улучшилось в сотни раз, ни один из нас не хотел бы новой войны и ни один не стал бы сражаться против России. Запишите это и постарайтесь не исказить.

— Что вы, что вы, мистер Робинсон! — с деланным возмущением воскликнул Эйнис.

Он спрятал блокнот и поднялся с места.

— Вам нечего больше добавить, мистер Робинсон? — осведомился он, направляясь к двери.

— Абсолютно нечего, — ответил певец.

...Два часа прошло со времени ухода репортера. И вот Джим Робинсон стоит на берегу и с горячей нежностью вспоминает о стране, которую недавно покинул. Это воспоминание необходимо ему сейчас, как лекарство, как единственное утешение. Потому что иначе нечем стереть горечь, которую оставил после себя представитель американской печати.

36. У РОБИНСОНОВ ГОСТИ

Побелели и распушились тополя. Как-то в весеннюю ночь раскрылись гроздья, похожие на зеленые ягодки, и наутро все сады на Парк-авеню были покрыты, точно свежевывающим снегом, тополевым пухом. Он летал хлопьями, оседал на волосах, покрывал лужайки и даже осмеливался забираться в дома и комнаты замка. Не признавая никаких преград и заслонов, он дерзал покуситься даже на кабинет самого Большого Босса и мягкими белыми шариками катался там по полу или забирался на письменный стол и прилипал к монументальной чернильнице.

Ох, и воевал же с этим пухом Образцовый Механизм! Он наступал на белые неуловимые комочки со всем воинственным пылом рьяной домоправительницы, преследовал его по всем апартаментам, сгонял в окна, в корзины, в мусоропроводы, в мешки пылесосов. А наутро пух был тут как тут и взлетал перед самым носом разъяренной миссис Причард.

Она мечтала спилить неряшливые деревья, которые только засоряют сад и комнаты замка, но, на ее несчастье, сынок Большого Босса, этакий великовозрастный лодырь, который в настоящее время пребывал вместе с мамашей где-то в Италии, очень любил тополевою аллею в саду и запах тополевых почек весной. Из-за этого в дни цветения тополей домоправительница не знала покоя и самолично трижды в день проверяла работу садовников, сгребавших только что выпавший тополевый пух с дорожек.

А вот с запахом миссис Причард никак не могла сладить! Запах тополей врывался, свежий, сладкий, конденсированный, как экстракт, в замок и наполнял угрюмые,

мрачные комнаты. И закрывай не закрывай окна, все равно все портьеры, кресла и подушки пропитывались запахом тополей.

Вообще весна внушала много беспокойства миссис Причард. Например, небо. Зачем оно такое излишне голубое и легкое и похоже не на приличное, выдержанное небо, а на девочкино платье! Миссис Причард предпочла бы более солидное небо, например серо-стального, излюбленного оттенка, который так шел к ней самой. Очень спокойный, немаркий цвет, приличествующий любому возрасту и умиряющий любое повышенное настроение.

А сейчас, когда еще появились такие розоватые облачка, и ласточки зигзагами чертят небо, и воздух напоен запахом тополей, ни за что нельзя ручаться!

Даже здесь, на Парк-авеню, природа, запертая за семью замками, начала заявлять о своих правах! То выпирал из-за решеток и оград цветущий куст жимолости, который рос вопреки всем ножницам и рогаткам, то появлялся там, где ему было не положено, золотой цветок одуванчика, то вырастала вдруг зеленая травинка. Нет, нет, пора покончить с этим буйством весны, тем более что и собственная дочь ходит какая-то беспокойная, неуравновешенная и все куда-то стремится уйти!

— Куда ты направляешься, Патриция?

— Я... я хочу зайти в скаутский клуб, ма. Там... там девочки просили показать им узор... вышиванье рিশелье...

— Но ведь сегодня суббота. Разве ты забыла, что по субботам к нам всегда приходят миссис Эйнис с сестрой и несколько дам из моего клуба? И ты знаешь, я не люблю, когда ты возвращаешься вечером одна.

— Но, ма, я совсем не надолго. На часок, не больше.

— Кстати: кто тебе звонил два дня назад? Голос совсем мне незнакомый.

— Это... это одна девочка из нашего класса. Ты ее не знаешь, ма.

— Можешь идти, но возвращайся скорее, дитя мое. Ты поможешь мне приготовить салат и занять гостей. Я хочу, чтобы ты приучалась свободно держаться в обществе.

Уф! Как трудно лгать собственной матери, да еще

когда тебя в упор сверлят острыми буравчиками серые глазки!

Пат вышла из ворот замка, чувствуя себя беспокойной. Тотчас же ее обволокла теплота весеннего вечера, струящаяся, как парное молоко, аромат расцветающих крокусов и фиалок. Скорей, скорей на остановку автобуса, чтобы никто не мог догнать, выследить!

— Хэлло, Патриция! Подвезем вас?

Девочка вздрогнула.

У поворота шоссе стоял открытый облезлый «форд», на котором торжественно восседали Рой Мэйсон и Фэйни Мак-Магон. Оба они свесились со своих сидений и с улыбкой смотрели на Пат. За рулем торчал какой-то парень в замасленной куртке.

— А мы выехали прогуляться, полюбоваться на замок,— продолжал Рой, как бы не замечая смущения девочки.— Вдруг видим — Патриция. Ну, давай, говорю, подвезем ее, куда ей нужно.

— Большое спасибо, Мэйсон, только мне тут совсем поблизости... Мать поручила кое-что принести... — Пат с трудом выговаривала слова.

— Ага, поручение матери! Понимаем... — вмешался Фэйни, подмигивая товарищу.— Что же, Пат, мы растоянием не стесняемся, можем и полквартала подвезти. Не правда ли, Сэм? — обратился он к шоферу.

Тот глухо захихикал.

— Садитесь, садитесь, Патриция! — с удивительным радушием приглашал и Рой.

Пат с отчаянием смотрела на «фордик». Неужели ей не удастся избавиться от непрошеного приглашения?

— Нет, мальчики, я предпочитаю идти пешком. Ведь сейчас такой прелестный вечер! — ухватила она за удачную мысль.

— В самом деле, вечер прекрасный! — воскликнул и Рой.— А что, Фэниан, не пройтись ли и нам вместе с Патрицией? Кстати, поможем ей донести сумочку.— Он сделал вид, что собирается выпрыгнуть из автомобиля.— Патриция, разрешите двум бездельникам сопровождать вас? — продекламировал он, становясь в галантную позу.

— О-кэй! — Фэйни наслаждался выдумкой приятеля.— Мне прямо до смерти охота прогуляться с Патрицией!

Девочка озиралась, как загнанный зверек.

— Я должна сказать вам... под большим секретом: ма не позволяет мне ходить с мальчиками, которых она не знает,— выговорила она чуть слышно.

Рой невозмутимо смотрел на нее.

— Вот как...— протянул он.— Какая странная у вас мать, Патриция! Очевидно, она воспитывалась еще в прошлом веке!

Фэйни хохотал в кулак.

— Да, да! — твердила Пат, радуясь своей выдумке.— Она никогда не позволяет мне ходить с незнакомыми ей мальчиками.

— Так, так... Ну что ж, придется гулять одним,— сказал с сожалением Рой.— А жаль, право. Так хотелось бы проводить вас...

Он все еще не давал сигнала к отправлению, и Пат, быстро кивнув обоим мальчикам, должна была под их взглядами пересечь улицу и направиться к дальней остановке автобуса. Она шла быстро, все время чувствуя на себе эти взгляды, от которых ей было так не по себе.

«Ну, что они могут мне сделать, эти мальчишки? — пыталась она себя успокоить.— Мне просто не повезло, что они оказались как раз на моем пути...»

Впрочем, если бы Пат оглянулась, она увидела бы две кривляющиеся физиономии, которые, быть может, навели бы ее на кое-какие догадки.

Однако девочке некогда было оглядываться — ведь она через час обещала вернуться!

Там, куда направлялась Пат Причард, уже собралось несколько друзей. Правда, собрание это ничуть не походило на рауты миссис Сфикси или даже на пятичасовые чаи мисс Вендикс. Здесь не было ни тщательного перемывания чужих косточек, ни великосветских новостей о путешествиях на яхтах или свадьбах миллионеров. Не было здесь ни вышитых салфеточек, ни специальных лопаточек для русской икры и вилок для лангуста. Нет, все здесь было просто: и оладьи с патокой, и вареная капуста, и домашнее пиво, которое любил покойник Тэд и так охотно пил его брат Джим.

— Узнаю золотые ручки стряпухи! — воскликнул Джим, увидев на кухонном столе всю эту прелесть.

Салли шутливо провела по его щеке рукой, испачканной в муке: ей до смерти хотелось наконец-то пострепать для себя, для своих собственных гостей, а не для

визитеров какой-нибудь миссис Сфикси, куда ее звали в дни больших праздников. И в этот день Салли встала чуть не на заре, чтобы замесить тесто и приготовить все для «приема», как в шутку говорил Чарли.

Впервые после смерти мужа Салли запела песенку, ту самую, которую они пели вместе с Тэдом. Постойте, как же она начиналась, эта песенка? Ах вот, вспомнила!

От тебя зависит, Долли,
Чтобы слезы я не лил.
От тебя зависит, Долли,
Чтобы виски я не пил.
От тебя зависит, Долли,
Мой веселый, громкий смех,
От тебя зависит, Долли,
Чтоб я стал счастливей всех!

Тэд, когда пел, всегда имя Долли заменял именем Салли и при этом многозначительно и шутливо смотрел на жену.

Светло-светло было на сердце у Салли: в доме был дорогой гость и встал наконец с постели Чарли, ее мальчик. Повязка еще перерезала лоб Чарли, но чувствовал он себя вполне здоровым и бодрым. Он даже порывался с утра отправиться на пустырь испробовать подарок дяди — новое духовое ружье, но мать налетела на него, как буря:

— Немедленно уложу в постель и отберу ботинки!

Чарли покорился. Впрочем, ему и в доме было достаточно интересно в этот день. Давно уже маленький домик горчичного цвета не видел гостей. Чарли то помогал матери на кухне, то бежал открывать дверь и провожал гостей в единственную парадную комнату домика, служившую одновременно столовой, гостиной и кабинетом для семьи Робинсонов.

У искусственного камина, где грудой лежали сосновые шишки, собранные Салли еще осенью, стоял певец, радушно встречая каждого гостя.

Первым явился Джордж Монтье — старый приятель Джима, с которым они еще в юности выступали в каком-то кабачке. Джорджу не так повезло в жизни, как Джиму, но он ничуть не завидовал певцу и гордился тем, что Джим приглашает его аккомпанировать на концертах.

— Вы не шутите, я аккомпаниатор самого Робинсона! — говорил он, когда владельцы ресторанов хотели нанять его за ничтожную плату.

Джордж уже виделся с певцом в первые дни приезда и тогда же условился с ним, что подыщет подходящее помещение для концерта, который Джим хотел дать для населения Восточной окраины.

Теперь музыкант пришел расстроенный и возмущенный.

— Как вам это нравится! — начал он еще с порога. — Ни одного свободного зала, точно у нас в городе пропасть лекций, концертов и театральных представлений! У Тернера все вечера расписаны на неделю вперед. Владелец «Маджестика» говорит, что у него ремонт. Зал студенческого «Клуба волкодавов» тоже на ближайшие пять дней занят каким-то проклятым проповедником вечного блаженства! — Он приблизился вплотную к Джиму и тронул его за руку: — Думаешь, я верю всей этой шумихе с залами? Неужели, если бы приехал какой-нибудь гипнотизер-шарлатан или гадалка, они не нашли бы помещения! Да сколько угодно! Видишь ли, здесь все знают, что ты выступал на конгрессе, и прошел слух, что ты был у красных, поешь разные революционные песни. Вот хозяева и не хотят наживать неприятности и объясняться потом с бюро расследований и с полицией.

— Ох, трусы проклятые! — не выдержал Чарли. — Я бы им сказал!

— Спокойно, мальчик, спокойно! — Джим закурил сигарету. — Что ж, Джордж, попробуем поискать помещение где-нибудь здесь, в Горчичном Раю. Я думаю, что в американском городе не все люди трусы и негодяи... Я, знаешь, еще не разуверился в американском народе.

— Идеалист! — пробормотал Джордж. — Ты все еще думаешь, что в Америке каждый получает то, что ему следует.

Джим хотел что-то ответить музыканту, но в эту минуту явились новые гости и заполнили комнату веселым гулом приветствий, поцелуев и рукопожатий. Это были, как всегда, воинственный, бодрый, готовый схватиться в споре Цезарь со своей неизменной трубкой, одетая во что-то яркое и блестящее как оперенье райской птицы, Маргрет с Нэнси и постоянная их спутница — Мери Смит.

Поздоровавшись с гостями, Салли умчалась на кухню за оладьями, а девочки тотчас же устремились к Чарли.

— Ты уже встал? Вот хорошо-то! Когда же в школу? Без тебя так скучно в классе... Даже вице-президент Принс недавно приходил и спрашивал о тебе — скоро ли ты придешь. Он надеется, что к экзаменам ты поможешь ему подтянуть «малюток», а то у нас все разболтались... Даже вот она, — Нэнси показала на Мери, — даже она ухитрилась заработать у Ричи «эф» по литературе.

Мери покраснела.

— Это... это было, когда ты лежал в больнице, Чарли, — шепнула она. — Я... у меня тогда совсем не работала голова... — И она преданными, жалкими глазами взглянула на мальчика.

— Не горюй, Мери, я уверен, ты скоро опять получишь свои ленточки, — дружески утешал Чарли.

— А я написала стихи, — сообщила, сияя, Нэнси. — Василь уже положил их на музыку. Сегодня он обещал притти со скрипкой и сыграть нам что-нибудь, если не побоятся твоего дяди.

— Что же его бояться! — засмеялся Чарли. — Дядя Джим такой добрый... И он обязательно должен послушать Василя. Может, он сумеет ему помочь учиться музыке.

— Вот было бы чудесно! — воскликнула Нэнси. — Василь играет так, что мог бы выступать перед самим президентом!

Чарли иронически фыркнул:

— Подумаешь — перед президентом! Готов держать пари, что президент ничего не смыслит в музыке. Вот если бы ты сказала, что он может выступать без страха перед каким-нибудь знаменитым музыкантом, — это я понял бы... А то — перед президентом!

— Ой, смотрите, кто идет! — воскликнула вдруг Мери, взглянув в окно. — Патриция! Сама Патриция Причард!

Хорошо, что у Чарли была темная кожа, иначе девочки увидели бы, каким жаром опалило его лицо. Он выпрямился и, не двигаясь с места, с напряжением смотрел на дверь.

Пат вошла, пугливо озираясь по сторонам. Господи! Одни негры! Куда она попала? Что сказала бы мама, если бы узнала, где находится ее дочь?! Впрочем, вот одна

белая девочка — Мери Смит, но она не в счет — ее мать что-то вроде швейки или продавщицы в магазине...

Краска то пропадала, то появлялась на бледных щеках Пат. Вот Салли Робинсон, та самая Салли, которая иногда приходит к ним на кухню стряпать и помогать маме. Посмотрите-ка на нее, какая она сегодня нарядная и величественная, как снисходительно-ласково она здоровается с ней, с Патрицией Причард!

— Очень рада видеть вас у себя, мисс Патриция.— Салли благожелательно смотрела на важную барышню.— Слава господу, сынок мой совсем поправился, встал сегодня с постели.

— Да, мэм,— пробормотала Пат.

— А вот это мой шурин — Джемс Робинсон,— продолжала Салли.— Вы, наверное, читали о нем в газетах, мисс?

— Да, мэм,—опять пробормотала Пат, не смея поднимать глаза на высокого черного человека, который смотрел на нее с легкой насмешкой.

О, Джим отлично понимал, что чувствует сейчас эта белая девочка из Парк-авеню, попавшая в «черное гнездо»! Ничего, ничего, барышня, надо приучаться, может скоро настанет такое время, когда вы сочтете честью для себя позвать руку негру!

Чарли тоже смотрел на девочку, недоумевая, отчего она так смущена. Наверное, Пат просто стесняется: в комнате так много незнакомых людей.

Он пришел ей на помощь.

— Как хорошо, что ты зашла к нам, Пат,— сказал он, застенчиво нагнув голову.— Я... видишь... я уже совсем выздоровел.

Пат кивнула ему и девочкам, как будто только что их заметила.

— Раз ты просил, я не могла не притти,— сказала она с величием королевы.— Я всегда исполняю такие просьбы.

Чарли наморщил лоб под повязкой.

— Просил тебя притти? Когда это было? — удивился он.

— Девочка, которой ты поручил протелефонировать мне, позвонила третьего дня и сказала, чтобы я пришла в субботу навестить тебя,— объяснила Пат.— И вот видишь: я здесь.

Она посмотрела на Чарли с таким видом, как будто приносит ему величайшую жертву, за которую он должен быть вечно благодарен. Однако мальчик вовсе не был склонен принимать жертвы.

— Послушай, это какая-то ошибка, — сказал он. — Я никому не поручал звонить тебе.

— Ах, так! — вспыхнула Пат. — Значит, я вовсе не приглашена сюда и ты не рад мне? Значит, по-твоему, я вру?

— Врет, врёт! Все врёт! — азартно шептала на ухо Нэнси Мери. — Никто ей не звонил! Просто ей стало совестно, что она ни разу не была в больнице, вот она и притащилась сюда.

— Напротив, Пат, я очень рад, что ты пришла, — старался Чарли успокоить рассерженную девочку. — Я очень хотел тебя видеть... Только я не звонил, честное слово! Я никому не поручал звонить тебе...

— Тогда я пойду, — решительно двинулась к двери Пат. — Ты уже здоров, ты не звал меня, и я вовсе не хочу быть навязчивой.

Чарли широко раскинул руки:

— Никуда я тебя не пущу! У нас сегодня гости по случаю приезда дяди Джима, и мы все очень просим тебя остаться. Вот и девочки просят тебя. Не правда ли, Нэнси, Мери, вы очень рады, что пришла Пат, и вы просите ее остаться с нами? Ведь так?

Девочки вняли его взволнованному голосу. Нэнси первая сказала приветливо:

— Ну, конечно, Пат, ты должна остаться с нами. И мама Чарли будет обижена, если ты уйдешь до чая.

— Не уходи, Патриция, — буркнула и Мери, стараясь не смотреть на бывшую подругу.

Пат нерешительно скользнула взглядом по комнате. По правде сказать, ей очень не хотелось так бесславно уходить, после того как она с таким трудом выбралась из дому. Да и мать непременно спросит, почему она вернулась так рано. Но, с другой стороны, оставаться непрошенной в этом ужасном обществе... Впрочем, Чарли, наверное, лжет. Конечно, ей звонили и просили притти по его поручению, но он стыдится девочек и потому не хочет признаваться. На этой мысли Пат окончательно успокоилась. К ее величайшему облегчению, явились но-

вые посетители, и на этот раз даже белые. Правда, это не были настоящие леди и джентльмены с Парк-авеню, к которым привыкла Пат, а всего только близнецы Квинси, Джой Беннет и Василь со своими отцами — простыми рабочими, но все-таки это были белые люди. И Пат осталась.

Салли внесла огромное блюдо дымящихся оладий, кувшины с патокой и пивом и позвала всех к столу.

— Ого, какое роскошное угощение! Не всякий день наш брат безработный сможет так полакомиться! — шутиливо воскликнул маленький Квинси.

— Какие безработные? О чем вы говорите? — тревожно сдвинула брови Салли.

— Как «какие»? Да вот мы с ним, — Квинси указал на Гирича, — уже три дня гуляем. Хорошо еще, что нас просто выкинули с завода, а не увезли на полицейской машине.

— Да, тут нам просто повезло, — кивнул Иван Гирич. — Когда этот сыщик принялся нас шупать поодиночке, я решил, что нам не вырваться.

— Господи, что же это! — воскликнула Салли. — Значит, вы оба теперь остались без работы?

— Подожди, дорогая, — вмешался молчавший до этих пор Джим Робинсон, — пускай наши друзья расскажут подробнее, что с ними произошло.

Квинси обвел глазами присутствующих. Джим, Маргрет Гоу, Беннет-отец, Цезарь... А там, у окошка, Чарли со своими подружками. Да, все свои люди, можно не опасаться... Он незаметно кивнул Гиричу.

И при общем молчании Иван Гирич рассказал о том, что случилось три дня тому назад в обеденный перерыв на заводе. Он рассказал, как его и Квинси притащили в контору, как там их допрашивал не только Коттон, но и сыщик, которого, очевидно, вызвали специально для этого. А после того как выяснилось, что и Гирич и Квинси — члены профсоюза, сыщик начал шептаться о чем-то с Коттоном. Тот кивнул и сказал — ему теперь все ясно: «Они всюду проводят антипатриотические забастовки, и вообще это дело рук коммунистов». После этого их обыскали и нашли у Гирича карманный географический атлас, на котором стояло имя мистера Ричардсона. Тут и сыщик и Коттон перемигнулись, забрали атлас и долго выспрашивали Гирича, в каких отношениях находится он

с мистером Ричардсоном и известно ли ему, что Ричардсон ведет коммунистическую пропаганду на заводах.

— Ну, я их послал к дьяволу и сказал, что этот атлас дал в школе моему сынишке учитель, о котором я знать ничего не знаю. Сынишка приносил мне обед и нечаянно оставил атлас, а я его подобрал, — рассказывал Гирич.

— Молодец, что нашелся! — сказал Цезарь, ожесточенно пыхтя трубкой. — За Ричи и так идет слезка, это мы знаем. Не нужно, чтобы его имя лишний раз упоминалось в донесениях полиции...

Все были подавлены рассказом Гирича. Разговор не клеился. Джим Робинсон молчал и курил сигарету за сигаретой. Мальчики и девочки, сидя отдельной группой за маленьким столиком у окна, старательно уничтожали оладьи и во все глаза смотрели на «большой» стол. Салли носилась от одного к другому, уговаривая не стесняться и кушать хорошенько. В одну из длинных пауз за окном раздался звук, певуче-пронзительный, дикий, лесной.

— Дядя Пост! — воскликнула Салли, бросаясь к дверям. — Это он!

Она выбежала на крыльцо и увидела знакомое оливковое чудовище, на сиденье которого торчал, как птица на жердочке, старый почтальон.

— Письмо для Джемса Робинсона, мэм, — сказал он, вежливо прикасаясь к фуражке.

— Давайте его мне, дядя Пост. — Салли вытерла руку о фартук. — Джим сейчас здесь, в доме.

— Простите, мэм, я хотел бы вручить его лично самому Джемсу Робинсону, — сказал, вопреки обыкновению, очень официально дядя Пост; при этом он яростно затеребил нос.

Салли с недоумением посмотрела на него. Она даже чуть-чуть обиделась за такое недоверие.

— Олл райт. Сейчас я вызову Джима, — сказала она, скрываясь в доме.

На крыльцо тотчас же вышел Джемс Робинсон.

— Хэлло, старина! — приветливо помахал он рукой дяде Посту. — Ну и шикарный же у вас экипаж! А где моя старая приятельница Фиалка, которую бывало я кормил сахаром?

— На живодерне, — мрачно сказал почтальон. —

К 246 сmp.

Нынче у нас старость не в почете, да и техника вытеснила живую тварь. — Он наклонился на своем сиденье и поманил певца: — Вам письмо, мистер Робинсон. Видать по марке — из России. Только я хотел вас предупредить: оно уже побывало кое у кого в руках. Имейте это в виду. Я-то знаю, откуда оно вернулось к нам на почту и где путешествовало так долго. Жалею, что не успел перехватить его во-время.

Джим Робинсон повертел в руках искусно заклеенное письмо с маркой, на которой был изображен московский Кремль.

— Хорошо умеют замечать следы, чорт возьми! — усмехнулся он. — Я вам очень благодарен, дядя Пост, за сообщение. Это очень важно.

Дядя Пост нагнулся к самому уху певца.

— Теперь держи ухо востро, сынок, — зашептал он. — Они за эту московскую марку готовы глотку перегрызть человеку. А за тобой уже числятся кое-какие грехи.

Джим невесело засмеялся.

— Уэлл,— сказал он,— Зайдите, дядя Пост, в дом выпить пивка. Промочите горло.

Дядя Пост покачал головой: нет, он очень торопится, адресаты Горчичного Рая ждут почту. И, повозившись, как обычно, со стартером, почтальон с грохотом покатил дальше.

Джим Робинсон тут же, на крыльце, проглядел письмо и еще более задумчивый вернулся в дом.

Люди за столом выжидательно смотрели на него.

— Вот, получил письмо из Советского Союза, — сказал он. — Пишут мои русские друзья, сообщают последние новости. Пишут, что на главной улице в Москве расцвели сорокалетние липы, которые при мне только высадили. Мальчик, сын моего приятеля-слесаря с автозавода, окончил с золотой медалью школу и теперь поступает в университет, на историческое отделение. А отец его собирается вскоре поехать в санаторий на берег Черного моря — отдохнуть, полечиться.

— Сын слесаря — в университет?!

— Слесарь — отдыхать у теплого моря?!

Шопот прошелестел над столом, или то вздохнули бедняки Горчичного Рая? Кто мог бы это сказать!

— Расскажи нам, Джим, обо всем, — сказал Цезарь, здоровой рукой притягивая к себе певца. — Ты же

видишь, народу прямо не терпится узнать самую настоящую правду.

— Да, мистер Робинсон, расскажите!.. Расскажи, Джимми! — раздались нетерпеливые голоса. — А то нас здесь пичкают чорт знает чем!

Джим Робинсон, высокий, с чуть опущенными, усталыми плечами прошелся по комнате, задумчиво оглядел обращенные к нему лица черных и белых друзей.

— С чего же мне начать? — тихонько спросил он, обращаясь больше к самому себе. — Конгресс... потом Москва... Россия... русские люди...

И негритянский певец Джемс Робинсон начал рассказывать этим детям Горчичного Рая о далекой могучей стране, рассказывать правду, которую они слушали, как волшебную сказку.

Леса и реки, возникающие в пустыне. Возрожденные из пепла города. Крестьянки, заседающие в парламенте. Фруктовые сады в городах. Упорство и вдохновение народа. Подземные дворцы метрополитена. Корейские рабочие, обучающиеся в консерватории. В аудиториях университета узбеки, русские, армяне, евреи, таджики... он не помнит их всех, помнит только, что все они — настоящие друзья. Студенты в университетах получают денежную помощь от государства. А если ты заболеешь, то к тебе придет врач и будет ходить каждый день и бесплатно поместит тебя в больницу. Детям отданы красивейшие сады и дворцы, к ним приезжают ученые, артисты и писатели. И каждый человек может выбирать тот путь в жизни, который ему больше нравится.

Он вспомнил историю белокурой кудрявой девушки — проходчицы из шахты метрополитена. Он познакомился с ней и даже был у нее дома. Эта девушка стала депутатом парламента, и к ней на прием ходят люди со всеми своими нуждами, и она учится, чтобы разобраться во всех вопросах жизни.

А еще он знал на Украине простого маляра, который был губернатором целой области величиной с большой штат. И надо было видеть, как умно распоряжался этот маляр своим огромным хозяйством, как умело он подбирал людей!

Робинсон рассказывал сбивчиво, перескакивая с предмета на предмет, здесь не кончая, там вдаваясь в мельчайшие подробности, но видно было, что ему страшно

хочется передать всем сидящим здесь, в этом доме, свою любовь и восхищение русскими людьми, их страной.

Нет, пусть не лгут здешние правители! Русские не хотят войны, им не нужна Америка. Им достаточно просторно в своей собственной стране и дай бог управиться с собственными делами.

Они строят города, сажают сады, учат детей — им вполне хватает дела у себя дома. Нет, русские люди не хотят войны, и он, Джим, клянется в этом своей жизнью! Он был в сердце страны, и на юге, и на западе, и всюду люди мирно трудились...

— А на Карпатах вы, случайно, не были? — дрожащим от волнения голосом спросил Иван Гирич.

Он слушал, весь подавшись вперед, и яснее всяких слов говорило его загорелое, туго обтянутое кожей лицо. Он тянулся к Джиму нетерпеливо и жадно.

— На Карпатах?... Пойдите... Да, да, конечно, я был и на Карпатах и в Закарпатье, — сказал Джим. — Я был там в одном чистеньком, милом городке. Пойдите, как же его название? — Джим торопливо пошарил в карманах. — Ага, вот записная книжка, тут у меня записано. — Он развернул книжку. — Вот... Му-ка-чев, — с трудом выговорил он незнакомое слово.

— Мукачев? То ж наше мисто! — закричал Гирич, переходя на украинский язык и не замечая этого. — Василь, чуешь? Вин був у Мукачеви!

— Чую, нянько, — отвечал Василь, тоже охваченный волнением. — Только говори по-английски, отец, а то ты забылся, тебя не понимают, — добавил он.

— Ох, извините меня, мистер Робинсон! — спохватился Гирич. — Я совсем потерялся от радости. Да не молчите, расскажите нам, бога ради, о нашей родине! Ведь я родился на Верховине — рукой подать от Мукачева!

— О, я так рад, что могу вам рассказать о родных местах! — просил Джим. — Там очень-очень хорошо. При мне строились целые новые селения, больницы, школы в селах. В долинах сажали апельсиновые и мандариновые деревья, разводили новые виноградники...

— Чуешь, Василь: мандариновые деревья! — снова воскликнул Гирич.

— Чую, нянько! — отвечал голос Василя. Мальчик грудью навалился на стол и не сводил глаз с рассказчика.

— А в горах возле Мукачева я встретил маленького пастушонка, которого отправили учиться в Ужгород, в музыкальную школу, потому что у него оказались большие способности и он хорошо играл на скрипке, — продолжал рассказывать Джим.

— Пастух — в музыкальную школу?! Чуешь, Василь! — отчаянным голосом сказал Иван Гирич.

— Чуую, — раздался мрачный ответ.

Если бы знал Джим Робинсон, каким огнем жжет он этих людей! А может быть, он и знал, этот умный, знаменитый на весь мир негр, и нарочно растравлял раны, чтобы заставить людей действовать, бороться, добиваться своих прав. Кто мог бы сказать это наверное!

37. ПОЯВЛЕНИЕ РИЧИ

По-разному слушали Джима Робинсона школьники. Бэн и Вик Квинси, которые уже третий день сидели на голодном пайке, отдавали больше внимания оладьям, хотя и прислушивались к тому, что говорил певец. Пат сидела, вытянув тонкую шею, боясь пошевелиться. Господи, куда она попала? Оказывается, они не только чернокожие, но и коммунисты! И страшный призрак того, что на Парк-авеню называлось «красной опасностью», маячил перед ней в образе высокого человека с опущенными плечами. Девочка молчала и даже не отвечала на тихие вопросы Чарли, который то и дело спрашивал, почему она ни до чего не дотрагивается. Впрочем, соседки Пат тоже невнимательно относились к оладьям: и Нэнси и Мери плохо верили тому, что рассказывал Джим Робинсон, но так прекрасна была та страна, о которой он говорил, так не похожа на их собственное существование была жизнь этих далеких русских, что они слушали, затаив дыхание, и могли бы слушать так целую ночь.

«Вот где я стала бы великой поэтессой!» вздыхала про себя Нэнси.

Василь внимал рассказу с тяжелым, гнетущим чувством. Для него это не было сказкой. Страна, которая лежала далеко за океаном, была великой страной славян, к которой принадлежал он сам, в которой родился он, родились его отец и дед. Первым и самым естествен-

ным порывом было сорваться с места и бежать, лететь в эту страну. На миг он забылся, представив себя уже на родной земле. Но тут же оглушительно затрещал за окном полицейский мотоцикл, и мальчик очнулся. Тяжелая, мучительная зависть, знакомая всем, кто стремится к заведомо недоступному, поднималась в нем. И потому так сдвинулись брови и такие угрюмые глаза были у Василя.

Джим Робинсон рассказывал о том, как он был в Москве на празднике Первого мая. Это был праздник молодости, и девушки танцевали на украшенных гирляндами площадях. Сияло солнце, ветер шевелил алые флаги, а когда стемнело, мириады огней зажглись над городом и блистающим контуром обвели древние темные башни Кремля. И было столько музыки, так певуч и полнозвучен был весь город, что певец почувствовал себя наконец в родной стихии. Он шел по улицам и пел вместе со всем народом, и со всех сторон тянулись к нему сотни дружеских рук, и незнакомые люди заговаривали с ним.

Еще и еще вспоминал черный Карузо...

Подошла Салли, тронула его за рукав.

— Джим, — сказала она, — и у нас сегодня должна быть музыка. Помни, ты обещал нам петь... Но раньше мы послушаем нашего маленького друга — Василя. Он сыграет нам на своей скрипке.

И она ласково кивнула мгновенно покрасневшему мальчику.

Играть при этом знаменитом на весь мир певце! Играть вот так, без всяких нот, на старой, дедовской скрипочке! Василь робко посмотрел на отца, на Чарли...

Но кругом уже хлопали крепкие рабочие ладони, кричали свои ребята, и Василь вышел из-за стола и взял скрипочку, завернутую, как ребенок, в большой платок.

Все затихло. Робкий, дрожащий звук, похожий на крик ласточки, вырвался из скрипки. За ним взлетел, внезапно окрепнув, второй, и вот уже серебристые, хрустальные звуки рассыпаются, бегут, догоняют друг друга и вдруг взмывают все вместе и парят высоко, где свободно гуляет ветер, где ходят прозрачные розовые облака и радуга цветистой аркой подпирает небо.

Длинные пальцы мальчика побелели в суставах — так

крепко он держит смычок. Блестит влажный лоб, пересохла губы.

Какую песню, сладкую и незнакомую, но дорогую всем, играет Василь! Последний звук — как глубокий, во всю грудь, вздох.

Василь видит перед собой озаренное внутренним огнем лицо.

— Спасибо тебе, мой мальчик, я получил огромное наслаждение,— говорит Джим Робинсон, схватив тонкую, бледную руку. — У тебя душа большого музыканта, и ты будешь им, клянусь своей жизнью!

А кругом хлопают так, что вот-вот рухнут хрупкие стены домика, и отец Василя гордо смотрит на радостно смущенного сына.

— А теперь спой нам ты, Джим,— говорит Цезарь, пряча трубку и приготавливаясь к новому удовольствию. — Ты спой, а Джордж Монтье будет тебе аккомпанировать. Улыбающийся Джордж берет гитару.

Темные пальцы пробегают по струнам. Раздается мягкий, бархатистый аккорд. Джим Робинсон выходит на середину комнаты.

Сейчас люди Горчичного Рая вновь услышат этот голос, прославленный на весь мир, голос, которым одинаково восторгаются короли, президенты и простые люди.

Но в этот момент распахивается дверь, и в комнату входит новый гость.

— Мистер Ричардсон! — радостно восклицает Салли и спешит навстречу гостю. — Джим, друзья, вы знакомы с мистером Ричардсоном. Он учитель Чарли, наш друг.

Ричи жмет ей руку и кланяется Джиму.

— К сожалению, мэм, я уже больше не учитель,— говорит он просто. — Сегодня в полдень меня уволили.

Кто-то громко ахает, кто-то со стуком опускает на стол сжатые кулаки.

Пат Причард, пользуясь тем, что все заняты учителем и даже Чарли не обращает на нее внимания, проскальзывает к дверям. Скорей, скорей уйти! С нее довольно! Сейчас здесь разразится буря, и тогда не поздоровится мистеру Милларду, и мистеру Сфикси, и всем тем, кто выгнал из школы Ричи. Она, Пат Причард, не понимает, за что выгнали Ричи, он довольно милый преподаватель. Но, вероятно, Большой Босс лучше знает, почему не следует держать Ричи в школе. Ма говорит, что у Боль-

шого Босса замечательная голова и он никогда не действует наобум. Как знать ей, Пат, прав или виноват Ричи! Вот он ворвался сюда, к этим неграм, как в свой собственный дом, и здоровается за руку с Салли и с певцом, как будто они ровня. Все они — настоящие красные.

Теперь Пат своими ушами слышала, что они говорят и как расхваливают коммунистические порядки в России. Недаром гости, которые приходят в замок, утверждают, что люди из Горчичного Рая — первые смутьяны и бунтовщики. Миссис Сфикси недавно еще пророчила, что коммунисты заберут в свои руки всю Америку — и тогда порядочной леди придется одеваться в отрепья и самой стирать белье.

А Чарли — настоящий дурак, смотрит в рот своему черномазому дяде и верит всему, что тот плетет. Напрасно Пат считала его таким развитым и умным. Пожалуй, этот южанин Мэйсон гораздо умнее и одевается так изящно...

С такими мыслями Пат Причард потихоньку выбралась на крыльцо.

Было уже совсем темно. Несколько фонарей и свет, идущий из лавчонки напротив, слабо освещали дорогу и тротуар. В открытую дверь лавки Пат могла видеть развешанные у полок конфеты-хлопушки — предмет вожделения здешней детворы, мешок соленых земляных орехов, коробки с жевательной резинкой, нарезанную рыбу, жарящуюся на сковородке, и двух-трех рабочих, закусывающих у стойки. Ох, и зачем только она пошла в этот Горчичный Рай! Вон как здесь темно и неудобно! И какие здесь страшные люди!

И вдруг глаза Пат различили стоящую у противоположного тротуара машину. Она смутно угадывала знакомые очертания автомобиля, в котором ее мать ездит на ферму Милларда за свежими яйцами и творогом для самого Босса. Нет, не может быть, чтобы она ошиблась! Вон и светлый чехол торчит на заднем сиденье. Пат содрогнулась.

И почти тотчас же из автомобиля раздался хорошо знакомый, железный голос:

— Патриция, я тебя вижу. Подойди сюда, Патриция.

Ватными ногами девочка пересекла улицу и подошла к автомобилю.

Мать сидела за рулем в своей неизменной серой шляпке и в серых перчатках.

— Садись!

Девочка покорно села. Однако Образцовый Механизм не спешил трогаться с места.

— Когда мне сказали по телефону, что моя дочь отправилась к мальчишке-негру, что она забыла всякий стыд и всякие приличия, я не поверила,— начала миссис Причард. — Все же я решила самолично проверить и убедиться, что все это ложь и гнусный поклеп на мою дочь. Я бросила приготовление торта и салата и приехала сюда. Я увидела в доме вдовы Робинсон свет и услышала голоса многих людей. Первая часть сообщения оказалась справедливой: в доме были гости. При мне в дом вошло несколько человек — негров и белых самого низкого положения. Но я все еще не верила, что среди этих людей может находить удовольствие моя дочь. И вот сейчас я убедилась, что это так.

Миссис Причард выдержала эффектную паузу и полюбовалась произведенным впечатлением. Дочь сидела, опустив голову, дрожа.

— Завтра же я поговорю с Салли Робинсон. Она должна внушить своему мальчишке, что он не пара моей дочери. Он не смеет приглашать в гости Патрицию Причард, как какую-нибудь черномазую девчонку. Если он и его мать не понимают этого, я им внушу, я найду способ внушить им правила должного поведения.

— Ма, они меня не приглашали... — робко заикнулась Пат. — Честное слово, ма...

Миссис Причард встрепелась:

— Что? Ты хочешь сказать, что сама, по собственной инициативе побежала к этому мальчишке, забыла свой долг, оставила мать и ее гостей и отправилась в этот черный дом?

— Нет, нет, ма, я не сама! — защищалась Пат. — Мне кто-то позвонил — я не знаю кто — и сказал, что Чарльз просит меня притти. Но меня обманули.

— Значит, тебя обманом завлекли в этот дом? — Казалось, Образцовый Механизм очень обрадовался. — Так, так, очень хорошо... Негры обманом залучают к себе белых девушек! Хорошо, все это будет доложено кому следует. Пускай все узнают! Я больше не потерплю этого!

Дочь заплакала.

— Почему ты плачешь? Они тебе что-нибудь сделали? Обидели тебя?—бурно набросилась на нее мать.—Говори скорее, что там происходило, у этих Робинсонов!

— Нет, ма, меня не обижали... И там... там ничего не происходило... Просто там разговаривали... Говорили о Советах... о России,—сквозь слезы выговаривала Пат.—Дядя Чарльз получил оттуда письмо...

— Вот оно что... — Миссис Причард призвала на помощь все свое хладнокровие. — Патриция Причард, ты попала в самый центр коммунистов, — объявила она торжественно. — Ты обманула свою мать и будешь пожинать теперь плоды своего преступления.

Пат зарыдала. Миссис Причард зажгла фары, и автомобиль, зло блестя глазами, побежал прочь из Горичного Рая.

38. С НОВА БОЛЬШОЙ БОСС

Это происходило еще задолго до полудня. Мы должны теперь забыть о том, что были в субботний вечер гостями Робинсонов, и вернуться к утру субботы, к тому самому утру, когда у въезда в замок Большого Босса, у знаменитых средневековых ворот, появилось столько автомобилей, что всякому стало бы ясно: у Милларда — серьезное совещание.

Впрочем, так оно и было. Правда, еще до совещания в кабинете замка состоялась негласная встреча неофициального хозяина города с майором Симсоном, Коттоном, сыщиком Ньюменом и какими-то дюжими, но весьма расторопными молодцами.

Молодцы скромно выстроились у стен, поедая глазами своих владык. Миллард казался сильно раздраженным, и это чувствовали все, кому приходилось нынче общаться с Большим Боссом. Даже майор Симсон, большой, крепко сбитый, с бравой выправкой образцового, ни в чем не сомневающегося служаки, несколько раз терял свою выдержку и начинал лепетать нечто несовместимое с его полицейским достоинством.

Вот и сейчас, по-мальчишески краснея, он стоял перед Боссом навытяжку и слушал резкий голос.

— Надеюсь, вы убедились, майор, что все эти

рассказы о том, будто наши коммунисты сплошь иностранцы, — настоящая чепуха! Ваш последний улов — полное тому доказательство. Что вы можете возразить, например, против происхождения этого учителя Ричардсона или против тех рабочих, которых ваши сотрудники вели на заводе? Стопроцентные американцы — вот они кто!

— Думаю, сэр, что все они просто поддались влиянию русских комми и негров. Я уже говорил вам, что следы ведут к этому черному Карузо. Наши дамы сходят с ума от его пения, а он — самый главный красный агитатор. У нас в руках было письмо, адресованное ему из Москвы. Там говорится о каких-то сорокалетних липах. Явно шифр. Мои сотрудники через несколько часов найдут к нему ключ, и тогда многое еще больше прояснится.

— «Шифр, шифр»... — проворчал сквозь зубы Миллард. — Пока ваши работники копаются в шифрах, у меня на заводах коммунисты заберут все в свои руки. Сегодня драка из-за негров во дворе, завтра листовки и связь с руководителями коммунистической партии, послезавтра забастовка с профсоюзными деятелями во главе, а там, глядишь, хозяин уже не ты, а кучка красных мерзавцев!.. Недаром Гувер говорил, что у нас в США уже больше миллиона агентов коммунистов. — И Босс пальцем выразительно начертил в воздухе единицу с шестью нулями.

Майор Симсон цветом лица стал похож на помидор.

— Мы действуем, полковник, — сказал он, стараясь говорить как можно внушительней, — мы работаем, мы защищаем национальную честь. Сейчас очень трудная обстановка, сэр. Идеи красных стали здесь очень популярны. Вы сами знаете, даже такие люди, как мистер Рендаль...

— Что мистер Рендаль? Что вы хотите сказать о Рендале? — взорвался вдруг Миллард. — Уж не хотите ли вы убедить меня, что доктор Рендаль — член коммунистической партии? Вы думаете, я поверю в такую чушь!

— Факты, сэр, одни только факты, — гордо провозгласил майор. — Доктор Рендаль — подписчик журнала «Совет раша ту-дэй», он постоянно покупает «Мейн Стрим», он связан тесной дружбой с учителем Ричардсоном, он очень часто посещал собрания деятелей ново-

го курса, а сейчас он бывает в этом черном вертепе Робинсонов...

— Все это еще не убеждает меня, — запальчиво возразил Миллард. — Я знаю Рендаля еще по Гарварду, мы были в одной футбольной команде, и он происходит из очень хорошей, состоятельной семьи Среднего Запада.

— Разрешите, сэр! — Ньюмен кашлянул и выступил немного вперед, почтительно взирая на Большого Босса. — Прошу прощения, сэр. По данным моих сотрудников, мистер Рендаль в настоящий момент инструктирует мистера Ричардсона по поводу того, как следует ему отвечать на вопросы комиссии, которую вы создали на сегодня.

— А, черт! — не вытерпел Миллард. — Это уж слишком!

— Я не зря говорил вам, полковник, что идеи красных захватили самые разнообразные слои населения, — нравоучительно заметил Симсон, очень довольный поддержкой сыщика, — Советы ухитрились найти себе друзей даже среди самых уважаемых американцев.

Нет, как видно Ньюмен не дурак, во-время привел фактики...

— О-кэй, — сухо сказал Миллард. — Вы становитесь непогрешимым, Симсон. — Он повернулся всем корпусом к Коттону: — Что нового у вас?

Управляющий, такой решительный и единовластный на заводе, здесь, в кабинете Босса, терял всю свою самоуверенность. Вся его фигура, нескладная и угловатая, но сильная, становилась вдруг бескостной и студенистой. Он нагнул голову и почтительно взглянул на хозяина:

— Все то же, сэр. Разговоры о повышении заработной платы, о радиопередачах из Москвы... Последние дни — волнение по поводу приезда Джемса Робинсона. Все собираются итти на бесплатный концерт, который он дает для Восточной окраины города. Ходят слухи, что он будет рассказывать о конгрессе и о России, вот все и рвутся послушать его.

Миллард угрюмо слушал.

— Это ваше дело, Симсон, — сказал он наконец. — Устройте так, чтобы негр отказался от концерта... Если концерт все же состоится, ни в коем случае не допускайте Робинсона произносить речи. Имейте в виду: это государственное поручение, — прибавил он так веско, что Симсон понял: его служебная карьера висит на волоске.

— Ньюмен, доложите мистеру Милларду, что сделано по поводу концерта Робинсона, — тотчас же повернулся он к сыщику.

Ньюмен разгладил лацканы пиджака:

— Мы договорились, сэр, с владельцами театральных, концертных и лекционных залов. Одни, как мистер Тернер, сразу поняли, в чем дело, и сами не захотели сдавать помещение певцу. Других пришлось припугнуть, сказать, что их вызовут в федеральное бюро, и пригрозить обследованием их политической платформы... Словом, Робинсону некуда деваться, сэр. Такого большого помещения, которое ему нужно, он не найдет в нашем городе.

Сыщик заметно гордился своей работой.

— Хорошо, — кивнул Миллард. — Пожалуй, на этот раз вы проявили достаточную оперативность, Симсон. Но повторяю: если все же концерт состоится, не должно быть никаких выступлений! Выставьте пикеты, наполните зал своими людьми, делайте что хотите, но не позволяйте Робинсону говорить. Он слишком опасный в наше время оратор, и эхо его речи разнесется по всей Америке. Нужно не бояться смотреть правде в глаза, джентльмены, — добавил он решительно.

— А... а если понадобится прибегнуть к оружию? — Симсон старался не смотреть на Босса. — Если толпа все-таки будет требовать, чтобы Робинсон говорил?

— На ваше усмотрение, Симсон, — сказал Большой Босс. — Всецело на ваше усмотрение.

«О, черт, хорошо тебе говорить «на ваше усмотрение»! Ты будешь сидеть здесь, в кабинете, и науськивать нас, а мы попадем в самую гущу, и толпа может разорвать нас, в случае чего, на клочки», подумал майор Симсон. Вслух он этого, однако, не произнес.

Зазвенел телефон. Домашний секретарь Милларда сообщал, что в библиотеке собрались уже все члены комиссии.

— О-кэй! А этот... как его... Ричардсон явился? — спросил Босс.

— Да, сэр. Уже с полчаса дожидается в соседней комнате.

Симсон откланялся. Ньюмен сделал знак проворным молодцам, и те, как по команде, отклеились от стены и солдатским шагом вышли из кабинета.

— Намотали на ус то, что велел Босс? — спросил их Ньюмен, как только они очутились за дверью.

— Намотали, сэр! — гаркнули единой глоткой молодцы.

— Аткинсон сменяет Холфина на почте. Вегени и Байнд идут в механический. Наблюдение за домом Рендаля поручаю Кингу. Поль Вебстер идет к дому Робинсонов вместе с Дулитлем. Кристенсен, Купер и Доббс прогуливаются по Горчичному Раю. Наблюдение за телефонами-автоматами, как всегда, в руках Чинна и Барлета. У книжных киосков поставьте людей из седьмого запасного. Кларису Бем направьте в квартал, где живут Гирич и Беннет. Там уже стоят парни из четырнадцатого основного, но нужно кое-какое освежение аппарата...

Ньюмен распоряжался, как полководец накануне решительного сражения. По манере Симсона поглаживать усы, по нервному тикю на щеке майора Ньюмен понял, что предстоит трудное и жаркое дело. Все должно быть в боевой готовности. Да и у людей должно быть такое впечатление, будто «красные» вот-вот выступят. Это выгодно с разных сторон. И он покрикивал начальническим тоном, одергивая и подтягивая своих молодцов и всеми силами стараясь показать свою оперативность.

А в это время в библиотеке замка, огромной мрачной комнате с дубовыми, в подражание Средневековью, панелями, камином, похожим на разверстую пасть, с тысячами книг в нарядных переплетах, которых в доме Милларда никто не читал, — в этой библиотеке собралась комиссия.

«Что это за комиссия?» тотчас же спросил бы каждый любознательный человек. И он немедленно узнал бы от любезного Мак-Магона старшего, или от Хомера, или, в крайнем случае, от хрупкой и нежной мисс Вендикс, что комиссию собрал председатель попечительского совета школы мистер Миллард, что состоит эта комиссия из членов попечительского совета и нескольких педагогов, образ мыслей которых вполне надежен и соответствует политическим установкам правящей партии.

«А для чего же собралась комиссия?» опять спросил бы любознательный. И тогда ему уже не столь любезно, а даже с некоторым нетерпением ответили бы, что, вероятно, сэр не читает газет и вообще далек от американской действительности, иначе сэр знал бы, что по всей

Америке в государственном аппарате, в школах и университетах особые комиссии проводят «проверку лояльности» служащих и педагогов, что пора создать в США благоприятную обстановку и покончить с вредными настроями, которые идут с востока Европы. Доверить воспитание молодого поколения американцев, которые составляют, так сказать, цвет нации, мы можем, сэр, только по-настоящему преданным людям, которые чтут традиции американского народа, сэр, и не позволяют забивать голову детям вредной коммунистической чепухой, сэр!

В городе Стон-Пойнте, таком благополучном американском городе, одном из тысячи подобных же городов, появились «красные». Вы понимаете, что это означает?

Установлено, что некий молодой человек, бывший офицер американского флота, которому поручили вести в городской школе курс литературы, преступно воспользовался своим положением и пытался внушить детям вредные идеи, которых он набрался на фронте, общаясь с русскими военными. Попечительский совет не может дольше терпеть это, сэр. Попечительский совет твердо решил избавиться от этого молодого, но чрезвычайно опасного педагога. Попечительский совет предупредит особым письмом все отделы просвещения в этом и в других штатах, чтобы они остерегались принимать на службу молодого человека по имени Роберт У. Ричардсон.

Довольны ли вы объяснением, сэр? Достаточно ли исчерпывающе изложена вам общая обстановка? Нет ли у вас дополнительных вопросов, сэр?

Однако даже у самого неугомонного человека иногда пропадает охота допытываться слишком подробно. Так случилось бы и с нашим любознательным собеседником: он вдруг потерял бы всякий интерес к происходящему и совершенно удовлетворился бы приведенными выше объяснениями.

В соседней с библиотекой крохотной и похожей на монашескую келью комнатенке, предназначенной для занятий библиотекаря, давно уже сидел, неподвижно глядя в окно, тот самый молодой человек, ради которого собралась комиссия.

Юношески гибкая фигура, светлые пронизательные глаза, лицо хорошо очерченное, энергичное. Умелые ру-

ки, ноги спринтера, тренированное тело лучшего университетского форварда и при этом высокая, чистая душа, открытое для всего благородное сердце. Только грубые и бесчестные люди могли таить зло против Роберта У. Ричардсона.

Недаром доктор Рендаль, которого умышленно не пригласили в комиссию, говорил своему любимцу:

— Ты слишком хорош, мой мальчик. Им таких не надо. Им нужнее гангстеры¹.

«Им»—это означало Большому Боссу, судье Сфикси и многим другим, которые управляли страной.

Ричи в это утро старался быть абсолютно спокойным. Нет, это не было похоже на ожидание экзамена. Это было много хуже, и молодой учитель знал, что выйдет из замка с клеймом «комми» — самым страшным клеймом для хозяев Штатов. С таким клеймом ему уж не найти работы не только в школе, но и нигде вообще. Никто не захочет держать у себя опасного человека. Старая мать... О, ей помогут товарищи! Здесь, в Америке, уже много людей, спянных большой, настоящей дружбой, такой дружбой, которая завязывается в огне боев, на фронте, в общей борьбе.

И Ричи встретил посланного за ним Хомера с таким безмятежно-спокойным видом, что тот удивленно и злобно воззрился на него.

«Постой, ангелок, сейчас ты потеряешь свою ангельскую безмятежность!» злорадно думал Хомер, сопровождая молодого учителя в библиотеку.

Над столом, заваленным роскошными фолиантами, возвышались квадратные плечи Милларда. Тупо уставился в одну точку сонный, как всегда, Уорвик. Заранее хрипит от злости и что-то бормочет про себя белый, круглый, как луна в полнолуние, Сфикси. Парк Бийл оттачивает острой пилочкой выхоленные ногти и про себя подсчитывает шансы футбольной команды гренджерцев, выступающей в воскресенье против стонпойнтцев. Ханжески поджала губки мисс Вендикс, изредка осторожно поглядывая на перебитый нос Хомера. Льдом блестят очки Мак-Магона, хотя весь он лучится преданностью и желанием по мановению руки Босса исполнить любое его приказание.

¹ Г а н г с т е р — громила-налетчик в США.

Ни одного друга. Ни одного честного, чистого лица.

— Мистер Ричардсон, вам доверили воспитание молодых американских граждан. Вы обманули доверие... Развращающее влияние... Вредные мысли... Ваши политические воззрения... Известны многие факты...

Голос Милларда, казалось, разрубал на части воздух комнаты. Заговорил визгливо и раздраженно, как всегда, Сфикси:

— Комиссия хочет задать вам несколько вопросов, Ричардсон. Комиссия хочет выяснить для себя несколько фактов.

— Пожалуйста, сэр, — сказал Ричи, все такой же невозмутимый.

— Какие книги вы передавали рабочим на заводе? Верите ли вы в бога? С кем именно вы связаны в Советской России? Вы коммунист?

Мисс Вендикс пролепетала смущенно и испуганно:

— Правда ли, что вы обедали в отеле «Маджестик» с посторонней дамой?

И когда Ричи на ее вопрос ответил утвердительно, она закатила глаза и пискнула:

— В какую же церковь вы ходите, сэр?.. Ах, ни в какую! Мистер Мак-Магон, прошу вас, запишите, это чрезвычайно важно... Это очень мешает внутренней Красоте и Гармонии человека...

Миллард покосился на нее, и учительница мгновенно осеклась. Сам Большой Босс был конкретен и сух:

— Часто ли вы бываете на митингах левых? Выступаете ли с речами? Кого лично из рабочих моих заводов вы втянули в вашу партию? Входит ли равенство между белыми и черными, которое вы проповедуете, в вашу программу?

Ричи хотелось выругаться — крепко, солоно, по-матросски, как ругались на судне его подчиненные-морьяки. Все же он постарался сдержаться.

— Мои политические взгляды вам известны, — сказал он, бесстрашно глядя на Босса и его подручных. — Я — солдат мира. Народы всей земли заплатили страшную, самую дорогую цену — миллионы человеческих жизней. Но зато теперь все честные люди на земле знают, что настоящий источник фашизма — вы, джентльмены, добивающиеся власти и богатства, надевающие кандалы на рабочих, разоряющие народ, ведущие Америку к новой

войне. Ваша комиссия старается уничтожить меня, лишить меня средств к существованию, опорочить мою честь человека и американца.

Я не боюсь вас! — Ричи выпрямился. — Это вы боитесь меня. Вы кричите: «красные», «коммунисты», «Советы», а в действительности это вы боитесь народного возмущения, трепещете, что народ и у нас и во всем мире потребует наконец своих прав и справедливости. И очень скоро это случится, джентльмены, и тогда вам не сдобровать.

Учитель откинул со лба волосы и с торжеством увидел, как побледнели и злобно искривились откормленные джентльменские физиономии, как опасно оглянулся Сфикси.

— Вы свободны, мистер Ричардсон, — говорит Большой Босс.

И молодой учитель понимает, что именно означают эти слова.

39. НА КЛАДБИЩЕ

В это же утро оливковый автомобиль дяди Поста остановился у коттеджа Мак-Магонов в Верхнем городе. Вероятно, у дяди Поста были какие-нибудь особые основания для того, чтобы взяться за доставку корреспонденции в ту часть города, которую обычно обслуживал другой почтальон. Впрочем, если вы подумаете, что это была целая кipa корреспонденции, то вы сильно ошибетесь. Оливковое чудовище совершило свой путь всего только ради одного-единственного письма. Это было, надо прямо сказать, очень вульгарное с виду письмо, с голубком и веткой незабудок на конверте, и дядя Пост, осмотрев его, хмыкнул весьма неодобрительно. Впрочем, он все-таки поднес ко рту свой знаменитый рожок.

На зов рожка тотчас же открылось окно коттеджа и показалось слегка испуганное, как всегда, лицо миссис Мак-Магон.

— О, да это дядюшка Пост! — успокоенная, приветливо сказала она. — Разве Спунер заболел, что вы его заменяете, дядя Пост?

— Нет... то-есть да, мэм, — пробормотал старый почтальон, суетливо дергая себя за нос, хлопая по коленке и теребя свой хохолок. — Это я так, случайно, мэм...

— Письма или газеты? — Жена директора привычно протянула руку.

Однако ни письма, ни газет она не получила.

— Извините, мэм, сегодня для вас ничего нет. — Дядя Пост снова изо всей силы дернул себя за хохолок. — Прошу прощения, это я просто проверял рожок, — неуверенно добавил он.

Миссис Мак-Магон с сожалением взглянула на старика. «Выживает из ума, бедняга», казалось, говорил ее взгляд. Дядя Пост поперхнулся и чуть было не выскочил из автомобиля. Однако не успела жена директора захлопнуть окно, как он возобновил свои упражнения на рожке. Дикарские звуки неслись по улице, пугая кур и собак, тревожа тех, кто чаял получить весточку от милых сердцу.

— Где же она пропадает, эта храбрая великомученица? — в сердцах пробормотал старый почтальон и затрубил с удвоенной силой.

Индюк, гулявший за решеткой директорского коттеджа, до такой степени надулся и посинел, что, казалось, его вот-вот хватит удар. И как раз тогда, когда дядя Пост потерял уже всякую надежду и готовился отбыть на своем чудовище, появилась та, которую он вызывал.

— Из-за тебя, девочка, меня, старика, чуть было не записали в городские сумасшедшие! — начал было выговаривать Кэт старый почтальон, но тут же осекся.

Руки, коленки и даже лицо Кэт были исцарапаны до крови, апельсиновые кудри растрепались, и на них каким-то чудом висел, уцепившись за прядку, измазанный паутиной бант. Юбка и кофточка были разорваны в нескольких местах. Однако Кэт, казалось, не обращала на это никакого внимания и с самым непринужденным видом взобралась на сиденье к дяде Посту.

— Где это тебя угораздило так исцарапаться? — воззрился на нее старый почтальон.

— Это я вылезала через слуховое окно из гаража, — объяснила, ничуть не смущаясь, Кэт. — Перед уходом в школу они меня поймали, заперли в гараж и сказали: пускай я там посижу и поголодаю хорошенько. Ну, мне это не страшно, у меня там в ящике давно припасены на всякий случай сухари. А когда я услышала ваш рожок, дядя Пост, я поняла, что вы здесь неспроста, и стала выбираться... Конечно, не так это просто — вылезть через

крышу. Немного поцарапалась... Есть мне что-нибудь?— И она нетерпеливо заглянула в руки почтальона.

Дяде Посту захотелось немного поддразнить девочку.

— Постой, о ком ты это говоришь?— сделал он удивленное лицо. — Объясни мне, пожалуйста, кто это «они»?

— Ох, дядя Пост, да вы прекрасно все знаете! Они— это мой брат Фэйни и его товарищ Мэйсон... Есть у вас что-нибудь для меня, дядя Пост? — Кэт от нетерпения вертелась на месте.

— Погоди-ка, а за что же брат и его дружок заперли тебя в гараже?— Дядя Пост решительно не замечал состояния девочки. — Отчего тебе пришлось лезть через крышу?

— Ох, господи, да оттого, что с тех пор, как наши мальчики узнали, что я подружилась с ребятами Робинсона и... и... с одним... черным мальчиком из его компании, Рой и Фэйни меня по-всякому истязают... Вот взяли сегодня и заперли...— Кэт заморгала длинными ресницами, сказала жалобно: — А теперь и вы меня мучаете, дядя Пост... Верно, у вас есть что-то для меня, а вы не отдаете...

Тут дядя Пост не выдержал. Он вынул из своей сумки вышеописанное письмо с незабудками и голубками и передал его девочке. Впрочем, Кэт не увидела в письме ничего вульгарного. Ведь это было первое в ее жизни письмо, адресованное «Мисс Кэтрин Мак-Магон», и она находила восхитительными и белого голубка на конверте и пучок грубо нарисованных незабудок. Наверное, дядя Пост понял радость девочки, потому что не сказал ни одного из тех насмешливых и ворчливых слов, которые приготовил было, и, молча кивнув ей, стал приводить в действие свой автомобиль.

— Дядя Пост, вы только не смейтесь, я вам что-то хочу сказать.— У Кэт был очень чистый и очень смущенный голосок.— Это письмо... оно от того мальчика, который дружит с Чарли Робинсоном... Он очень хороший, дядя Пост, даю честное слово... Только если наши узнают, что он мне пишет, ему будет плохо. Они его прямо съедят за это, дядя Пост.

— Да что ты, дочка! Лопни мои глаза, если я кому-нибудь скажу об этом! — Старый почтальон был окончательно растроган.— Это с твоей стороны очень хорошо, что ты не гнушаешься цветными, как все эти джентльмены

и леди из Верхнего города. Я всегда чувствовал, что ты наш человек, настоящий...

И дядя Пост укатил, крепко пожав на прощанье руку девочке.

Что было в письме с незабудками, мы не можем сказать. Знаем только, что, прочитав его, Кэт стала обиняками выспрашивать мать, как думают члены семьи провести нынешний субботний вечер. О себе миссис Мак-Магон сказала, что пойдет на собрание евангелисток, о папе она еще ничего не могла сообщить, а мальчики, по всей вероятности, удерут, как всегда, из дому и будут пропадать неизвестно где до позднего вечера.

Повидимому, сведения эти вполне удовлетворили Кэт, потому что весь день она бродила по дому и помогала матери с каким-то особенно торжественным и радостным лицом. И если бы нашелся в доме Мак-Магонов человек, который обратил бы внимание на Кэт, он непременно отметил бы про себя необычный вид девочки. Но, к счастью для Кэт, в доме директора школы никто не обращал внимания на маленькую дочь, и Кэт могла без всякой боязни притрагиваться иногда к груди, где под кофточкой лежало заветное письмо с голубком.

«Ровно в восемь... У черного ангела... Католическое кладбище...» шептала она про себя.

Лишь бы только удалось незаметно выбраться из дому!

Девочка была так поглощена этой мыслью, что почти не обратила внимания на здоровенный подзатыльник, которым угостил ее нежный брат, вернувшийся из школы.

— Вот ловкая дрянь!—воскликнул молодой джентльмен, обращаясь к Рою Мэйсону.— Ты только полюбуйся на нее! Мы заперли ее в гараже на два поворота ключа, а она как ни в чем не бывало опять шныряет по дому, что-то сплетничает, что-то подслушивает, по своему обыкновению... Ну, завтра я еще что-нибудь покрепче придумаю! — пообещал он.

— Н-да, способная девица.— Рой говорил даже с оттенком одобрения.— Такая и сквозь игольное ушко пролезет!

— Так и жди, что она опять нам неприятностей наделает! — злобно сказал Фэйни.— Я прямо не дождусь, когда старик наконец отправит ее в пансион. Житья от нее не стало! Ходишь и оглядываешься...

— Ну, знаешь, ты так ее проучил в прошлый раз, что навсегда отбил у нее охоту сплетничать,— уверял Рой.

Кэт мало интересовалась мнением обоих приятелей. Гораздо больше интересовал ее вопрос, когда именно уйдут мальчишки из дому и куда будет лежать их путь.

Ровно в пять мать отправилась к знакомой даме, с которой собиралась потом идти на собрание. Отец уехал на автомобиле в Гренджер играть в гольф. Мальчишки завладели домом, курили отцовские сигары, выпили остаток виски из обычной субботней порции отца, перекинулись в картишки, причем Фэйни выудил у Роя последние пятьдесят центов, а потом, наскучив всеми этими занятиями, отправились искать свою всегдашнюю жертву.

Однако жертва была хитрей и заранее спряталась так, что мальчишки обыскали дом, двор и гараж и все-таки не нашли «проклятую шпионку». А «шпионка», пользуясь своим малым ростом, в это время преудобнейшим образом устроилась на нижней полке стенного шкафа и оттуда могла видеть и слышать все, что делали и говорили брат и его приятель. В конце концов Рою надоело рыскать по дому, искать какую-то девчонку.

— Брось!— сказал он Фэйни.— Сейчас за нами придет Том, и мы двинемся к замку. Это гораздо интереснее, чем сидеть здесь и выворачивать руки твоей сестрице.

— А ты уверен, что Патриция пойдет навещать Робинсона?— спросил Фэйни.— Возьмет вдруг в последнюю минуту и передумает.

— Не передумает,— уверенно отвечал Рой.— Хотя не надолго, да пойдет. Ведь ей неловко перед другими, что она до сих пор не навещала его в больнице. А нам все равно, лишь бы она вошла в дом. Сыщик уж сумеет потом вытянуть из нее все, что ему нужно.

— Очень он обрадовался, когда я ему сообщил, что именно Пат пойдет к Робинсонам,— сказал Фэйни.— Прямо чуть не подпрыгнул! «Это,— говорит,— вы гениально придумали, ребята».— И Фэйни радостно захотал.

На улице хрипло пролаял гудок автомобиля.

— Том приехал! Давай живей!

Мальчишки выбежали из дому, даже не взяв фуражек.

Дверь стенного шкафа тихонько приотворилась. Высулась голова в апельсиновых кудряшках, и Кэт

осторожно выбралась из своего убежища. В окно был виден незнакомый облезлый «форд», остановившийся против дома. Какой-то парень в замасленном комбинезоне сидел за рулем и разговаривал с Фэйни. Рой уже развалился на заднем сиденье. Поговорив немного с шофером, Фэйни тоже уселся рядом с товарищем, и автомобиль, густо и черно дымя, отъехал от резиденции Мак-Магонов.

— Теперь, мисс, можете спокойно отправляться, куда вам нужно,— громко сказала Кэт, становясь на цыпочки и внимательно разглядывая себя в предкаминное зеркало.— Ох, царапина какая! Дюйма полтора будет!— сокрушенно вздохнула она.— Вон и нос и щека исполосованы. Как будто с кошкой дралась!..

Девочка попыталась замазать царапину зубной пастой, но получилось еще хуже. В конце концов она решила махнуть рукой на следы «боевого прошлого» и отправилась на первое в жизни свидание.

Солнце уже село, когда Кэт подошла к монументальным воротам католического кладбища. От травы и цветов тянуло сырой свежестью, в предвечерних сумерках особенно четко вырисовывались решетки, купола мавзолеев, узорные ограды склепов. Девочка шла вдоль главной аллеи, пугливо косясь на надгробные памятники, на каменные урны и кресты. Посетителей было мало, да и те спешили к выходу. Зачем понадобилось Джону Майнاردу назначать Кэт свидание на кладбище, он и сам, наверное, не знал. Просто в одной из прочитанных им двадцатицентовых книжонок говорилось о том, что самые романтические встречи происходят на кладбищах, и герой этого романа всегда назначал свидание дамам сердца у какой-нибудь свежей могилы.

Черный ангел находился в глубине кладбища, на одной из боковых дорожек. Это была могила юной девушки, покончившей с собой из-за несчастной любви, и вся молодежь Стон-Пойнта знала ее историю и много раз бывала на ее могиле. Ходили слухи, что в июньские лунные ночи покойница появляется из могилы в белом подвенечном платье, бродит по кладбищу и просит добрых людей помочь ей найти ее возлюбленного.

Храбрая маленькая Кэт обливалась потом от страха и, пока дошла до черного ангела, десять раз готова была повернуть и убежать без оглядки. Только мысль, что ее ждет Джон и что после Джон будет смеяться над ее тру-

состью, удержала ее от позорного бегства. Впрочем, и сам герой свидания чувствовал себя не лучше.

Джон пришел к черному ангелу задолго до назначенного часа. Пока было светло и кругом был народ, мальчик чувствовал себя превосходно и радовался, что избрал для встречи с Кэт такое поэтическое и необычное место. К тому же он был занят тем, что, выразительно жестикулируя, повторял про себя и даже вслух одну великолепную фразу, выписанную им из того же романа. Эту фразу он готовился сказать Кэт и тем навсегда покорить ее воображение.

Итак, Джон разгуливал по дорожке мимо черного ангела и других мраморных и бронзовых памятников, громко декламировал, театрально прижимая руку к сердцу, и казался сам себе похожим на героя романа.

Однако когда замолкли голоса посетителей, длинные тени протянулись от памятников и запахло сыростью, Джону стало как-то не по-себе. Черный ангел смотрел на него каменными провалами глаз и зловеще подымал карающую руку.

Рядом темнела открытая дверь богатого склепа, и Джону чудилось, что из глубины каменной лестницы поднимается фигура в белом. Все прочитанные в огромном количестве рассказы о призраках и мертвецах пришли ему на память. Зубы его начали потихоньку выбивать дробь. Он застыл на месте, не в силах шевельнуться. Чудилось, что кто-то страшный встал за спиной и стоит Джону двинуться, как он тотчас же вцепится ему в затылок.

Вдруг раздался шорох, и что-то смутно-белое появилось позади черного ангела. Все ближе... ближе... Джон похолодел и впился ногтями в ладони. Призрак остановился, колеблющийся и неясный, рядом с черным ангелом.

— Джон, это ты? — раздался дрожащий голосок Кэт.

Джон опомнился и постарался придать себе достойный вид. К счастью, оба были так напуганы, что не обращали внимания на состояние друг друга. Наоборот, каждый стыдился сознаться в собственном страхе и был уверен, что другой на его месте никогда бы не струсил.

И девочка и мальчик были так рады встрече, что долго безмолвно держались за руки. Теперь даже черный ангел казался им хорошим и ничуть не страшным.

Наконец заговорил Джон.

— Кэт...— сказал он прерывающимся и торжественным голосом,— Кэт, ты мое единственное счастье! Ты — мой последний бокал шампанского...— Он прижал правую руку к сердцу.

Это и была знаменитая фраза из романа. В романе героиня тотчас же падала в объятия героя и объявляла себя навеки побежденной. Но на кладбище, перед черным ангелом не произошло ничего похожего. Кэт посмотрела на мальчика темными в сумерках глазами и просто спросила:

— Ох, Джон, а ты пил когда-нибудь шампанское?

— Н-нет,— сказал Джон.— Мой отец пил много, а мне... мне, знаешь, еще не давали... Но я наверное знаю, что это даже вкуснее «кока-кола». И куда вкуснее сельтерской с мороженым! — поспешно прибавил он.

— Сельтерская с мороженым! — вздохнула Кэт.— Наши мальчики постоянно угощаются, а я уже не помню, когда и пробовала.

Все рыцарские чувства Джона пришли в волнение.

— Тогда сейчас же идем в аптеку, и я закажу тебе столько порций, сколько ты захочешь! — сказал он.— У меня есть целых три доллара, которые я получил от отца на рождение.

Кэт покачала головой:

— Нет, только не сегодня. Ведь я прибежала на минуточку... Времени у меня совсем немного, а нам еще о стольком надо переговорить...

Она торопливо рассказала Джону то, что ей удалось услышать, сидя в стенном шкафу.

Мальчик нахмурился.

— Ты даже не знаешь, как все это серьезно, Кэт, милашка! — сказал он.— С тех пор как приехал Джемс Робинсон, все сыщики в городе точно с цепи сорвались. Очевидно, и за домом Чарли идет слежка... Только при чем тут Пат Причард, я не понимаю.

— Я тоже не знаю,— сказала Кэт.— Знаю только, что если тут замешаны наши мальчики — Фэйни и Рой, значит не жди ничего хорошего... А ты говорил с отцом? — озабоченно спросила она Джона.

Тот кивнул.

— Пришлось-таки с ним повозиться! — Джон за-

смеялся, и его зубы сверкнули в темноте.— Мой старик узнал, что все в городе отказались сдать помещение под концерт Джемса Робинсона, и сначала тоже хотел сказать, что у него зал занят под танцы. Но я его пристыдил, говорю ему, что мы, темнокожие, должны помогать друг другу, а не плясать под дудку полиции... Ну, он и размяк. Завтра утром я притащу к нам Джорджа Монтье, и пускай они договариваются с отцом, на какой день назначить концерт. Отец обещал дать свой самый большой зал, который он сдает под вечеринки. Там нужно только сделать кое-какие переделки. Это мы уж возьмем на себя.— Он нагнулся к апельсиновым кудрям: — Ну, Кэт, довольна ты мной?.. Видишь, я сделал все, что ты мне велела.

Кэт кивнула:

— Ты молодец, Джон!.. Ой, я прямо не могу дождаться дня концерта! Мой отец лопнет от злости, когда узнает, что Джемс Робинсон получил-таки помещение!

Где-то далеко на колокольне часы пробили девять раз. Кэт ахнула:

— Так поздно! Господи, мне пора бежать!

— Я провожу тебя,— сказал мрачно Джон.

— Нет, нет, ты сошел с ума! — испугалась девочка.— Вдруг нас увидят наши мальчишки или кто-нибудь из соседей!

Джон яростно ломал какой-то прутик.

— О Кэт, я так ждал тебя..— пробормотал он, чуть не плача,— а ты уже уходишь... Ты белая, а я черный, и нам нельзя встречаться...

При свете звезд Кэт были видны его глаза, полные слез.

— Глупости! — сердито сказала девочка.— Это нельзя сейчас, потому что мы дети и нас все мучают. А вот скоро мы вырастем и не позволим распоряжаться нами... Не огорчайся, Джон, прошу тебя, а то и я заплачу...

Она легонько подпрыгнула, и Джон почувствовал, как будто птичка клюнула его в щеку.

— О Кэт, ты мой последний бокал шампанского! — прошептал Джон, потому что в эту торжественную минуту своей жизни он не мог придумать ничего лучшего.

Сам владелец помещения Бэн Майнард называл его «Танцевальным клубом Колорадо», но жители Стон-Пойнта знали его больше под именем «Вертеп старого Майнарда». Это было огромное деревянное сараеобразное строение со скамьями и стойкой для напитков, которая могла после некоторых переделок превратиться в сценические подмостки.

Неизвестно, какими доводами подействовал Джон Майнард на отца, но факт оставался фактом: старик сам позвонил по телефону Джорджу Монтье, сказал, что охотно предоставит зал под концерт Джемса Робинсона и даже берет на себя все издержки по переделкам и украшению «Колорадо» для выступления такой знаменитости. В довершение любезности, он брался доставить откуда-то самый лучший концертный рояль для аккомпанеента.

Джордж Монтье решил быть до конца честным.

— А вы не боитесь, старина, что у вас будут неприязности из-за Джима? — напрямик спросил он Майнарда. — Босс и его компания точат зубы на Робинсона за конгресс и многое другое... И может статься, что Робинсон захочет спеть кое-что, не предусмотренное в программе.

Бэн Майнард пробормотал в трубку, что все, кто понимает хоть что-нибудь на свете, должны помогать друг другу.

— И потом, у меня уже были какие-то типы, — добавил он, — стращали меня и полицией и федеральным бюро расследований, да я не из пугливых. Сказал им, что помещение принадлежит мне и я даю его, кому хочу, и в заключение предложил им убраться из моего дома... У меня сынок очень сердитый оказался. — В голосе Майнарда послышался смех. — Я думал — он у меня совсем безо всякого темперамента и ничем не интересуется, а тут вдруг он начал так наступать на этих молодчиков, что я его еле-еле утихомирил.

— Ну, мое дело было предупредить вас, Бэн, — сказал Монтье, — а поступили вы благородно и смело, и я от имени Джима Робинсона и всех наших приношу вам большую благодарность.

— О-кэй, дружище! Только чтобы мне и моему сынку были хорошие билеты.

— Об этом можете не беспокоиться, — сказал Джордж.

Стон-Пойнт гудел и ходил ходуном, как огромная ткацкая фабрика. С тех пор как Бэн Майнارد, известный в городе владелец зала «Колорадо», развесил всюду афиши, извещающие, что в ближайшее воскресенье мировой певец Джемс Робинсон выступит в «Колорадо» для беднейшего населения города, во всех домах — от лачуг Горчичного Рая до палат на Парк-авеню — разговоры вертелись вокруг этого концерта.

На концерт мечтали попасть решительно все. Даже элегантнейшие представительницы «тринадцати семейств» мучили своих мужей и братьев бесконечными требованиями во что бы то ни стало раздобыть билеты на выступление знаменитого негра. Как будет приятно зимой, в Нью-Йорке, похвастаться перед приятельницей, уронить как бы невзначай: «Мне так повезло нынешней весной, милочка: к нам в город приехал сам Робинсон, и я слышала его», и с наслаждением увидеть, как позеленеет от зависти великосветская подружка. Было известно, что певец поручил раздачу билетов безработным, какому-то уволенному из школы учителю-вольнодумцу и своим негритянским друзьям. Все это расценивалось как открытый вызов хозяевам города и очень раздражало мужских представителей «тринадцати семейств». Они всячески отговаривали своих дам от поездки на концерт бог знает куда, на Восточную окраину, где будет бог знает кто — сплошная чернь и голь и негры.

Сам Большой Босс очень косо смотрит на все это, и неизвестно еще, во что выльется этот концерт. Говорят, что этот певец — красный агитатор, а если это так, то наши люди не потерпят этого, и, конечно, разразится скандал, и потому будет лучше, дорогая, если ты в этот вечер останешься дома.

На вилле Сфикси и в маленьком палаццо Бийла шли подобные же разговоры. Впрочем, здесь отцы семейств знали более определенно, во что может вылиться концерт, и потому категорически запретили своим женам и дочерям итти в «Колорадо».

Несмотря на то что Ричи, Квинси, Беннет и все остальные друзья Джима старались, чтобы билеты на концерт достались только обитателям Восточной окраины —

рабочим и беднякам, некоторая часть билетов неизвестно как просочилась в особняки Верхнего города и даже попала в руки таких людей, которые были совсем нежелательны. Например, когда билетеры, поставленные Бэном Майнардом в дверях «Колорадо», начали проверять билеты, то среди публики оказалось большое количество переодетых полицейских и сыщиков. Билетеры хотели было поделиться своим открытием с хозяином или с Джорджем Монтье — главным распорядителем концерта, но толпа все прибывала, и они так и не смогли покинуть свои места у дверей.

Давно уже Восточная окраина не видела такого съезда. Вся улица перед «Колорадо» была запружена людьми и автомобилями. Тут были и самые последние шикарные модели, и облупленные, давно отжившие свой век «форды», и фермерские полугрузовички. Улица была празднично освещена, все лавчонки и аптеки ломились от покупателей, которые спешили выпить содовой, закусить или подкрепиться чем-нибудь спиртным. По углам толпился народ, не получивший билетов, но чаявший какими-нибудь судьбами все же попасть на концерт. Предприимчивый фотограф бойко торговал десятицентовыми фотографиями певца. Какой-то оратор в жилете, надетом поверх клетчатой рубашки, забравшись на цинковый ящик из-под шипучки, рассказывал кучке зевак биографию Джемса Робинсона и сообщал, что ныне певец — представитель всех угнетенных народов на Конгрессе мира. Из рук в руки переходил номер «Стон-Пойнто-вских новостей», где было напечатано интервью со знаменитым певцом. В этом интервью Джемс Робинсон был назван агентом «красных» и утверждалось, что он получил от Москвы сто тысяч долларов за коммунистическую пропаганду в Штатах. Одни из читателей этого интервью смеялись и острили, другие громко возмущались тем, что агент большевиков осмеливается выступать в концертах и Америка это терпит, но порядочные люди этого терпеть не желают и покажут черномазому его место.

Страсти подогревались слухами о том, что Робинсон будет петь русские песни и в песнях этих все, мол, будет сказано. Что именно будет сказано, никто, разумеется, не знал, но звучало это таинственно и значительно.

На улице уже произошло несколько стычек друзей Джемса Робинсона с какими-то полупьяными субъектами, громко заявлявшими, что-де давно пора прихлопнуть всех негров и коммунистов и вообще очень неплохо бросить бомбу в проклятый вертеп старого Майнарда.

Несколько конных полицейских, дежуривших у перекрестка ближайших улиц, и глазом не повели на дерущихся.

В двух кварталах от «Колорадо» горчичный домик Робинсонов светился всеми своими окнами. Вся семья принимала участие в сборах Джима на концерт. Конечно, в Европе певцу служили более опытные камердинеры и парикмахеры, но никогда в эти заботы не было вложено столько любви и внимания. Салли собственноручно накрахмалила ему рубашку. Чарли смахнул с фрака самые мельчайшие пылинки, приготовил запонки, галстук, носки, туфли и сам подавал Джиму каждую вещь. Певец был спокоен, и его спокойствие и непринужденность передались Чарли и его матери.

То и дело прибегал кто-нибудь из ребят — Джой Беннет, Василь или близнецы Квинси — и сообщал Чарли последние новости из «Колорадо».

Собралась уйма народу. Зал переполнен, но люди всё прибывают. Очень много белых из Верхнего города. Все друзья уже на местах. Пришли Цезарь с Темпи. Цезарь надел на китель все свои медали. В передних рядах сидит Ричи, но с ним никто из белых джентльменов не разговаривает, а когда кланяются, то будто нехотя. В четырнадцатом ряду замечен сам дядя Пост, и такой торжественный, принаряженный! У трех парней ребята разглядели спрятанные в карманах дубинки в кожаных чехлах. Мэйсон и Фэйни тоже тут как тут и привели с собой целую ораву скаутов. Мэрфи и Дик также явились, заняли боковую скамейку и жуют резинку. За поворотом улицы стоит наготове полицейский автомобиль. И шумят же в зале — прямо страх!

— Чувствую, что я у себя на родине, — сказал Джим, которому Чарли передал все эти новости. — Давно меня не встречали так торжественно, даже с полицейским автомобилем!

Джим улыбался, но Чарли почувствовал в его словах глубокую горечь.

— Эти негодяи ничего не посмеют,— шепнул мальчик.— Они только хотят запугать всех нас. Но ты не беспокойся, дядя Джим, я буду поблизости и скажу своим ребятам, чтобы они не зевали.

Певец ласково провел рукой по волосам племянника.

— Растешь в сложное время, Чарли,— сказал он.— Но не сдавайся, не сдавайся, друг, держи, как всегда, высоко голову.

Вошла Салли, неся на вытянутых руках рубашку с белоснежной и твердой, как мрамор, грудью. Ради торжественного дня Салли тоже принарядилась и в своем темном, строгом костюме выглядела совсем похожей на мальчика.

— Доктор Рендаль приехал за тобой, Джим,— сказала она.— Я попросила его сюда, наверх.

Джим надел фрак, и эта одежда сразу как бы отделила его от семьи. Теперь перед ними был черный Карузо — знаменитый на весь мир певец, и Салли, взглянув на преобразившегося шурина, почувствовала гордость и робость.

Появился доктор Рендаль, как всегда приветливый и сдержанный в манерах.

— Предвкушаю удовольствие слушать вас, мистер Робинсон,— сказал он, обмениваясь с певцом крепким рукопожатием.— Помню, какое наслаждение это доставило мне в Париже... Боюсь, однако, что здесь, в нашем городке, не обойдется без какого-нибудь скандала. Вокруг вас чересчур много разговоров... Будете вы исполнять советские песни?

— Разумеется, буду, если меня попросит публика,— сказал Джим Робинсон.— В Европе люди очень горячо принимали эти песни.

— Я уверен, что и у нас потребуют, чтобы вы их спели.— Доктор Рендаль задумчиво посмотрел на певца.— А тогда держитесь: некоторые здешние молодчики ни за что вам этого не простят! Разразится целая буря, я уверен.

— Скауты непременно будут орать,— вмешался Чарли, который только что получил свежую порцию донесений от Джоя Беннета.— В «Колорадо» полным-полно скаутов. Их пригнал наш Мак-Магон, и, верно, уж недаром.

— Ну и ну! — рассмеялся Джим.— Очень бодрящая

обстановка, скажу не стесняясь, как говорит наш друг Цезарь.— Он взглянул в окно, где быстро сгущались сумерки.— Однако нам, кажется, пора ехать. Мне остается восемь минут до выхода.

Доктор Рендаль спустился первый и усадил Салли, Чарли и Джима в свой поместительный «крайслер». Бокowymi улицами он повез своих пассажиров к переполненному «Колорадо».

Ровно через восемь минут со своих мест во втором ряду Салли и ее сын увидели вышедшего на сцену Джима. В черном, длинном, облегающем фраке певец казался еще выше и тоньше, чем всегда.

Едва только известная всем по портретам высокая фигура появилась на эстраде, точно лавина обрушилась в зале. Горчичный Рай аплодировал своему певцу. Оглушительно засвистели самые горячие его поклонники.

Робинсон низко поклонился. Потом обернулся к роялю, за которым уже сидел Джордж Монтье, и что-то сказал музыканту, но так тихо, что зал не уловил.

Рояль зарокотал, и вверх взмыла сильная и мягкая волна звуков. Джим положил руку на полированную крышку рояля и запел. Он пел старинный негритянский гимн:

«Великая река течет. Она течет и все уносит с собой. Она все знает — великая река. Она видела людей, и многие страны, и человеческие страдания и радости. И течет, течет и стремится свои большие воды невозмутимая великая река».

Зал вздохнул. Волшебный, проникновенный голос певца вливался в душу людей, томя, будоража и тут же мгновенно успокаивая и лаская. И сила, и глубокая страсть, и скорбь были в этом голосе. Казалось, чьи-то чуткие пальцы касаются самых заветных струн в человеке, и толпа замерла, слушая вековую тоску и мудрость негритянского народа, воплощенные в этом гимне.

Джордж Монтье вдохновенно следовал за чудесным голосом. Замер последний звук, а люди все еще сидели в молчании. И вдруг, ломая тишину, неистово загрохотали, засвистели, застучали ногами от восторга.

— Теперь русскую песню! — внезапно крикнул чей-то нетерпеливый юношеский голос.

И зал, словно только и ждал этого сигнала, начал вдруг взывать громко и настойчиво:

— Русскую песню! Русскую песню!

— Давай, давай, Робинсон!

— Песню Советов!

Но тотчас же в эти голоса вмешались другие — визгливые, злые:

— Долой красные песни!

— Не позволим!

— Он не посмеет, а то мы ему сумеем заткнуть глотку!

В разных углах зала виднелись взволнованные, возбужденные лица. Соседи волками смотрели друг на друга. Явственно донеслось до Джима Робинсона бранное слово. Кто-то у самой эстрады злобно и громко сказал:

— Пусть только попробует черная образина — мы ему покажем!

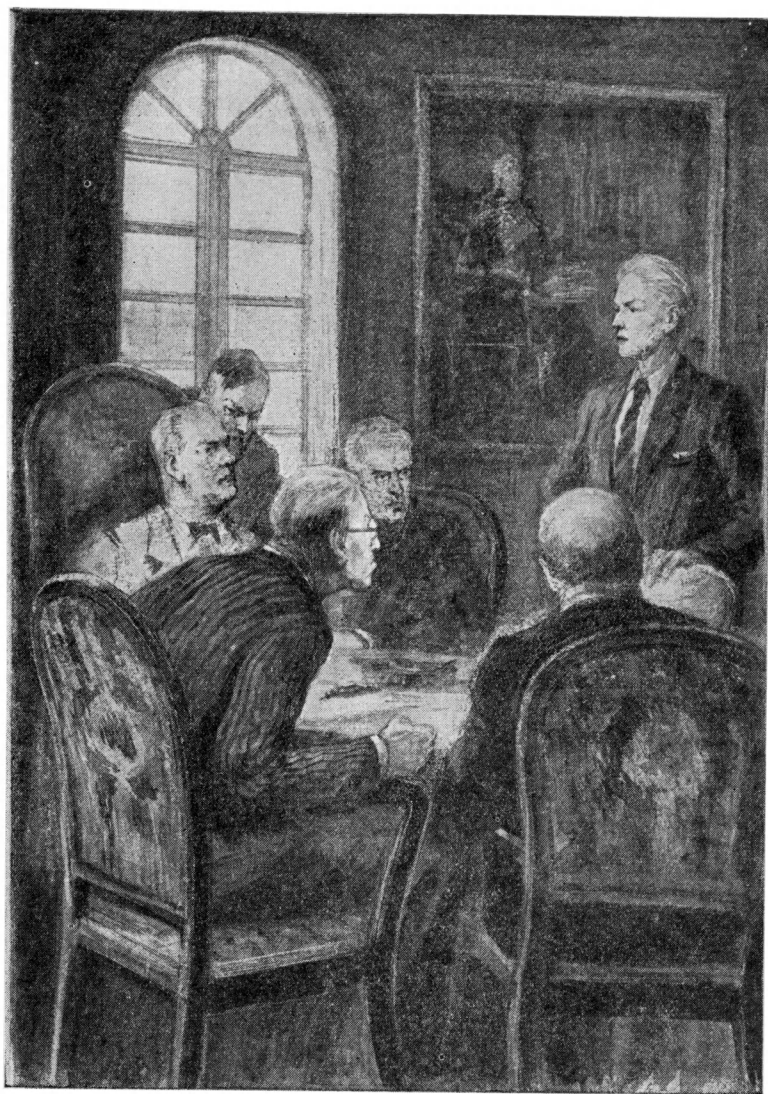
Робинсон вспыхнул и повернулся к Джорджу Монтье. Музыкант положил пальцы на клавиши рояля и, казалось, только ждал знака, чтобы начать. Певец слегка кивнул — не то слушателям, не то аккомпаниатору. Торжественный аккорд прозвучал над залом, и вмиг стихли даже те, кто готов был кричать и бесноваться от злобы. Это была незнакомая американцам широкая мелодия, и только один мистер Ричардсон во всем зале знал, что это за музыка. Джим Робинсон запел, но эта песня была совсем не похожа на тоскливый негритянский гимн.

От края и до края,

От моря и до моря...—

пел Джим Робинсон на незнакомом людям языке. Песня росла, разливалась, взлетала вверх, как гордая большая птица, и парила над залом торжественно и важно. Голос певца крепнул и расширялся. И перед слушателем возникала необозримая страна, слепящий блеск моря, сухой запах хлебов и солнечные дороги, по которым так хорошо шагается летним утром. Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то счастливым, уверенным и крепким, так что каждому хотелось выпрямиться и расправить плечи, поднять голову и смелым взором окинуть мир. Джим Робинсон смотрел в зал, но, видимо, забыл в это мгновение обо всем.

И, почти не останавливаясь, не давая слушателям снова впасть в тоску, он запел другую песню. Это было

K 304 cmp.

«Полюшко-поле», хорошо знакомая Ричи песня, которую певали русские моряки в Мурманске. И Ричи начал сквозь зубы, а потом, осмелев, уже в полный голос подпевать Джиму, а за ним, не зная и не понимая слов, но повинаясь широкой мелодии, начали подпевать его соседи — доктор Рендаль, и Салли, и Чарли, и еще какие-то совершенно незнакомые между собой белые и черные люди.

И казалось, будто сами тесовые, грубые стены «Колорадо» источают эту песню, и она растекается все шире и шире, вот-вот вырвется на улицу и пойдет гулять, как вольный ветер, по городу.

Едва только замер последний звук, едва успели пальцы Джорджа Монтье соскользнуть с клавиш рояля, как в зале закричали сотни голосов:

— Речь! Речь! Скажите слово!

— Правду! Скажите правду! — надрывались другие.

Встал какой-то парень в синем комбинезоне, приставил руки ко рту, как рупор:

— Робинсон, скажите нам, чего нам ждать: войны или мира?

— Долой! Долой! — завывли его соседи.

Парень получил удар в бок и упал на скамейку.

Певец обвел глазами весь бурлящий, гудящий зал. Сотни лиц — белых, черных, коричневых — просительно тянулись к нему, вынуждали его говорить.

— Друзья мои, — сказал он своим глубоким, мощным голосом, — друзья мои, я только что вернулся из России, из Советского Союза...

Священная тишина встала над залом. Люди замерли, не сводя глаз с оратора, с его высокой, чуть усталой фигуры.

— Нам говорят, что Советский Союз готовится к войне, что он хочет притти к нам, завоевать нас и разгромить наши города. Это ложь! Нас пугают красной опасностью, чтобы заставить взяться за оружие. Но люди не хотят войны. Я был на Всемирном Конгрессе сторонников мира. Все нации, все цвета кожи были представлены на этом конгрессе. Город напоминал в эти дни гигантский лагерь, где собрались бойцы всех прежних войн, для того чтобы добиться на земле прочного мира. И мы знаем теперь: человечеству грозит не Советский Союз, а кучка людей, у которых в руках золото и военные базы,

радиостанции и газеты, бомбардировщики и атомные бомбы. Судьба наших детей и судьба культуры зависит сейчас от того, сможем ли мы отстоять мир... Друзья мои! Я проехал много городов и видел много русских людей. Русские отстраивают Сталинград, возводят в Москве величественное здание университета, они сажают леса и украшают свои города новыми садами вместо сожженных фашистами... Я разговаривал с академиком. Отец его до сих пор обрабатывает землю в колхозе, и оба — отец и сын — выводят новый сорт ветвистой пшеницы. И ни один человек в России не говорит о войне. Это огромная, могучая, мирная страна, которая хочет спокойно воспитывать своих детей и строить свои города...— Джим Робинсон провел рукой по волосам.— А у нас?.. Что мы видим у нас в Америке? — спросил он, обращаясь к залу.

— Да, да, скажите-ка, что мы видим здесь! — раздался истошный выкрик.

— Мы видим здесь миллионы безработных, которые скитаются по всей стране, не находя пристанища,— с силой сказал Робинсон.— Мы видим лачуги Горчичного Рая и дворцы богачей, которые держат в руках всех нас. Не спросив нас — народ, эти люди заключают Атлантический пакт — военный союз, который должен привести нас к войне, нужной для них, для их карманов.

— Замолчи, грязный негр! — заорали несколько человек откуда-то сверху, но тотчас же смолкли.

Джим продолжал, как будто не слышал этих выкриков:

— Они говорят высокие слова о расовом равенстве, а сами обливают негров бензином и сажают их на электрический стул только за то, что негр осмелился хоть в чем-нибудь уподобиться белому. Они борются с фашизмом и набирают дивизии из бывших эсэсовцев. Они говорят о предательском нападении фашистов, а сами готовят такое же нападение. Вы, рабочие, разве вы не знаете, как лихорадочно готовят ваши хозяева на заводах орудия и бомбардировщики, как готовят они атомные бомбы!

— Знаем! Знаем! — единым выкриком отвечал зал. Шум и волнение всё возрастали. Теперь уже только передние ряды могли явственно слышать то, что говорил певец.

— Так чего же мы смотрим, друзья? — вскричал он, как бы удивляясь. — Почему мы бездействуем?

— А вот я вам сейчас покажу, как надо действовать! — Громадный детина в черном наглухо застегнутом пиджаке вскарабкался на сцену и направился к певцу, угрожающе размахивая кулаками. — Сию минуту замолчите и выметайтесь отсюда, не то мы разнесем к чорту весь этот сарай и вас заодно!

— Долой негра! Заткни ему глотку, Билл! — подхватило несколько голосов из зала.

Со всех сторон раздались негодующие возгласы. Грозный гул сотрясал «Колорадо».

Джим Робинсон смерил ледяным взглядом детину:

— Мы продолжаем концерт, приятель. Будьте добры очистить сцену.

— Ничего подобного! Мы больше не разрешаем вам выступать, — объявил тот. — Мы — настоящие янки и не позволим вам поносить правительство. Сказано вам: убирайтесь отсюда, пока целы!

Он неосмотрительно подошел слишком близко к краю подмостков. Снизу поднялись сильные руки Ричи, рванули его за брюки, и детина мгновенно исчез, как исчезают со сцены черти в волшебных сказках.

Зал словно только и ожидал такого сигнала к действию. Оглушительно засвистели полицейские свистки. Снаружи им ответили сирены полицейских автомобилей. Над головами замелькали дубинки. Внезапно вспыхнул спрятанный в углу большой прожектор. Руки, головы, свирепые лица с оскаленными от ярости зубами, дубинки, раздающие направо и налево удары, — все осветилось нестерпимо ярко.

На подмостки вскочило сразу несколько беснующихся дюжих парней в полувоенных костюмах, но на помощь Джиму и Джорджу Монтье уже подросли друзья. Квинси, Беннет, Гирич, Ричардсон, даже старый дядя Пост, точно стеной, окружили певца, готовые выдержать любой натиск.

В зале шло уже настоящее побоище, в котором пока принимали участие только дубинки да кулаки.

Неистово орали, свистели и мяукали скауты. Фэйни и Рой, забравшись с ногами на скамейку, с наслаждением следили за происходящей свалкой.

Под самыми подмостками Цезарь крепко держал

единственной своей рукой какого-то подозрительного молодца, не давая ему подняться на сцену.

— Пусти, негр! Я тебе говорю: немедленно пропусти меня, чорт! — хрипел тот, вырываясь и стараясь ногой поддеть деревяшку Цезаря, чтобы опрокинуть своего противника на землю.

— Подножки даешь, мерзавец! — Цезарь потуже захватил ворот парня и затряс его из стороны в сторону, как котенка, приговаривая:— Не давай подножек! Не давай подножек! Это подло, за это вашего брата еще в школе бьют!..

В «Колорадо» вдруг запахло гарью. Со стороны сцены пополз легкий синеватый дымок, который становился все гуще, все черней и постепенно обволакивал зал. В пылу схватки люди не замечали этого дыма, пока вдруг не запылал легкий шелковый занавес.

— Пожар! Пожар! Горим! — истошно закричал кто-то.

— Мерзавцы! Они подожгли эстраду!

Мгновенно подскочил Ричи, проворно сорвал занавес и затоптал пламя. Несколько ребят, в том числе Джон Майнارد, старательно помогали ему. Однако дым продолжал густеть, и неизвестно было, в каком месте горит.

Отряд полицейских, предводительствуемый Ньюменом, ворвался в «Колорадо».

Ньюмен тотчас же оценил обстановку и остался очень доволен.

«Так я и думал,— проворчал он сквозь зубы.— Вся компания здесь. О-кэй, меньше будет хлопот. Майору не о чем беспокоиться. Да и Большой Босс будет доволен, что все кончится сразу».

— Заберете вон тех,— Ньюмен повел подбородком в сторону сцены, и полисмены, расчищая дорогу дубинками, бросились туда.

Увидев на сцене синие мундиры, Чарли вскрикнул не своим голосом и с кошачьей ловкостью вспрыгнул на подмости. Салли кинулась за ним, хотела его удержать, но он вырвал у нее свою руку и врзался в самую гущу толпы, посреди которой виднелась гордая голова Джима Робинсона.

— Дядя Джим, я здесь! Мы с тобой! Мы вместе! — дрожа, повторял мальчик.

Слезы ярости душили его, он оттаскивал кого-то за

рукав, нырял головой в чьи-то душные пиджаки. Полицейская пуговица расцарапала ему сверху донизу щеку, кто-то ударил его так, что на минуту у него зашлось дыхание,— он продолжал рваться вперед к Джиму, к своим. За ним по пятам следовала Салли — маленькая, хрупкая, но сильная духом женщина. Она, так же как сын, работала руками, локтями и даже головой, стараясь пробить себе дорогу, но полицейские заполнили уже всю сцену и теперь старались разорвать цепь вокруг певца.

Дым все еще лез в глаза, мешал дышать.

Внезапно раздался выстрел. И тотчас же отчаянный женский вопль вознесся над общим шумом и заставил многих оглянуться. Подвернув деревянную ногу, у подмостков лежал Цезарь. Глаза его уже гасли, на синей рубашке, у самого сердца, расплывалось темное пятно. Темпи, продолжая судорожно кричать, попыталась его поднять, но он был слишком тяжел для нее и с глухим стуком выскользнул из ее рук на пол. Выстреливший в Цезаря парень, тот самый, которого он удерживал за ворот, уже помогал полицейским на сцене.

— А... а... а!..— пронесся над толпой неясный рев, и сразу в нескольких местах защелкали выстрелы.

То тут, то там падал раненый. Полицейские заняли все выходы. Все громче выла сирена. Снаружи распорядился майор Симеон.

— Джон, Джон, где ты? — кричал в толпе испуганный насмерть старый Майнард, владелец помещения.

Он с ужасом видел, как дым вырывается из-под сцены, опрокидываются и ломаются скамейки, как ходуном ходит и вот-вот обрушится весь зал. Но страшней всего для него было внезапное исчезновение сына.

А Джон, увидев, что Чарли вскочил на сцену, немедленно последовал за своим другом. Путь ему преградил толстый полицейский с нашивками сержанта:

— Куда лезешь, парень! Тут тебе не место! — И полицейский отшвырнул Джона.

Падая, мальчик ударился головой о скамейку и, обливаясь кровью, остался лежать у подмостков. Чарли и Ричи бросились к нему, но увидели наведенное на них дуло пистолета.

Убийца Цезаря хладнокровно выбирал себе новую мишень.

— Уберите пистолет, а то для вас это плохо кончится,—стараясь быть спокойным, предупредил его Ричи.

Тот присел, как зверь, собирающийся прыгнуть, и ринулся на учителя.

Однако Ричи недаром считался лучшим спортсменом на корабле. Неуловимо быстрый, сокрушительной силы удар обрушился на убийцу. Он заревел и скатился с подмостков.

— Кто следующий? — спросил Ричи.

Чарли ахнул. Подкравшийся сбоку полисмен изо всей силы ударил Ричи дубинкой по руке, и рука повисла, как плеть. Мальчик прижался к Ричи, но полицейский оторвал его и с такой силой отшвырнул в сторону, что Чарли едва удержался на ногах.

— Ну, поиграли — и хватит! — Ньюмен появился на подмостках как хозяин положения. — Пора закрывать лавочку. Снуд, Хартфилд, делайте ваше дело.

Полицейские окружили певца и остальных.

— Послушайте, Ньюмен, что здесь, чорт возьми, происходит? Вы что, специально организовали это побоище?

Это говорил доктор Рендаль. Повидимому, он тоже пытался пробраться на сцену и выдержал горячую схватку: его обычно гладко причесанные седые волосы стояли дыбом, поперек лба шла большая ссадина.

— Доктор Рендаль? — притворно изумился сыщик. — Весьма прискорбно, сэр, что я нахожу вас здесь, в этом вертепе, и в подобной компании... Вот уж никак не думал, что вы заодно с неграми и всеми этими красными агитаторами!.. Такой почтенный, уважаемый человек...

— Вы мне не читайте нотаций! — побледнел доктор Рендаль. — Мистер Джеймс Робинсон — человек, известный всему миру, и то, что вы устроили на его концерте, тоже будет известно не только здесь, но и в Европе. Я вас спрашиваю: почему полиция сознательно организовала здесь убийства, пожар и стрельбу?

— Я не удивляюсь, например, что нахожу здесь мистера Ричардсона. — продолжал Ньюмен, как бы не слыша того, что говорил доктор: — у мистера Ричардсона с черными и с красными одна дорога...

— О, дьявол! — Доктор Рендаль вытер платком мокрый лоб и ссадину. — Сейчас же еду к Милларду. Берегитесь, Ньюмен, если вы все это сами придумали! Как бы вам не промахнуться!

Ньюмен нагло засмеялся.

— Смотрите, доктор, как бы вы сами не промахнулись,— сказал он весело.— Боюсь, что Большой Босс примет вас не слишком любезно.

— Вы хотите сказать...— начал было доктор.

— Я ничего не хочу сказать,— оборвал его сыщик.

Он повернулся и оглядел людей на подмостках:

— Хэрш, а вы как сюда затесались, старый грешник? Вам давно пора о душе подумать, а не о том, чтобы участвовать в таких делах!

— Подумай лучше о своей собственной душе,— проворчал дядя Пост, которого крепко держал за рукав дюжий полисмен.— Она у тебя, небось, не лучше помойки!..

— И вы здесь?— Взгляд Ньюмена отыскал Ивана Гирича и Квинси.— Хотите, значит, подбавить себе хлопот и неприятностей? Что же, дело ваше... Хартфилд, перепишите всех и занесите в особый список свидетелей.

Джемс Робинсон приблизился к сыщику.

— Может быть, вы скажете мне, зачем здесь полиция и в чем нас обвиняют?— спросил он со спокойным достоинством.

Ньюмен посмотрел на певца, как смотрят на редкостную птицу, которая своим пением, по слухам, зарабатывает многие тысячи.

— Знаете ли, вы чудак... э... э... мистер Робинсон,— сказал он, с трудом выдавливая из себя слово «мистер».— Поете гимны красных, агитируете против правительства, а потом удивляетесь, почему пришли чужие дяди в мундирах.— Он ткнул пальцем в грудь певца:— Ладно, собирайте ваши пожитки, и пошли!

— Не смейте его трогать!— вырвалась вдруг вперед Салли Робинсон.— Вы— грязный сыщик, уберите ваши руки, не смейте дотрагиваться до Джемса Робинсона!

Салли была вне себя. Ньюмен зарычал:

— Убирайся отсюда, черная дура, пока тебя не забрали!

Салли стояла у него на дороге. Шагнув вперед, он изо всей силы толкнул ее в грудь. Маленькая женщина, застонав, опрокинулась навзничь.

В тот же момент раздался резкий вскрик, и Чарли повис на сыщике. Он вцепился в Ньюмена и точно клещами сдавил ему горло. Сыщик замотал головой и, стараясь оторвать от себя мальчика, освободиться от

мертвой хватки, неистово колотил по спине, лицу и голове Чарли. Со всех сторон на помощь сыщику ринулись полицейские.

— Не позволю! Не смеете бить мою мать! — Задышающийся голос Чарли был страшен.

Он все сильнее сжимал сыщика. Но два дюжих парня уже схватили мальчика и с силой сбросили его со сцены.

Высокий полицейский равнодушно оттащил в сторону бесчувственное тело Чарли.

— Всех — по машинам! — хрипло командовал Ньюмен, держась за шею, на которой начали проступать пятна.

Истощенно взвыли сирены. Людей прикладами впахивали в автомобили. Из «Колорадо» поспешно выносили убитых и раненых. Дым начал выползать на улицу.

41. ГОРОД ВСТРЕВОЖЕН

— Мистер Сфикси у телефона, сэр.

Образцовый Механизм встал в дверях — серо-стальной, точный, молчаливый исполнитель хозяйских предначертаний, а вместе с тем — неумолимо-любопытный, как порой бывают женщины. Большой Босс направился к аппарату, а миссис Причард, выдвинувшись в соседнюю комнату, немедленно прильнула к отводной трубке.

— Второй день ломаю себе голову, Роберт, — сказал унылым тоном судья. — Надо точно сформулировать обвинение, а у меня только самые расплывчатые формулировки. Это не годится. Ведь это не суд обыкновенных тяжб, а высший орган.

Миллард сухо засмеялся.

— Не ломайте голову, Боб, она еще может вам пригодиться в жизни, — отвечал он. — И на кой вам чорт точная формулировка! Промаринуйте их подольше за решеткой, а потом отправьте куда-нибудь подальше, чтобы и слуху о них не было!

— Невозможно. — Сфикси громко засопел от волнения. — С одной стороны, нам невыгодно оттягивать суд, потому что сейчас все наши взвинчены и присяжные непременно вынесут обвинительный приговор. Значит, надо пользоваться таким настроением. А с другой стороны, я опасюсь, честно вам скажу, опасюсь каких-нибудь

вспышек. Если бы дело было в одном аресте, было бы еще полбеды. Но здесь прибавилось еще убийство Цезаря Бронкса — этого негра-агитатора, который работал у вас, Робби. Он очень популярен на Восточной окраине. Чорт бы побрал этого ньюменского помощника, который вздумал стрелять первым! Его уже уволили по моему распоряжению, но от этого нам не легче. На похоронах Бронкса народ чуть не разорвал двух полисменов, которые хотели навести порядок. Вообще у нас творится что-то невообразимое. Меня заваливают письмами, угрожают со мной расправиться, устраивают митинги протеста, собирают подписи, требуют, чтобы я освободил всех арестованных под залог. Конечно, в первую очередь речь идет о Робинсоне, его племяннике, учителе и этих двух уволенных с вашего завода рабочих.

Миллард недовольно хмыкнул.

— Ни в коем случае не выпускайте их под залог.— Он говорил тоном приказа.— В крайнем случае, назначьте непомерно высокую сумму. Мне тоже прислали письма, угрожают забастовкой, беспорядками на заводе, но я не из податливых. Мы уже обратились к печати. Впрочем, если вам непременно нужна формулировка, неужели вы не можете воспользоваться теми, которые напрашиваются сами собой? Например: «Оскорбление конгресса», или «Политическая диверсия», или еще что-нибудь в таком же духе. Все это отлично подойдет.

Сфокси пробормотал что-то неразборчивое. Потом сказал утомленно:

— Об этом я и сам думал, Роберт. В крайнем случае придется представить все дело как заговор против существующего строя. Это будет всем понятно и не потребует комментариев... Только скажите Уорвику, чтобы он не пересаливал с газетами,— добавил судья,— а то изо дня в день: «Америка разоблачает политические козни Советов», «Черный Карузо — агент Советов», «Черные работают на красных»... Даже мне набило оскомину.

— Создаем общественное мнение,— с важностью возразил Миллард.— Не надо ничем пренебрегать, Боб. Пускай это набьет оскомину, зато крепко засядет в мозгах... Когда же вы заканчиваете ваше *следствие*? — спросил Босс, делая ироническое ударение на слове «следствие».

— В любой день,— был быстрый ответ.— Как только

приедет прокурор, можно будет назначить заседание суда.

— О-кэй! — отозвался Большой Босс.— Этот прокурор, которого я вам указал, весьма приличный и успевающий парень. К тому же вполне свой человек.

— Я так и понял, Роберт.— Судья помолчал, потом сказал с раздражением: — Приготовьтесь, Роберт, услышать хорошенькую новость. У певца в данный момент не оказалось денег, чтобы нанять адвоката. Все свои тысячи он растратил на каких-то там беженцев и вдов.

— Ну так что же! — прервал его Большой Босс.— Вы думаете, меня очень огорчает, что у него не будет собственного защитника?

Сфикси раздраженно засмеялся:

— Нет, вовсе не то. Защитник у него будет. Будет и у этого учителяшки — Ричардсона, и у негритенка тоже. И этого защитника нанял наш друг — док.

Миллард негромко чертыхнулся.

— Старый дурак выжил из ума! — сказал он сквозь зубы.— Подумать только — окончить Гарвард, а потом якшаться со всяким сбродом! Ну, пусть он теперь не надеется на практику в нашем городе, — решительно отрубил Миллард.— Придется ему после этого дела искать себе другого места жительства. Я сам позабочусь об этом.

На другом конце провода Сфикси стало не по себе: не желал бы он очутиться теперь на месте доктора Рендаля!

— А как насчет свидетелей? — поинтересовался Миллард.— Я читал в газете, что очень много желающих выступить в суде.

— Да вот, защитник дока жалуется, что никак не может найти для себя свидетелей, — комически вздохнул Сфикси.— Бедный парень! Зато у обвинения множество свидетелей. Кстати, Робби, майор Симеон сказал мне, что надо бы потолковать с вашей экономкой, этой... э... э... миссис Причард, если не ошибаюсь. У бюро есть сведения, что ее дочь дружила с негритенком и находилась в доме певца в тот вечер, когда он собрал всю свою компанию. Это очень важный вечер, о котором будет особый разговор на суде. Разумеется, несовершеннолетние не могут быть настоящими свидетелями, но все-таки показания девочки могли бы пригодиться, произвести, так сказать, впечатление в нужном нам плане... Надо угово-

рить мать, чтобы она согласилась отпустить девочку на заседание суда. Разумеется, мы предварительно поведемся с ней, подготовим.

— Я беру эти переговоры на себя,— сказал Большой Босс.— Думаю, что миссис Причард окажется благодарной. Кстати, о несовершеннолетних,— вспомнил он вдруг.— Не кажется ли вам, Боб, что следует вызвать и тех мальчиков, которые на совете попечителей рассказывали нам о деятельности Ричардсона в школе? Один из них, повидимому, очень способный мальчишка и быстро схватывает суть... Не следует ничем пренебрегать,— повторил Босс свое излюбленное выражение.

— О-кэй, неплохая мысль! — подтвердил Сфикси.

Положив трубку, Миллард помедлил минуту, потом вызвал к себе миссис Причард.

Домоправительница явилась что-то уж чересчур скоро и чересчур мало удивилась и взволновалась, когда Большой Босс передал ей желание судьи. Впрочем, у Милларда это не вызвало никаких подозрений: он привык видеть свою домоправительницу в стальной броне невозмутимости.

На этот раз Большой Босс снизошел до разговора с миссис Причард.

— Я был удивлен, миссис Причард,— сказал он.— Право, я был удивлен, когда узнал, что вы позволяете вашей крошке водиться с цветными и даже бывать у них!

Лицо миссис Причард покрылось бурыми пятнами.

— С вашего позволения, сэр, это все тот негодный мальчишка-негр,— пробормотала она.— Он прямо преследовал Патрицию, не давал ей прохода. А тогда, в тот вечер, он обманом завлек Патрицию в свой дом. Заставил кого-то позвонить сюда и сказать, что отчаянно болен. И Пат — она у меня такая чувствительная, сэр,— Пат не могла отказать умирающему мальчику в последнем «прости». Она пошла и попала на это коммунистическое собрание.

Босс посмотрел на нее значительно ласковее.

— Это еще лучше, миссис Причард,— сказал он.— В таком случае, вы тоже должны выступить в суде и рассказать о том, как вашу дочь обманом залучили в дом Робинсона. Можно рассказать, как ее пытались там распропагандировать, как внушали ей разные вредные мысли... Это очень рассердит присяжных, я уверен.

— С радостью расскажу об этом мальчишке, сэр! — подхватила домоправительница. — Он у меня камнем лежит на сердце, сэр, честное слово! Подумать только: черномазый ходит к моей дочери, набивается в друзья, может быть мечтает потом жениться на ней! Я чуть с ума не сошла!

— Отлично, миссис Причард! — Разговор затянулся, и Босс желал его «закруглить». — Значит, я передам судье, что вы и ваша дочь согласны быть свидетельницами.

— Сочту своим гражданским долгом, сэр, — торжественно заверил Образцовый Механизм. — Я предупрежу Патрицию. Бедняжка несколько расстроена эти дни... Очень она у меня чувствительная, сэр. — И миссис Причард удалилась, исполненная достоинства.

Судья не солгал Большому Боссу. Действительно, с момента ареста Джемса Робинсона, его племянника Чарльза, учителя Ричардсона и нескольких рабочих, оказавших полиции сопротивление, Стоун-Пойнт напоминал огромный котел, в котором кипели, бурлили и вырывались наружу самые различные человеческие страсти.

Большинство арестованных в «Колорадо» были выпущены за недостаточностью улик уже через три-четыре дня. Среди освобожденных были старый Майнард, владелец помещения, и его сын Джон. Ходили слухи, что майор Симеон получил неплохой куш от состоятельного негра.

В тюрьме оставались только «зачинщики» вечера, получившего неофициальное наименование «колорадского бунта». Кроме Джемса Робинсона и учителя Ричардсона, который нанес увечья помощнику Ньюмена, главными обвиняемыми считались несовершеннолетний негр Чарльз Робинсон, безработный американец Джерард Квинси и безработный славянин Иван Гирич.

В ближайшее время все они должны были предстать перед судом.

Вначале Сфикси думал было выделить Чарльза Робинсона и рассмотреть его дело — покушение на убийство сыщика — в особом заседании суда по делам несовершеннолетних. Однако потом судья счел более эффективным присоединить мальчика к общему процессу и показать американцам, куда заводит молодое поколение коммунистическая пропаганда.

В город наехали десятки корреспондентов газет, которые хватались за малейший слух, малейшую подробность об арестованных, для того чтобы сделать из этого сенсацию, подогреть интерес читателей, а главное, еще больше возбудить страх перед «красной опасностью». Концерт в «Колорадо» изображался теперь как попытка вооруженного восстания. Все выстрелы и поджог были отнесены за счет «бунтовщиков», «коммунистов», «красных агитаторов». Речь, произнесенная Джемсом Робинсоном, советские песни, которые он пел,— все это теперь преподносилось читателям как призыв к восстанию и ниспровержению существующего строя. Были извлечены на свет все подробности личной и семейной жизни певца. Даже история его любви к белой девушке изображалась теперь как попытка цветного вступить в незаконный брак с представительницей господствующей расы. Многочисленные жертвования Джима беднякам обоих полушарий, его помощь беженцам из стран фашизма, его выступления на негритянских митингах и на конгрессе в защиту мира — все это теперь преподносилось как последовательная работа платного агента Советского Союза.

Было установлено, что брат певца, погибший Тэд Робинсон, также придерживался весьма революционных воззрений, не раз говорил, что в Америке не обойдешься только двумя партиями, и всюду защищал права рабочих. Племянник певца, арестованный за нападение на сыщика и пытавшийся удушить означенного Ньюмена, также обещает вырасти в настоящего большевика. В школе, куда направились предприимчивые репортеры, им рассказали о том, что мальчик поднял настоящее восстание и подстрекнул весь класс не давать полиции отпечатков пальцев. Учителям он отвечал очень заносчиво и дерзко, не признавал никакого превосходства белых над черными и проповедовал идеи равенства во вкусе Джона Брауна.

За последнее время Чарльз Робинсон практиковался в стрельбе из духового ружья, которое привез ему дядя, и неизвестно еще, для чего мальчик так упорно учился стрелять.

Словом, много было в корреспонденциях недомолвок и многозначительных намеков, которые должны были дать читателям исчерпывающую картину того, какую

опасность для общества представляют собой семья негритянского певца и ее друзья.

Отдельно занимались личностью учителя Ричардсона. Он изображался как завербованный коммунистами во время войны офицер, который ради получаемых от Советов денег не останавливался перед прямой изменой. Кроме того, им были получены инструкции разлагать и политически дезориентировать американскую молодежь, что он и делал, будучи преподавателем городской школы. Родителям надлежит в ближайшее же время изгладить из нежных детских душ следы разрушительного, растлевающего влияния Ричардсона.

Верхний город, в особенности представители «тринадцати семейств», знали, что нечего особенно тревожиться, потому что дело поручено опытным людям, вроде Сфикси, а они-то уж понимают, как надо с этим управляться. Поэтому ни жирные заголовки газет, ни вопли миллиардовских журналистов, ни обширные доклады радиокомментаторов о том, что пойманы с поличным еще несколько политических диверсантов, и о том, что коммунисты давно ведут подрывную работу в Штатах, никого особенно не волновали. Только дамы ахали, наперебой бранили знаменитого певца, продавшего свой талант коммунистам, и спрашивались у супругов, долго ли пробудет Робинсон в изоляции и когда удастся им услышать его бесподобный голос.

Мужчины отвечали что-то весьма неопределенное, и дамы заключили, что в этом сезоне услышать бесподобный голос, пожалуй, не удастся.

В Горчичном Раю было совсем иное настроение.

После первых часов уныния, в которое привели всех — и белых и черных обитателей Рая — арест певца и его сторонников и убийство общего любимца Цезаря, люди опомнились и начали готовиться к борьбе.

Пожалуй, именно это убийство и арест певца лучше и сильнее всех речей показали беднякам Горчичного Рая, как важно им действовать сообща.

За гробом Цезаря огромной молчаливой толпой следовали все белые и черные обитатели Восточной окраины. Толпа вела себя тихо, но в этой тишине таилась грозная, скрытая до времени сила.

Салли Робинсон и Маргрет вели под руки ослабевшую, залитую слезами Темпи. Старшего сынишку Цеза-

ря опекали Нэнси, Мери и повзрослевший, точно выросший со времени ареста отца Василь. Остальных малышей взяли к себе на время похорон Беннетты.

Среди идущих за гробом были близнецы Квинси, смуглый серьезный Пабло, как всегда горячий и возбужденный Джой Беннет и Джон Майнард, еще больше вытянувшийся и окруженный ореолом мученика, пострадавшего за правду.

Все газеты трубили о том, что мистер Миллард, как всегда великодушный благодетель своих служащих, распорядился выдать вдове своего бывшего рабочего Цезаря Бронкса очень крупное пособие. Однако друзья Темпи знали, что Коттон вызывал вдову к себе и сказал, что даст ей сто долларов, если она подпишет обязательство не выступать на суде и подтвердит, что не имеет никаких притязаний к полиции. Темпи посмотрела заплаканными глазами на управляющего и молча повернулась к дверям.

— Послушай, женщина, ты, может, не поняла меня? — крикнул Коттон.

— Нет, сэр, я очень хорошо вас поняла, — сказала Темпи.

— Ты что же, не намерена получать эти деньги? — спросил Коттон, помахивая стодолларовой бумажкой.

— Нет, сэр. Простите, сэр, мой мертвый муж не продается, — сказала Темпи и тихонько вышла из кабинета управляющего.

На могиле Цезаря не было речей. Когда гроб опустили в землю, появился запыхавшийся дядя Пост. Его опять подвел оливковый автомобиль. Старик был очень расстроен последними происшествиями. Ему и самому приходилось круто: после вечера в «Колорадо» его вызвал к себе начальник почтовой конторы и целый час допрашивал о его связях с «комми». В конце концов дяде Посту пригрозили увольнением, если он еще раз примет участие в подобном бунте. Старый почтальон ожесточился и, если бы начальник не отпустил его, наверное наговорил бы ему дерзостей. Явившись теперь на похороны, он пробормотал что-то сочувственное Темпи, поздоровался со всеми, кого знал — а знал он решительно всех, — и подошел к Салли:

— Узнали что-нибудь новое, мэм?

Салли махнула рукой:

— С тех пор как вы были, дядя Пост, никаких перемен. Бесконечные репортеры, звонки, анонимные письма с угрозами, тревожные телеграммы из Европы. А наши тем временем заперты в тюрьме, и неизвестно, когда их освободят и освободят ли вообще.

Старый почтальон вздохнул.

— Да, штука скверная,— сказал он.— Вчера я был в тюрьме у мистера Ричардсона. Еле-еле добился пропуска. Ох, и осунулся же он, бедняга! Говорит, что раньше его дело хотели выделить, припаять ему покушение на убийство, а теперь объявили, что будут судить всех вместе за «заговор с целью ниспровергнуть существующий строй»,— с трудом выговорил старик непривычные, «ученые» слова.

Салли горестно кивнула.

— Знаю. Слышала от защитника, которого прислал ко мне доктор Рендаль,— сказала она.— Защитник говорит, что необходимо оттянуть суд: газеты так всех настроили, что нашим неминуемо грозит обвинение. Но судья ни за что на это не соглашается.

Маленькое лицо Салли посерело, сделалось еще более мальчишеским и скуластым.

— Была сегодня утром у моих,— сообщила она дяде Посту.— Оба держатся молодцом. Джим уверен, что за него вступятся Конгресс сторонников мира, и коммунистическая партия, и все наши. А Чарли прямо бросился ко мне и говорит: «Ма, я, как Джон Браун, заключен в тюрьму и страдаю за справедливость! Ты гордишься мной, ма?» — «Ну, конечно,— говорю,— я горжусь тобой, сынок. Ты у меня смелый и настоящий человек, и отец тоже гордился бы тобой теперь».— Салли смахнула слезу.— Знаете, дядя Пост, что он придумал, мой Чарли? Его посадили в камеру к каким-то молодым ребятам. Так он начал лепить из хлеба карикатуры на сыщиков и надзирателей. Они все прямо помирали со смеху. Вот вам и «интеллектуальная особенность»,— прибавила вдруг Салли и скорчила странную гримасу.

Дядя Пост растерянно посмотрел на нее:

— Что такое? Что вы сказали, мэм? Я, признаться, не понял... Интеллек...

— Это я об одной женщине, которая была у меня вчера по поводу Чарльза,— объяснила Салли.— При-

шла этакая жирная тетя в полицейской форме, сказала, что прислана коллегией по исправлению юношества. Желает узнать подробности о «молодом преступнике». Вот она расселась и давай выспрашивать меня.— Салли раздула щеки, и перед старым почтальоном словно воочию предстала женщина-полицейский.— «Я бы хотела, миссис....э... Робинсон, узнать биологические особенности, интеллектуальные особенности и индивидуальные особенности вашего сына,— передразнила Салли гнусавым голосом.— Кроме того, меня интересует окружение преступника, его среда и случаи его антиобщественного поведения. Например, этот случай в школе, описанный в газетах, когда он отказался дактилоскопироваться. Я хотела бы узнать, застенчив ли преступник, держит ли он голову вниз, избегает ли смотреть людям в глаза...»— Салли вдруг рассмеялась: — Ух, и задала же я этой даме! «Во-первых,— говорю,— мой сын не преступник. Его среда — это я и Джемс Робинсон, певец, известный всему миру. Мой сын всегда высоко держит голову и смотрит всем прямо в глаза, ему некого и нечего стыдиться и бояться! А затем,— говорю,— прощайте, дорогая миссис, и забудьте дорогу в этот дом, потому что здесь живут честные люди».

Дядя Пост с уважением посмотрел на маленькую женщину.

— Вы еще вежливо обошлись с ней, мэм,— сказал он,— а я бы ни за что не выдержал, вытолкал бы ее в шею. Подумайте: «молодой преступник»! Да я бы эту негодяйку...

Долго старик не мог успокоиться и ругал женщину-полицейского.

...Похоронная церемония была окончена. Свежий холм, покрытый букетами и венками, вырос на кладбище Горчичного Рая.

К Салли подошел Джордж Монтье и сказал:

— Сегодня на заводе в обеденный перерыв митинг протеста. Будут выступать секретарь профессионального союза и еще несколько рабочих. Беннет сказал, что у них в типографии выйдет специальный листок с протестом и все рабочие дали уже свои подписи. Гренджерские рабочие тоже присоединяются к нам... Вы не грустите, миссис Робинсон, мы добьемся их освобождения, уверяю вас.

Салли благодарно улыбнулась ему. Ей так хотелось этому верить!

У ворот кладбища кучкой стояли ребята, горячо обсуждая что-то свое. Нэнси и Вик Квинси все еще держали за руки сынишку Цезаря. Малыш был серьезен и во все глаза смотрел на своих покровителей. Он видел, что они чем-то взволнованы.

— Это ты пустяки говоришь,— возражал Вик Квинси разгоряченному Джою Беннету.— Просто ты начался разных приключенческих романов, вот тебе и кажется, что можно в жизни поступать так же, как в книгах. Нет, брат, жизнь куда труднее! — И Вик посмотрел на товарища так, как будто сам он был многоопытным, всеведущим старцем.

— А я говорю, что можно устроить побег! — настаивал Джой.— Я берусь передать Чарли при свидании подпалок.

— Ох, не думал я, что ты такой маленький! — покачал головой Вик.— Вырос больше меня ростом, а ума не видать. Да куда же они денутся, даже если им удастся перепилить решетки камер, открыть железные двери и передуть всех часовых и еще не знаю кого! Куда ты спрячешь, например, Джемса Робинсона, которого знает весь мир!

Джой Беннет смущенно замолчал. Он не подумал о том, что будет с беглецами после задуманного им побега.

— Ну дай ему хоть помечтать, Вик,— вмешалась вдруг Нэнси.— Так хорошо иногда помечтать о чем-нибудь...— Она устремила вдаль большие, грустные глаза.— Я иногда вот мечтаю, что я — птица и могу лететь, куда хочу. А иногда воображаю себя знаменитой поэтессой... Конечно, это глупо, я знаю...

Вик облизал сухие губы.

— Нет, Нэнси, это вовсе не глупо,— сказал он откашливаясь.— Это совсем не глупо, и я тоже часто воображаю что-нибудь хорошее.

— И я! И я воображаю! — подхватила Мери Смит, во всем копирующая Нэнси.— Только...— она пригорюнилась,— с тех пор как Чарли сидит в тюрьме, я больше ничего не воображаю. Я только хочу, чтобы он поскорей вернулся к нам!

— Опять глаза на мокром месте! — с возмущением

сказал Бэн Квинси.— Бери пример с меня, с брата Вика и Василя: наши отцы сидят в тюрьме, а мы и не думаем хныкать!

— Довольно вам препираться! — остановил мальчика Василь.— Давайте поговорим о наших делах... Нэнси, вы с Мери сделали что-нибудь?

— Конечно! — закивала радостно Нэнси.— Мы испекли пирог и вложили внутрь записочку, что мы все помним Чарли и будем ему помогать и чтобы он не очень волновался на суде. А потом мы отнесли пирог тете Салли, и она отправила его в тюрьму. Чарли, наверное, уже прочел наше письмо.

— Хорошо,— сказал Василь.— Беннет, Джон, были вы у судьи? Сказали ему, что мы хотим свидетельствовать на суде и рассказать о Ричи и Чарли?

Беннет и Джон уныло посмотрели на товарища.

— Были-то были, да ничего хорошего из этого не вышло,— протянул Джон.

— Он не захотел с вами разговаривать? — нахмурился Вик.

— Со мной не захотел,— сказал Джон,— а вот с ним,— он кивнул на Джоя,— с ним долго беседовал.

— Пока было неизвестно, на чьей стороне мы хотим выступить, судья слушал меня со вниманием и даже сказал, что я очень развитой мальчик и смогу учиться на юриста,— начал рассказывать Джой.— А потом, когда выяснилось, что мы хотим защищать Ричи и Чарли и говорить в их пользу, судья сейчас же заявил, что суд не признает несовершеннолетних свидетелей и что вообще ему очень некогда, и если я интересуюсь юридической наукой, то могу зайти к нему как-нибудь в другой раз, когда он будет свободнее.

Вик и Василь кусали губы.

— Он всех наших отвел,— прибавил Джон Майнард.— О себе я уж не говорю! Как посмотрел на меня, так сказал: «Цветным, мальчик, здесь делать нечего». Вик и Бэн хоть настоящие американцы, но сыновья арестованного — тоже, значит, не годятся. У Джоя Беннета отец — член профессионального союза. Так он всех перебрал и всех отвел. А когда мы ему сказали про тебя, Василь, он ответил, что ты иностранного происхождения и что сейчас ни один суд в стране не стал бы тебя слушать.

Ребята стояли подавленные, угрюмые. В каждом подымались гнев и желание во что бы то ни стало побороть великую несправедливость. А осиротевший малыш Цезаря смотрел на них серьезными глазами и, казалось, все понимал.

42. СУД

Здание стон-пойнтовского суда, построенное в строго классическом стиле, с колоннами и внушительным фронтоном, считалось одним из красивейших в городе.

Следствие по делу о «заговоре против существующего строя» велось в таком быстром темпе, что уже в полдень ближайшего понедельника можно было назначить судебное заседание.

В понедельник утром, задолго до начала заседания, к зданию суда начали стягиваться полисмены. Их было так много, конных и пеших, они так старательно оцепляли всю дорогу, ведущую от тюрьмы к зданию суда, так густо стояли у всех окон и дверей, что каждому прохожему становилось ясно: судят чрезвычайно злостных и опасных преступников. Боже упаси просчитаться и вынести оправдательный приговор: вся судьба страны, ее спокойствие поставлены на карту!

Разумеется, и присяжные, явившиеся в суд, также обратили внимание на удесятенное число полицейских в зале и снаружи и сделали из этого нужные выводы.

Присяжных заседателей было двенадцать. Обычно их выбирало население по спискам. Но то ли на этот раз список был составлен заинтересованными лицами, то ли «население» было специально подобрано, но в состав присяжных вошли люди исключительно миллиардового толка: два крупных торговца кожей, аптекарь, пастор из прихода на Парк-авеню, владелец «Атенеума» Тернер, ярый ненавистник негров кузнец Миллс — отец Лори, управляющий Коттон, агент по продаже недвижимости — человек недалекий и равнодушный ко всему, кроме собственного благосостояния, банковский клерк, два фермера, арендующие земли у Большого Босса, и бледная, с сине-лиловым карандашом под глазами мисс Вендикс.

Одетая ради такого важного случая во все черное, вплоть до носового платка, мисс Вендикс очень напоминала похоронную колесницу. Глядя на нее, всякий дол-

жен был тотчас же почувствовать тщету всего земного. Выражение лица мисс Вендикс тоже соответствовало случаю, так что один из торговцев кожей, испуганно посмотрев на нее, наклонился к Тернеру спросить: что это, мол, за укусуная дама?

Задолго до начала заседания зал суда был переполнен. В городе Стон-Пойнте было мало развлечений, и каждому хотелось освежиться. К тому же не каждый день удастся поглядеть на живых «комми»!

Толпа репортеров — своих и приезжих — заполняла ложу прессы, точила языки и карандаши и вписывала в блокноты вступительную фразу, звучавшую примерно так: «Исполнительная и дисциплинированная американская полиция с трудом поддерживала порядок среди присутствующих, взволнованных и возмущенных видом советских агентов, продавших Америку».

В первых рядах сидела публика из Верхнего города со своими великосветскими друзьями, специально приехавшими на процесс знаменитого негритянского певца. Тут было несколько представителей и представительниц «тринадцати семейств», явившихся полюбоваться на дело своих рук. Парк Бийл восседал со всем своим семейством и приготавлился смотреть на судебную процедуру как на интереснейший матч. Он мысленно прикидывал силы прокурора и защитника, приехавших из Нью-Йорка. Разумеется, защитнику — скромному бледному человеку со сдержанными движениями — не выстоять против щеголеватого, уверенного в себе прокурора.

Если бы оказался подходящий партнер, Парк Бийл непременно заключил бы с ним пари и поставил бы крупную сумму на прокурора. Это было бы верное дело, но, к сожалению, каждый в зале понимал, что шансы прокурора намного выше, и никто не стал бы спорить с Бийлом и просяживать так глупо свои деньги.

Последние ряды были заняты Горчиным Раем. Здесь находились все друзья обвиняемых, и настроение на задних скамьях было совсем другое. Прижавшись к Салли Робинсон, сидели мальчики — сыновья обвиняемых: Василь и близнецы Квинси. Все дни перед судом они провели в доме Салли, и она стала для них как бы второй матерью. Общая беда еще больше сблизила их.

В этой маленькой, сильной духом женщине мальчики старались почерпнуть силу и для себя. Василь еще кое-

как крепился и старался сохранить хоть видимость спокойствия. Зато Вик и Бэн Квинси выглядели совсем несчастными, и когда полисмены ввели подсудимых, Бэн не выдержал и закричал сквозь слезы:

— Папа, папа, мы здесь!

Сотни глаз уставились на подсудимых.

Джим Робинсон, на которого устремились в первую очередь все взгляды, вошел так, как, вероятно, входил он на все эстрады мира: полный самообладания, готовый овладеть вниманием зала и покорить его своим талантом. Только вместо фрака его высокую, усталую фигуру облегал простой серый костюм.

Тотчас же за Джимом, стараясь во всем подражать ему, спокойно и бесстрашно глядя на публику, вышел Чарли.

В зале пронесся гул. Газеты описывали племянника певца как дюжего парня разбойничьего вида, с повадками гангстера, а перед публикой стоял тонкий, вытянувшийся, как тростинка, мальчик с живым, привлекательным лицом, с высоким, умным лбом, над которым вились блестящие черные волосы.

У Ричи в тюрьме отросли маленькие усики, и это придавало ему бравый вид.

Иван Гирич шел хмуро, неподвижно глядя перед собой, и когда кто-то из передних рядов кинул ему: «Большевик!», он даже не повернул голову. Зато Квинси озираясь по сторонам с самым безмятежным видом, как будто именно он пришел поглазеть на интересное зрелище. Он сразу насторожился, услышав голос Бэна, и ободряюще помахал сыновьям рукой.

Фотографы и кинооператоры проворно выскочили вперед, защелкали объективами, закрутили ручки киноаппаратов. Заняли свои места секретари, стенографисты и судебный распорядитель.

— Суд идет! Прошу встать! — громко объявил он.

Все встали. При общем молчании вошел Сфикси. Он занял приготовленное для него на возвышении кресло под двумя скрещенными флагами — США и штата. Заняли свои места и прокурор с защитником. С шумом расселись за барьером присяжные заседатели, и торговец кожей тотчас же начал жевать резинку.

Джемс Робинсон внимательно оглядел состав суда. Чужие, напыщенные, враждебные лица. Ни одного дру-

жеского, сочувственного взгляда. Защитник — бледный и нервный — так заметно волновался, что Джиму захотелось его ободрить. Он кивнул и улыбнулся молодому адвокату, и тот мгновенно просиял.

— Бедняга, ему так хочется помочь нам всем!.. Но, боюсь, его усилия напрасны: здесь все уже предрешено,— успел сказать Джим Робинсон учителю.

— Прекратите разговоры! — потребовал подскочивший полисмен.— Всякие разговоры между преступниками строго воспрещаются!

— А не рано ли вы, друг, зачисляете нас в преступники? — насмешливо сказал Ричи.

— Может быть, на несколько часов раньше, чем это сделает суд, — отвечал блюститель порядка.

— Ну, теперь я окончательно убедился, что нас-таки засады! — громко объявил Квинси, уловивший этот ответ.

На него зашикали, и Сфикси сурово посмотрел в его сторону.

Секретарь — худосочный юноша — зачитал гнусаво и неразборчиво постановление суда о вызове свидетелей: Ньюмен, его помощник Кольридж, только что оправившийся от побоев, нанесенных ему подсудимым Ричардсоном, директор школы Мак-Магон, преподаватель Хомер, миссис Кристина Причард, мисс Патриция Причард...

Чарли вздрогнул. Пат здесь? Он ее увидит? Значит, она хочет выступить и защитить его, сказать об их дружбе, о том, что он всегда старался всем помогать и быть справедливым старостой! Она хочет опровергнуть ту гадкую ложь и клевету, которую писали газеты! О, Пат, молодец, дорогая девочка! Значит, он, Чарли, не ошибся в ней! И какая она смелая! Какая честная!

В своем возбуждении Чарли не обратил внимания на то, что все названные имена представляли свидетелей обвинения. Он не слышал, как секретарь произнес фамилии Мэйсона и младшего Мак-Магона и добавил, что этих свидетелей суд вызвал в порядке исключения, только чтобы добавить кое-какие факты и черты, способствующие выяснению личности обвиняемых.

Свидетелей, вызванных защитником, оказалось смешотворно мало. Защитник не мог рассказать залу о том, как отводил судья всех, кого он просил вызвать, с каким трудом удалось ему отвоевать в качестве свидетелей

доктора Рендаля, почтальона Хэрша, Темпи Бронкс и вице-президента школы Принса.

Этот последний долго не соглашался выступить на суде, уверял, что его отца уволят за это с работы, но потом вмешался сам отец и сурово приказал сыну идти в суд, сказать все то хорошее, что он знает о младшем Робинсоне, и не заботиться о дальнейшей судьбе своей семьи. Кроме этих свидетелей, большие надежды защитник возлагал на прибывших на процесс двух представителей Конгресса сторонников мира и одного импрессарио, работавшего много лет подряд с Джемсом Робинсоном и хорошо знающего всю его жизнь. Эти три свидетеля должны были говорить о благородной деятельности певца, о его помощи демократическим силам мира, о его высокой человечности.

Но все обернулось вовсе не так, как предполагал этот молодой и горячо желавший выручить своих подзащитных адвокат.

Обвинительное заключение прозвучало так, как будто на скамье подсудимых находились не знаменитый певец, мальчик, молодой учитель и двое рабочих, а по крайней мере матерые политические диверсанты, вооруженные до зубов: измена, тайный заговор, покушение на убийство...

Сфикси повернулся в своем кресле к подсудимым:

— Признают ли подсудимые себя виновными? Вы, Джемс Робинсон?

— Нет, сэр.— Певец поднялся со своего места и с усмешкой смотрел на судью.

— Вы, Ричардсон? Вы, Чарльз Робинсон?

— Нет, сэр, не признаю,— прозвучал звонкий голос мальчика.

— Нет... Нет... Нет...

— В таком случае, приступим к опросу свидетелей,— сказал Сфикси, надевая очки в тяжелой оправе.

Надев их, он сразу стал похож на злую старую сову.

Судью лихорадило. Казалось, вся Европа и часть Америки сошли с ума. Со вчерашнего дня тысячи писем завалили столы в конторе Сфикси. Писали и телеграфировали из комитета при Конгрессе сторонников мира, из каких-то прогрессивных организаций, из союзов музыкантов, художников, писателей, ученых, с крупнейших заводов и фабрик, из лабораторий и научных институтов. Все в один голос требовали освобождения Джемса Робинсо-

на и его товарищей, все твердили о том, что певец — один из передовых борцов, сражающихся за счастье простых людей. «Моя карьера, все мое будущее висит на волоске,— с ужасом думал судья.— Хорошо распорядиться Милларду, диктовать мне свои условия. В случае чего, он останется в стороне, а вся ответственность ляжет на меня».

Сфикси было жалко самого себя. Все, решительно все его травят! Даже какие-то мальчишки на днях осмелились явиться к нему и тоже стали требовать каких-то прав, чтобы защищать своего товарища-негритенка. Подумать только: столько неприятностей из-за этих черномазых! Недаром он, Сфикси, всегда их ненавидел.

Однако менять курс было поздно, и Сфикси со смесью испуга и радости видел, как ловко допрашивает свидетелей обвинения приглашенный Большим Боссом прокурор и как все ту же и ту же стягивается сеть обвинительных доказательств вокруг подсудимых. В конце концов, что смогут возразить и сделать всякие конгрессы и митинги против вопиющих фактов!

Прокурор Кук предъявил суду вещи, найденные при обвиняемых: билет делегата на Конгресс сторонников мира, выданный на имя Джемса Робинсона; письмо из Москвы на имя того же Робинсона, «содержащее зашифрованные сведения»; географический атлас, обнаруженный у обвиняемого Гирича, и отобранная у школьника Чарльза Робинсона книга, содержащая сплошь коммунистическую агитацию и носящая довольно специальное название: «Как закалялась сталь». По словам школьника Чарльза Робинсона, эту книгу привез ему в подарок его дядя, что служит еще лишним доказательством подрывной деятельности Джемса Робинсона в Штатах.

Несколько присяжных заседателей просили дать им ознакомиться с вещественными доказательствами, и по рукам пошли все «документы», включая книгу.

Торговец кожей глубокомысленно полистал ее, покачал головой и вынул из кармана новую порцию жевательной резинки.

Книга перешла к его соседу — аптекарю, но тот только посмотрел на переплет и поспешно передал ее дальше, как будто в прикосновении к этой книге уже заключалась опасность.

Затем один за другим выступили свидетели.

Первым за свидетельским барьером появился Эйнис— «репортер «Стон-Пойнтовских новостей» и референт по вопросам международной политики», как он отрекомендовался суду.

Он показал, что, будучи послан своей газетой для интервью с певцом, он застал Джемса Робинсона в чрезвычайно возбужденном состоянии.

В продолжение разговора Робинсон несколько раз угрожал ему физическим насилием, если он, Эйнис, осмелится разоблачать его в печати. Робинсон неоднократно заявлял, что считает нынешнее правительство Штатов сборищем низких и хитрых людей.

Искусно поставленными вопросами он, Эйнис, принудил Робинсона сознаться, что за свое выступление на Конгрессе сторонников мира он, певец, получил крупную сумму. Правда, подсудимый пытался замаскировать это заявлением, что будто бы получил эти деньги в качестве платы за концерты, но всякий понимает, что он отправился в Советский Союз после конгресса именно для того, чтобы получить условленную сумму. Часть этой суммы он внес в фонд помощи китайским коммунистам.

Все это Эйнис проговорил без малейшей запинки, глядя в переносицу прокурора и стараясь не поворачиваться к подсудимым.

Присяжные заседатели зашептались. В зале начался сильный шум: волновался Горчичный Рай.

Сфикси постучал молотком по столу:

— Если шум не прекратится, я прикажу освободить последние ряды от публики.

Холодно блистая очками, на свидетельском месте появился директор школы Мак-Магон.

Да, сэр, он может дать характеристику двум подсудимым: учителю Ричардсону, преподававшему у него в школе и недавно уволенному за свои антиамериканские воззрения и поступки, и ученику Робинсону, помещенному в школу благодаря великодушию мистера Милларда.

Подсудимый Ричардсон использовал свое положение преподавателя для того, чтобы внушать молодому поколению вредные коммунистические идеи и всячески разлагать его. Делал он это с присущей всем коммунистам дьявольской хитростью и ловкостью: в своем кабинете держал портрет Джона Брауна, внушал детям, что про-

шел век благородных деятелей, которые боролись за равноправие всех угнетенных. Среди учеников у Ричардсона были любимцы и ненавидимые, причем отличал он цветных, а преследовал способнейших белых. Он постоянно посещал рабочие районы города, в частности Горчишный Рай, и вербовал там сторонников среди учеников и их родителей. Во время войны он завязал прочные связи с коммунистами, получал от них указания и после, в своем общении с народом, выполнял эти указания. Попечительский совет школы, которому он, Мак-Магон, доложил о вредной, изменнической деятельности учителя, немедленно принял меры и уволил Ричардсона, поэтому в настоящее время школа больше не несет ответственности за его поступки.

— Благодарю вас, мистер Мак-Магон,— необычайно любезно обратился судья к директору.— Вы дали суду исчерпывающую характеристику обвиняемого.

Свидетель Ньюмен появился перед судом с забинтованной шеей, желая показать всем, что он только чудом остался жив.

Сыщик располагал самыми точными данными относительно всех пяти обвиняемых. Джемс Робинсон? Пожалуйста, ваша честь! Робинсон приехал в город, и тотчас же в рабочих районах началось волнение. Этот концерт в «Колорадо» был задуман давно. Его программу, разумеется отнюдь не музыкальную, ваша честь, вырабатывали сообща: сам Робинсон, учитель Ричардсон и оба других подсудимых — Гирич и Квинси — на собрании в доме Робинсона. Предварительно рабочие Гирич и Квинси пытались вызвать волнения на заводе Милларда, но им это не удалось благодаря своевременному вмешательству администрации и его, Ньюмена. Что касается Чарльза Робинсона, то это законченный бунтовщик, ваша честь. Мальчишка не зря отказался от дактилоскопирования. Он и тогда уже знал, что отпечатки его пальцев рано или поздно пригодятся следственным органам. Он, Ньюмен, может показать суду свою шею. Врач сказал: еще секунда — и Ньюмен отправился бы прямо на небо.

Вы только подумайте: негр бьет белого! Что же это такое, джентльмены? На Юге их за это линчуют, а здесь мы спокойно смотрим, как черный мальчишка набрасывается на белого, чтобы его убить! Негр думает, что может покушаться на убийство и остаться безнаказанным!

— Однако вы ударили мать мальчика, и он вынужден был вступить за нее,—вмешался защитник, перебирая бумаги на своем столе.— Разве в ваши обязанности входило бить женщин?

Ньюмен принял глубоко оскорбленный вид:

— Бить женщин? Нет, сэр, я никогда еще не бил их. Женщина просто мешала мне пройти, и я слегка отстранил ее.

— Отстранили так, что она со стоном упала на-земь? — продолжал защитник.

Ньюмен пожал плечами.

— Почему я знаю, может негритянка была просто пьяна! — нагло возразил он.

— Это ложь! — вскричал, вскакивая, Чарли.— Он лжет, заставьте его замолчать!

— Это ложь! — эхом откликнулась Салли.

Последние ряды разразились возмущенными криками. Многие от негодования топали ногами.

— Если шум не прекратится, я прикажу всех вывести,— заявил Сфикси.— А вам, молодой человек,— он обратился к Чарли,— вам я посоветую молчать, иначе вы только усугубите свою вину.

— Мой помощник Кольридж может подтвердить, что я только отстранил мать этого парня,— сказал Ньюмен, испуганный гневным откликом зала.

Вызвали Кольриджа. Убийца Цезаря появился, тяжело опираясь на костыли, еле дотащился до места за барьером, вытер пот со лба, долго отдувался и, прежде чем заговорить, раза два тихонько, но явственно для всех простонал. Этот восьмидесятикилограммовый детина добросовестно играл свою роль изувеченного.

Он был страшно зол на всех обвиняемых. Еще бы! Из-за каких-то проклятых негров и жалкого учительши проваляться две недели в постели и вместо благодарности начальства и повышения по службе вылететь с треском из полиции! Да еще на прощанье и Ньюмен и майор Симеон орали на него так, что было слышно, наверное, на другом конце улицы!

Ну, если ему теперь плохо, то пусть этому сброду будет еще хуже!

И Кольридж старался во-всю.

Избегая упоминать об убийстве Цезаря, он рассказал, как на него в зале напали цветные, как он пытался от

них освободиться, вырвался и побежал на сцену, и как здесь на него напал Ричардсон. Он — просто несчастная жертва, и почему именно его хотели убить — не знает.

— Врешь, убийца! Знаешь, убийца! — раздались крики из задних рядов.

— Видите, видите, ваша честь? Они и сейчас готовы со мной расправиться! — захныкал Кольридж.

Сфикси кивнул полисменам, и они бросились в глубь зала и вывели того, кто, по их предположению, осмелился кричать.

— Так, значит, вы утверждаете, что не вы убили ветерана Бронкса? — задал вопрос защитник.

Кольридж, задыхаясь, простонал, что ему трудно говорить, но что если он и выстрелил в негра, то сделал это в целях самозащиты: негр хотел его убить, это всякому ясно.

Сфикси снова застучал молотком. Горчишный Рай решительно не хотел униматься. Слышались возмущенные крики и свист.

— Здесь некоторые возражали против усиленных рядов полиции, — громко сказал судья, обращаясь преимущественно к ложе прессы. — Теперь вы видите, что это только необходимая мера предосторожности. Сегодня, когда я входил в здание суда, меня тоже освистали какие-то люди. Я больше не намереваюсь с боем пробираться через толпу, которая освистывает тех, кто не имеет защиты!

— Бедняжка, он жалуется на беззащитность! — раздался насмешливый голос.

— Продолжайте допрос свидетелей, — распорядился покрасневший судья.

Хомер, вызванный прокурором, повторил почти все, что сказал директор школы. Да, сэр, бывший учитель Ричардсон злоупотребил своим служебным положением. Расовое равенство, коммунистические идеи были его коньком, и он постоянно в классе пытался влиять на своих учеников. К счастью, сэр, американские дети не так-то легко поддаются подобной пропаганде! Только цветных удалось ему обратить в свою веру, в частности обвиняемого ученика Чарльза Робинсона. Он, Хомер, всегда предсказывал, что этот мальчик плохо кончит.

Робинсон был заносчив, чересчур много воображал о себе и держался слишком развязно. Кроме того, он

был груб, сэр, очень груб и дерзок. Однажды, когда дело шло о его участии в живых картинах и свидетель сказал, что роль у Робинсона выходит неудачно, этот мальчишка, сэр, набросился на него, свидетеля, с кулаками! Можете себе представить, джентльмены!

Публика взглянула на мальчика, тихо сидевшего на скамье подсудимых, потом перевела глаза на грузную фигуру с перебитым носом. Пронесся смешок, и Хомер без особой славы покинул свидетельское место.

Следующим свидетелем оказался президент школы Коллинз. Он быстро и невразумительно пробормотал что-то о том, что ученик Робинсон ни в чем особенно замечен не был, но, впрочем, популярностью среди школьников не пользовался, так что даже в середине учебного года седьмой класс решил его отстранить и выбрать другого старосту. Кажется, однако, вся эта затея кончилась ничем по неизвестным для него, президента, причинам. Больше он ничего по этому поводу сказать не может, так как все это время готовился к встрече с «петухом» Хентером из Гренджер-сити и ничего не знает.

На вопрос защитника, известно ли президенту о том, что Чарльз Робинсон защищал честь школы на гонках «табачных ящиков» в прошлом году и взял бы первенство и в этом году, если бы не авария, Коллинз вяло отозвался, что это ему было известно, но почему произошла авария, он еще не успел поинтересоваться.

И у публики и у защитника было ощущение скуки и потерянного времени от выступления президента школы. Однако прокурор был очень им доволен.

Коллинз внес свою лепту в собрание дурных характеристик, данных подсудимым. Этого и добивался прокурор.

43. ДВЕ ДЕВОЧКИ

За барьером свидетельского места появилась высокая, костистая фигура с туго-натуго завязанным на макушке седым узелком волос и мохнатыми седыми бровями, охраняющими пару маленьких серых глаз. Люди начали перешептываться. Все почувствовали, что от этого подобия женщины ничего хорошего ожидать для подсудимых нельзя. На свидетельском месте Образцовый Механизм был, как всегда, во всеоружии, и непривычная обстанов-

ка не только не смутила миссис Причард, но, напротив, заставила ее подтянуться, как часового на посту. Ведь сейчас она была призвана разоблачать вражеские козни «комми», и она делала этим угодное богу!

Когда Чарли увидел домоправительницу Босса выступающей в роли свидетельницы, он впервые ощутил нечто вроде испуга. Темная волна ненависти шла от этой страшной женщины, заливала его и его близких. И это мать Патриции, той самой Патриции, которая клялась всегда быть его другом! Он пытался успокоиться: вот выступит Патриция и скажет, что все это неправда, что она сама искала его дружбы, сама пригласила его к себе и пришла к нему в гости. «Спокойно, спокойно!» повторял он себе.

Миссис Причард была немногословна. Однако из ее кратких и энергических слов явствовало, что она и ее дочь Патриция явились жертвами преследования негритянского мальчишки и его семьи. Мальчишка дошел до того — страшно сказать! — что пробрался даже в замок самого мистера Милларда, и если бы не она, неизвестно, что бы он себе позволил. Он совершенно забыл о расстоянии, отделяющем черных от белых людей, и держал себя на равной ноге с ее дочерью. Мало того: когда ее дочь была избрана королевой майского праздника, он и там лез к ней и пытался с ней заговаривать. А когда она, миссис Причард, отвадила его и запретила дочери общаться с ним, он обратился за помощью к своему родственнику — этому певцу, которого она не слушала и, разумеется, не желает слушать, но про которого говорят, что он коммунист и «красный», — и тот придумал дьявольскую хитрость. Они позвонили в дом миссис Причард и объявили, что мальчишка при смерти и чтобы Патриция пришла сказать ему последнее «прости». Конечно, у Патриции нежное сердце, она не могла отказать и отправилась в этот ужасный дом и даже скрыла это от своей матери, чтобы мать не волновалась.

— Благодарю вас, миссис Причард, — ласково сказал Сфикси. — Суд понимает ваше возмущение и разделяет ваше негодование.

Прокурор повернулся к судье:

— Ваша честь, я вызвал сюда еще нескольких свидетелей, но не знаю, захочет ли суд их заслушать. Дело в том, что они несовершеннолетние.

Сфикси сделал вид, что раздумывает.

— По закону это не полагается, — сказал он, — но если это будет способствовать выяснению характеров подсудимых и обстоятельств самого дела, мы, разумеется, заслушаем этих несовершеннолетних и примем во внимание их заявления.

Где-то на одной из задних скамей произошло движение.

— Слышишь! Ты слышишь, что он говорит! — захлебываясь, прошептал Джой Беннет Василию. — А нас он не хотел допустить!

— Мы хотели говорить в пользу Чарли и Ричи, а те, наверное, будут говорить против них, — пробормотал, сжав зубы, Василь. — О, как я ненавижу всех этих судей!

Он угадал: с первых же слов Патриции стало ясно, чью сторону она поддерживает.

Девочка была одета очень нарядно — в розовом кружевном платье и легких светлых туфлях. Мать старательно завила ее медные волосы, и они лежали пышными локонами на плечах и спине.

Пат держалась скромно и достойно, как и полагается благовоспитанной молодой леди с Парк-авеню. Она была очень бледна, и Чарли, увидя ее, но еще не слыша ее показаний, с состраданием подумал о том, как ей должно быть страшно и трудно выступать перед таким залом и защищать своего друга от ненависти и злобы судей. Все в нем было полно благодарности к Пат, он гордился тем, что дружит с такой смелой, благородной девочкой.

Но вот Пат заговорила:

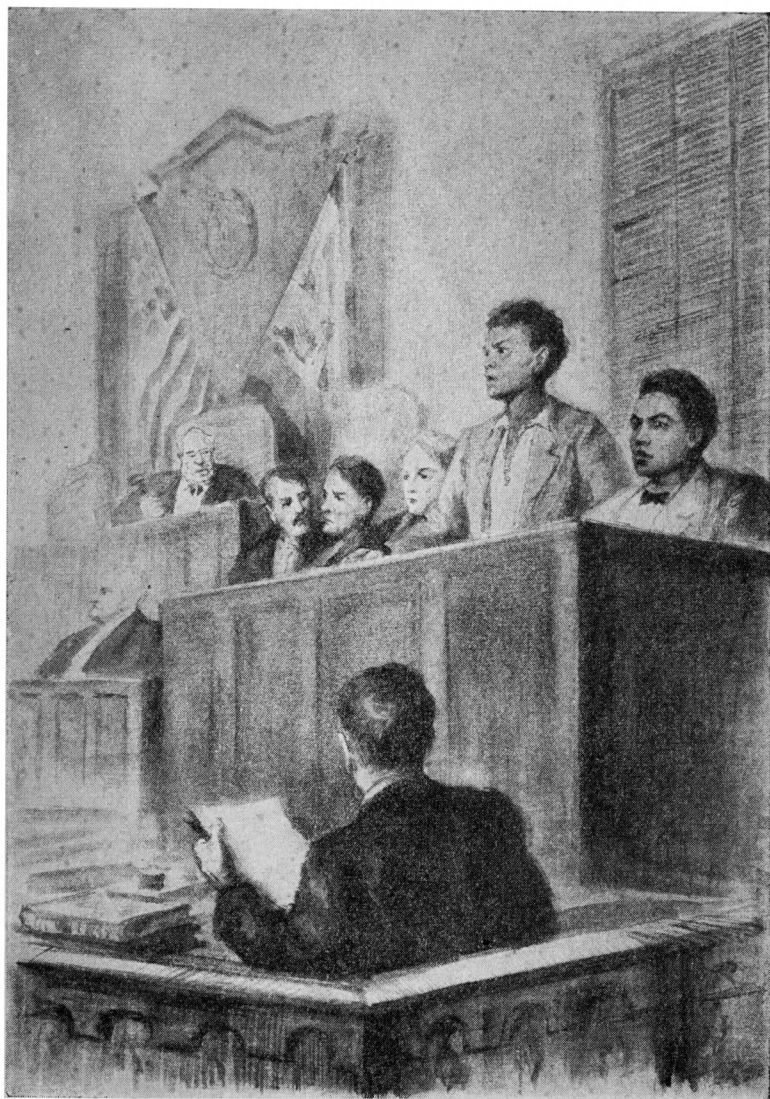
— Да, сэр, я была в этот вечер в доме певца Робинсона... Нет, сэр, не своей охотой. Меня заманили обманом, сэр... Да, я предполагаю, что Чарльз Робинсон участвовал в обмане, хотя он меня и уверял в обратном.

Что?.. Что такое?.. Чарли задохнулся. На секунду ему показалось, что он бредит, что все это просто страшный сон. Стоит только встряхнуться хорошенько, он проснется, и все станет на свое место...

Но свежий голосок с пробивающимися металлическими нотками звучал все так же отчетливо и хладнокровно.

— Да, сэр, там были все подсудимые и еще много других. Сейчас я постараюсь вам их перечислить...

Чарли старался поймать взгляд Пат. Нет, здесь что-

то не так! Ее, наверное, заставили говорить все это. Возможно, мать наказывала ее, била.

Все прочитанные истории об инквизиции и пытках мгновенно промелькнули в памяти мальчика. Может быть, Пат вынудили говорить под страхом истязаний? Вон какое страшилище ее мать!

Но голос Патриции был слишком ясен, ее манеры, ее платье — все было безмятежно покойно, все говорило о полном самообладании.

— Расскажите нам, дитя мое, о том, что же происходило на этом собрании в доме Робинсонов,— проворковал прокурор.

— Вначале вот они,— Пат, стараясь избежать взгляда Чарли, махнула рукой в сторону Гирича и Квинси,— они рассказали, что их уволили с завода, и можно было понять, что они там давно ведут тайную работу. Они очень жаловались на сыщиков, на то, что у них отобрали географический атлас, который им дал мистер Ричардсон...

— Так, так! — кивал Сфикси.— Продолжайте, мисс.

— А потом один такой страшный негр-калека сказал, что это очень хорошо, что они выручили мистера Ричардсона, и что за мистером Ричардсоном давно идет слежка. Он, как сейчас помню, сказал: «Не нужно, чтобы его имя слишком часто упоминалось в донесениях полиции».

— Вы слышите, леди и джентльмены! — торжественно поднялся с места Сфикси.— Устами младенца глаголет истина, как сказано в писании. Это очень важное показание, и я прошу его записать дословно. Теперь подсудимый Ричардсон уже не сможет отрицать свою принадлежность к коммунистической партии.

— А я и не отрицал,— раздался спокойный голос Ричи.

— Джентльмены, вы все слышали! Подсудимый сознается: он — коммунист! — воскликнул прокурор.

В зале снова начался шум.

— Ох, подлая дрянь эта Патриция! — бушевал Джой Беннет.

— Давно знал, что она такая,— пробормотал сквозь зубы Василь.

— Что теперь будет с ними! Их непременно засудят! — безнадежно повторяла Мери.— Она всех губит, эта Патриция!

Салли сидела молча, но если бы ее глаза могли жечь, они давно испепелили бы девочку в розовом платье. Нет, Салли не прощала предательства!

И как мог Чарли преклоняться перед этой бездушной куклой, восторгаться ею, делиться с ней всеми своими мыслями, верить ей свои мечты!

Салли мельком взглянула на сына. Мальчик сидел весь серый, с побелевшими губами. Руки его устало повисли вдоль тела. Он, который ничего на свете не боялся и мечтал о славной судьбе Джона Брауна, теперь был ранен в самое сердце человеческой подлостью.

А Патриция продолжала так же спокойно:

— Потом, сэр, певец принес письмо, якобы только что полученное из России, и читал его всем и рассказывал, как там хорошо, и какие там замечательные порядки, и как все должны стать коммунистами... И все его слушали и задавали вопросы. Отец нашего ученика Василия Гирича очень волновался и сказал, что здесь, в Штатах, очень плохая обстановка.

— Как долго вы оставались на вечере, дитя мое? — спросил прокурор.

— Я... я хотела сейчас же уйти, как только поняла, что это собрание красных... Но... но я очень неудачно сидела за столом и смогла выбраться, только когда на меня перестали обращать внимание, — сказала Пат.

— Можно ли, по-вашему, дитя мое, назвать это собрание собранием антиамериканских заговорщиков? — обратился судья к девочке.

В зале мгновенно наступила мертвая тишина. Все понимали, как важен ответ Пат на этот вопрос.

— Конечно, сэр, — ни минуты не медля, сказала девочка.

Защитник откинулся на спинку стула. Лицо его покрылось лихорадочным румянцем. После такого ответа у его подзащитных оставалось мало шансов на оправдательный приговор.

— Негодяйка ты, Пат! О, какая ж ты негодяйка! — закричал Чарли со всей силой ненависти и презрения, которые переполняли его сейчас до краев.

Пат метнула на него злой взгляд и присела перед судьей.

— Я прошу, ваша честь, избавить мою дочь от таких

оскорблений! — взревел Образцовый Механизм, внезапно вырастая перед Сфикси.

Судья застучал молотком:

— Подсудимый Чарльз Робинсон, если вы позволите себе оскорблять свидетелей, я вынужден буду наложить на вас дополнительное взыскание.

— Держи себя в руках, Чарльз! — прошептал со своего места Джим Робинсон и кивнул племяннику.

О, как хорошо понимал он состояние мальчика! Как тяжело и ему было смотреть на эту грязную, бесчестную игру в правосудие! «Молод еще!» с ласковой грустью думал он о Чарли.

Между тем многочисленные фотографии и кинооператоры снимали Пат. Она имела решительный успех, и фотографии уже прикидывали, как эффектно будет выглядеть ее хорошенькое личико на страницах газет и журналов с жирными зазывающими заголовками: «Устами младенца глаголет истина», «Девочка разоблачает заговор изменников», «Негры обманом заманивают белую девочку к себе», «Коммунисты пытаются внушать свои идеи даже детям» и тому подобное.

Выступление Пат было выдающимся событием дня. После нее всех остальных свидетелей слушали уже почти без всякого внимания. Некоторое оживление внесли появившиеся на свидетельском месте два подростка — сын директора школы Мак-Магона и его товарищ Рой Мэйсон.

Оба они дополняли своими показаниями характеристики учителя Ричардсона и своего соученика и старосты класса Чарльза Робинсона.

Все шло своим порядком, мальчики рассказывали о «красной» пропаганде, которую вел в классе Ричардсон, о его главном любимце — негре Робинсоне, о том, как этот Робинсон стремился захватить в классе власть и ни в коем случае не желал выпускать ее из своих рук. Одетый щеголем, Рой Мэйсон держался, как взрослый, настоящий оратор, и повествовал очень уверенно, как Робинсон силой захватил место старосты в классе.

— Ставлю сто долларов за то, что этот мальчик будет нашим выдающимся политическим деятелем! — разглядывая Роя в бинокль, шепнул Парк Бийл своему семейству.

И вдруг...

Вдруг детский, тонкий, колеблющийся голосок прорезал тишину и прервал на самом выигрышном месте показания Мэйсона.

— Они все врут! Это все вранье! Пускай они лучше расскажут, как они травили Робинсона! Как подстроили, чтобы он упал на гонках «табачных ящиков», расшибся и чуть не умер! Вот это вы у них спросите!

Все головы повернулись в сторону малышки с апельсиновыми кудрями, взобравшейся с ногами на скамейку. Бант ходуном ходил на рассыпавшихся кудряшках.

— Это не судебное заседание, а какой-то детский сад! — рассердился Сфикси. — Откуда явилась эта девочка? Как ее сюда пропустили?

— И пусть скажут, как они шпионили за своим учителем — мистером Ричардсоном, которого все ребята в школе обожают! — не унималась Кэт. — Мистер судья, ваша честь, или как вас там, прикажите им, чтобы они все это рассказали, а то лучше дайте я вам расскажу сама!

В зале поднялся шум. Люди спрашивали друг друга, откуда взялась эта смелая девочка и чья она дочь. Красный и злой Мак-Магон пробирался к ней, шагая между скамейками, наступая всем на ноги и даже не извиняясь — так он был сердит. Неизвестно, откуда зал узнал имя девочки, и теперь все с насмешкой следили за встречей отца с дочерью.

Разумеется, судья Сфикси не стал предоставлять слово Кэт и расспрашивать мальчиков, но эффект их показаний был сорван и вообще все их выступления приобрело вдруг самый неблагоприятный характер.

Защитник торжествовал эту небольшую победу. Торжествовали и на дальних скамьях, и немало благословений сыпалось на голову девочки. В особенности радовались школьники. Все они хотели чем-нибудь утешить Салли, и все теперь тянулись к ней:

— Слышали, тетя Салли? Вот так девочка! Посадила Фэйни и Роя в калошу! Молодец девчонка! Всякого мальчишки стоит!

Салли слабо улыбалась. Ей тоже хотелось хотя бы проблеска надежды.

Джон Майнард еле удерживался от того, чтобы не вскочить и не броситься к Кэт. Он так гордился ею и так боялся за нее! Что теперь с ней будет? Как поступит

с ней отец? Наверно, Фэйни и Рой свирепо расправятся с девочкой! От волнения Джон не замечал, что ёрзает по скамейке. Он видел, как директор крепко взял дочь за руку и повел ее вон из зала, а за ними семенила испуганная миссис Мак-Магон. Мысленно Джон давал себе слово жестоко отомстить обоим мальчишкам, если они посмеют хоть пальцем тронуть Кэт!

44. СУД ПРОДОЛЖАЕТ РАБОТУ

Защитник тревожно озирался, несколько раз выбегал в комнату, где дожидались вызова свидетели, выглядывал даже на улицу.

Дело в том, что исчезла и не явилась в суд одна из главных свидетельниц — вдова убитого Цезаря, Темпи Бронкс. Ее показание должно было снять обвинение с Ричардсона и вместе с тем доказать, что стрельбу в «Колорадо» начали полисмены. Но Темпи не было. Не было ее и дома, куда послал за нею защитник. Старший сынишка сказал посланному, что мама ушла в суд. Защитник терялся в догадках, куда же девалась свидетельница.

Ни адвокат, ни старший сынишка Цезаря не знали, что в автобусе, куда села Темпи, чтобы отправиться в суд, какой-то парень вдруг поднял крик, будто негр-тянка залезла к нему в карман и вытащила бумажник. На Темпи тотчас же набросились, сдали ее полисмену, дежурившему на перекрестке, и тот препроводил ее на ближайший пост. Темпи кричала, что ей нужно поскорее идти в суд, рассказать всем, как убили ее несчастного мужа. Дежурный сержант усмехнулся и заявил, что без начальника он ничего поделать не может, а когда придет начальник, он не знает. Да и вообще надо еще выяснить, кто такая Темпи и не украла ли она впрямь бумажник у пассажира автобуса.

Отчаявшись дожидаться Темпи, защитник вызвал следующего по списку свидетеля.

Это был доктор Рендаль.

Он взошел на свидетельское место взволнованный и сердитый.

Только что ему пришлось выдержать бурную стычку с Большим Боссом, который специально вызвал его к себе.

— Я слышал, док, что вы собираетесь выступать свидетелем защиты на этом процессе «колорадских бунтарей», как их называют газеты,— начал Миллард.

Доктор кивнул.

— На вашем месте я не стал бы этого делать, док,— дружески наклонился к нему Миллард.— Не стоит портить репутацию из-за каких-то там негров, будь они хоть трижды мировыми знаменитостями... Время теперь суровое, Рендаль... Мне говорили, что вы стали с красным душком, но я знаю вас не первый год и не поверил этому.

— Однако вам придется поверить, Миллард, — сказал спокойно доктор.— Я не знаю, что вы называете «красным душком», но уверен, что мы с вами исповедуем совсем различные идеи.

Миллард посмотрел на него тяжело и пристально:

— Вы сильно переменились, док. Боюсь, что ваши пациенты здесь, в городе, не захотят иметь врачом комми.

— Это угроза? — спросил доктор Рендаль.

Миллард пожал плечами:

— Во всяком случае, если вы дорожите своей практикой и положением, не советую вам выступать на процессе.

Доктор Рендаль ехал в суд на своем «крайслере» и возмущался. Запугивать его! Нет, не на такого напали!

Он стремительно начал свои показания. Он знает обоих Робинсонов и мистера Ричардсона с самой лучшей стороны. Учитель вырос на его глазах и всегда был самым благородным и добропорядочным молодым человеком. Он примерный сын и поддерживает свою старую мать. Был образцовым офицером флота. Превосходный преподаватель литературы.

— Мистер Рендаль, разве вы учились у преподавателя Ричардсона? — перебил его прокурор.— Ведь, кажется, вы окончили Гарвард, а не стон-пойнтовскую городскую школу.

Послышался смех. Это Парк Бийл и его соседи смеялись над остротой прокурора. Доктор слегка растерялся.

— Нет, разумеется, не учился, но...

— Нам известно, что учитель Ричардсон часто бывал у вас в доме, мистер Рендаль,— продолжал прокурор.—

Часто ли он говорил вам о России, о своих связях с коммунистами?

— Он мне об этом ничего не говорил,— сердито возразил доктор.

— Ага! Секретарь, запишите: подсудимый скрывал даже от своего друга доктора Рендаля свои связи с коммунистами.

— Постойте, постойте, я этого не говорил! Это искажение! Это ложь! — вспыхнул сбитый с толку доктор.

— Свидетель, я привлеку вас к ответственности за оскорбление суда,— заявил Сфикси.

Доктор повысил голос и начал резко протестовать против такого произвола. Судья застучал молотком и сказал, что он прикажет вообще вывести свидетеля, если свидетель позволит себе еще раз повысить голос. Вконец расстроенный и раздраженный, доктор Рендаль пытался еще что-то говорить, но его все время сбивали перекрестными вопросами то прокурор, то судья и придавали всем его показаниям совершенно обратный смысл. В конце концов доктор резко отказался от дальнейших показаний, потому что они только вредили подсудимым, и вне себя выбежал из зала суда.

Та же картина повторилась, когда были вызваны Джордж Монтье, Бэн Майнард и дядя Пост. С цветными вообще не церемонились, Сфикси во все горло орал на них и угрожал им всякими карами, если они будут свидетельствовать явную неправду. А неправдой судья и прокурор называли все то, что могло служить на пользу обвиняемым.

Когда же на свидетельском месте появился старый почтальон и заявил, что он четверть века обслуживает район, где живут подсудимые, и может присягнуть, что все это вполне порядочные, честные и хорошие люди, мистера Ричардсона он знает еще мальчиком и считает его образцовым молодым джентльменом, судья Сфикси вдруг начал задавать ему как будто не идущие к делу вопросы: любит ли свидетель Хэрш выпивать и выпивает один или в компании? Как часто свидетель Хэрш пьет виски? Сколько примерно пьет свидетель Хэрш — рюмку, две рюмки, три рюмки?

Дядя Пост краснел все больше и больше, наконец не выдержал:

— Да сколько б я ни пил, ваша честь, это никак не

собьет меня с толку. Я все равно буду повторять, что вы хотите засудить совсем невинных, хороших, настоящих людей!

Сфикси с улыбкой сожаления посмотрел на старика, потом перевел взгляд на присяжных и вздохнул:

— Жаль мне вас, Хэрш, что вы придерживаетесь рюмочки! В ваши годы надо быть умеренней и не поддаваться пагубной слабости.

И старый почтальон ушел, глубоко оскорбленный, оставив в зале и у присяжных впечатление злостного пьяницы, который, разумеется, не может правильно судить о людях.

К тому времени, когда выступили представители всех прогрессивных организаций, делегаты от Конгресса сторонников мира и посланцы различных демократических стран, желающие во что бы то ни стало добиться оправдания и освобождения Джемса Робинсона, присяжные сильно утомились. Некоторые беззастенчиво занимались жеваньем резинки, ковыряли в зубах, что-то рисовали на лежащих перед ними блокнотах. Мисс Вендикс обмахивала разгоряченное лицо черным веером.

Сфикси был очень доволен: именно этого утомления он и добивался, и теперь было самое время для того, чтобы дать слово прокурору.

Подсудимые тоже очень устали. Джемс Робинсон чувствовал себя совсем больным, но когда защитник предложил ему сослаться на болезненное состояние и просить судью отложить заседание суда и прения сторон, он решительно отказался.

— Пусть все идет как должно, — сказал он, устало махнув рукой. — Бороться мы будем потом. Сейчас мы можем только ждать и все, что случится, использовать для нашей борьбы. Пусть на примере этого суда люди во всем мире увидят, что такое справедливость в Америке!..

После выступления Патриции Чарли с трудом сдерживался, ему хотелось вскочить и закричать прямо в лицо судье, прокурору и всем этим подкупленным или нанятым свидетелям самые жестокие и гневные слова. Комедия! Подлость! Вот что происходит здесь, в этом красивом, стройном здании! Ненависть душила мальчика. Как сквозь туман доносилась до него речь выхоленного, похожего на породистого кота прокурора. Измена... Тай-

ный заговор... Покушения на убийства... Падение морального чувства у детей, которых красные вовлекли в свои преступления...

Чарли нашел глазами мать. Она тоже сидела, почти не слушая прокурора. Какое это имеет значение! Все равно приговор предreshен заранее...

Так же безучастно слушали подсудимые и присяжные речь защитника. Надо отдать справедливость этому молодому и хорошему человеку: он сделал все, что мог.

Он начисто отверг обвинение в том, что большая часть подсудимых является советскими агентами и получает за это вознаграждение, подобрал много фактов, говорящих о благородных побуждениях подсудимых, об их высоких человеческих качествах, об их честном труде на пользу американского народа.

Он говорил о великом таланте певца и его борьбе за счастье простых людей во всем мире.

Именно этого и не надо было говорить в зале, где сидели представители «тринадцати семейств». Но молодой адвокат был еще наивен и не знал всех скрытых пружин,двигающих американское «общество». Он хотел только оправдать своих подзащитных — вот и все.

Защитник вспомнил о суровой школе жизни, пройденной певцом, молодым учителем, грудью защищавшим свою родину, Квинси, который перепробовал в своей жизни столько профессий и все же остался бедняком-рабочим. Но что значили эти лирические подробности для людей, которые сидели здесь и смотрели на подсудимых глазами собак, готовых вцепиться в наконец-то затравленную дичь!

Снова поднялся прокурор Кук.

Он даже не трудился полемизировать со своим противником, он просто повторил показания некоторых свидетелей. Джемс Робинсон давно ведет «подрывную» работу. Он выступал против линчевания негров, против избрания нынешнего президента.

Он выступал в пользу закона о справедливом найме рабочих и против избирательного налога. Очень часто он писал статьи на политические темы и печатал их в левых газетах и журналах.

Сюда, в город, Джемс Робинсон прибыл как агент большевиков. Он выступал на Конгрессе сторонников мира и получил задание выступить здесь. Еще давно он

завербовал сторонников: учителя Ричардсона, рабочих Квинси и Гирича, которые вели подрывную работу на заводах. Учитель и племянник обвиняемого получили задание разлагать молодежь. Все ясно, как день.

— Выносите свое суждение соответственно законам,— сказал Кук, обращаясь к присяжным.— Возможно, вы найдете нужным оправдать подсудимых. Но каждую секунду вы должны помнить о том, что красная опасность угрожает вашим жилищам и вашим детям и что эти люди несут Америке разрушение и гибель!

И, эффектно взмахнув выхоленной рукой, прокурор сошел с трибуны.

Было утро вторника — дождливое, сумрачное, как бы подернутое печалью. Ветер рвал и трепал деревья на улице, сплошные потоки струились с крыш, с деревьев, с зонтов и плащей прохожих. Автобусы с ходу врезались в огромные лужи на шоссе и обдавали людей желтыми фонтанами грязи. Зловещие космы пепельных облаков бежали низко и быстро и, точно дым, заволакивали небо и дальние горизонты.

От дождевых капель давно не мытые окна суда казались перламутровыми. Но никто не смотрел в окна. В это утро у судьи, у присяжных были самые равнодушные лица, и только люди в последних рядах чувствовали себя еще напряженнее и тревожнее, чем накануне.

Сфикси визгливо спросил, что имеют сказать суду обвиняемые. Фотографы и кинооператоры целой армией двинулись к барьеру. Еще бы: заснять подсудимых в самый эффектный момент!

Поднялся Джемс Робинсон. Он пристально оглядел судью, прокурора, присяжных. Никто не ответил на его взгляд, все хмуро смотрели в пол, словно он был обвинителем, а они — подсудимыми.

— Сэр,— начал певец, и голос его заставил встать весь зал,— сэр, я не стал бы выступать, если бы дело касалось только одного меня. Но здесь дело идет не только обо мне. В течение последних дней здесь происходит незаконный и непристойный суд над американскими гражданами, которых избрали для того, чтобы публично чернить и позорить. Я не желаю отвечать на то нагромождение лжи, которое здесь обрушилось на меня и на моих товарищей. Юристы называют такой материал доводо-материалом мягко: «показаниями, основанными на слухах».

У американского народа есть для этого более правильное наименование: «грязь». Нужно узнать, откуда идет этот зловонный поток, и попытаться остановить его, прежде чем он нас поглотит. Источник грязи всем очевиден. Все эти «показания» исходят от шпионов, сыщиков, платных информаторов, нанятых большими хозяевами. Тот факт, что суд старается изо всех сил лишить меня и моих товарищей свободы и нашей чести американцев, важен потому, что он показывает, как легко в нашей стране уничтожить любого человека, которого захотят ликвидировать хозяева... Я вынужден выступить здесь как представитель ста тридцати миллионов американцев и двенадцати миллионов негров, потому что незаконное поведение этого суда связало меня с каждым гражданином — белым или цветным, безразлично. Если меня и моих товарищей можно лишить свободы и граждански уничтожить, то ни один американец, какого бы цвета кожи он ни был, не может чувствовать себя в безопасности. Я не говорю, что судья Сфикси—заправила в этом деле. Он — мелкий политикан, служащий более могущественным силам. Эти силы стремятся подчинить себе всё и всех в нашей стране. Они знают, что единственный способ заставить американский народ отказаться от своих прав и свобод состоит в том, чтобы изобрести воображаемую угрозу и запугать людей... Судья Сфикси и все, кто с ним...

Сфикси застучал молотком:

— Подсудимый Робинсон, вам придется замолчать, или же я вас заставлю это сделать. У нас есть способы, заставляющие молчать.

Певец насмешливо посмотрел на него:

— Меня не так легко запугать. И не думайте, что вы меня запугали...

Вскочил со своего места Кук:

— Подсудимый Робинсон, являетесь ли вы сейчас или были ли вы когда-либо членом коммунистической партии?

Джим повернулся к нему улыбаясь.

— Вопрос о коммунизме никак не связан с этим судом,— сказал он,— с судом, который просто-напросто является инсценировкой, чтобы заставить поверить американский народ, будто существует красная опасность.

— Подсудимый Робинсон, мы будем добиваться ответа на этот вопрос, даже если нам придется просидеть

здесь целую неделю,— раздраженно сказал Сфикси.— Я повторяю вопрос прокурора: являетесь ли вы членом коммунистической партии?

Робинсон вызывающе посмотрел на судью:

— Очень печально, что мне приходится учить вас основным принципам американской конст...

Стук молотка прервал его слова. Сфикси несколько раз громко повторил свой вопрос. Он решил не ждать недели:

— Уходите с трибуны!.. Полисмен, уведите этого человека с трибуны.. Подсудимый, я привлекаю вас к ответственности за оскорбление суда!

Полисмены набросились на певца. Под непрерывный стук молотка его увели. Присяжные удалились для вынесения приговора.

Зал забурился, зашевелился. По знаку Сфикси, полисмены зашныряли по рядам, умиряя наиболее беспокойных, без церемонии выволакивая на улицу всех несогласных с поведением судьи.

Салли пыталась пробраться к сыну и Джиму, чтобы перекинуться с ними несколькими словами или хоть подбодрить их взглядом, но полисмены стеной встали перед нею. Василь сидел весь белый, зажав между коленями сцепленные пальцы. Близнецы, нетерпеливые и встревоженные, приставали к Салли:

— Что теперь будет? К чему их приговорят? А папу присудят отдельно или со всеми вместе?

Салли хотела их успокоить, сказать что-нибудь утешительное этим славным мальчикам, но у нее самой внутри все дрожало и ныло от страшных предчувствий.

Вот он наконец, гнусавый голос секретаря:

— Суд идет! Прошу встать!

Старшина присяжных Тернер держит в руках белый лист бумаги. Все взгляды устремляются на этот лист, в котором заключена судьба пяти человек.

— Виновны или невиновны подсудимые? — громко спрашивает Сфикси.

— Виновны,— так же отчетливо отвечает старшина.— Виновны в заговоре против существующего строя, в подрывной деятельности по заданию коммунистов.

В первых рядах дружно аплодируют. Представители «тринадцать семейств» и их друзья чрезвычайно доволь-

ны решением присяжных. Присяжные улыбаются, как актеры, удачно исполнившие довольно трудную роль.

— Прошу без аплодисментов, леди и джентльмены,— мягко выговаривает Сфикси.—Здесь не театр, а учреждение, стоящее на страже закона.

Однако все понимают, что судья очень польщен аплодисментами.

Гнусавый секретарь спрашивает, что имеют сказать суду до произнесения приговора подсудимые.

Джемс Робинсон, Роберт Ричардсон, Иван Гирич, Джерард Квинси отказываются от последнего слова. Нет, им нечего сказать участникам этой бесчестной игры в суд!

Но вот со скамьи подсудимых поднимается мальчик. Он выходит вперед, и прожекторы освещают его темно-пламенное лицо. У мальчика немного дрожат руки, и, чтобы скрыть это, он сжимает и разжимает кулаки.

— Здесь сказали, что я хотел убить сыщика,—говорит он, смотря куда-то поверх голов.—Это единственная правда, которую сказали на этом суде. Да, я хотел убить его за то, что он ударил мою мать. И если бы это повторилось, я снова поступил бы так же. Я не боюсь приговора, и мои друзья здесь тоже не боятся. Я знаю: если бы нам предложили умереть, отдать нашу жизнь, для того чтобы на земле поскорей наступили справедливость и мир, чтобы люди всех цветов кожи стали равны и богатые перестали угнетать бедняков,—все мы согласились бы на это!.. Правду я говорю, дядя Джим? — И мальчик поворачивается к певцу, ожидая ответа и зная этот ответ.

— Правду, мой мальчик,—тотчас же говорит Джемс Робинсон.

— Правду! Истинную правду, Чарльз! — откликаются Гирич и Квинси.

— И за это борются, Чарльз, за это борются лучшие люди на земле! — Ричи гордо кивает мальчику.

— Вы слышите! — торжествующе обращается Чарли к судье.— Я кончил, сэр.

Двое присяжных на минуту перестают жевать резинку. Удивительный негритянский мальчик сказал слова, которыми гордился бы любой взрослый, страстно воюющий за счастье людей.

Чарли сел и отвернулся от зала. Лихорадка, бывшая

его все время, пока он говорил, утихла. Осталось чувство усталости и голода. Болело горло, было трудно глотать. Он не думал о том, что ждет его и других: будущее было похоже на глубоко спрятанную боль, когда где-то ноет нерв и не знаешь, где источник этой боли. Суд белых, потом камера, день за днем взаперти, может быть тяжелая работа где-нибудь на каменоломнях, на железной дороге...

До него донесся визгливый голос Сфикси. Судья торопился прочесть приговор:

— «Джемс Робинсон, сорока семи лет, певец по профессии; Роберт Ричардсон, тридцати двух лет, учитель; Гирич Иван, сорока двух лет, механик; Джерард Квинси, тридцати восьми лет, по профессии токарь, и Чарльз Робинсон, учащийся,— приговариваются все пятеро к тюремному заключению сроком на три года или к уплате штрафа в размере ста тысяч долларов. Кроме того, приговоренным Джемсу Робинсону и его племяннику Чарльзу Робинсону по отбытии наказания воспрещается проживание в данной местности и в данном штате; приговоренным Квинси, Гиричу и Ричардсону после отбытия наказания запрещается занимать какие-либо должности в государственных учреждениях Штатов. В случае если приговоренные захотят заменить тюремное заключение штрафом, означенная сумма в сто тысяч долларов должна быть внесена полностью и за всех сразу».

Голос судьи смолк.

Джемс Робинсон чуть-чуть усмехнулся. Наверное, на свете найдется немало импрессарио, жаждущих заключить с ним договор и на большую сумму. Но теперь надолго заглохнет его голос. Суд Америки заставил его замолчать.

Так значит — тюрьма!

45. В Ы К У П

— Мама, дай мне, пожалуйста, мою кошечку.

— Кошечку? Зачем она тебе, Кэтрин? Увидит Фэйни, снова отберет и разобьет, как прежнюю. А теперь, после твоего безрассудного поведения в суде, отец ни за что не купит тебе новой, ты отлично это знаешь.

— Да, ма. И все-таки мне непременно нужна кошечка.— Кэт была непреклонна.

К 374 сmp.

— Ох, дети, дети! — вздохнула миссис Мак-Магон. — Какие вы оба своевольные и упрямые!

— Прошу, ма, не сравнивать меня с Фэнианом, — отрезала Кэт. Однако сразу смягчилась: — Не сердись, ма, я не хотела тебя обидеть... А теперь давай кошку.

— Скажи, по крайней мере, что ты собираешься делать со своей копилкой? На что тебе понадобились деньги?

Кэт звонко поцеловала мать в щеку.

— Тайна, ма! Страшная, глубокая, роковая, таинственная тайна! — затараторила она, завладев новой фарфоровой копилкой, как две капли воды похожей на прежнюю.

Провожаемая подозрительным, робким взглядом матери, Кэт вышла из комнаты и направилась к заднему крыльцу коттеджа. Там, в тени большого каштана, ее дожидался взволнованный Джон Майнард.

— Достала? — торопливо спросил он, как только слышит девочки появился на крыльце.

Кэт молча показала ему копилку.

— О-кэй! — с удовлетворением пробормотал Джон. — Сколько же там?

— Не знаю, — сказала Кэт, с грустью рассматривая кошечку. — Правда, она хорошенькая, Джонни? Я назвала ее Пусси... Она со мной даже спала. — Она прижала к себе фарфоровую головку кошки.

— Угу! — Джон смотрел больше на Кэт, чем на кошку. — Так сколько же в ней?

— Вот разобьешь — увидишь. — Кэт протянула ему копилку. — Надо только хорошенько ударить ее головой о камень или о стенку дома.

Джон ужаснулся:

— Разбить твою кошечку! Твою Пусси!.. Ни за что на свете!.. И потом, для чего разбивать! Наверное, у нее в животе есть замок, как у всех копилочек.

Кэт качнула апельсиновой головкой.

— Нет, — сказала она вздохнув, — у прежней копилки был замок, а эту па купил нарочно без замка. Сказал, что мне надо приучаться к бережливости и что у Фэйни всегда есть деньги, а я все свои трачу бог знает на что... Он знал, что я ни за что не захочу разбивать кошечку.

— Ну, вот и хорошо! — обрадовался Джон. — Значит, мы ее и не разобьем.

Кэт нахмурилась:

— Какой же ты бестолковый, Джонни! Ведь я говорила, что не разобью ее, если деньги понадобятся на какие-нибудь пустяки. А здесь дело идет о человеческой жизни.

Девочка с важностью подняла вверх крохотный розовый палец.

— Ну и ну, Кэт! — только и мог пробормотать Джон. — Только, знаешь, мне бы все-таки не хотелось этого делать, как-то рука не поднимается...

— Эх ты, а еще мальчик! Вот гляди!

Кэт чисто мальчишеским жестом размахнулась и швырнула фарфоровую кошку прямо в заднюю стену коттеджа. Во все стороны брызнули осколки, раздался металлический звон, и Кэт поползла по земле, собирая рассыпанную мелочь. Джон кинулся ей помогать.

— Вот, — сказала наконец девочка, поднимаясь с колен, — я насчитала одиннадцать долларов и семь центов. Это все, что у меня есть. Все, что мне подарили на рождение мамыны братья. — Она с горестью поглядела на Джона: — Ох, Джонни, ведь надо собрать целых сто тысяч! Если мы одни будем собирать их, Чарли, наверное, сосатится в тюрьме!

Джон невольно улыбнулся.

— Смешная ты, Кэт! — сказал он. — Разве ты не знаешь, что делается у нас в городе и в других городах, и даже в Европе? Ведь теперь все, кто слышал и читал о суде, собирают деньги, чтобы выкупить певца, Ричи и всех наших. — Он наклонился к самому уху Кэт: — Я тебе должен открыть секрет: знаешь, мой старик так расчувствовался после этого суда, что дал две тысячи долларов миссис Робинсон на выкуп. И я тоже отдал все мои сбережения, — с важностью прибавил мальчик. — У меня, знаешь, сколько было? У меня было целых семьдесят долларов, и я хотел купить себе настоящий мотоцикл.

— Правильно сделал! — одобрила Кэт. — Так ты сейчас же отнеси и мои деньги миссис Робинсон.

— Ты положи их в конверт и надпиши, от кого, — посоветовал Джон. — Ей, наверное, будет приятно... Ведь она помнит, как ты выступала в суде и защищала Чарли.

Кэт покраснела до самых ушей.

— Пожалуйста, и не упоминай об этом! — сказала

она.— Я была дуручка. Надо было пойти к судье и выложить ему все, как это сделал Чарли, а я растерялась.

— Вовсе ты не дуручка! — горячо вступился мальчик.— Ты очень хорошо тогда сказала. И потом, ведь ты знала, что тебе за это дома достанется, и все-таки не побоялась!

Кэт тихонько засмеялась:

— Ох, как мне досталось!.. Па запер меня на всю ночь в ванную. Правда, это было хорошо, что он запер, иначе мальчишки убили бы меня.

— Ну, им пришлось бы иметь дело со мной! — заявил Джон, придвигаясь к Кэт.— Твой Фэйни — порядочный трус. Когда я его подстерег в переулке и сказал, что посчитаюсь с ним, если он тебя тронет хоть пальцем, он давай удирать от меня во все лопатки.

Кэт встряхнула кудряшками так, что они коснулись щеки Джона.

— Знаешь, очень хорошо, когда у тебя есть защитник,— сказала она, проводя пальцем по руке Джона.— Раньше мне всегда приходилось самой себя защищать, а теперь я очень надеюсь на тебя.

И такой гордостью, такой верой в себя наполнили мальчика эти слова, что он не выдержал и поцеловал малышку Кэт.

* * *

Джон сказал девочке сущую правду.

Как только стал известен приговор суда, со всей страны в домик Робинсонов в Горчичном Раю посыпались письма. Фермеры, рабочие, врачи, студенты, какие-то безыменные добрые люди посылали Салли свой вклад — несколько долларов из своих трудовых денег. Отец Джона Беннета обошел вместе с сыном и Василем лачуги и тесные конурки Горчичного Рая, и не было семьи, которая не дала бы два-три доллара на выкуп милых всем людей. Доктор Рендаль сам приехал к Салли и вручил ей довольно крупную сумму, только что снятую со счета в банке. Доктор Рендаль не сказал Салли, что прежде чем выдать ему эту сумму, сам Парк Бийл, директор банка, беседовал с ним и уговаривал его не делать столь безрассудного шага.

— Вам самому скоро могут понадобиться эти деньги, док,— говорил Парк Бийл, приятно улыбаясь.— Я бы не

советовал вам растрачивать свои сбережения так опрометчиво. Ведь я знаю, для чего вам эти деньги! — И он хитро улыбнулся.

— Очень хорошо, что знаете.— Доктор старался говорить спокойно.— В ближайшее время мне самому эти деньги не понадобятся, и я могу располагать ими как хочу, не так ли?

Парк Бийл продолжал улыбаться.

— Как знать, как знать, дорогой док! — проворковал он.— Вдруг народ в Стон-Пойнте перестанет хворать? Или больные вдруг возьмут и поверят в другого врача?

— Ага, понятно! — сказал доктор.— И все-таки, Бийл, я попрошу вас без промедления выдать мне всю сумму.

Разговор с директором банка только подтвердил подозрения Рендаля. Со времени его выступления в суде удивительно мало людей заболело в Стон-Пойнте. Бывало не проходило утра, чтобы доктора Рендаля не звали к трем-четырем больным. У него дома ежедневно пациенты заполняли всю его небольшую приемную. А теперь дни проходили за днями, и никто не вызывал доктора к больным, телефон безмолствовал, а на прием приходили только бедняки с Восточной окраины. Бойкот! Да, это был самый настоящий бойкот, организованный Большим Боссом.

Доктор Рендаль позвонил ему.

— Выполняете вашу угрозу, Миллард? — иронически спросил он его.

— А вы, я вижу, веселитесь, дорогой док? — вопросом на вопрос отвечал Большой Босс.

Так они и расстались, обменявшись не предвещающими добра шуточками.

Доктор с сожалением поглядывал на свой уютный, обжитой коттедж и мысленно уже прикидывал, сколько даст за него в трудную минуту покупатель. А что трудная минута настанет, доктор нисколько не сомневался: недаром он хорошо, еще со студенческих лет, знал Милларда и все его окружение. Нет, в Америке не жди пощады от хозяев!

Сейчас ему хотелось только одного: выручить певца, своего любимца Ричи и остальных из тюрьмы, а там дальше будет видно, что предпринять...

Салли поделилась с ним своими тревогами и радостями. Набралось уже больше сорока тысяч долларов. Комитет при Конгрессе сторонников мира тоже производит сбор средств и обещает доставить крупную сумму. Приходят совсем незнакомые люди и приносят ей, кто сколько может. Вчера явились молодые моряки, повидимому товарищи мистера Ричардсона, из одного с ним экипажа, и принесли деньги, собранные по подписке. Рабочие на заводе Милларда пустили просто шапку по кругу, и она вернулась к ее владельцу Беннету наполненная деньгами.

— А сегодня меня страшно тронули наши дети,— сказала Салли доктору.— Явился весь штаб моего Чарли и принес свои никели и центы — все, что получили на конфеты и на жареные орехи от родителей: «Вот, тетя Салли, прибавьте это к тем деньгам, которые у вас уже есть. Может быть, и наши никели помогут освободить мистера Робинсона, Чарли, Ричи и других». Такие они все хорошие! Я было хотела им отдать обратно, чтобы они купили себе лакомств,— какое, и слушать не хотят!

Однако Салли не знала о том, что случилось перед приходом «штаба». Не подозревала она, например, что ранним утром того же дня в дом Маргрет прибежала красная, взволнованная Мери Смит, разбудила Нэнси и сунула ей в сонное лицо голубой бумажный листочек:

— На, полюбуйся, что пишет эта предательница!

— Что? Что такое? — не понимала Нэнси, тараща на подругу еще сонные глаза.

— О создатель! Читай сама! — потребовала Мери.— Сразу поймешь.

Нэнси протерла обеими руками глаза, как это делают совсем маленькие дети, вздохнула блаженно, потянулась и, покорившись натиску Мери, принялась разбирать длинные бледные буквы так называемого «аристократического» почерка. Но с первых же строк весь сон соскочил с девочки, щеки ее вспыхнули, и она, так же как Мери, готова была бесноваться от негодования.

«Дорогая Мери,— писала обладательница «аристократического» почерка,— пишу тебе очень наспех, так как собираюсь с мамой ехать на морские купанья в Лонг Бич, куда мама сопровождает миссис Миллард. Я надеюсь, что ты меня еще помнишь, хотя и не поздоровалась со мной в день суда над известными тебе

личностями. Я думаю, что это произошло от твоей близости, поэтому я тебя извинила.

Недавно я узнала от нашей знакомой миссис Эйнис, что происходит сбор денег для выкупа Д. Р., Ч. Р., Р. Р. и остальных, находящихся в тюрьме. Я подумала, что будет правильно с моей стороны не питать к ним зла и принять участие в этом деле. Ты, вероятно, часто общаешься с родственниками заключенных, поэтому прошу тебя передать им от меня тридцать долларов, которые при сем и прилагаю.

Жалею, что ты или кто-нибудь из нашей школы не сообщил мне об этом сборе раньше, потому что тогда у меня было бы гораздо больше денег. Двадцать долларов я недавно истратила на разные нужные мне мелочи.

Остаюсь с неизменным уважением П. Причард.

Р. S. Расписку в получении денег пришли осенью ко мне, на Парк-авеню».

— Ох, свинья! Ох, дрянь какая! — задыхалась Нэнси, не находя достаточно сильных выражений, которые смогли бы передать ее негодование. — Нет, погоди, мы ей ответим! Мы ей так ответим, что море в Лонг Биче покажется ей горячим!.. Часа через полтора соберется весь штаб, и тогда мы решим, как ей отвечать, — сказала она, немного успокоившись.

Да, снова наступили такие трудные дни, когда понадобилось собирать «штаб». Только теперь заседания «штаба» происходили не на пустыре позади дома Робинсонов, не в «гараже» Чарли, где больше не было «Серябряной свирели», а в домике Маргрет, отвоеванном для нее Джимом Робинсоном. Сама Маргрет с утра уходила на репетиции в театр, и Нэнси оставалась полной хозяйкой жилища.

В отсутствие Чарли начальником «штаба» был молча и единодушно признан Джой Беннет. Как-то само собой получилось, что именно этот решительный в поступках и горячий мальчик повел за собой остальных.

Ему докладывали теперь ребята о настроениях и событиях в городе, касающихся пяти заключенных, о ходе сбора. Ему отдавали они и все собранные деньги, которые он после переправлял Салли Робинсон.

Поэтому и теперь, как только он появился в домике Гоу и привел с собой остальных «штабистов», Нэнси и Мери тотчас же показали ему полученное письмо.

— А вот и деньги,— сказала Мери, помахивая зелеными бумажками.— Ровно тридцать долларов.

— Точь-в-точь Иудины деньги! — пробормотал Джой, читая письмо.— Тридцать сребреников предателя...

Нэнси вскочила воодушевленная:

— Вот это, именно это мы ей и напишем! Джой, Василь, берите бумагу! Будем писать все вместе ответ.

— И напиши непременно, что я ее видела в суде и не поздоровалась с ней не от близорукости, а потому, что я презираю ее! — волновалась Мери.

— И от нас напиши, что мы ее вздуем, если она нам попадется! — требовал Вик Квинси, который считал Пат одной из главных виновниц осуждения отца.

Каждый предлагал всё новые добавления к письму, так что если бы Пат получила все, что хотел ей написать «штаб», море в Лонг Биче и впрямь показалось бы ей горячим.

Джой быстро писал, не слушая того, что предлагали негодующие мальчики и девочки. И, однако, когда он вслух прочел написанное, все согласились, что лучше никто не мог бы написать.

Вот что было в письме:

«Патриции Причард.

Штаб сбора средств освобождения пяти узников Стон-Пойнта возвращает вам ваши тридцать сребреников. Штаб рад сообщить вам, что сбор денег для выкупа заключенных подходит к концу и заключенные не нуждаются в ваших деньгах. Честь освободить их принадлежит только настоящим друзьям. Вам же эти деньги могут пригодиться, как онигодились когда-то Иуде. Мисс Мери Смит просит сообщить вам, что она не поздоровалась с вами в суде не по близорукости, а потому, что не желала общаться с предательницами.

Штаб (следовали подписи)».

И Василь, и Джон Майнард, и Пабло, и Нэнси, и все другие мальчики и девочки были в восторге от письма и заранее воображали, как будет обозлена надменная девчонка.

— А кто же понесет письмо? — спросила вдруг Нэнси.

— Никто. Мы отправим его по почте,— сказал Джой.— Попросим дядю Поста, чтобы он проследил за его доставкой.

На этом и порешили.

Между тем дядя Пост, о котором шла речь, в эту самую минуту находился у Салли Робинсон. Он пришел, против своего обыкновения, пешком и даже без своего знаменитого рожка. Вместо форменной фуражки на его седой голове нелепо торчала какая-то старая шапчонка, то и дело сползавшая на глаза. Весь вид старика, его преувеличенно суетливые движения были так необычны, что Салли, хотя и поглощенная своими собственными заботами и горестями, тотчас же это заметила.

— Что с вами приключилось, дядя Пост? — спросила она.— Почему вы не на автомобиле? И что это за шляпа на вас?

Дядя Пост как-то неопределенно крикнул и полез в карман. Он вытащил оттуда две бумажки по сто долларов и смущенно положил их на стол.

— Пожалуйста, мэм, присоедините их к тем деньгам, которые вы собрали,— сказал он покашливая.— Хочу, чтобы и моя доля была в этом деле... Деньги честные, можете не сомневаться,— прибавил он.

— Благодарю вас, дядя Пост,— просто и сердечно сказала Салли.— Только зачем так много? Вам самому могут понадобиться деньги, а для наших заключенных, я надеюсь, мы скоро соберем недостающую сумму.

— Нечего медлить, надо поскорей освобождать их,— решительно сказал дядя Пост,— а то неизвестно, что еще взбредет в голову хозяевам Америки: вдруг возьмут и отправят их на необитаемый остров, чтобы они тут не заражали людей своим вольным духом.

Он говорил вполне серьезно, даже с горечью. Салли снова и еще пристальней поглядела на него.

— Все-таки вы мне не сказали, что с вами, дядя Пост,— с тревогой повторила она, заметив, как сильно похудел старик, сколько новых глубоких морщин появилось у него на лице.

— Ровным счетом ничего,— отмахнулся дядя Пост.— Все в порядке, мэм, уверяю вас. Возьмите же деньги, одолжите старика,— настаивал он.— Хочется мне еще поглядеть, как ваш мальчик, и мистер Ричардсон, и Джемс, и остальные пройдут свободно, без конвойных,

по городу... И хочется натянуть нос всем этим судьям, честное слово!

И когда Салли взяла двести долларов, составлявших все богатство старика, и положила их в тот ящик, где хранились деньги, предназначенные для выкупа, дядя Пост ушел со спокойным сердцем.

Старик не хотел огорчать и без того опечаленную женщину и ничего не сказал о себе. Он не сказал, что сейчас же после суда его уволили из почтовой конторы, заявив, что в государственных учреждениях не должно быть людей, защищающих коммунистов. Он не сказал, что продал свой автомобиль какому-то небогатому фермеру и навсегда лишился своего оливкового механизма только для того, чтобы внести пару сотен долларов на выкуп друзей.

Нет, никогда уж не затрубит в свой рожок дядя Пост!

Но дядя Пост, милый, благородный старик, выброшенный из жизни слугами Большого Босса, наверное встретится нам, не может не встретиться, потому что он тоже солдат мира.

46. К БЕРЕГАМ СВОБОДЫ

Коробка жевательной резинки подходила к концу. В доме были съедены все печенья, выпито все имбирное пиво, обшарены все полки в кладовой. Чего только не придумаете со скуки!

Молодые джентльмены бродили по комнатам, разглядывали в сотый раз семейный альбом, боксировали, чесались, зевали, играли даже в бридж, причем Фэйни, как всегда, начисто обыграл Роя,— ничто не помогало: скука продолжала свою разрушительную работу.

Мистера Мак-Магона с самых сумерек не было дома, его жена рано заперлась у себя в спальне (вероятно, опасаясь молодежи). Приятели, таким образом, были предоставлены самим себе. Выходить не имело смысла: дождь хлестал, как из брандспойта; сквозь мрак, как заблудившиеся звезды, мерцали рекламы; груды мокрых, раскисших листьев покрывали тротуары. Даже капли, барабанившие через правильные промежутки времени по железному навесу крыши, и те действовали удручающе на юных джентльменов.

— А... а-а...— Фэйни зевнул так, что чуть не своротил себе челюсть.— Чорт, ну и тощица! Хоть бы зашла какая-нибудь шелудивая собака...

— Угу,— согласился Рой,— чертовски длинный вечер. Не знаешь прямо, куда себя девать.

— Хоть бы Кэт была дома, и то развлечение (зевок). Помучили бы ее (зевок), подразнили бы (зевок) — все-таки не было бы так скучно!

— С тех пор как ваш старик отправил ее в пансион, твоя мать, повидимому, очень тоскует,— осторожно заметил Рой.

— Она скоро утешится, будь покоен,— отозвался Фэйни.— Кэтрин наверняка вышибут из пансиона и вернут в отчий дом.— Он хлопнул себя по лбу: — Ах я олух! Да ведь ты еще не знаешь наших новостей, Рой!

— А что? Что такое? — слегка оживился южанин.

— Я забыл тебе сказать: позавчера наш старик получил письмо от начальницы пансиона. Ох, и бесился же он! Начальница написала, что моя обожаемая сестрица — первейшая драчуня и облюбовала себе, по ее выражению, «постоянную жертву» — воспитанницу мисс П. Причард. Но хуже всего то, что к старику по следам этого письма явилась мамаша Патриции — помнишь, такое страшное чучело — и стала орать на па и грозить, что пожалуется самому Большому Боссу. Ну, старик, конечно, здорово струсил и обещал написать Кэт грозное послание, чтобы она там унялась. Но я-то знаю, что ее непременно исключат,— добавил убежденно Фэйни.— И чего они там не поделили с Патрицией, понять не могу!

— Сердце женщины — тайна,— с важностью заметил Рой.— А все-таки я скажу: с тех пор как Патриция уехала в пансион, у нас в классе не осталось ни одной хорошенькой девочки. Не считать же за хорошенькую Мери! Представь, она еще и важничает, эта уродина! — с негодованием сказал он.— Делает вид, что не замечает нас.

— Зато ты можешь торжествовать: в школе не осталось ни одного цветного.— Фэйни кисло улыбнулся.— Робинсонов выгнали из города, а мой папаша и супруги Хомер, с благословения Большого Босса, выжили из школы и остальных цветных.

Рой бегло взглянул на приятеля.

— И ты тоже можешь радоваться,— сказал он.— Ведь ты спал и видел, как бы тебе избавиться от Робинсона и других.

Фэйни шумно вздохнул и зашагал по комнате.

— Радоваться! А чему тут радоваться? — плаксиво закричал он вдруг.— Черномазых не стало, а старостой выбрали все-таки не меня, а этого крикуна — красного Беннета! Ты тоже хорош! Когда выбирали Беннета, ты даже не явился в класс, чтобы поддержать меня! Эх ты, а еще собирался стать политическим деятелем, губернатором штата!.. Недаром мой па говорит, что твой дед был болтуном, и ты, оказывается, не лучше!

Рой вспыхнул.

— Повтори, что ты сказал! — угрожающе надвинулся он на Фэйни.

Тот мгновенно струсил.

— Что я сказал? Ничего я не сказал. Что ты ко мне привязываешься! — заныл он, отступая на всякий случай к дверям.— Почему меня не выбрали старостой?

Рой презрительно посмотрел на него.

— Потому что ты не пользуешься популярностью.— Южанин с удовольствием произносил эти «взрослые» слова.— А сказать проще: ты порядочная скотина, Фэйни, и тебя класс не любит. Это факт. Но ты не огорчайся,— миролюбиво добавил Рой,— и поумней тебя люди проваливаются. Вот, например, старик Миллард...

— Что такое с Миллардом? — насторожился Фэйни.

— А то, что он сел в калошу с этим судом,— насмешливо сказал Рой.— Вот тебе и большой политик! Думал, что упрячет певца и остальных за решетку и все у него пойдет, как по маслу, и с коммунистами будет покончено. А вышло совсем наоборот... Я вчера видел Гориллу. Злой, как чорт. Говорит, что сейчас в городе коммунистов еще больше, чем раньше. Даже те, кто и не думал о политике, теперь, после этого суда, стали сочувствовать красным... И на заводах у Милларда не все благополучно...

— Ага, понимаю,— протянул Фэйни.— Наверное, Босс неспроста вызвал к себе моего старика.

— Тюфяк он, ваш Большой Босс, вот что! — со злостью сказал Рой.— Уж я бы знал, как расправиться и с красными и с неграми. Взял бы парочку хороших

бомб и бросил бы в их гнездо — Горчишный Рай. Самое простое и милое дело!

— Промазал! — в восторге закричал Фэйни, как будто и впрямь мяч или бомба, брошенная приятелем, не попала в цель.— Промазал, Рой! Миллард уже месяц назад приказал снести все домишки Горчишного Рая. Там теперь строят небоскреб... Только и это не помогает,— со вздохом добавил он.

Рой замолчал, подавленный. Дождь все громче барабанил по железу. Завыл ветер и швырнул горсть мокрых листьев в стекло. За стеклом метнулся свет близких фар, отбросил сноп белого огня на стену комнаты и снова пропал в темноте.

— Кажется, старик вернулся,— сказал Фэйни зевая.— Только сейчас из него, пожалуй, ничего не вытянешь.

Но Фэйни ошибался. Когда в гостиную вошел мистер Мак-Магон, уже сбросивший с себя плащ и шляпу, весь его вид, отчаянно бодрый, решительный, полководческий, говорил о том, что случилось нечто важное и что он жаждет этим важным поделиться.

Мистер Мак-Магон швырнул на торшер воротничок и галстук, направил острие своих стекол на обоих приятелей и сказал:

— Мальчики! Впрочем, вы уже не мальчики, дети мои, вы — молодые граждане! Вы — надежда Америки!

Он приостановился, чтобы полюбоваться эффектом своего вступления.

Рой изумленно наблюдал за директором.

Зато Фэйни хладнокровнейшим образом чесал себе ногу.

— Чего это ты там декламируешь, па? — спросил он как бы нехотя.— Можешь говорить просто, здесь все свои, я разрешаю.— Он сделал истинно королевский жест.

Однако сбить с тона Мак-Магона старшего было не так-то просто.

— Здесь нет места шуткам! — прогремел он.— Молодежь! Граждане Америки! Я ожидаю от вас помощи. Серьезной, добросовестной помощи в большом, государственном деле. Помните: я рассчитываю, все рассчитывают на вас!

Рой не выдержал:

— Сэр, ради неба, скажите, в чем дело?

Директор приосанился еще больше:

— Дело в том, дорогие, что попечительский совет в лице самого уважаемого гражданина Стон-Пойнта мистера Милларда поручил мне с завтрашнего дня начать опрос учащихся, обследование их политических — понимаете: *политических!* — убеждений. От каждого школьника, дети мои, мы потребуем полного отречения от красных симпатий... Мы будем проверять всех — от «малюток» до «курильщиков». Мы будем бороться с этой эпидемией, которая грозит охватить всю нашу молодежь. И вы, мальчики, вы будете помогать мне в этом прекрасном, благородном начинании...

Но именно здесь мы навсегда оставим директора Мак-Магона и его молодежь. Пусть они смакуют поручение Большого Босса и радуются выпавшей на их долю «честь». Пусть они остаются в Стон-Пойнте и следуют своей судьбе. Пусть даже Рой Мэйсон станет в будущем губернатором штата, хотя вряд ли это ему удастся: народ в Америке уже начинает разбираться в людях.

Долг, желание, а главное, нежная привязанность давно уже зовут автора к другим героям книги.

* * *

Огромный океанский теплоход привалился к набережной всей своей многоэтажной громадой, палубой, усеянной пассажирами, мостиками, на которых уже стоят люди в морской форме.

Судно ждет только сигнала к отплытию, и где-то в глубине его, в самом низу, глухо постукивают дизели, готовясь претворить свою мощь в движение корабля.

Ветер, пахнувший морем, гонит острую зыбь, сильно и мягко бьет в лицо, налетает откуда попало. Рядом черный буксирный катер суетливо и угодливо кланяется волне, точно уговаривает не волноваться, не трогать его, не мешать плыть своей дорогой.

От палубы, от перил, от мола чуть-чуть пахнет смолой, и этот запах приносит с собой сладкую и томительную грусть, жажду дальних странствий или сожаление о покинутом.

Может быть, поэтому есть оттенок грусти в улыбке Джорджа Монтье. Он стоит на молу с непокрытой

головой, держа наготове свою шляпу, чтобы, когда отвалит от мола тяжелая громада корабля, взметнуть ее вверх и помахать уезжающим друзьям.

В толпе к нему жмутся отец и близнецы Квинси. Снова открыта страница жизни, и снова Квинси-отец, маленький и мужественный, принимается жить с самого начала, чтобы кормить, растить и выводить в люди своих близнецов.

Кем будет он сейчас? Грузчиком в порту, «сэндвичем», гуляющим день-деньской с объявлением на спине и груди, подметальщиком или просто одним из тех бездомных, безработных бедняков, которых Армия спасения заставляет за чашку похлебки петь псалмы и твердить тексты из священного писания? Кем будет старенький дядя Пост, которому давно уже пора иметь теплый надежный угол и сладкий кусок? Кем будет чахоточный отец Джоя Беннета?

Но какую бы участь ни уготовили им хозяева, они будут добиваться правды и человеческой справедливости.

Ричи, молодой учитель, уличенный в том, что исповедует великие идеи коммунизма,— тот знает, куда ему идти и что делать. Долгий и трудный путь борьбы лежит перед ним, но рядом шагает все больше друзей, белых и черных, и это делает учителя бесстрашным и уверенным в себе.

Он тоже здесь. Он стоит на палубе рядом с Джемсом Робинсоном, которого напоследок одолевают репортеры, и что-то записывает в блокнот, который дал ему певец.

— Вот, передадите это друзьям,— говорит он Джиму и ближе придвигается к нему.— Так вы не передумали? — почти шепчет он.— Смотрите, ведь это очень трудная, очень упорная борьба! И, боюсь, вы слишком заметны, за вами будут охотиться особенно рьяно, вас будут ненавидеть и преследовать... Подумайте об этом...

Джемс Робинсон смотрит на него печальными, умными, все на свете понимающими глазами.

— Я уже решил,— говорит он.— Я не отступлю. И мне не страшно, потому что с нами все, кто носит звание человека...

Молодой учитель жмет ему руку и, поддавшись внезапному порыву, целует это мужественное темное лицо. Потом он подходит к маленькой женщине, закутанной в плащ и похожей на мальчика.

— Теперь вы можете быть покойны, миссис Робинсон,— говорит он ласково.— Теперь ваш Чарли сможет получить все, на что он имеет право по своим способностям и уму.

Салли молча кивает. Волнение сдавливает ей горло.

Подходит Иван Гирич со старой сумкой, где еще виднеется затейливый узор родной украинской вышивки. У Гирича — растерянное и счастливое лицо человека, который никак не может притти в себя от неожиданной радости.

— Василь! — зовет он.— Де ты сховав сундук?

Сын не отзывается. Вместе с Чарли он перегнулся через борт и подзывает к себе друзей-близнецов.

И Чарли и Василию хочется сказать на прощанье друзьям что-нибудь особенное, что бы запомнилось надолго, может быть навсегда. Но, как обычно, когда ты полон слишком больших чувств, язык произносит только самые будничные, обидно-незначащие слова.

— Пишите нам, как у вас сложатся дела,— наказывает Чарли.

— А будете писать в Стон-Пойнт, передайте привет там... всем,— с запинкой говорит Василь.

Он дотрагивается до кармана на груди, где в потрепанной записной книжке лежит сложенная вдвое записка.

Мальчик помнит наизусть эти строчки, написанные небрежной рукой талантливой темнокожей девочки:

Лежит за океаном
Желанная страна.
Для белых и для черных
Свобода там одна.
Ты будешь там счастливый,
Как ласточка, парить,
Но черную сестренку
Старайся не забыть.
Ее судьба печальна:
Осуждена она
Оплакивать цвет кожи,
В котором рождена.

Увидит ли он когда-нибудь свою черную сестренку?.. Избавившись от репортеров, Джемс Робинсон берет под руку Ричи и вместе с ним подходит к борту. Теперь

он виден всем друзьям — высокий, чуть усталый, с прекрасным, вдохновенным лицом.

— Мы расстаемся не надолго,— говорит он, и голос его легко перекрывает шум на корабле и молу.— Я отвезу Чарли и вернусь. Я буду с моим народом.

Густой, мощный бас корабля вторит ему. Снимают сходни, и в последний момент прыгает на мол Ричи. Тяжко плещется вода, тяжело ворочается огромное корабельное тело, Джордж Монтье, Квинси и Ричи машут шляпами. Кричат что-то напутственное и доброе близнецы.

Певец, Иван Гирич и два мальчика — черный и белый — молча следят, как уплывает назад, уходит в ущелья между небоскребами зеленоватая, невыразительная статуя Свободы. Раздувает и холодит волосы ветер, может быть тот самый, который прилетел с невидимых еще берегов настоящей Свободы.

Май 1949 года

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Отпечатки пальцев	3
2. Рожок почтальона	10
3. На пути серой змеи	17
4. В замке Большого Босса	20
5. Разговор под каштанами	28
6. Записная книжка	33
7. Горилла—Хомер	38
8. В перемену	45
9. Сочинение на вольную тему	50
10. После уроков	57
11. Патриция	63
12. На Парк-авеню	67
13. Его мать	75
14. Цезарь говорит не стесняясь	82
15. Посетители мисс Вендикс	89
16. Молодой янки	97
17. Интересы сходятся	104
18. „Штаб“ заседает	112
19. Четверг	126
20. „Орлы“ против „свирелей“	135
21. Перевыборы	142
22. Друг Ричи	151
23. Назад к дяде Посту	157
24. Сыщики на почте	163
25. Нэнси заменили	169
26. Попечители	177
27. Они даже не ссорились	190
28. Праздник весны	198
29. Продолжение праздника	215
30. На старт	227
31. Гонки „табачных ящиков“	237

32. Опять записная книжка	247
33. Знаменитый певец	253
34. Ньюмен очень занят	263
35. Интервью	273
36. У Робинсонов гости	278
37. Появление Ричи	292
38. Снова Большой Босс	297
39. На кладбище	305
40. Концерт черного Карузо	314
41. Город встревожен	328
42. Суд	340
43. Две девочки	350
44. Суд продолжает работу	357
45. Выкуп	366
46. К берегам Свободы	375

6 руб.

ГОРЬКОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1954

TEN

Wormholes

